Т9 1/4

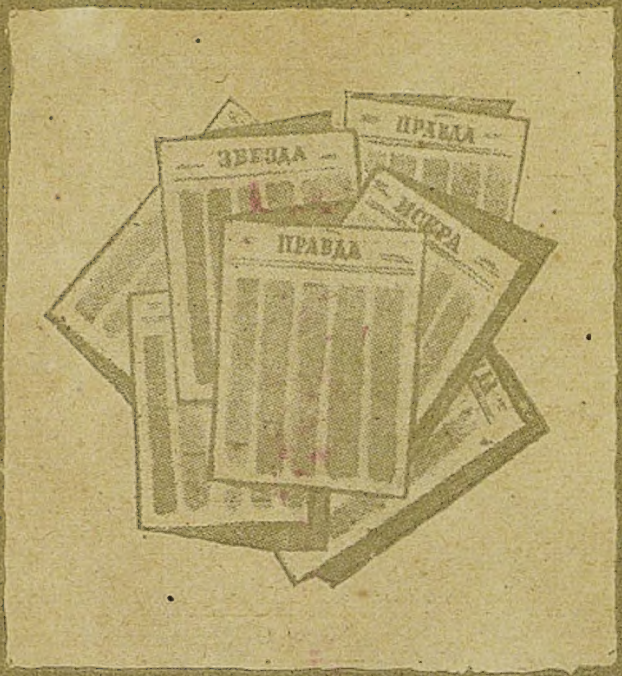
М. С. ОЛЬМИНСКИЙ

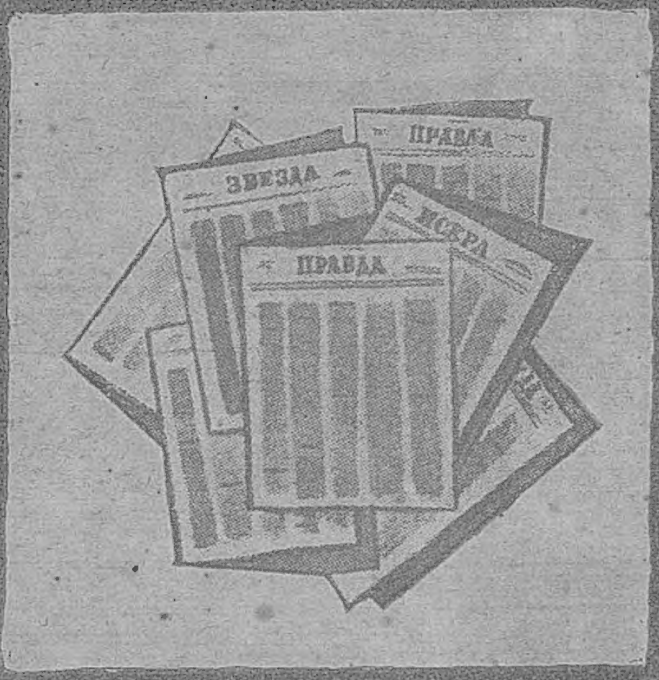
Т9 1/4

СОЧИНЕНИЯ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК
1935


ЗВЕЗДА
ПРАВДА
ИСКРА
ПРАВДА


ЗВЕЗДА
ПРАВДА
ИСКРА
ПРАВДА

М.С. ОЛЬМИНСКИЙ

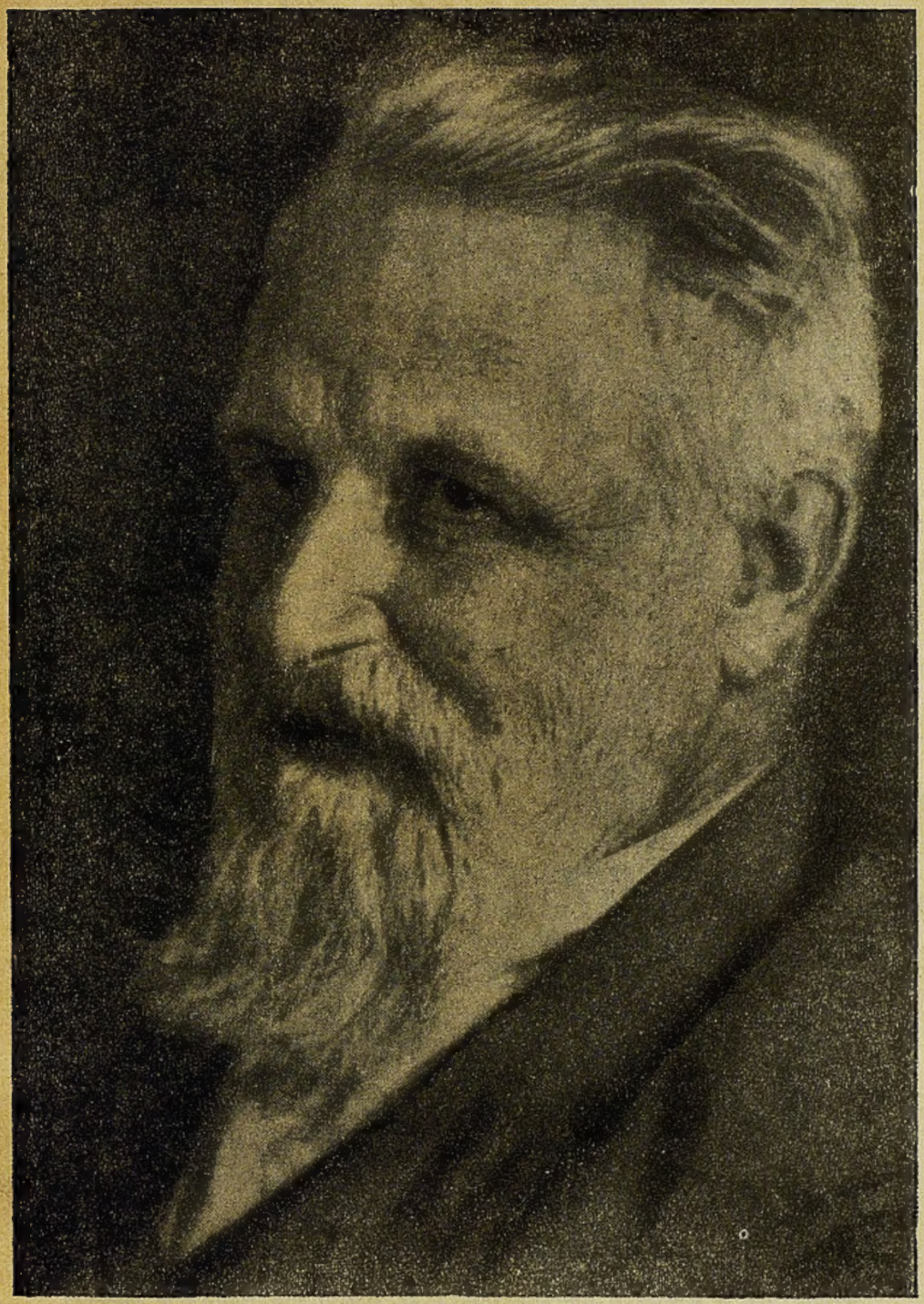
СОЧИНЕНИЯ

Т 9/7.

ТОМ
ВТОРОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК
1935

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 4934.
31 „ VII 193 г.



М. С. ОЛЬМИНСКИЙ

1863 — 1933

ОТ РЕДАКЦИИ

Литературная деятельность Михаила Степановича отражает огромную эпоху, насыщенную социальными сдвигами и фактами большой исторической значимости: зарождение, развитие и победа большевистской партии; две войны—русско-японская и мировая империалистическая 1914—1918 годов; две буржуазно-демократических революции—1905 года и февральская 1917 года; первая в мире пролетарская социалистическая революция; развал II и организация III Интернационала, победоносное строительство социализма в нашей стране.

И тем не менее редакция стала на путь издания неполного собрания сочинений. Многое из того, что писал М. С. Ольминский, особенно в ранние годы—в тюрьме и в ссылке (записи на разные темы в тюремных тетрадях, корреспонденции в иркутскую газету «Восточное обозрение» в 1900—1903 гг.) — утратило для современника свой злободневный интерес. Вообще, ранние статьи М. С. Ольминского необходимо рассматривать в исторической перспективе. Некоторые высказывания автора по вопросам текущего момента, ленинизма и истории партии устарели (например статья «Республика или монархия», напечатанная в «Правде» 21 июня 1917 г.).

Многие статьи, вошедшие в настоящий том, отражают фактическое состояние момента и ни в коем случае не должны быть понимаемы, как обобщения, выходящие за рамки данного времени и места. Такова также заметка «Где должен служить солдат» (стр. 152), рассчитанная, очевидно, на то, чтобы популяризировать идею обуздания милитаристических тенденций Временного правительства, не желавшего прислушаться к голосу трудящихся масс с их требованием мира. К этой же категории принадлежит и статья «Наглядное обучение» (стр. 160), где речь идет о кучке развращенных царским правительством ингушей, усмирителей «бунтующих» рабочих и крестьян,—об этом вполне приемлемом

для буржуазии после Февральской революции наследии от режима Николая II, а не об ингушах, как о нацменьшинстве, симпатии к которому со стороны большевиков, а в том числе, конечно, и Ольминского, всегда были вне всякого подозрения.

Много газетных агитационных статей повторяют одни и те же основные мысли автора, написанные лишь с разной степенью популярности, в зависимости от того, писалась ли данная статья для «Правды», «Известий» или же для «Деревенской правды» и массовой рабочей газеты. Такие по существу повторяющиеся статьи редакция не сочла нужным включать в собрание сочинений (например статья «Дела денежные и финансовые» была напечатана в «Деревенской правде» в январе 1918 г. тремя отдельными очерками).

Цель настоящего издания—сделать достоянием современного читателя литературное наследство такого крупнейшего деятеля ВКП(б), как М. С. Ольминский, и выявить его литературное и политическое лицо со всеми характерными для него индивидуальными чертами.

В первый том сочинений Михаила Степановича войдет биографический очерк, статьи и брошюры, написанные до 1915 г., за исключением тех, которые для нашего времени потеряли свой интерес. Это преимущественно записи на разные литературные темы, статьи и корреспонденции из числа относящихся к годам тюрьмы и ссылки (1894—1903) и частью печатавшихся в сибирской газете «Восточное обозрение».

К сожалению, далеко не все статьи удалось собрать. Многие газеты и журналы, главным образом за 1917—1919 гг., сохранились неполностью. Так, например, газета «Деревенская правда», где М. С. Ольминский особенно активно работал, представлена в Центральном архиве и в важнейших наших библиотеках (публичной им. Ленина и ИМЭЛ) в самом незначительном количестве экземпляров. Кинешемский журнал «Наше слово», в котором Михаил Степанович принимал участие, сохранился в числе трех-четырех экземпляров; неполностью сохранилась и «Деревенская беднота» за 1917 г.

Вся масса публицистических статей за этот период сосредоточена на немногих годах: 1915—1918. Уже в следующем году мы встречаем в газетах очень мало статей. После взрыва в Леонтьевском переулке (1919 г.), где Михаил Степанович был контужен, он пишет немного. С организацией Истпарта (1921 г.), во главе которого его поставил Центральный комитет партии, Михаил Степанович почти исключительно отдается этому делу и пишет, главным

образом, в журнале «Пролетарская революция», который им же и редактируется. Только изредка в газетах и других журналах появляется его имя и то под статьями по литературным вопросам и по вопросам печати.

В данной книге (т. II) материал расположен в хронологическом порядке. Стиль в датах соблюдается всюду новый.

Свои статьи и брошюры Михаил Степанович подписывал разно: М. Ольминский, М. О., М., М. С. Александров, М. С. Александров (Ольминский), Галерка, А. Вит., Витимский, А. Витимский (М. Ольминский), М. Ольм., Мих. Степанов, М. Степанов, Запасный, Сокольский и, наконец, очень много статей в газетах, в том числе почти все передовые статьи, напечатанные в «Правде», «Социал-демократе», «Деревенской правде» и в других газетах печатались б е з п о д п и с и. Эти последние, а также статьи за подписью М. установлены самим автором при жизни. Редакция из вновь найденных в газетах и журналах статей Ольминского (помимо собранных им самим и сохранившихся в его архиве) включает в собрание сочинений лишь те, которые были напечатаны за полной подписью автора или под инициалами М. О. Подписи под статьями в настоящем издании опускаются. Все необходимые примечания приводятся под текстом; примечания автора — без оговорки, примечания редакции — за ее подписью.

Настоящий том сочинений М. С. Ольминского подготовлен к печати М. М. Мальт под редакцией П. Н. Лепешинского.

СТАТЬИ 1915 ГОДА

ОТ АВТОРА[1]

К лету 1915 года в Саратов постепенно съехались товарищи: В. П. Ногин, В. П. Антонов, М. Ольминский, Г. И. Оппоков (А. Ломов), В. П. Милютин и некоторые другие. Конечно, не могли сидеть смирно, несмотря на очень тяжелые полицейские условия. Устная агитация велась, главным образом, в рабочем просветительном обществе «Маяк». Печатная— через газетку «Наша газета» (вышло девять номеров). Кроме того, выпустили сборник — «Под старым знаменем».

В сборник вошли статьи: М. Фабричного (В. П. Ногина)— «Борьба за колонии» и «Современное положение пролетариата Западной Европы»; В. Павлова (Вл. П. Милютина)— «Два направления»; И. Степанова — «О парламентском блоке»; А. Витимского и М. О. (М. Ольминского)—«Первые итоги» и «Облетели цветы» (о войне и о «прогрессивном блоке»); Б. Авилова — «Экономические перспективы» и А. Ломова — «В мире конкуренции»[2].

Результаты всей этой деятельности не замедлили сказаться: А. Ломов и В. П. Антонов попали в глухое село Иркутской губернии, а уцелевшие: В. П. Ногин, М. Ольминский и В. П. Милютин перебрались в Москву.

В Москве образовалась литературная группа, вступившая

---

[1] Предисловие это написано к сборнику статей «1915—1916 годы», вышедшему в Москве в издании Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, в 1926 году. — Ред.

[2] Сборник «Под старым знаменем», Саратов», 1916 г. Перепечатан с цензурными урезками книгоиздательством «Жизнь и знание», Петроград, 1917 год. Экземпляр саратовского издания попал за границей в руки т. Ленина и сохранился с его отметками. Поскольку эти отметки сделаны в виде словесных замечаний к моей статье—«Первые итоги» — они приведены в виде примечаний.

в обязательные отношения с русским бюро ЦК партии. Отдельными лицами из группы редактировался журнальчик — «Голос печатного труда» и напечатан сборник — «Прилив». «Прилив» заключал в себе статьи: А. Михайловича (Я. М. Свердлова) — «Раскол в германской социал-демократии»; Н. Константинова (Н. Ленина)—«Под чужим флагом»; И. Степанова — «Н. Суханов о наших направлениях»; М. Ольминского — «Планы русских либералов»; В. Павлова (В. П. Милютина) — «На новом пути» и М. Фабричного (В. П. Ногина)— «Война и экономическое положение рабочего класса». Мне пришлось портить статьи тт. Ленина и Свердлова, применительно к требованиям цензуры [1].

Относительно «Нашей газеты» и «Голоса печатного труда» были напечатаны подробные статьи т. Лелевича и т. Антонова в журнале Истпарта — «Пролетарская революция», № 4 (16), 1923 г. [2]. Если присоединить к этим изданиям коллективно-легальной литературы рабочий журнал — «Вопросы страхования», с трудом выходивший в свет в Петрограде (Ленинграде), то, по моим сведениям, этими изданиями и исчерпываются издательства 1915 и 16 годов определенно большевистские.

Следует особо сказать несколько слов о кооперативном журнала «Наше слово», издававшемся в Кинешме, и «Прикубанские степи», издававшемся в Екатеринодаре. Относительно «Нашего слова» была напечатана в «Пролетарской революции», № 1 (36), 1925 г., статья Д. Малютина. Там в конце имеется неточность: меньшевики не жаловались Ольминскому на Малютина, а Ольминскому попало в руки «Наше слово» с очень неудачными статьями. Не зная Малютина, я написал резкое письмо в редакцию. Малютин показал это письмо и заявил об отставке. Отставка не была принята, а вместо того я был вызван в Кинешму для инструктирования. Повидимому, расхождения между большевиками и меньшевиками произошли уже после революции, «в дни керенщины», как говорит сам т. Малютин.

---

[1] Сборник был задержан цензурой перед самыми февральскими днями. Революция «амнистировала» его, и он быстро был распродан. В 1919 г. сборник переиздан книгоиздательством «Коммунист», в Москве.

[2] «Голос печатного труда» — легальный марксистский журнал. Выходил в Москве в 1915—1917 гг. Будучи единственным марксистским рабочим органом, журнал выходил далеко за пределы узко-профессиональных интересов печатников, широко привлекая материал всех легальных рабочих организаций — профессиональных союзов, больничных касс, кооперативов. Всего вышло три номера. Второй и третий номер редактировал М. С. Ольминский. Оба эти номера в части статей были почти целиком написаны самим редактором. — Р е д.

Были ли в этом журнале мои статьи? Надо думать, что были, — раз я был вызван в качестве инструктора. Но мне не удалось установить этого,—не удалось видеть журнала[1].

Что касается «Прикубанских степей», то номер журнала попал ко мне также случайно. И так же случайно, как и в «Нашем слове», я встретил там передовицу совсем небольшевистскую. В обоих случаях причина одна — оторванность захолустья от центров. Я не знал, что это за журнал, но на всякий случай послал письмо в редакцию и статейку, которая оказалась напечатанной в качестве передовицы.

Наконец, следует сказать и о петроградском толстом ежемесячном журнале—«Летопись». Издателем был М. Горький, редактором политического отдела — непартийный Суханов. Журнал казался сначала приличным, не патриотическим. Я послал для пробы статейку осведомительного характера. Нельзя сказать, что она была изуродована в литературном смысле; но от Ольминского осталось три четверти, а от Суханова прибавилась четверть. И я решил прекратить сотрудничество.

В заключение мне хотелось бы обратить особое внимание читателей на «возрождение крепостного права» в начале 1917 года, о котором говорится в номерах «Голоса печатного труда» (стр. 65 и след.) и в статьях, напечатанных в газете «Прикубанские степи», стр. 106—8. Это «возрождение» проливает свет на то единодушие, с которым встретили революцию солдаты, крестьяне и рабочие. Нужно только иметь в виду, что если о «возрождении» заговорили в печати в январе 1917 года, то это означает, что нравы

---

[1] К сожалению, в сохранившихся в библиотеках (ИМЭЛ и в Публичной) немногочисленных и разрозненных номерах «Нашего слова» статей Ольминского не оказалось. Полного же комплекта журнала достать не удалось. «Наше слово» выходило в Кинешме с 24 января 1917 г.

Вот что пишет о работе Ольминского в «Нашем слове» тов. Д. Малютин: «...Участие в качестве постоянных сотрудников в журнале правдистов (Мих. Степ. Ольминского, Леонтия Котомки и др.) делало понятным недосказанное: корреспонденция и подписка пошли бойко... Большую помощь оказали делу наезжавшие товарищи большевики. Что касается т. Ольминского, так он даже несколько дней провел в Кинешме специально для инструктирования в деле постановки журнала. В эти дофевральские дни т. Ольминский был встречен и радушно принят всеми, как общий и никем не оспариваемый авторитет. Курьезнее всего то, что оказавшиеся в дни керенщины матерыми и беззастенчивыми в средствах меньшевики, в то дореволюционное время вели себя перед т. Ольминским, как «пай-мальчики» (см. в «Пролетарской революции», № 1, 1925 г. статью Д. Малютина: Кинешемский рабочий журнал «Наше слово»). — Ред.

крепостного права уже получили право гражданства значительно раньше.

На это имеется указание в статье В. П. Ногина о «Всероссийском бюро труда». (См. журнал «Третий элемент», № 1-2 — журнал земских и городских служащих. Москва, 24 января. Год не проставлен, но из содержания видно, что этот № вышел в 1917 г. Имеется в Истпарте). В «Бюро» подобралась более или менее честная публика, произвела расследование условий труда рабочих в предприятиях либерального земского союза, городского союза и их объединения (земгора), — и вот что писал т. Ногин о результатах расследования, произведенного в первой половине 1916 года.

«Проявление крепостнических тенденций некоторыми местными комитетами союзов, пользовавшихся стесненным положением беженцев и способствовавших их прикреплению к местам и принимавших меры к их принудительному труду при условии нищенской заработной платы, заставило работников Бюро труда выступить с разоблачением этих тенденций. С еще более вопиющим позором работники В. Б. Т. встретились, работая по поставке крупных партий рабочих. Эта работа в первые месяцы существования Бюро была его главной работой, она придавала ему характер крупной конторы найма рабочих для предприятий союзов, железных дел (дорог?) и военного ведомства. Недостаток места не позволяет говорить подробно о том, с чем пришлось при этом столкнуться работникам Бюро. Отметим лишь тот факт, что после внимательного обсуждения обнаруженных условий работы в дружинах «земгора» и в других аналогичных предприятиях, ответственные работники постановили временно прекратить поставку рабочих в эти предприятия. Если, говоря об условиях, в которые были поставлены беженцы в некоторых местах, приходилось называть их «крепостническими», то в данных случаях это слово было слабо. Помимо низкой заработной платы и антисанитарных условий, были обнаружены не только систематическое грубое обращение, но и побои и порка рабочих».

Расследование было напечатано, а «Бюро труда» все-таки закрыто. Желательно, чтобы товарищи, которые будут писать статьи об условиях наемного труда непосредственно перед революцией, постарались бы ознакомиться как со статьей тов. В. П. Ногина, так и с самим отчетом, о котором он писал.

М. Ольминский.

14 мая 1926 г.

ПЕРЕДОВИЦА[1]

Во внутренней жизни России созыв Гос. думы является крупным событием. За созыв давно шла агитация; но успех этой агитации определился не ее внутренней силой, а ходом событий на западной границе в России. Дума созвана. Депутаты сказали свое слово. Менее всего справедливо мнение, будто наша Дума, при теперешнем избирательном законе и при отсутствии свободной избирательной борьбы, может считаться Думой народной. И голос Думы вовсе не является голосом народа, как хотели бы уверить нас либеральные газеты. Дума осталась прежней помещичьей и буржуазной Думой. Разница лишь в том, что из нее целиком удалены депутаты от рабочей курии. И, тем не менее, речи депутатов и решения самой Думы представляют большой интерес. Депутаты, можно сказать, предъявили длинный счет тем, кто является в буржуазном обществе политическим исполнительным органом имущих классов. Речи депутатов обнаружили, что между имущими классами и их «исполнительным органом» в России возник острый разлад под влиянием хода военных действий. Исходя из интересов имущих классов, — интересов широких слоев буржуазии, — отдельные депутаты обвиняют «исполнительный орган» в создавшемся тяжелом положении. Но если от речей отдельных депутатов вы обратитесь и к решениям Думы в целом, увидите, что для «исполнительного органа» чорт не так страшен, как он мог казаться по речам отдельных ораторов. Оказывается, что имущие классы, представленные в Думе, исходят из той же основной точки зрения, что и «исполнительный орган». Те и другие проникнуты одинаковыми настроениями, преследуют одинаковые цели. Если и подвергалась критике «система», то дальше слов она не пошла. Громко возвещенный поход свелся в Думе к протесту против отдельных лиц, и все существо думского «движения» исчерпывается, в конце концов, учреждением следственной комиссии о действиях отдельных лиц. Но как бы ничтожны ни были цели, поставленные себе Думой, как бы ни были жалки практические результаты сессии, все же эта сессия имеет важное значение. Речи депутатов не только обнаружили разлад между имущими классами и их «исполнительным органом»; они отдали сверх того в руки населения массу фактов, до тех пор тщательно скрывавшихся. Широкие слои населения продумают эти факты и сделают выводы, вряд ли совпадающие с выводами Пуришкевичей,

[1] Ст. шла в № 1 «Нашей газеты» передовицей. Всего вышло 9 №№ в период от 21/VIII—15 г. до 2/XI—15 г.

Милюковых, Шингаревых и Бобринских. И если трещину между Милюковыми и «исполнительным органом» оказалось легко замазать учреждением двух-трех комиссий, то страна в целом на таком замазывании не успокоится.

«Наша газета», № 1, 21 августа 1915 г.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

После оставления Варшавы русскими войсками много разговоров вызвало известие, будто германцы через Копенгаген передали в Петроград условия предлагаемого мира [1].

«Наша газета», № 1. 21 августа 1915 г.

ИЗ-ЗА ЧЕГО ШУМ

С немалым шумом провозглашена в России «мобилизация промышленности»; на военно-промышленные комитеты возлагалась надежда чуть ли не спасения России: организация комитетов состоялась по всему государству с быстротою телеграфных сношений. И вдруг мы встречаем известие, которое должно окатить холодной водой всех добросовестных поклонников военно-промышленных комитетов. В № 210 газеты «Речь» сообщается, что известный Крестовников «разослал многим учреждениям, общественным и политическим деятелям — записку по поводу мобилизации промышленности. В этой записке Крестовников повторяет отчасти мысль, высказанную П. П. Рябушинским и А. И. Гучковым. Крестовников приходит к убеждению, что нельзя надеяться, чтобы русская промышленность при нынешних условиях могла оправдать ожидания». Крестовников, Рябушинский, Гучков — кому же еще лучше знать, чего возможно ожидать от мобилизации промышленности? Правда, они предлагают не надеяться «при нынешних условиях». Какие это нынешние условия? И где основания думать, что эти «нынешние условия» не будут царить и завтра? Итак, «мобилизация промышленности» не может «оправдать ожиданий». Что остается от всего шума, так дружно поднятого нашими промышленниками? Повидимому, кое-что действительно остается. Именно, во-первых, остается участие промышленников в распределении казенных заказов на военные надобности. Хозяева промышленных предприятий, объединившись в комитеты, сами до известной степени будут делать себе заказы, сами назначать себе цены. Для промышленников это несомненный выигрыш. Во-вторых, в

[1] Статья вырезана цензурой — *М. О.*

военно-промышленных комитетах уже поднят вопрос о приостановке действия законов, ограждающих рабочего. Законы о сверхурочных работах, о длине рабочего дня, о работе женщин и малолетних уже объявлены стеснительными для «мобилизованной промышленности». В-третьих, с «мобилизацией промышленности» связан вопрос о праве рабочих на экономические забастовки. В-четвертых, под предлогом недостатка рабочих, «мобилизованная промышленность» стремится заменить вольнонаемных рабочих военнопленными, стремится вытеснить труд российских рабочих трудом китайцев и корейцев. Уже и сказанного выше достаточно, чтобы видеть, что военно-промышленные комитеты и «мобилизация промышленности» — дело серьезное, хотя в смысле чисто военном и «нельзя надеяться», чтобы русская мобилизованная промышленность могла «оправдать ожидания».

«Наша газета», № 1, 21 августа 1915 г.

В ТОТ САМЫЙ МОМЕНТ

В этом номере нашей газеты читатель найдет отчет о заседании Гос. думы, когда обсуждался вопрос о костромских событиях. Дума единогласно приняла запрос социал-демократов. Это редкий случай и его следует отметить. Чем же вызвано единогласие Думы?

Кадетский депутат Герасимов сказал, что костромские события явились показателем общей политики правительства. И это верно. Ведь еще по поводу ленских событий министр Макаров объявил, что «так было — так будет». Почему же Дума на этот раз не поощрила обычной политики правительства по отношению к рабочим? Ответ будет ясен, если мы обратимся к речам депутатов. Тот же Герасимов подчеркнул, что выстрелы в Костроме раздались в то самое время, когда шли сражения на Висле. Трудовик Керенский напирал на то, что выстрелы в Костроме понижают воинственное настроение масс. К сожалению, не удержался от этого мотива и с.-д. Хаустов. Он указал, что в Костроме «работают жены и дети запасных», и что расстрел происходит в тот самый момент, «когда проливается потоками кровь рабочих». Как будто, если бы не война, то и костромские события не имели бы для пролетариата такого же значения, как теперь.

Из изложенного ясно, почему теперь даже черная Гос. дума единогласно приняла запрос.

«Наша газета», № 2, 31 августа 1915 г.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ МОМЕНТ

Россия переживает момент величайшей важности. Русская буржуазия, кровно заинтересованная в победе... (вычеркнуто цензурой). Государственная дума вначале была до некоторой степени удовлетворена устранением некоторых министров и «реформами» вроде создания нескольких новых совещаний при министрах. Но перемена министров нисколько не изменила общей внутренней политики, а внешние дела развивались не в желательном направлении (вычеркнуто цензурой)... В Москве происходят совещания, учреждается особый комитет, буржуазные организации начинают проводить резолюцию, требующую «создания правительства, сильного доверием общества». Гос. дума под давлением этого движения тоже сдвигается несколько с мертвой точки: там налаживается союз умеренных партий, начиная справа от «прогрессивных националистов» и кончая кадетами. Крайние правые, с одной стороны, а трудовики и социал-демократы — с другой, не участвуют в этом блоке. Трудовик Керенский протестует против того, что образовавшееся большинство игнорирует представителей демократии, но на его протест не обращается никакого внимания. Без демократии — как крестьянской, так и пролетарской — и против нее организуется для власти русская буржуазия; без нее хочет она решать важнейшие вопросы русской жизни в серьезный момент истории. Необходима спешная организация демократии вокруг требований рабочего класса (вычеркнуто цензурой)... Не в хвосте событий должна она тащиться, а попытаться встать во главе их. Против черного блока, против правокадетского блока пролетариат должен объединить широкие слои городской и деревенской бедноты и властно сказать и свое слово, добиваясь истинного представительства интересов всего народа.

«Наша газета», № 3, 8 сентября 1915 г.

В СРЕДЕ МОСКОВСКОЙ БУРЖУАЗИИ

На-днях в «Русских ведомостях» появилась интересная статья «Настроения в московских общественных кругах» (№ 190). Автор сообщает, что в последние дни в Москве был ряд внепартийных совещаний. Совещания эти пришли к заключению, что должно быть образовано министерство, «пользующееся доверием страны». Добиваясь такого министерства, предлагается итти вместе с Гос. думой. Считается достаточным наметить лишь в председатели совета министров лицо, пользующееся «доверием страны» и предоставить этому лицу потом составить список остальных министров.

Чтобы добиться смены всех министров и замены их новыми, учрежден комитет из делегатов организаций, участвовавших в совещаниях.

В связи с этой статьей, приобретают особый интерес некоторые другие сообщения московских газет. Именно, сообщалось, что под председательством известного фабриканта Коновалова 16 августа состоялось совещание об организации власти. Совещание высказалось за организацию «кабинета национальной обороны» из общественных деятелей, за единение с Гос. думой, и приняло «еще ряд важных решений, рассчитанных на ближайшее время». Очевидно, на этом именно или на другом, подобном же совещании решено и образование комитета, задача которого — добиваться смены министров, вести борьбу за власть. Какие же организации участвуют в этих совещаниях и образуют комитет борьбы за власть? Об этом можно догадаться по составу совещания под председательством Коновалова. Тут участвовали: 1) все члены Гос. думы от Москвы и некоторые от Московской губ., 2) представители всероссийского городского и земского союзов, 3) делегат воен. пром. комитета, 4) делегат биржевого комитета, 5) представит. купеческого о-ва, 6) представ. московского губ. земства, 7) предст. московской городской думы, 8) представители «ближайших промышленных центров» и 9) представители «науки» и некоторые другие. Мы видим, что состав московских «совещаний» чисто буржуазный; следовательно, и комитет борьбы за власть является боевым политическим комитетом буржуазии, объединившейся для борьбы за переход власти в руки министров, пользующихся доверием буржуазии. Вслед за этим идет новое известие — о чрезвычайном собрании московской городской думы, представитель которой участвовал и в совещаниях под председат. Коновалова. Московская дума единогласно приняла резолюцию, в которой, между прочим, сказано: 1) что «Москва убеждена, что Гос. дума сумеет выразить истинное настроение страны», и 2) что требуется «создание правительства, сильного доверием общества и единодушного; во главе его должно быть поставлено лицо, которому верит страна». Мы видим, что и «ряд совещаний», учредивших комитет борьбы за власть, и «совещание под председ. Коновалова», и московская городская дума — все в целом повторяют друг друга и бьют в одну точку. Борьба за власть обостряется и разгорается. Возможно, что мы находимся накануне чрезвычайно интересных событий. Об отношении нашем к ним в другой раз.

«Наша газета», № 3, 8 сентября 1915 г.

РОСПУСК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Заседания Гос. думы прерваны до ноября—таков пока что непосредственный результат борьбы за власть, предпринятой либеральной буржуазией. Как известно, по сигналу московской думы, всевозможные буржуазные организации стали выносить резолюции, требующие отставки нынешних министров и замены их министрами, пользующимися «общественным доверием». В то же время в Гос. думе буржуазные депутаты разных партий образовали блок (союз), явившийся как бы центральным органом борьбы за власть. И вот вместо удаления министров, не пользующихся «общественным доверием», удалена сама Гос. дума с ее блоком. Таков первый этап разгорающейся борьбы за власть.

Что будет дальше — предсказать трудно. Пока что можно лишь отметить отдельные черты в поведении буржуазных партий.

Во-первых, кадеты и прогрессисты решили было не участвовать в совещаниях при военном и других министрах, — они как бы хотели объявить бойкот правительству. В России имеется уже опыт политического бойкота. В 1905 г. весной рабочие бойкотировали комиссию Шидловского, а осенью того же года вся демократия бойкотировала так наз. «булыгинскую» Гос. думу. Оба эти случая бойкота были удачны благодаря тому, что были предприняты в момент быстрого нарастания движения и отличались единодушием и последовательностью. Что же касается бойкота совещаний при министрах, предложенного кадетами и прогрессистами, то он и не единодушен и не последователен. Не единодушен в том смысле, что другие партии блока отказались примкнуть к бойкоту. А последовательность потребовала бы от кадетов и прогрессистов бойкотировать не только совещания при министрах, но и деятельность по всей линии: деятельность городского и земского союзов, военно-технических комитетов и т. д. На это буржуазные бойкотисты, конечно, не пошли бы, и таким образом бойкот совещаний при министрах остался лишь мимолетной демонстрацией протеста, а не актом длительной борьбы.

Второй характерной чертой современного момента является поведение буржуазной печати. На этом поведении тоже лежит черта непоследовательности. С одной стороны, почти исторический, волнующий протест против роспуска Думы, а с другой—как бы стремление полить маслом готовые разбушеваться волны общественного недовольства. В самом деле, разве не маслом на водяную поверхность являются эти сообщения буржуазных газет о том, будто все министры

кроме Горемыкина, были против роспуска Думы, будто все они хотели даже подать в отставку,—устроить забастовку протеста. Разве не таким маслом является сообщение, будто реформы, предложенные буржуазным блоком, будут осуществлены правительством в порядке 87 ст. в перерыве между думскими заседаниями?

Не подумайте, что либеральная печать хочет подобными сообщениями предупредить лишь так наз. «преждевременные выступления». Против таких выступлений имеются совсем другие средства, — призыв к организации и т. п. Нет, из поведения буржуазной печати видно лишь, что либеральная буржуазия боится собственной тени и спешит убаюкать читателя.

Наконец, как третью черту момента, можно отметить решение депутатов оппозиционных фракций в Гос. думе не разъезжаться из Петрограда во все время перерыва заседаний Гос. думы. Что это—безобидная демонстрация или решение действовать организованно, как единое целое, во все время перерыва сессии? В последнем случае его следовало и сказать прямо. Ведь и оставаясь в столице можно прожить это время по-обывательски; а с другой стороны, необходимость действовать организованно могла бы подсказать и решение разослать депутатов по провинции с определенными поручениями.

Кажется, мы перечислили все наиболее выдающиеся черты поведения буржуазной оппозиции в острый момент роспуска Гос. думы. Бледны эти черты. И не могут они быть слишком яркими при боязни собственной тени.

«Наша газета», № 5, 24 сентября 1915 г.

РАБОЧИЕ И ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМИТЕТЫ [1]

Вопрос об условиях участия рабочих в военно-промышленных комитетах ставится на очередь.

Как известно, эти комитеты созданы капиталистами для улучшения снабжения армии снарядами и прочими вещами. Для поднятия авторитета комитетов капиталисты вообще решили пригласить в них и представителей местных рабочих.

Что касается, в частности, представительства рабочих в центральном военно-промышленном комитете, то сюда решено ввести выборных не от всей рабочей России, а только от рабочих Петрограда.

---

[1] Пропуски сделаны цензурой.

Известный костромской фабрикант Коновалов, вместе с А. Гучковым, выхлопотали разрешение на устройство в Петрограде рабочих собраний, при чем указывали «на чрезвычайную важность полной свободы выборов».

. . . . . .

Что касается провинциальных городов, то здесь мы имеем лишь краткие сведения из Оренбурга, Николаева, Самары и Харькова.

. . . . . .

В Николаеве выборы были произведены, но затем рабочие одного завода отозвали своего делегата на том основании, что рабочие представители должны входить в свой, в рабочий комитет.

. . . . . .

В Харькове первое собрание привлекло лишь несколько десятков рабочих и прошло вяло. Но 29 августа, на второе собрание, явилось до 1500 человек. Вопрос был расширен, говорилось открыто об основных условиях нашей политической жизни.

. . . . . .

Как видно из этих немногих сообщений, отношение рабочих к участию в военно-промышленных комитетах далеко не единообразно. Очевидно, этот вопрос потребует еще многочисленных обсуждений и в других городах, ...

. . . . . .

«Наша газета», № 5, 24 сентября 1915 г.

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Как известно среди русской интеллигенции, когда-то примыкавшей к пролетариату, обнаружилось за последний год течение, резко разошедшееся с линией, например, социал-демократической фракции Гос. думы. В самой фракции к этому течению примкнул бывший ее член Маньков; из видных литераторов взгляда Манькова придерживаются: Плеханов, Алексинский, а также редактор журнала «Современный мир» — Н. Иорданский. Чтобы понять новую точку зрения — точку зрения Манькова, Плеханова, Алексинского и других, лучше всего ознакомиться со статьями Н. Иорданского.

В № 5 «Современного мира» он дает свое новое понимание демократизма и народа. Относительно демократизма Н. Иорданский говорит: «Всеобщая воинская повинность даже в сословном государстве представляет в высшей степени демократическое установление... Она придает современной армии демократический характер». И как пример демократи-

зации Иорданский рассказывает такой случай: «В ополченской дружине, где было много помещиков и состоятельных обывателей, обязанности ротного командира временно исполнял прапорщик, в мирное время занимавший должность урядника».

Что же касается нового понимания народа, то и оно сильно отличалось от прежнего. Народ, в новом понимании, прежде всего люди среднего класса: артист императорского театра, режиссер оперы, чиновник особых поручений при градоначальнике, старшина купеческого собрания, домовладелец, кандидат в вице-губернаторы, землемер, торговец, учительница, зубной врач, адвокат, инженер, земский деятель. Все это — граждане «первого сорта», проникнутые широкой и туманной идеологией; они—«новые граждане великой России»; все они настроены в том же духе, что и Иорданский, Плеханов, Алексинский. Иорданский в восторге от них, солидарен с ними и является выразителем их интересов.

Далее Н. Иорданский переходит к описанию солдатской массы: «Очень и очень многие запасные, бывшие двадцать лет тому назад молодыми деревенскими парнями или фабричными рабочими, в настоящее время возвратились в армию зрелыми представителями мелкой и средней городской или сельской буржуазии, т. е. людьми с гораздо более высоким экономическим и культурным уровнем, чем рядовое крестьянство. Среди солдат много мелких торговцев, владельцев различных промышленных заведений, мастеров, домовладельцев, служащих в общественных и частных предприятиях». На вопрос, согласуется ли настроение солдатской массы с настроением Плеханова, Алексинского и Иорданского, Иорданский отвечает: «я затрудняюсь передать настроение солдатской массы, но и оно, в общем и целом, очень приближается к настроениям офицерского состава».

Н. Иорданский надеется на это, потому что, «во-первых, среди нижних чинов очень много представителей того же среднего класса, которые являются проводниками распространенных в обществе взглядов на войну и солдатские низы; во-вторых, даже принимая во внимание некоторую безучастность крестьянства к политическим вопросам, необходимо признать, что между крестьянством и средним классом существует несомненное идейное взаимодействие».

То есть г. Иорданский надеется на влияние торговцев, промышленников, мастеров и домовладельцев, интересам которых он теперь и служит. Что же касается пролетариата, то он теперь уже для Н. Иорданского вне «народа»: в статье, озаглавленной «Народ на войне», рабочим вовсе не нашлось места. Мы изложили словами самого Иорданского

его новые взгляды на демократизм и на народ. Чтобы хорошенько понять новую позицию Плехановых и Алексинских, необходимо внимательно прочитать статью Иорданского она хороша своей откровенностью.

«Наша газета», № 6, 1 октября 1915 г.

БЕЗДОМНЫЕ [1]

Вопрос о бездомных, выселенцах и беженцах стоит в настоящее время крайне остро.

Даже у нас в Саратове, так далеко от войны, чувствуется это. Возникают вопросы: как содержать такую массу, как расселить, чем кормить, как лечить? Квартиры и продовольствие дорожают, заразные заболевания усиливаются, денег на содержание беженцев нет... что же делается там, вблизи от театра войны?

Там происходит нечто невероятное, неслыханное.

. . . . . .

Они запрудили все дороги, привели их в невозможное состояние и крайне затруднили движение по ним.

По дорогам уничтожают все продовольствие, как саранча. Претерпевают неописуемые лишения, голодают, страдают от холода, от дождей. Родители теряют своих детей, жены — мужей, мужья — жен.

. . . . . .

. . . . . .

Так рассказывают очевидцы. А в «Русском слове» (№ 198) опубликована такая телеграмма доктора Богуцкого: «В районе Слонима и Барановичей огромное скопление беженцев. На врачебно-питательных пунктах продовольствуется ежедневно 350 тыс. человек. Снабжение пунктов крайне затруднительно. Размеры материальной нужды и нравственных страданий ужасны и не поддаются описанию».

. . . . . .

Вот что говорил депутат Фридман в Государственной думе: «К евреям был применен ряд совершенно небывалых, неслыханных ни по жестокостям, ни по мотивам в истории человечества мер... Тот, кто видел, как производились эти выселения, не забудет их на всю жизнь. Выселение производилось в течение суток, иногда двух. Выселялись женщины, дети, старцы, больные. Извлекали сумасшедших из сумасшедших домов и заставляли брать их с собой»...

Не все беженцы идут пешком; некоторые счастливцы попадают на поезда. Но и там лишения их не кончаются. Вот как описываются в «Русск. ведом.» их скитания по железным дорогам.

---

[1] Пропуски сделаны цензурой.

«Посадка беженцев в поезда производится беспорядочно, и не редко одна часть семьи уезжает, другая остается. Часто теряются дети. На станциях поезда отправляются без предупреждения звонком, вследствие чего у некоторых беженцев вещи увозятся далее, а сами они остаются на станции. Много в поездах больных остро-желудочными заболеваниями. Приходится нередко вытаскивать мертвых и хоронить их в местах остановок. На станциях нет приютов для больных, и им приходится оставаться под открытым небом».

. . . . . .

Так едут и бредут несколько миллионов, неизвестно куда: прибывают в один город, — вскоре их гонят дальше...

Такие нечеловеческие страдания переживают они и ради чего?

Оказывается, что это выселение не только не полезно для тех целей, ради которых оно предпринималось, но даже вредно... Это сознала теперь совершенно ясно даже наша администрация, после того, правда, как уже опустошены губернии: Люблинская, Холмская, Ломжинская и части других. Минский губернатор публикует:

«Ни в каком случае население принудительно выселяться не будет, и оно должно по возможности оставаться на местах, чтобы сохранять свое хозяйство».

Но теперь эти обращения уже мало действуют: массы бегущих выселенцев возбуждают панику среди населения, увлекают его за собой. Толпы беженцев растут...

«Наша газета», № 6, 1 октября 1915 г.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В газетах много шума наделала попытка восстановить предварительную цензуру. Проект введения цензуры провалился в совете министров. Отрицательное отношение к нему было довольно единодушно.

В связи с этим мы хотели бы помянуть первого в России горячего борца против цензуры А. Н. Радищева.

В 1790 году, 125 лет тому назад, была напечатана его книга «Путешествие из Петербурга в Москву», проникнутая горячим протестом против крепостного права и политического бесправия. В том же году Радищева за эту книгу приговорили к смертной казни, с заменой ссылкой в Сибирь на 10 лет. Книга оставалась под запретом 115 лет, и даже имя Радищева запрещено было называть в печати. Саратовцам он близок, как уроженец Саратовской губернии; в его память основан Радищевский музей в Саратове.

В «Путешествии» А. Н. Радищева есть глава, посвященная специально вопросу о свободе печати. «Обширную и беспре-

дельную пользу вольности печатания» А. Н. Радищев видел в следующем:

«Если свободно всякому мыслить и мысли свои объявлять всем беспрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истина не затмится».

«Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды и убоятся; ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся».

«Вострепещет судья, подписывая неправедный приговор, и его раздерет».

«Устыдится имеющий власть употреблять ее на удовлетворение только своих прихотей».

«Тайный грабеж назовется грабежом, прикрытое убийство — убийством».

«Убоятся все злые строгого взора истины».

А. Н. Радищев не допускает никаких запретов для печати. Например, о стеснениях в области религиозной он восклицает: «Если думаешь, что хулением Всевышний оскорбится, — урядник ли благочиния может быть за него истец?».

Далее, он так объясняет, почему правительства боятся свободы печати:

«До внутренности потрясенный вольнодумцем, простре дерзкую, но мощную и незыбкую руку к истукану власти, сорвет ее личину и покров, и обнажит ее состав. Всяк узрит бренные его ноги, всяк возвратит к себе данную им ему подпору, сила возвратится к источнику, истукан падет. Но если власть не в тумане мнений восседает, если престол ее на искренности и любви общего блага возник, — не утвердится ли паче, когда основание его будет явно?».

Какие же средства могут быть употреблены против вредных мыслей?

А. Н. Радищев отвечает:

«Оставь глупое на волю суждения общего: оно тысящу найдет цензуров. Наистрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика».

В течение 70 лет А. Н. Радищев был первым и, можно почти сказать, последним защитником полной свободы печати. Даже дворянские революционеры, известные под именем декабристов, пошли назад против Радищева. И только уже в эпоху, когда пало крепостное право, нашелся в России продолжатель мыслей А. Н. Радищева. Волею судьбы, это был опять саратовец, опять каторжник, — великий писатель Николай Гаврилович Чернышевский.

Чернышевский отрицал всякие законы против печати.

Между Радищевым и Чернышевским, а также после Чернышевского, мы почти не встречаем, кроме разве М. Сал-

тыкова, даже и среди писателей, защитников полной свободы печати.

Это понятно, поскольку сами писатели были людьми из господствующего класса, из дворянства или из буржуазии. В лучшем случае они допускали свободу печати «в пределах закона», то есть в конце концов в пределах, охраняющих интересы господствующих классов.

Ругали за строгость — когда цензура стесняла их самих. Доносили за слабость — когда цензура пропускала другим что-нибудь, казавшееся вредным для дворянских интересов.

В наши дни, как мы видели, вся буржуазная печать восстала против проекта восстановить предварительную цензуру.

Но это еще вовсе не значит, что буржуазия стала защитницей полной свободы печати. Она стоит против предварительной цензуры, потому что цензура стеснительная и для буржуазной печати. Но она стоит за то, чтобы были законы, ограничивающие свободу печати, и чтобы за нарушение этих законов людей предавать суду.

В 1906 году кадеты внесли в первую Гос. думу законопроект о печати, который справедливо тогда же был назван «каторжным законопроектом».

По этому законопроекту сохранялась в силе знаменитая 129 статья (потом кадеты несколько смягчили эту статью).

Если бы А. Н. Радищев написал свою книгу в наши дни и коснулся бы в ней капиталистических порядков, как он когда-то коснулся порядков крепостнических, то не миновать бы ему и теперь путешествия в Сибирь, даже в том случае, если бы у власти стало буржуазное «министерство общественного доверия».

«Наша газета», № 7, 12 октября 1915 г.

ОБХОД ЛЕВОГО ФЛАНГА

В истории борьбы за власть между землевладельческим дворянством и буржуазным блоком развертывается новая страница. Уволен министр внутренних дел Щербатов и на его место назначен крайний правый Хвостов. Домогательства блока потерпели крушение. Но этим еще не все сказано. В борьбе политических партий за власть бывают иногда интересные случаи, так сказать обходных движений. Оппозиция, надеясь подладиться к верхам, до крайности суживает программу своих требований. Тогда старая власть берется сама проводить в жизнь требования оппозиции и тем вырывает из-под ног противника почву для агитации. Тотчас по вступлении в министерство Хвостов опубликовал основы своей будущей политики. И его речи невольно

наводят на мысль, что правительство сейчас предпринимает именно обходное движение.

Хвостов обещает быть если не либеральнее блока, то и не хуже его. «Я — человек твердый, — заявил он, — твердый человек не боится уступок: он дойдет до 99 процентов, а затем скажет: стоп». Другими словами, Хвостов как бы говорит буржуазии: «я сумею осуществить 99 процентов требований вашего блока, а один последний процент оставляю себе. Этот процент—власть; она должна остаться в старых руках».

Отношение Хвостова к отдельным вопросам подтверждает мысль, что он назначен именно для обходного движения против оппозиции: по большинству вопросов он идет в ногу с либералами. Либералы выставили требования смягчить национальные стеснения,—Хвостов проповедует терпимость ко всем народностям, населяющим Россию, и единение всех народностей именует «священным настроением». Либералы кичатся деятельностью городского и земского союзов, а Хвостов отвечает: «я с ужасом думаю, что вышло бы из всего этого дела (ведущегося союзами), если бы оно целиком было поручено чиновникам»,—но... эти союзы не должны вести борьбу за власть. Либералы говорят о расстройстве хозяйства и транспорта, а Хвостов смотрит дальше вперед и уже озабочен тем расстройством, которое наступит по окончании войны.

Много бы еще можно было привести примеров, когда Хвостов повторяет или даже превосходит требования либералов. Не отстает он от них и в вопросе об отношении к рабочим, но об этом мы будем говорить в особой статье. Затем Хвостовым выдвигаются против блока два козыря. Он упрекает блок в том, что в его программе забыто о борьбе с дороговизной и борьбе с «немецким засильем». Хвостов обещает проявить в этих двух вопросах самую энергичную деятельность. Он готов на все, на все уступки, кроме отдачи власти в руки буржуазии, да еще вопрос об амнистии он обходит молчанием. Если бы правительство действительно захотело и сумело осуществить то, что обещает новый министр, то, в самом деле, осталась бы на мели буржуазная оппозиция, так далеко шагнувшая вправо, что Хвостову ничего не стоило предпринять обходное движение с левого фланга.

Мы сказали «если бы правительство захотело». Дело в том, что от слов еще очень далеко до осуществления. Россия знает и «пропавшую грамоту» 17 октября, и избирательный закон в Гос. думу, тоже пропавший 3 июня 1907 г. Тем больше права имеет она сомневаться в осуществлении обещаний, данных новым министром. И потому речи Хво-

стова интересны не столько в смысле каких-нибудь надежд, сколько в качестве любопытного эпизода из истории борьбы за власть между двумя имущими слоями населения России.

«Наша газета», № 8, 19 октября 1915 г.

НОВЫЙ МИНИСТР О РАБОЧЕМ ВОПРОСЕ

«У нас вся деятельность министерства внутренних дел по отношению к рабочему вопросу сводится к невероятным крайностям. В этой области практикуются либо совершенно ненужные и даже вредные репрессии, которые только раздражают массы и не приносят никаких результатов, кроме отрицательных, либо в той или иной степени прикрытая, а иногда и откровенная зубатовщина»... Мы не решились бы, из опасения подвести редактора под уголовное преследование, перепечатать эти резкие слова, если бы они не были произнесены новым министром внутренних дел Хвостовым.

В другой статье мы уже говорили, что программа Хвостова в общем является по отношению к буржуазному блоку обходом левого фланга. Чтобы видеть, каково это обходное движение в вопросе о репрессиях против рабочих, приводим соответственное место из программы блока. § 8 этой программы гласит: «восстановление деятельности проф. союзов и прекращение преследования представителей рабочих в больничных кассах по подозрению в принадлежности к нелегализованной партии, восстановление рабочей печати». Заметьте: по вопросу о репрессиях блок высказался против преследования только членов больничных касс, только по подозрению их в принадлежности к партии. А Хвостов осуждает огулом всю деятельность министерства внутренних дел за «невероятные крайности», за «ненужные и вредные репрессии», за зубатовщину.

Прибавьте к этому, что у либерального блока не повернулся даже язык говорить что-либо против усиленных и чрезвычайных охран, от которых больше всего страдают рабочие, а Хвостов говорит: «Я категорически заявляю, что я решительный враг всяких и усиленных и чрезвычайных положений». Правда, блок требует амнистии, хотя и с оговорками, а Хвостов об амнистии умалчивает. Но так как в амнистии нуждаются именно жертвы «невероятных крайностей», «ненужных и вредных репрессий», зубатовщины, усиленных и чрезвычайных охран, то простая логика обязывает Хвостова, если он говорит серьезно, немедленно приступить к осуществлению амнистии. Зато протест Хвостова против «невероятных крайностей» и против охран является, если так можно выразиться, амнистией вперед по

многим делам, по которым рабочие подлежали бы ссылке и аресту даже при полном осуществлении программы блока.

Программа блока, как мы видели, говорит еще о проф. союзах и о рабочей печати. Хвостов о рабочей печати не упоминает, но высказывается вообще за свободу печати, а так как рабочая печать больше всего страдает от мер, предпринимаемых в порядке усиленной и чрезвычайной охраны, то ясно, что в вопросе о рабочей печати новый министр не отстает от блока. Что же касается профессиональных союзов, то «против порабощения» капиталом Хвостов считает необходимым «содействие развитию и процветанию проф. организаций, в особенности рабочих» (Р. В.). По изложению в «Русском слове» министр сказал: «Я искренний сторонник проф. рабочих организаций. Вне политической подоплеки такие организации будут только на пользу государственному устроению России... Пусть они развиваются на здоровых основах и будут проникнуты здоровым национальным чувством и идеей величия России».

Здоровыми основами министр считает отсутствие связи профсоюзов с социал-демократической рабочей партией. Но эта связь неизбежно будет, ее не может не быть. Следовательно, существование союзов не будет прочным, по программе Хвостова: однако, и программа блока не дает никаких гарантий прочности. Связь союза с партией будет, конечно, попрежнему устанавливаться охранными отделениями, — порядок не изменится. Но пока суд да дело, рабочим необходимо немедленно уже приниматься за восстановление профессиональных союзов,—ну хотя бы для проверки на деле, насколько серьезны обещания нового министра.

Что касается кооперативов, то Хвостов считает «необходимым содействие их процветанию», а программа блока— принятие законопроекта о кооперативах (без обозначения, каков будет этот законопроект). И здесь программа Хвостова по сравнению с программой блока не хуже. Мы видели выше, что Хвостов осуждает зубатовщину. Что такое зубатовщина? Коротко говоря, это—провокаторское заигрывание с рабочими для полицейских целей. Когда обещания по отношению к рабочим действительно проводятся в жизнь, то они, конечно, не могут считаться зубатовщиной. Многие из обещаний Хвостова могут быть осуществлены им в ближайшие дни. Поживем—увидим.

«Наша газета», № 8, 19 октября 1915 г.

САМОЗВАННЫЕ ПРОКУРОРЫ

В буржуазных газетах появилось воззвание, подписанное Плехановым, Алексинским, Бунаковым, Авксентьевым, Дей-

чем, Вороновым и другими. Говорить об этом воззвании в целом и нет возможности, да, пожалуй, и не стоит: в нем лишь повторяется то, что мы уже более года читали в буржуазных изданиях всех оттенков.

Мы остановимся здесь лишь на одной частности, имеющей, однако, большое значение для рабочих. Сами авторы воззвания признают, что в настоящее время предприниматели в сношениях с рабочими блюдут свои интересы ничуть не меньше, чем во всякое другое время. Авторы воззвания делают уступку своим старым, ныне уже полузабытым взглядам, когда говорят, что рабочие будут правы, возмущаясь поведением хозяев. Но далее Плеханов и компания спешат убедить рабочих воздержаться от отстаивания своих интересов теми способами, которые обычно находятся в распоряжении пролетариата. Отстаивание рабочими своих интересов и сохранение ими своей старой тактики авторы воззвания презрительно называют вспышкопускательством, тактикой анархической.

Но они идут и дальше. Не очень давно мы рассказывали, как министры Шаховской и Щербатов завели речь об излишних арестах рабочих, и как охранные отделения ответили, что арестуются будто бы только рабочие, подкупленные германцами. Плеханов и его друзья не говорят прямо того, что ответили министрам охранные отделения, но они тонко намекают, что германцы «радостно приветствовали бы», «готовы были бы оказать поддержку» и т. д.

Во всяком случае в данном вопросе честь первенства и смелости принадлежит не авторам воззвания. Осенью прошлого года охранное отделение пыталось организовать процесс против пяти рабочих депутатов Гос. думы по обвинению их в государственной измене. Обвинение это не удалось, измены не нашел даже суд. Но прошлогодняя попытка охранного отделения, повидимому, осталась не без влияния на Плеханова с товарищами. Уже в письме к Бурьянову Плеханов писал, что «голосование с.-д. фракции согласно с всегдашней ее тактикой, было бы изменой по отношению к народу». А теперь авторы воззвания с Плехановым во главе пишут, что всякое «вспышкопускательство» «по своему значению равнялось бы измене». Такого толкования понятия измены до сих пор кажется ни в одной стране не делали правительственные прокуроры. И в новом понимании «измены» заключается все то смелое и новое, что сумели сказать самозванные прокуроры, подписавшие воззвание.

«Наша газета», № 9, 26 октября 1915 г.

НЕДОСЕВ И СЕЛЬСКИЕ ХОЗЯЕВА

Вопрос о «недосеве» и о падении хлебной продукции страны стал очередной проблемой нашего тыла. И немудрено, подобно тому, как всякое количество может перейти в качество, наша дороговизна уже перешла в «продовольственный вопрос», а последний ныне готов перейти в проблему добывания насущного хлеба для самих обитателей житницы Европы. Официальными органами,—земствами, ведомством сельского хозяйства, Гос. думой,—зарегистрировано резкое падение нашего сельского хозяйства и сокращение посевных площадей. По данным ведомства земледелия недосевы на 1916 год определились по отдельным районам такими цифрами [1]:

Остался незасеянным процент обычной площади.

в Донской обл.	37	в Астраханск. г. (Чернояр. у.).	50
» Самарской губ. (Новоуз. у.).	23	» Ставропольской губ.	26
» Саратовск. губ. (Камыш. у.).	23	» Харьковск. губ. (Купянск. у.).	35
» Саратовск. губ. (Цариц. у.).	50	» Полтавск. губ. (Полтавск. у.).	38
» Воронеж. губ. (Богучар. у.).	33	» Екатериносл. губ. (Алекс. у.).	40
» Воронежской губ. (Новохоперский у.)	25—33	» Херсонск. губ. (Тирасп. у.).	43
		» Таврич. губ. (Симфероп. у.).	50

Следующая сплошная область недосева отмечена в юго-восточной России и в Приуралье—в Оренбургской губ. до 20%, а в Пермском Зауралье до 40%.

Как видим, речь идет о крайне сильном подрыве производства, отмеченном официальными данными по всей земледельческой России.

[1] См. «Торг.-пром. газету», № 25 за 1916 г.

Относительно причин недосева встречаются следующие указания: сокращение сельскохозяйственного кредита Государственным банком и банками коммерческими, опасение реквизиции по ценам ниже издержек производства, неблагоприятная погода в конце лета 1915 г. (дожди затянули уборку), недостаток рабочего скота вследствие мобилизации, наконец, недостаток наемных сельскохозяйственных рабочих («рабочих рук») и повышение заработной платы («цен на рабочие руки»). Как видит читатель, недостаток рабочих и повышение заработной платы, — вовсе не единственная причина недосева. Что же касается заработной платы, то о повышении ее можно судить разно. Например, «цены на рабочие руки» в Николаевском уезде, Самарской губернии, по словам корреспондента «Русских ведомостей», установились «небывало высокие»: в июне, во время сенокоса, платили мужчине 2 р., а женщине 1 р. 20 к.; во время жнитва цены поднялись: мужчине до 2 р. 50 к. и женщине до 1 р. 50 к. Может быть, читатель найдет, что такие цены вовсе невысоки для моментов исключительного напряжения,—для жнитва и сенокоса,—но, очевидно, сельские хозяева и либеральная газета держатся иного мнения...

Известия о недосеве, как мы видели, идут, главным образом, из губерний многоземельных,—южных, юго-восточных, восточных и сибирских; оттуда же идут и самые настойчивые жалобы на недостаток наемных рабочих и на повышение заработной платы. Начинается изыскание способов к привлечению рабочих. Иногда проекты носят вполне определенный характер: привоз китайцев и корейцев (съезд землевладельцев Николаевского у. Самарской губ. и самарское губернское земское собрание), требование доставить пленных и т. п.; в Крыму, по газетным известиям, «возник даже своеобразный план прикрепления рабочих к хозяину». (Р. В. 10 дек. 1915 г.). Но значительно чаще проекты и резолюции говорят о мерах, которые соответствуют,—по крайней мере по внешности,—запросам более прогрессивным: «объединение сельских хозяев», «организация рабочей силы», «снабжение населения рабочими руками» и т. п.; сверх того, очень распространено требование увеличить отпуск пленных на сельскохозяйственные работы.

Автору настоящей статьи случилось присутствовать на съезде сельских хозяев уезда, сильно пострадавшего от недосева. И думается, что читателю небезинтересно будет ознакомиться с тем конкретным содержанием, которое заключается в таких формулах общего характера, как «объединение сельских хозяев» или «организация рабочей силы», когда эти формулы исходят от хозяев.

Съезд, о котором идет речь, состоялся в гор. Покровске, Новоузенского уезда, Самарской губернии; но по характеру своих суждений и по составу участников, он имел далеко не одно только местное значение. Напротив, он должен быть признан крайне характерным для всей современной постановки в нашем обществе вновь возникшей всероссийской экономической проблемы. С этой современной ее постановкой мы вполне можем ознакомиться по нижеследующему описанию съезда в бывшей Покровской слободе.

После первого информационного доклада руководителя самарской земской статистики, известного Г. И. Баскина, второй докладчик, киевский профессор Кованько, говорил о позиции сельскохозяйственной России при заключении мира с Германией: нужно требовать уничтожения германцами хлебных пошлин и вывозных свидетельств, а потому сейчас нужна «война до конца, во что бы то ни стало, во имя экономической борьбы». Речь профессора имела шумный успех. В ответ на аплодисменты председатель собрания, профессор Воблый, между прочим признался, что им, киевским профессорам, с самого начала войны было известно, что у германцев хлеба достаточно. Отмечаю это признание для сопоставления с кампанией либеральных газет по данному вопросу.

Свой собственный доклад проф. Воблый начал с указания на великое значение урожая для России: урожай является основой государственного бюджета, международного торгового баланса и спроса на продукты промышленности; забыл только указать на роль урожая в народном питании. Это отчасти случайность: привык человек говорить только перед городской буржуазной аудиторией. Но отчасти и не случайность: в дальнейшем изложении профессор выдвинул необходимость помощи «прежде всего крупным посевщикам». Только такие посевщики не ускользают из поля зрения представителя нашей науки; а для владельца тысяч десятин урожай, как основа личного питания, действительно не имеет значения. Крупным посевщикам проф. Воблый рекомендовал организоваться в сельские и волостные комитеты по обсеменению полей с уездным комитетом в центре, и с агентурами на местах выхода рабочих; задача комитетов, прежде всего, устранить конкуренцию между хозяевами при найме рабочих,—«гибельную для хозяев». Далее для борьбы с недосевом желательна единая организация на весь пострадавший район. Но где достать «рабочие руки»? Прежде всего,—нашим пленным плохо живется в Германии, поэтому нужно принудить работать герман-

ских пленных. Трудоспособных беженцев нужно лишить пайка; создать уездные мастерские для починки машин (машинные товарищества); ввести общественные запашки; организовать рабочие дружины из учащихся, которые успели уже убедиться, что физический труд оплачивается выше интеллигентного; при уездных комитетах необходимы подвижные рабочие отряды; и вообще, должна быть организована «армия труда», подобно тому, как существует армия для борьбы с неприятелем.

Речь Воблого имела еще больший успех, чем речь Кованько.

Следующий докладчик, В. П. Милютин, несколько расхолодил настроение. Он говорил, что военнопленные уже почти использованы, и на них нечего особенно рассчитывать; их труд — подневольный, сопряженный с нежелательными репрессиями, «рабский»; беженцы — на 90% нетрудоспособны; можно надеяться только на вольных рабочих. Необходимо поэтому урегулирование рабочего рынка, так как беда не в недостатке рабочих вообще, а в дезорганизации найма. У нас уже имеются биржи труда; теперь образовалось всероссийское бюро труда земского и городского союзов; в местах найма сельских рабочих необходимо учредить отделения или конторы городских бирж труда.

Как я сказал, настроение съезда определилось уже после профессорских докладов, но более яркую формулировку получило оно в докладе местного крестьянского (Дергачевского) сельскохозяйственного общества. Дергачевцы жалуются, что ездили и в Петроград с хлопотами о доставлении «рабочих рук», но безуспешно. Пленные работают плохо; уходят с работ и, «к сожалению, безнаказанно»; представители военного ведомства, заведующие пленными стоят на их стороне. Поэтому необходимо: 1) заведывание военнопленными передать в министерство земледелия; 2) создать для распределения их особый комитет из представителей от сельских обществ, кредитных товариществ и сельскохозяйственных обществ; 3) для понуждения пленных к работе учредить специальные комитеты стражников; 4) за уклонение от работы ввести наказание военнопленных по законам военного времени.

Встреченный горячими аплодисментами огромного большинства собрания (человек около 300) доклад дергачевцев явился переходом от изложения взглядов наезжих горожан к высказываниям «людей земли», то есть к прениям. Первым говорил крестьянин Диденко, начавший речь с протеста против предложения проф. Воблого помогать в первую очередь только крупным поставщикам: мелкие хозяева, вслед-

ствие мобилизации, также нуждаются в труде военнопленных, и профессор напрасно думает, что «беднота все выносит на своем горбу». Далее Диденко жаловался на пленных.

— Против них нужны принудительные меры. У меня был один,— не работник, а нахлебник. Я работаю, а он еще спит: раньше восхода солнца не вылезет, а потом еще начнет умываться! Угроз не боится. Не работник, а мученье. Я жаловался уполномоченному, а тот меня же начал пушить в присутствии пленного...

После Диденко берет слово крупный помещик Петров:

— «Доклад дергачевцев — жизненный, правдивый. Исход для нас один — побольше военнопленных! Это важно для сбора хлебов не только на 1916, но и на 1917 год,— запашка под яровые у нас производится с осени. Были и у меня пленные господа австрийцы. Я говорю «господа», потому что не они у нас, а я у них был в плену. Добыть пленных— полдела: нужно создать условия, чтобы они нас не объедали. Военное ведомство требует для них мяса,— они у меня все мясо поели. Пришли оборванные, грязные. Я послал их в баню, а они и бани-то должно быть никогда не видали: залезли в чан (смех). Было у меня их 90 человек. Вижу работа плохая. А прогнать — некому работать. Стал бить рублем: вместо 6 рублей в месяц платить 75 копеек в день. Стали было работать лучше; но потом прослышали, что плата у нас 3—4 рубля в день, и требуют прибавки. Я не мог увеличить плату, чтобы не внести разврата в другие хозяйства. Тогда они стали сказываться больными; пришлось каждый день возить в больницу по 20 человек, на двух фурах,— чего это стоит?— Раз меня не было на хуторе; возвращаюсь — 30 австрийцев ушли; 12 вернулись, а 18 — совсем ушли. Дети говорят, что приказчик их побил. Я этого не люблю; спрашиваю приказчика. Он объясняет, что они отказались работать, потому что в этот день именинник какой-то Франц Иосифович,— чорт его не видал! (Смех). Может быть и правда, одного побил,— не мог же побить всех! А ушли восемнадцать! Послал я за стражником — толку не вышло. Вдруг узнаю, что эти господа австрийцы уже работают у моего соседа. Я написал уполномоченному, что такие явления с пленными недопустимы: и с вольными рабочими это был вред, пленных уж нужно заставить. Уполномоченный ответил: вы плохо кормите. Пишу: приезжайте, посмотрите! Следовало бы военнопленных отдавать в распоряжение не военным уполномоченным, а людям земли, которые их и распределяли бы».

Сообщив далее, что уполномоченного по заведыванию австрийскими пленными крестьяне называют «австрийским

уполномоченным», Петров долго еще говорил, при сочувственных возгласах слушателей, против этого уполномоченного. Но последующие ораторы указывали, что уполномоченный исполнял только требования военного ведомства, и что нужно передать заведывание пленными в другие руки.

Своеобразные выводы сделали «люди земли» из некоторых указаний докладчика Милютина. Последний, как на явление отрицательное, указывал на репрессии против пленных, применявшиеся в Саратовской губернии. А у новоузенцев это лишь увеличило досаду на то, что у них с пленными обращались слишком гуманно. Указание же Милютина на то, что одними пленными да беженцами не восполнишь недостатка в пришлых рабочих, дало лишнюю опору лицам, агитировавшим в пользу принудительного труда киргизов.

Молодой крестьянин, повидимому, из небогатых, поставил вопрос: нельзя ли привлечь киргизов? Они хорошие работники, но бездельничают, не хотят наниматься. Нельзя ли их принудить, мобилизовать на работу к нам? Другой оратор подхватывает это предложение, указывая, что «киргизов миллионы, они ничего не делают: скотоводством заняты женщины. Нам нужно мобилизовать их», — закончил оратор. (Крики: «правильно!». Очень горячие аплодисменты).

Крестьянин Попов, отвечая на предложения докладчиков, признал полезность комитетов для найма сельскохозяйственных рабочих, — но как их устроить?

— Вольные рабочие нарушают договор. Киргиз тоже: захотел — и бросил работу. Сельско-хозяйственные рабочие должны быть приравнены к казенным рабочим и подвергаться ответственности за уход. У нас есть губернаторский циркуляр, где этот вопрос разрешен. Вздумал у меня однажды киргиз пастух оставить место. Я к уряднику. Тот пригрозил тремя месяцами тюрьмы, и киргиз остался. А не пригрози урядник, — еще двое собрались было уходить. На русских же рабочих я пробовал составлять протоколы, — никакого наказания за уход не было. Необходимо обязать рабочих не переходить от одного хозяина к другому.

Другие ораторы, более интеллигентные, старались установить то положение, что опасность от недосева является государственной опасностью, а потому государство обязано дать рабочие руки, — все равно какие, на достаточный срок и немедленно, при чем необходимо изыскать меры принуждения рабочих. Первое из этих положений вошло и в резолюцию, принятую съездом: ожидаемый прюмадный недосев «угрожает государственной обороне», и государство должно «принять неотложные меры».

Относительно резолюции по рабочему вопросу нужно

сказать, что выработана она была во время перерыва наиболее интеллигентными членами съезда, с участием профессоров Воблого и Кованько. Задачей составителей резолюции было найти способ, с одной стороны, удовлетворить собрание, а с другой остаться в пределах приличия перед посторонней публикой, перед будущими читателями резолюции. Именно этой задачей и объясняется, что, например, в резолюции о военнопленных не говорится ни о запрещении им умываться, ни о праве приказчиков на кулачную расправу с ними. Вместо этого говорится об учреждении сельских, волостных и уездных комитетов по обсеменению, в задачу которых входит и «распределение» пленных, а затем — о передаче пленных из военного ведомства в ведомство министерства земледелия (оно, дескать, стоит ближе к сельскому хозяйству), а также о том, чтобы «обратить внимание на повышение производительности труда пленных»[1] (очевидно, подразумевается дергачевский проект особых команд стражников).

Вместо закрепощения киргизов в проекте резолюции говорилось лишь об учреждении бирж труда в местах их найма. Эта формула вызвала протесты, как недостаточная. Предложено было вставить: «принять меры к мобилизации киргизов».

Тут один земский гласный, лично не заинтересованный, как посевщик, возразил:

— Это значит возродить крепостное право!

Поднялся шум. Собрание, очевидно, обиделось. Горячо аплодировали возражению:

— Это — не крепостное право, а государственная необходимость, в виду особых условий момента!

У лиц, предлагавших принудительные работы или «мобилизацию труда», не являлось мысли, что в первую очередь такой «мобилизации» во имя «государственной необходимости» должны бы подвергнуться, по Новоузенскому уезду, сами же новоузенские хозяева. Как-то само собой разумелось, что «мобилизация» должна быть произведена среди посторонних лиц, где-нибудь за пределами уезда, а мобилизуемые должны поступить в распоряжение хозяев этого уезда.

Вопрос о киргизах вызвал оживленный обмен мнений. Кто-то сказал: «заплатите им хорошо, киргизы и сами явятся». Но этот голос потонул в дружных криках о необ-

[1] В резолюции, напечатанной в местной газете, этой фразы уже не оказалось.

ходимости принудительного труда. Председатель собрания профессор Воблый, верный задаче сохранить внешнее приличие, предложил формулу: «принять меры к привлечению киргизов к сельскому хозяйству». За эту формулу, скрывающую от постороннего взгляда сущность дела, но понятную участникам съезда, встало подавляющее большинство собрания.

Проявилось на съезде и оппозиционное настроение новоузенских хозяев. По их мнению, высказанному в резолюции, упорядочение сельского хозяйства и устранение недосева было бы облегчено «осуществлением неотложных реформ в областях государственной и общественной жизни на бессословных началах и привлечением к управлению лиц, облеченных доверием населения».

Любопытно, что после всех крепостнических речей, которые встречали сочувствие большинства собрания, съезд неожиданно принял предложенную И. И. Пустовойтовым резолюцию,— просить Гос. думу о скорейшем внесении законопроекта об охране труда рабочих, занятых в сельском хозяйстве. Что разумел съезд под «охраной труда»? Боюсь, что многие участники съезда, по примеру дергачевцев, представляли себе эту охрану в виде особых команд стражников, предупреждающих переход рабочих от одного хозяина к другому. Во всяком случае, принятие этой резолюции лишь усиливает несоответствие между действительными желаниями съезда и его резолюциями. Резолюции пишутся для публики; а для начальства посылается в Петроград особая депутация, которая негласно выскажет там действительные пожелания хозяев.

А между тем наступает время ярового сева. Озимый недосев будет не удвоен, а по меньшей мере утроен. Ибо яровой сев преобладает в южных и юго-восточных земледельческих областях, а факторы недосева за зиму значительно усилились... Что же сделано, что делается и что может быть вообще сделано для предотвращения тех опасностей, какие каждому из нас казались невероятными еще год назад? Нашим официальным органам принадлежит честь констатирования настоящего положения вещей. Но и самые искусные административные меры были бы бессильны против такого рода экономических явлений... А наша «общественность»... мы только что видели, куда направляет она взоры, о чем она мечтает, чего жаждет в час испытания... Придется и недосев считать явлением «стихийным», не подлежащим устранению до лучших дней.

«Летопись», март 1916 г.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ[1]

Вопрос о том, скоро ли кончится война, остается слишком неясным. Он сменяется понемногу другим: перевалила ли, по крайней мере, война на вторую половину? Некоторые газеты и на этот вопрос склонны отвечать отрицательно. Так, например, газета «Речь», чуть ли не самая воинственная из русских газет, все время сулит еще очень продолжительные военные действия, без просвета в близком будущем. Наряду с этим проскальзывают и менее безнадежные предсказания. Так, например, министр иностранных дел С. Д. Сазонов высказывал уверенность или, по крайней мере, надежду, что заключение мира состоится в течение 1916 года, следовательно, мы переживаем уже вторую половину войны.

Рядом с заявлением Сазонова мы встречаем явления, о которых раньше не было слышно. В печати и разных учреждениях все чаще заходит разговор о мерах, которые придется принять по окончании войны. Например, в бюджетной комиссии Государственной думы принято пожелание об учреждении теперь же особого совещания, которое должно разработать вопросы, связанные с защитой интересов России при ликвидации войны; кроме того, комиссия признала н е о т л о ж н ы м и подготовку и обсуждение вопроса о будущем экономическом развитии России. Заговорили и газеты о необходимости скорейшей разработки плана ликвидации экономических последствий войны. При этом сообщается, что немцы, к моменту заключения мира, уже готовят запасы товаров, которые они намерены двинуть в Россию, Англию и Италию. Говорят, что, по расчетам финансистов, у Германии хватит средств только до августа 1916 года и что к этому месяцу там готовится открытие мирных переговоров.

С прекращением войны связано возобновление торгового договора России с Германией,— и мы слышим, что с 13 января при совете съездов представителей промышленности и торговли возобновились работы комиссии по пересмотру торговых договоров, состоящей под председательством члена государственного совета В. И. Тимирязева.

Весной предполагается в Париже конференция представителей Франции, Италии, Англии и России для выработки основ будущих взаимных экономических отношений; и в Англии, по сообщению газеты, уже «лихорадочно» гото-

---

[1] Вся статья испещрена (на полях и в тексте) подчеркиваниями, сделанными Лениным при чтении ее. В некоторых местах на полях имеются его пометки, указанные здесь в примечаниях автором.—Р е д.

вятся к этой конференции. За скорейшее образование у нас особого совещания по этим же вопросам высказываются многие члены Государственной думы и Государственного совета.

Мы могли бы привести и еще немало указаний на то, как в воюющих странах «ускоренно», «спешно», «лихорадочно» готовятся к тому положению, которое должно создаться по заключении мира. Очевидно, настает уже пора не только гадать, но и работать в расчете на восстановление более нормальных международных отношений. Вместе с тем создается и возможность подведения первых итогов.

В настоящей статье мы ограничиваем общую задачу подведения итогов очень тесными рамками. Мы попытаемся лишь дать краткий очерк перемены взглядов и настроения либерального русского общества, поскольку они имели случай найти свое выражение в печати.

Читатель помнит те чаяния, с которыми вошла в эпоху войны наша российская интеллигенция и ее выразительница — либеральная печать. Основой этих чаяний являлась, конечно, уверенность в победе. Победа сулила:

1) уничтожение милитаризма в Европе;

2) освобождение угнетенных национальностей и перестройку государственных границ по принципу национальности;

3) расширение государственной территории России;

4) контрибуцию, которая с избытком покроет все расходы по войне;

5) новый торговый договор, который закроет или до последней возможности затруднит ввоз в Россию изделий заграничной промышленности, даст новый толчок к развитию нашей промышленности и облегчит вывоз из России продуктов сельского хозяйства, и

6) демократизацию России, как результат победы демократических Франции и Англии над более отсталой в этом отношении Германией.

В какой же мере эти надежды находят себе выражение в тех подготовительных работах, которые предпринимаются в настоящее время?

Относительно того, что победа над Германией приведет к уничтожению милитаризма в Европе, более серьезная печать уже в самом начале высказывалась очень скептически; например, в «Вестнике Европы» прямо указывалось, что эта надежда ни на чем не основана. В настоящее время лишь наиболее легкомысленные из газетчиков и наименее разбирающиеся в политике обыватели могут говорить об уничтожении милитаризма. Косвенным показателем отношения к

этому вопросу служат статьи и разговоры о будущих финансах России. Все говорят о колоссальном увеличении будущего бюджета, и никто, ни единым словом, не обмолвился о возможности сокращения его путем исключения расходов на армию и флот. Человека, который публично предложил бы такое исключение, приняли бы за сумасшедшего даже люди, безусловно уверенные в полном поражении Германии.

Впрочем, в «Русских ведомостях» (от 20 января) С. Котляревский все же надеется... «Самые финансовые условия,— говорит он,— не позволят поддерживать милитаризм в старых масштабах». Такая надежда хуже отчаяния. Надеяться на сокращение военных расходов только на том основании, что эти расходы уже привели в течение войны к финансовому разорению — это то же, что бороться против милитаризма путем истребления в своей стране людей, способных носить оружие. А что же думает С. Котляревский о росте милитаризма в тех странах, которые не будут разорены настоящей войной и не успеют покалечить хорошей доли своего мужского населения? Ведь и он согласен, что нынешняя война, во всяком случае, война не последняя!..

Если потерпели полный крах надежды на уничтожение милитаризма, то не лучше, в итоге полуторагодового взаимного истребления народов Европы, обстоит дело и с принципом освобождения национальностей. Впрочем, с этим принципом с самого начала не все обстояло благополучно. Больше всего о нем трубили кадеты и примыкающие к ним господа из бывших социал-демократов. Но все их речи уже в начале войны напоминали известный анекдот об Ирландии. Ирландия в острый период борьбы против англичан возбуждала восторженное сочувствие в неанглийских странах. Когда же этим друзьям национального освобождения напоминали, что и в их собственной стране имеются угнетенные нации, то они отвечали: «То Ирландия, а то мы!»[1].

Так и в наши дни горячий сторонник «национального самоопределения» А. Потресов видит несчастье государства в том, что оно при известных условиях может, по его саркастическому выражению, «доразвиться» (т. е. сократиться) до этнографических границ, до географического предела господствующей национальности; по отношению к национальному самоопределению он твердо держится, как и Г. Плеханов, правила: «То Ирландия, а то мы!».

Другой проповедник национального принципа П. Н. Ми-

---

[1] Рукой В. И. Ленина — на полях написано по-французски: „bien dit" — «хорошо сказано».

люков еще год назад проповедывал не освобождение и объединение, а покорение и раздробление армянской нации ради устранения «экономического и политического соперничества» между Россией и другими нациями.

Но даже частичное, даже половинчатое проведение принципа национального самоопределения начинает пугать недавних проповедников этого принципа. Они испугались собственной тени и бьют отбой. «Карта мира не должна стать только этнографической картой», «содержание событий было бы более бедным, если бы оно исчерпывалось чистой этнографической борьбой»,— проповедует теперь «Русская мысль» (1915 г. № 12, стат.— «На старом рубеже»). Другие же либеральные органы печати или замалчивают этот вопрос, или же подменяют его вопросом о равноправии [1].

Вопрос о равноправии был затронут, в ожидании созыва Государственной думы, в совете старейшин Думы. Здесь члены мусульманской группы подняли вопрос об отмене ограничений в правах мусульман; они не встретили отклика со стороны представителей фракции, вошедших в блок [2].

Лишь стоящие вне блока с.-д. предложили внести в программу занятий Думы вопрос об отмене всех национальных ограничений. Кроме мусульман, подняли тот же вопрос и поляки — специально по отношению к полякам. Тут произошел любопытный обмен мнений между крайним правым курским депутатом Марковым 2-м и кадетом П. Н. Милюковым. Приводим их заявления по отчету «Речи» от 29 января, воздерживаясь от всяких пояснений.

Н. Е. Марков 2-й. Все знают, что многие представители польского народа склоняются в настоящее время к самостоятельности Польши. Поэтому устранять теперь ограничения для поляков может быть преждевременно, потому что наши друзья могут оказаться иностранными подданными. Оговариваюсь, что своего личного взгляда я не высказал, а говорю лишь предположительно.

П. Н. Милюков. Доводы курского депутата могли бы иметь то или иное значение лишь при предположении, что война окончится для нас неудачно. Между тем, к счастью, никаких оснований для таких предположений нет, и польский вопрос должен быть выдвинут уже теперь.

Как видим, с вопросом национальным у наших либералов произошло то же, что и с вопросом о ликвидации милитаризма: оба эти вопроса в свое время, когда было нужно,

---

[1] Рукой В. И. Ленина поставлена NB.
[2] Тоже.

сыграли агитационную роль; а теперь, по мере приближения к развязке, они отброшены в сторону за ненадобностью. Нельзя того же сказать о третьем из поставленных нами вопросов — вопрос о расширении государственной территории России.

Как известно, наиболее ярким из числа кабинетных Вильгельмов-Завоевателей в России выступил П. Н. Мюлюков. Он проповедывал присоединение к России Галиции и части Венгрии, всей австрийской Силезии и германской Силезии, Познани, Восточной Пруссии и части Западной Пруссии, части Балканского полуострова с Константинополем, Адрианополем и Галлипольским полуостровом, побережья Малой Азии по Босфору, Мраморному морю и Дарданельскому проливу, всей Великой Армении и Трапезундского вилайета. При этом вождь кадетов очень мало стеснялся национальностью и национальными пожеланиями жителей областей, подлежащих присоединению к России.

Проекты Милюкова, конечно, не встретили в свое время возражений со стороны других либералов: Милюков лишь выразил их общее настроение. Только через год, когда Болгария присоединилась к германцам, в печати стало появляться выражение сожаления о том, что завоевательными планами на Балканах русское общество оттолкнуло от себя общественное мнение балканских государств и толкнуло Болгарию в объятия германцев... Но эти сожаления касались только Балканского полуострова; притом исходили они не от влиятельных либеральных вождей и групп, а от случайных корреспондентов или от журнала «Русские записки», занимающие особую позицию. В общем и целом нужно признать, что планы кадетского Вильгельма-Завоевателя и его единомышленников остаются и в начале 1916 года лозунгом русских либералов.

Тем с большим удивлением прочли мы в одном сборнике, рекламирующем себя, как «марксистский», заявление Е. Маевского, будто бы только «на первых порах» кадеты и другие либералы строили завоевательные планы. Маевский признает, что «делу обороны» немало вреда принес либеральный «разгул безудержного и крикливого шовинизма», и хочет, очевидно, уверить, что теперь никакого шовинизма, никаких завоевательных планов русские либералы уже не питают. Подобное уверение, явно идущее в разрез с фактами, заставляет нас обратить невольное внимание на позицию самого Маевского и его единомышленников [1]. В наши дни

[1] Т. е. меньшевиков. (Это примечание сделано автором от руки в сборнике «Под старым знаменем». Саратов, 1916 г.— Р е д.).

в таких вопросах маленькая подозрительность обязательна...

В том же сборнике находим указание П. Маслова на стремление «некоторых» кругов общества к «завоеваниям и аннексиям».

Опять странность! Если это стремление присуще только «некоторым», то не потрудится ли П. Маслов указать те более широкие и более влиятельные круги буржуазного общества, которые обнаружили противодействие «некоторым»? Мы таких кругов, сколько-нибудь влиятельных, не знаем; не знает их, очевидно, и сам Маслов, если даже своим собственным единомышленникам он считает нужным посоветовать «отграничение от националистических завоевательных поползновений буржуазии» и рекомендует отказ от «притязаний и покушений на независимость соседних стран».

Наконец, в том же сборнике из статьи Левицкого мы узнаем, что дело идет о «спасении страны», когда на самом деле оно шло лишь об отказе от некоторых, уже сделанных раньше, завоеваний [1].

Все эти смягчения завоевательных планов русской буржуазии, как и подстановка Левицким одного положения, не соответствующего истине, вместо другого, отвечающего действительной обстановке, еще не дают нам права зачислить Маевского, Маслова, Левицкого, Потресова и их друзей в один лагерь с Вильгельмами-Завоевателями из кадетского лагеря. Их позиция скромнее и менее искренняя. Ближе всего она напоминает позицию тех современных германских политиков, которые протестуют против отчуждения каких бы то ни было земель из числа «обагренных немецкой кровью». Самое же осуществление завоеваний Потресов, Левицкий и Маевский предоставляют делать и проповедывать другим, лишь смягчая в глазах читателей воинственные притязания этих «других» [2].

Правда, Маслов рекомендует отграничение от Вильгельмов-Завоевателей. Но характерно, что для такого отграничения нашлось в целой книге лишь несколько строк, а вся остальная часть книги посвящена отграничению от тех, кто является действительным противником завоеваний...

Все это дает нам повод думать, что завоевательные планы русского «общества» не только не исчезли, но скорее сделали новые завоевания общественного мнения в лице Потресова, Плеханова и их товарищей. Поэтому совершенно

---

[1] Рукой В. И. Ленина написано на полях: «верно» и поставлена NB

[2] Рукой В. И. Ленина на полях написано по-французски: „très bien“ «очень хорошо».

напрасно Н. Иорданский («Совр. М.» № 12) считает неуместным желание Н. Рожкова выяснить на этот счет потресово-плехановскую позицию, уверяя, будто отказ от завоеваний сам собой разумеется. Всего менее он «разумеется сам собою» по отношению к Н. Иорданскому, который откровенно перешел уже на службу к буржуазии (см. ст. «Народ на войне» в № 5 «Совр. М.»).

Мы не встречаем отказа от планов территориального расширения России. Зато в вопросе о контрибуции можно констатировать несколько странное положение. Контрибуция — наиболее грубый и понятный обывателю результат победоносной войны. Поэтому получение контрибуции является лозунгом, наиболее привлекательным для обывательской массы. Серьезная же политическая печать считает, повидимому, не совсем приличным много говорить об этой вещи. О ней не говорят, но ее учитывают. И в первый период войны на ее получении строились расчеты на блестящее финансовое будущее. Скептики замечали, что с побежденных стран, истощенных войной, нечего будет взять. Им возражали, что вместо получения наличными деньгами всей суммы, можно будет «наложить руку» на такие доходные статьи, как железные дороги или почта, или же зачесть в уплату наши государственные долги Германии или, наконец, принять часть дани натурою: пушками, снарядами, военными кораблями.

С затяжкой войны финансовый вопрос становится все более жгучим. Почти нет номера газеты, в котором не говорилось бы о нем. Вот как характеризует положение дела автор передовицы «Русских ведомостей» в № от 19 января 1916 года:

«Финансовый вопрос растет не по дням, а по часам. В последнее время каждый час войны обходится России около или даже свыше миллиона рублей. Из этих миллионов быстро вырастают сотни миллионов и миллиарды. Миллиарды громоздятся друг на друга. А между тем война затянулась. Войне еще не видно конца. И не видно конца также и этому беспримерному чудовищному нагромождению миллиардов. Финансовый вопрос приобретает значение совершенно исключительное для всей будущности нашей страны. Война оставит после себя тяжелое наследие в форме неслыханной суммы государственного долга. Платежи по этому долгу потребуют огромных сумм. Крупные суммы, приблизительно 350—400 миллионов рублей в год, понадобятся также на расходы по пенсионному обеспечению участников нынешней войны и их семейств и на разные другие расходы, связанные с ликви-

дацией войны и ее последствий. Откуда взять эти средства и как их достать, не нанеся непоправимого ущерба экономическим силам страны — вот вопрос, который стоит теперь перед нашими законодательными учреждениями, перед правительством, перед русским народом».

Очевидно, автор статьи совершенно не учитывает контрибуции, которая, по прежним расчетам, должна была покрыть не только все расходы на войну, но и все убытки, которые понесет население. Но если забыли о ней «Русские ведомости», то не забыл крайний правый, член Государственного совета, В. И. Карпов. В заседании финансовой комиссии он предложил обратить внимание, как на источник дохода, на контрибуцию с Германии.

И что же? Какой прием встретило это напоминание, сделанное человеком, уверенным в полной, решительной и окончательной победе над Германией? Даже в самом Госуд. совете Карпов не встретил сочувствия, а в либеральной печати его подняли на-смех. В одной крупной либеральной газете появилась даже статья—«Серьезные люди», полная издевательств над В. И. Карповым. Его насмешливо назвали «мудрейшим из старцев Госуд. совета», называли его предложение «гениальным по простоте», хохотали, что Карпов «говорил совершенно серьезно», что его слова «не были святочным гаданием»; «трогательная серьезность» Карпова сравнивалась с такой же «серьезностью» администратора, запретившего подчиненным брить усы. И все это издевательство над расчетом на контрибуцию исходило от газеты, проповедующей войну до конца, выражающей уверенность в полной, решительной и окончательной победе.

Такую же уверенность мы находим на страницах «Русских ведомостей» и других органов нашей периодической печати. И в то же время все они, точно сговорившись, или молчат о контрибуции, или издеваются над расчетами на нее. Как это объяснить? Во всяком случае, дело объясняется вовсе не нежеланием получить.

Финансовые задачи будущего приводят нас непосредственно к пятому из числа поставленных нами в начале статьи вопросов — к вопросу о новых торговых договорах и об ограждении российской промышленности от иностранной конкуренции. Здесь не место развивать наши собственные взгляды на роль таможенного покровительства. Мы излагаем лишь то, что наблюдается сейчас в буржуазном лагере в связи с этим вопросом.

Уже теперь в руководящих политических кругах нашей буржуазии идет речь о том, чтобы как можно скорее учредить особое совещание для выяснения основ нашей будущей

международной торговой политики. Газета «День», от 14 января, передает содержание беседы с «одним из членов кабинета, призванным играть руководящую роль в учреждаемом особом совещании по выработке плана нашей финансовой и экономической политики на ближайшее пятилетие». Следовательно, спешность вопроса признается не только руководящими политическими кругами Гос. думы и Гос. совета, но и министерством. Что же поведал сотруднику «Дня» министр, которому предстоит руководить совещанием?

По его словам, главнейшей задачей совещания является подготовка материалов к мирным переговорам. Будет обращено все внимание на выработку условий нашего внешнего товарообмена. Министр полагает, что в результате мира Россия получит «в своих экономических отношениях с другими странами т а к у ю ж е с в о б о д у, какой она пользуется в отношениях с союзными державами». «Но, — продолжает министр, — на этом пути мы встречаемся с серьезными трудностями и препятствиями. У нас нет экономической слабости, но у нас есть другая слабость, обязывающая нас, — это наша задолженность. Это обстоятельство налагает и отчасти уже наложило на нас известные обязательства, и так как это касается союзников, то дело осложняется». В виду «осложнения», вызываемого задолженностью по отношению к союзникам, необходимо справиться о намерениях этих союзников.

В Англии, как и в России, уже поднят вопрос о торговых задачах, которые возникнут после войны. Член палаты общин Ренсимен в декабре 1915 г. выразил, повидимому, общее настрение, когда сказал:

«В отношении торговли Германия должна считаться окончательно побежденной. Ныне на обязанности англичан лежит не дать ей вновь поднять голову после войны».

В Париже еще в прошлом (1915 г.) комиссия сенатора Мелина наметила ряд мер к развитию торговых сношений между Россией и Францией в целях недопущения в эти страны продуктов германской промышленности. Для более широкой постановки вопроса об экономических отношениях предполагается весной 1916 г. созыв в Париже особой конференции союзников. Предполагается достичь полного согласования и объединения всех экономических и финансовых мероприятий союзников («День», 15 января, 1916 г.).

Объединение и согласование — вещи, вообще, хорошие. Почему же в беседе с сотрудником «Дня» министр проявил некоторую тревогу в ожидании «осложнений»? Ответ находим в передовице «Русских ведомостей» от 28 января. В чем может заключаться сближение (т. е. первое условие

«согласования и объединения»)? — ставит вопрос автор статьи и указывает на возможность более близких торговых отношений. Но для этого Россия должна облегчить доступ к себе английских и французских фабрикатов. А что могут дать взамен таможенных льгот Англия и Франция? В Англии таможенное обложение отсутствует и никаких облегчений русского ввоза она не может сделать. А Франция могла бы, но ей не нужны наши товары — сырые продукты сельского хозяйства.

Таким образом, изолирование Германии поведет к потере рынка для русского сырья и хлеба и к облегчению на русском рынке конкуренции иностранной промышленности, то есть к тому, чем запугивали нас П. Маслов, Плеханов и другие, говорившие о превращении России в колонию. С чисто экономической точки зрения стоит отметить, что в результате предполагаемого сближения получается увеличение ввоза в Россию и сокращения вывоза из России, т. е. увеличение пассивности торгового баланса. И это при увеличившейся задолженности, при возросших платежах по заграничным займам.

Положение невозможное. Где же исход? В той же, уже цитированной нами, статье «Р. Вед.» в виде «компенсации» за облегчение ввоза в Россию английских и французских товаров испрашивается помощь Англии и Франции их капиталами, то есть проектируется новое увеличение задолженности. Эта статья в высшей степени любопытна не только по содержанию, но и по тону. Мы должны поэтому еще остановиться на ней.

В статье подчеркивается, что Россия должна «всячески считаться с интересами и желаниями» Англии и Франции. Но в этих странах, повидимому, смотрят иначе. Это следует заключить из дальнейшего текста статьи:

> «Но, — сказано в ней, — в экономических соглашениях между государствами, когда они продиктованы не силой, обычно устанавливается известное равновесие выгод, полученных каждой из стран. И с этой точки зрения вполне лойяльно, по отношению к нашим союзникам, спросить, какие выгоды мы можем получить от них, и какие мы можем им предоставить».

Автор, как будто боится, что англичане и французы не склонны к признанию равновесия выгод, а предпочтут диктовать свои условия соглашения силой; в то же время он опасается противоречить им и униженно просит их признать лойяльность самой постановки вопроса о равновесии выгод. Далее он просит англичан и французов в награду за таможенные преимущества снабдить нас капиталом. «Нам очень

трудно будет, — плачется он перед союзниками, — выйти из финансовых затруднений. «Без ваших капиталов, — умоляет он, — нам даже и не справиться с трудностями мира».

Кажется, никогда еще в «Русских ведомостях» не появлялось статьи такой униженно-просящей. Это не язык независимой газеты, а язык или рептилии, или жертвы ростовщичества. А что если европейский капиталист не склонится на униженную мольбу наших либералов? Ведь в таком случае, как они сами признаются, «нам даже и не справиться с трудностями будущего мира». Что же получится тогда в результате «освобождения от засилия»? И еще вопрос: согласятся ли наши аграрии — помещики — с легким сердцем лишиться германского рынка для продуктов сельского хозяйства, когда не имеется в виду замены его другим рынком?

Как видит читатель, международное экономическое и финансовое положение России становится настолько запутанным, что не даром видный министр высказал сотруднику «Дня» опасение осложнений.

Остается сказать несколько слов о последнем из поставленных нами вопросов, об ожидающейся, в связи с войной, демократизации России. Пока эта «демократизация» выразилась только в замене Маклакова и Горемыкина Хвостовым и Штюрмером.

Вообще, правовые отношения между классами определяются соотношением сил борющихся классов. А сила угнетенных классов не может вырасти под влиянием пропаганды единства классовых интересов. Солидарность классов подчиненных с классами господствующими всегда усиливает и укрепляет старый порядок. Все это — азбучная истина. И если в последнее время эти истины игнорируются буржуазной российской интеллигенцией, то это делается не в силу забвения или незнания, а по причине идейного перехода нашей интеллигенции в стан «ликующих, праздно-болтающих» из стана «погибающих». Во всяком случае, к демократизации приведет не плеханово-потресово-милюковский путь, а совсем иная дорога.

Мы подвели краткие итоги главнейших, связанных с войной, надежд наших либералов и примкнувшей к ним интеллигенции, когда-то отделявшей себя от либералов. Эти итоги свидетельствуют, что, не дойдя до конца пути, либералы успели растерять или сознательно выбросить многие стрелы из своего идейного колчана. Объективная необходимость толкает поэтому к пересмотру своего идейного багажа и всех тех, кто был в свое время оглушен либеральной шумихой и слепо поплыл по течению.

Сборник «Под старым знаменем», Саратов 1916 г.

Так называемый прогрессивный блок в настоящее время играет в Государственной думе настолько серьезную роль, что говорить о Думе в целом — значит говорить о блоке.

Летом 1915 года с большим шумом и с заметным подъемом началась со стороны нашей буржуазии борьба за власть. В городских думах и на земских собраниях, в военно-промышленных комитетах и в биржевых комитетах, и во многих других буржуазных организациях говорились горячие речи и выносились решительные резолюции за переход власти в новые руки, которые целиком проводили бы политику буржуазии. Борьба за власть формулирована была в виде требования министерства, облеченного «общественным доверием». Это движение буржуазии нашло себе выражение и в Государственной думе. Здесь образовался союз (блок) шести буржуазных фракций, — начиная с националистов и кончая кадетами. В программе блока была выражена уверенность, что только твердая и деятельная власть поможет повести Россию к победе, и что такой твердой властью может явиться только обновленное министерство, составленное из лиц, «пользующихся доверием страны».

Как бы ни отрекались буржуазные партии от лозунга борьбы за власть, самый факт требования нового министерства, облеченного доверием этих партий, является очевидным актом такой борьбы.

На чью же сторону могло и должно было в этой борьбе склониться сочувствие демократической части населения России? Буржуазный блок преподносил демократии программу реформ, которую не без основания можно назвать обглоданной костью. И тем не менее, поскольку речь идет только о той части программы блока, в которой говорится об отмене пережитков крепостничества,—симпатии демократии могли склониться на сторону буржуазного блока. Тем большего внимания заслуживает тот факт, что буржуазный блок, одновременно с борьбой против старого министерства, обострил свое враждебное отношение против партий, состоящих левее блока, против демократии вообще.

Чем это объяснить? Ссылка на желание блокистов кому-то угодить, перед кем-то выставить себя в благонамеренном мундире — недостаточна. Была здесь и более глубокая причина. Представьте себе, что буржуазные партии, без особой задней мысли, а исключительно в целях общего буржуазного развития, выступили бы застрельщиками против некоторых пережитков крепостничества, — как сословное и национальное неравноправие, административный произвол, непомер-

ные политические и религиозные преследования и так далее, — какое основание было бы тогда у них одновременно заострять меч и против тех, кто требует более полного и последовательного уничтожения крепостничества? Напротив, буржуазные партии в этом случае могли бы ожидать известной признательности к себе со стороны массы и, по меньшей мере, занять выжидательную позицию по отношению к «крайним».

Совсем другое дело, когда у буржуазного блока имелась налицо задняя мысль, сводящаяся к правилу: «услуга за услугу». Если буржуазия, в обмен на свои обглоданно-демократические обещания, предъявляла к демократии определенные требования каких-либо жертв, если она имела основания опасаться, что эти жертвы будут признаны чрезмерными или принципиально недопустимыми, и что сознательная демократия может и отказать блоку в своих услугах,—то одновременное объявление буржуазией войны на два фронта — и против старой власти, и против демократии, — станет психологически понятным.

Если мы теперь обратимся к программе блока или к выступлениям сторонников блока, то сразу увидим, что требования блока, делающие уступку демократии, обусловлены определенными, очень серьезными требованиями, предъявленными к самой демократии. Услуга за услугу, жертва за жертву.

Требования буржуазии к демократии заключены в ту общую формулу, в тот лозунг, во имя которого предъявлены были блоком обглоданно-демократические требования. Но этот лозунг, эта формула выражена абстрактно. Чтобы иметь живой отклик в стране, она должна еще быть наполнена конкретным содержанием. Шумиха фраз об уничтожении милитаризма, о самоопределении национальностей и тому подобное, как содержание формулы, уже обнаружили себя, ко времени образования блока, именно, как шумиху фраз. Постепенно это становилось ясным даже и для людей с более наивными взглядами на политику; и впереди не было никакой надежды на восстановление власти фразы над умами. Все более оголялось не парадное, прикрашенное цветами беспардонного красноречия, а действительное содержание лозунга. Выступал на соответствующее место вопрос о рынках и подчиненный ему вопрос — территориальный.

Таким образом, объективный ход вещей должен был приводить и приводил не к укреплению авторитета блока или сочувствия к блоку в глазах демократической части населения, а к его ослаблению. Кое-кто из демократии еще продолжал применять к блоку общую формулу о поддержке

всякого движения, оппозиционного крепостничеству: «поддерживающие» закрывали глаза на то, что оппозиционные требования блока были обусловлены обязательной поддержкой того авантюризма, в который ударилась наша либеральная буржузия под предводительством П. Н. Милюкова. Поддерживая блок в его требованиях равноправия сословий или национальностей, неизбежно было поддерживать блок и в его авантюрных затеях.

Между тем, в благополучном исходе авантюры возникали все более серьезные сомнения. Положение русской буржуазии стало походить на положение капиталиста, впавшего в заблуждение, благодаря ошибочной разведке на золото.

Представьте себе такого капиталиста, ухлопавшего на предварительные работы весь свой капитал и чуть ли не весь кредит и не добившегося ожидаемых результатов: золото может быть и получится, но окупит ли его стоимость все издержки производства, включая и проценты на капитал? Даже в самой либеральной печати, поддерживающей авантюрные затеи, начинают на этот счет все чаще проскальзывать тревога и сомнения. Тем менее охоты поддерживать блок и его затею наблюдается среди демократии.

В силу очерченного нами общего политического положения не трудно было предвидеть, в каком направлении произойдет эволюция, как самого блока, руководящего в Государственной думе, так и «поддерживающих» или поддерживавших его общественных сил. Сомнения и тревога буржуазного общества относительно того, окупится ли авантюра, должны были породить равнодушие общества к созыву Гос. думы. А сознание этого факта блоком неизбежно вело к его передвижке вправо, к сокращению его требований по отношению к старому порядку и, одновременно, к усилению его требовательности и раздражения по отношению к демократии.

По внешности блок остался блоком. В него входят те же фракции, которые основали его летом 1915 года. В «Речи» вновь воспроизведена полностью программа блока. Но в его действительном политическом содержании, определяющем внутреннюю ценность блока, уже заметен сдвиг.

В либеральных газетах перед началом нынешней сессии Думы отмечалось равнодушие населения к ее созыву. Винили, конечно, население. А между тем, от корреспондента иностранной газеты не укрылся тот факт, что обе стороны, то есть министерство и блок «настроены примирительно». Это настроение, очевидно, чувствовалось всеми; оно-то и порождало равнодушие: не из-за чего было волноваться.

В августе 1915 года конфликт между блоком и министер-

ством разразился на почве лозунга о министерстве, «пользующемся доверием страны». В феврале 1916 года члены блока стали понемногу отрекаться от этого лозунга. Депутат Шульгин заявил, что теперь «разговор о правительстве, облеченном доверием, — разговор платонический». Октябрист Антонов заявил: «я не думаю, чтобы этот лозунг ставился блоком в первую очередь. Нет оснований думать, чтобы совместная работа Думы с правительством была невозможной». Таким образом внутри самого блока лозунг о министерстве, облеченном доверием, понемногу вытеснялся исканием «общего языка» с правительством. На старом лозунге, уже подлежавшем очевидной сдаче в архив, настаивали еще одни только кадеты, но с оговорками, совершенно обескровливающими его. Например, депутат Маклаков добавлял:

«Я противник всяких революций. Преждевременная победа многих пугает. Можно взять позицию приступом, но бывает трудно ее удержать. Частичные победы иногда ведут к краху всей кампании».

Поразительную слепоту по отношению к блоку проявил депутат А. Ф. Керенский, который говорил в конце января, незадолго до открытия сессии:

«Те указания, какие были формулированы до 3 сентября прогрессивным блоком, представляются лишь минимальными. У меня нет оснований думать, что прогрессивный блок откажется в эту сессию от этого минимума и, таким образом, я не вижу никаких оснований и для того, чтобы можно было предположить о возможности соглашения между большинством Гос. думы, объединившимся в прогрессивный блок, и правительством о возможности найти «общий язык» («Речь» от 28 января).

Заседания Гос. думы возобновились 9 февраля. Новый председатель совета министров, вопреки прежним правительственным заявлениям, решился признать, что «война не останавливает запросов времени», но тотчас же рекомендовал «в высшей степени осмотрительное отношение» ко всяким новшествам во внутренней политической жизни. Коснулся Штюрмер в своей речи и вопросов о реформе волостного, земского и городского самоуправлений, и вопроса продовольственного, но в такой неопределенной форме, что нельзя угадать не только размеров, но даже и направления «реформ». Такой же неопределенностью страдает и фраза о рабочем вопросе.

«По отношению к фабричным и заводским рабочим, — сказал он, — нам предстоит установить нормы, которые определяли бы полнее и точнее их правовое положение».

Только и всего. А в какую сторону должны эти нормы изменить положение рабочих и в какой мере, — на это нет в речи Штюрмера ни малейшего намека.

Таким образом правительственная декларация, изложенная новым председателем совета министров, не дала ничего нового, даже в области словесных обещаний. Гос. дума 9 февраля встретилась, по существу дела, именно с тем самым правительством, смены которого она так энергично потребовала в августе 1915 года. Напомним соответственное место августовской декларации прогрессивного блока:

«Нижеподписавшиеся представители фракций и групп Гос. совета и Гос. думы, исходя из у в е р е н н о с т и, ч т о т о л ь к о сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе и что т а к о ю м о ж е т б ы т ь л и ш ь в л а с т ь, о п и р а ю щ а я с я н а н а р о д н о е д о в е р и е и способная организовать активное сотрудничество всех граждан, пришли к единогласному заключению, что важнейшая и насущнейшая задача создания такой власти н е м о ж е т б ы т ь о с у щ е с т в л е н а без выполнения нижеследующих условий: 1) с о з д а н и е о б ъ е д и н е н н о г о п р а в и т е л ь с т в а из лиц, п о л ь з у ю щ и х с я д о в е р и е м с т р а н ы и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок о п р е д е л е н н о й п р о г р а м м ы»...

Ни объединенного министерства из лиц, пользующихся «доверием страны», ни определенной правительственной программы к 9 февраля у нас не имелось. Тем не менее, декларация прогрессивного блока, прочитанная в Гос. думе 9 февраля, совершенно устраняет категоричность августовских требований. В ней уже нет речи ни о каких «только», «лишь», «не может быть»; в ней более скромно и без всякой ультимативности указывается лишь, что «во главу мер, необходимых для стройной организации страны» блок «продолжает (?) ставить создание правительства» из лиц способных и знающих, сильных доверием страны, готовых решительно изменить применявшиеся доселе способы управления и могущих работать в согласии с народным представительством. Нынешнему правительству ставится, правда, упрек в том, что оно «не опирается на сочувствие страны», но в то же время блок решительно отрекается от стремления добиться призыва в министерство новых людей, которые являлись бы проводниками его программы: «всеобщее желание,—сказано в декларации 9 февраля,—чтобы страна могла доверять своему правительству и чувствовать себя с ним единой, было злостно истолковано, как лозунг борьбы за власть». Вместо замены старого состава прави-

тельства новым, блок рекомендует теперь старому правительству «обращение к силам русской общественности».

Не возвращает блока на августовскую позицию и его формула перехода по бюджету, несмотря на свою резкую форму. В ней не говорится, как говорилось в августе, что без министерства «общественного доверия» победа невозможна, а указывается лишь, что «при наличии власти, опирающейся на общественное доверие, победа потребует наименьших жертв», и что «противодействие власти основным желаниям страны и большинства народных представителей налагает тягчайшую ответственность на власть и опасно для государства»,—опасно, но не безусловно гибельно.

Газета «Речь», конечно, полностью поддерживает новую декларацию прогрессивного блока и старается уверить своих читателей, что между блоком и министерством попрежнему лежит пропасть. Тем более характерным является изложение новой декларации, сделанное этой газетой перед самым ее прочтением в Думе. В декларации будет указано,—сообщалось в «Речи»,—что «только при министерстве из лиц, пользующихся общественным доверием, возможна наилучшая организация победы». Именно это определение соответствует новой позиции блока: организация победы возможна и при старом министерстве, но наилучшая организация, с наименьшими жертвами, с наименьшей опасностью для государства требует, чтобы министерство пользовалось доверием. Это совсем уже не то, что провозглашалось доверием. Это совсем уже не то, что провозглашалось в августе 1915 г. И понятно, что в публике интерес к блоку уже не прежний.

«Под старым знаменем», 1916 г.

ДОРОГОВИЗНА

Цены на все жизненные припасы, на пищу, на одежду растут неимоверно. Все чаще люди спрашивают себя: как жить? Что делать? — Прежде всего, конечно необходимо уяснить себе главную, основную причину дороговизны, а затем—бороться против этой основной причины, а не против причин второстепенных и побочных.

Когда говорят о причинах дороговизны, то называют многое: отсутствие организации потребителей, спекуляцию, недостаток заботы со стороны городских управлений и т. п.

Однако, все знают, что и в потребительских, и в городских лавках цены растут вслед за рыночными ценами, а часто и вовсе нет многих товаров. Значит, заботами потребителей и городских управлений не остановить рост цен. Почему?

Потому что для дороговизны имеются совсем другие, более важные причины: недостаток товаров, сокращение их производства вследствие недостачи в рабочих, повышение косвенных налогов, излишек бумажных денег, вызванный экстренными расходами правительства.

Откуда же произошла недостача товаров? От стихийных причин или же от причины, зависящей от людской воли?

Засуха ли пожгла все поля, или же чрезмерная сырость погноила посевы? Не от чумы ли погибли и лошади, и рогатый скот? Не холера ли обезлюдила деревни и города наши? Или пожары истребили все гумна и скотные дворы? Или землетрясения разрушили фабрики и заводы?

Все такие причины недостачи продуктов мы назвали бы стихийными причинами, не зависящими от людской воли. И если бы все такие несчастья потребовали экстренных расходов от правительства на помощь пострадавшим, то мы сказали бы, что и излишек бумажных денег вызван стихийными причинами, не зависящими от воли человека.

Но мы знаем, что чрезмерной засухи или сырости, ни пожаров, наводнений и землетрясений, ни повальных болезней на людях и на скоте не было. Непомерная дороговизна, недостача товаров и работников вызвана причиной, зависящей от людской воли; таким образом, устранение дороговизны равносильно устранению главной причины ее (т. е. войны).

Известно, что не все страдают от дороговизны. Многие от нее богатеют, не успевают считать барышей. Таким господам невыгодно устранение причин дороговизны. Они, напротив, проповедуют, чтобы причина оставалась до конца, то есть, чтобы дороговизна росла без конца. Естественно, поэтому, что одни люди будут стоять за прекращение причины дороговизны, а другие — против этого.

Что же касается борьбы с дороговизной путем городских лавок, кооперативов, продовольственных комитетов и прочее, то такая борьба не может помочь делу: в лучшем случае она дает возможность съэкономить грош там, где теряются рубли.

«Голос печатного труда», № 1, 28 ноября 1916 г.

ПЛАНЫ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ

I

Планы и настроения, связанные с началом войны, отходят понемногу в прошлое, в область истории. Странными уже начинают казаться тогдашние надежды на быстрое окончание катастрофы. Но как бы мало ни были обоснованы эти надежды они могли в свое время оказывать известное воздействие на настроение руководящих политических сфер. С другой стороны, не могли остаться без влияния и планы тех, в чьи расчеты входило затягивание войны с неизбежным увеличением количества жертв. Проследить в полной мере взаимодействие общественных течений, стоявших за продолжение или против продолжения войны,—задача очень сложная и вряд ли возможная в настоящее время. Поэтому приходится пока ограничиваться более частными вопросами.

Настоящая статья имеет целью лишь напомнить об отношении к войне русской либеральной печати, отражающей мнение нашего буржуазного общества и буржуазной интеллигенции.

Относительно обстоятельств, предшествовавших войне и сопровождавших ее начало, мы находим достаточно интересные указания в статье П. Н. Милюкова—«Общественное мнение, парламенты и правительства союзников» («Ежегодник» газеты «Речь» на 1915 год, стр. 235—242).

Ограничимся некоторыми выписками из этой статьи.

«30 января 1914 года уволен был председатель Совета министров и министр финансов В. Н. Коковцев. Его место занял, в качестве министра без портфеля, И. Л. Горемыкин, памятный обществу своей борьбой с первым народным

представительством в 1906 г. Формальным поводом к отставке было отсутствие единства в кабинете; но политический смысл ее сводился к победе национализма, с его агрессивными стремлениями во внутренней и во внешней политике, над неопределенным национал-либерализмом столыпинского времени».

«Во внутренней политике новый курс тотчас же оказался, как курс ограничительных толкований прав народного представительства и т. д.».

«Такая консервативная и националистическая газета, как «Киевлянин», в номере от 23 апреля констатировала «резкое недовольство нынешним режимом» даже «безусловно лойяльных слоев». «Мы живем на вулкане,— говорила газета,— всякий час могут вспыхнуть внешние осложнения, призрак войны реет в воздухе».

Стр. 237. «Осенью 1913 года Коковцев заключил во Франции договор о займе по 500 млн. франков в год на 5 лет». «Вам нужны наши деньги, нам нужны ваши стратегические дороги»,—так формулировал финансист суть соглашения. («Le Correspondant,» 25 декабря 1913 года, стр. 1086—7)».

Стр. 238. «Проведенный в Государственной думе закон о шпионстве лишил русскую печать возможности говорить о новых вооружениях весны 1914 года. Вплоть до внесения в Государственную думу «большой программы» русское общество оставалось в полном неведении относительно нее. Но в Германии и Австрии русские военные приготовления произвели большую сенсацию и вызвали целую кампанию печати. Застрельщиком являлась «Кельнская газета», напечатавшая 2 марта (н. ст.) сенсационную корреспонденцию из Петербурга».

«В данную минуту,—говорилось в этой статье,—Россия не готова поддержать силой оружия политические угрозы... Непосредственной военной опасности с русской стороны не имеется, как ни гремят французы русской саблей. Но совершенно иное политическое значение приобретет русская военная сила через три или четыре года, к осени 1917 года», — к моменту заключения нового торгового договора с Германией. Другие органы печати сделали из этих сообщений и рассуждений вывод: «необходимо предупредить Россию, прежде чем она будет готова».

Стр. 239. «В «Биржевых ведомостях» появилась и в германских газетах была перепечатана статья, приписывавшаяся военному министру Сухомлинову, под заглавием: «Россия хочет мира, но готова к войне». В статье «с гордостью» заявлялось, что «для России прошли времена угроз извне», что «Россия готова», что хотя «на случай войны наш план

обыкновенно носил оборонительный характер», но теперь «за границей знают, что идея обороны отложена, и русская армия будет активной».

В иностранной печати статья Сухомлинова вызвала новую тревогу в связи со слухами о назначенной на апрель пробной мобилизации, которая должна была обойтись в 105 миллионов рублей (стр. 240).

Стр. 241. По поводу ассигнования Государственной думой военных кредитов в мае 1914 года единственным публичным указанием на существо и значение громадной реформы осталась заключительная часть речи П. Н. Милюкова по внешней политике (10 мая): «Дух несдержанности, дух авантюры нас охватывает,—так кончалась эта речь.—Я высказываю опасение, как бы и последнее ведомство, оставшееся европейским, т. е. министерство иностранных дел, не оказалось так же побежденным, как и другие, и не потеряло возможности во-время остановить то гибельное движение к новой катастрофе, признаки которого я вам очертил». «И после закрытия сессии Государственной думы «Речь» продолжала предупреждать об опасности националистических увлечений, в последний раз перед войной коснувшись этого вопроса по поводу посещения Петербурга Пуанкарэ».

Стр. 242. С началом войны «общественные заявления не заставили себя ждать. Первым из них явилось воззвание Центрального комитета партии народной свободы». В нем говорилось: «Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша — поддержать б о р ц о в в е р о й в п р а в о т у нашего дела, спокойной бодростью и надеждой на успех нашего оружия».

А 26 июля в Государственной думе представитель кадетской партии уже забыл про «дух авантюры» и заявлял: «мы ведем борьбу за освобождение нашей родины от иноземного нашествия, Европы и славянства—от германского преобладания, всего мира—от невыносимого гнета постоянно растущих вооружений» (стр. 243).

Таков был ход событий, по изложению вождя русских либералов. В дальнейшем мы будем останавливаться преимущественно на тех заявлениях либеральной печати, которые делались в связи со слухами о мире, появившимися очень скоро после начала войны и продолжавшими возникать от времени до времени.

В нашей печати нашли себе право гражданства две основных точки зрения по вопросу о прекращении войны. По крайней мере, мы находим в одном из номеров газеты

«Русские ведомости» рядом две телеграммы, выражающие различное отношение к вопросу.

Первая—телеграмма Петроградского телеграфного агентства, от 25 ноября 1915 года, передает точку зрения английского министра Асквита, высказанную им в парламенте. По словам Асквита, правительства Великобритании, Франции, России, Италии и Японии условились не заключать сепаратного мира. Если же правительства неприятельских стран прямо или при посредстве нейтральных стран сделают серьезное предложение о заключении всеобщего мира, то оно будет предварительно обсуждено правительствами союзных государств. До наступления такого момента он не может дать никаких других обещаний. При этом Асквит добавил, что если будут сделаны предложения о мире, то английское правительство непременно привлечет парламент к их обсуждению, как только это окажется возможным.

Из этой телеграммы видно, что Асквит говорил официально не только от лица английского правительства, но и от лица всех союзных правительств: все эти правительства считают необходимым о б с у ж д е н и е всякого серьезного предложения о мире, а английское правительство от себя обещает еще перенести всякое подобное предложение, при первой возможности, на обсуждение парламента.

Вторая—телеграмма «от нашего корреспондента», передает точку зрения газеты «Times». По поводу слухов о мире эта газета заявила, что «заключить мир с теперешней Германией было бы просто насмешкой над самим собою», то есть газета не допускает, в противоположность Асквиту и всем союзным правительствам, никакого обсуждения каких бы то ни было предложений о мире, как бы серьезны ни были эти предложения и по содержанию, и по форме. Мотивируя свое мнение, газета указывает, что «Германия обесчестила свою подпись, и только сумасшедший может теперь заключать с ней договоры. Германия официально признала принцип, что необходимость не знает законов, и ее правители попрежнему верны этому принципу. Заключение мира с этими немецкими правителями означало бы не прекращение войны, а лишь временное перемирие». Никакого мира с теперешней Германией, ни на каких условиях!—таков лозунг влиятельной английской газеты, которая, как видит читатель, резко разошлась в этом случае с точкой зрения, выраженной Асквитом.

Какая же из этих двух точек зрения преобладала за время войны в нашей либеральной печати? Ответом на этот вопрос может явиться только вся наша статья в целом. Пока мы ограничимся одним замечанием. Асквит говорил о «серьез-

ных» предложениях мира. Серьезность или несерьезность может выразиться и в содержании предложений и в их форме. Серьезность содержания—вещь довольно субъективного свойства; признание ее находится в связи с оценкой положения; но для газеты «Таймс», например, никакое предложение нынешнего германского правительства не может считаться серьезным. Что касается серьезности формы, то она не одинакова для правительства и для частной газеты: что недостаточно серьезно для правительственного, официального обсуждения, то может оказаться совершенно серьезным для газетной редакции.

В дальнейшем нам еще придется сопоставлять точку зрения Асквита с точкой зрения редакции газеты «Таймс». Поэтому полезно привести характеристику этой газеты,—последнюю по времени. По словам газеты «Речь» (29 ноября 1915 года), эта газета приняла «явно реакционное направление»; в частности, по отношению к России, корреспонденции ее «стоят на уровне «Земщины». Но если бы читатель поспешил вывести отсюда заключение, что сама «Речь» в вопросе о мире стоит ближе к точке зрения Асквита, чем к точке зрения реакционной английской газеты, то это заключение было бы, по меньшей мере, преждевременным.

Известия о попытках мирных переговоров начали появляться в русских газетах почти тотчас после начала войны. Мы оставляем в стороне вопрос о степени достоверности этих известий. Нам важно лишь знать, как реагировала на них либеральная печать. Уже в конце августа 1914 года сообщалось, что германское правительство обратилось к американскому министру иностранных дел с запросом, не согласятся ли Соединенные Штаты выступить с предложением о посредничестве между воюющими державами. По словам Петроградского телеграфного агентства, державы Согласия отвергли это посредничество, «тем самым заявляя, что войну будут они продолжать впредь до полной победы над Германией». В передовой статье газеты «День», от 1 сентября 1914 года, высказана была по этому поводу мысль, что державы Согласия не могут принять предложения о посредничестве: продолжение войны должно склонить решительную победу на сторону союзников, а кроме того, «необходимость довести войну до конца диктуется всей совокупностью политических условий... война должна быть доведенной до конца. В Берлине должен быть подписан мир».

«Война до конца», подписание мира лишь после завоевания Берлина—это лозунги, с которыми газета «День» не стояла одиноко. Общее настроение печати и, следовательно,

русского «общества» ярко и полно было выражено газетой «Петроградский курьер»: «Германизм должен быть окончательно сломлен и устранен с лица Европы». Этот лозунг, как может заметить читатель, не только не согласуется с точкой зрения, выраженной Асквитом, но и идет дальше позиции газеты «Таймс»: в русской печати шла речь не об устранении нынешних германских правителей, а об устранении самого германизма с лица Европы.

Через полторы недели «День» возвращается к теме о мире: «несмотря на опровержение германского официоза, становится совершенно очевидным,—говорит газета,—что Германия нащупывает в Америке почву для заключения мира». Это обстоятельство очень волнует газету, и она продолжает борьбу против всякой мысли о мире: «Мы уже говорили,—сказано в передовой статье от 10 сентября,— что пока враг не будет окончательно сокрушен, до тех пор никакие разговоры о мире немыслимы. С тех пор не произошло ничего такого, что могло бы заставить нас отказаться от этой точки зрения. Германия заслужила, чтобы мир был ей продиктован в Берлине. Не жестокость, не непримиримость, а здравый смысл выдвигает это требование. Не для этого Россия и весь культурный мир приняли вызов Германии, чтобы бросить дело на середине и при том в обстановке, когда дело противника явно проиграно... Война должна быть доведена до своего логического конца. И во имя великой цели не следует щадить никаких средств, невозможно останавливаться перед жертвами, как бы велики они ни были».

К лозунгу полного устранения германизма с лица Европы и к отрицанию всех и всяких мирных переговоров о каких бы то ни было мирных условиях мы видим в новой передовице «Дня» добавление в виде лозунга: «не щадить никаких средств, не останавливаться ни перед какими жертвами».

Между тем слухи о посредничестве С.-А. Штатов в пользу мира продолжались и, по словам газет, волновали общественное мнение. В конце сентября сочли нужным высказаться «Русские ведомости». Мир по мнению газеты, невозможен, так как прекращение войны толкнет Германию, а следовательно, и ее противников, к новым вооружениям. Получится в Европе лихорадочная смычка вооружений в невиданных дотоле размерах; внутренние задачи будут везде отодвинуты на задний план постоянной острой тревогой о внешней безопасности: все жертвы, понесенные народами, объединившимися против германского народа, окажутся бесплодными; Европа вернется к вооруженному миру, еще более напряженному и непрочному, чем прежде.

Газета «Биржевые ведомости» 30 сентября присоединилась

к точке зрения «Русских ведомостей» и заявила, что во имя «мирной культуры» Европа обязана воевать до полной победы над Германией.

В первых числах октября появилось сообщение, будто одно лицо просило М. В. Родзянко, как председателя Государственной думы, обратиться к президенту Северо-Американских Штатов, Вильсону, с просьбой взять на себя инициативу по ведению переговоров о заключении мира. Родзянко ответил:

«Я не вижу возможности согласиться с вашей мыслью об обращении моем к президенту Северо-Американских Штатов и печати с воззванием, ибо считаю, что победа над Германией, будучи победой над насажденным ею милитаризмом, не повлечет за собою зарождения милитаризма в России, и что не мне защищать ценность германской культуры в момент, когда обнаружились все отрицательные стороны той системы воспитания народа в духе исключительно милитаризма, плоды которой так ясно обнаружились».

— Война должна быть доведена до конца, и германский милитаризм должен быть раз навсегда раздавлен, — так комментировала либеральная газета ответ Родзянки. В этом ответе читатель уже мог подметить сближение между октябристом Родзянко и газетой «Русские ведомости». Сверх того, здесь, кажется, впервые авторитетно поднят вопрос об отрицании не только германской государственности, но и германской культуры.

К вопросу о германской культуре в том же октябре 1914 года вплотную подошел Федор Сологуб в статье «Мира не будет». Автор статьи, не всегда одобряемый в либеральной печати, пользуется большой популярностью среди буржуазной интеллигенции новейшей формации; вместе с тем, он отличается способностью угадывать настроения этой интеллигенции. Поэтому настроение Сологуба, очевидно, является показателем и настроения широких слоев русской интеллигенции.

Ф. Сологуб издевается над мыслью, будто война до конца необходима только для сокрушения германского милитаризма; причина борьбы лежит глубже: «германец и русский так отличны один от другого, словно они живут на разных планетах». Теперь они вступили в борьбу, которая будет измеряться столетиями. Для русских это — борьба за национальное самоутверждение, за самое право на жизнь; поэтому они поставлены в необходимость не только победить, но и раздавить Германию. Германия — совершенно другой, сравнительно с нами, мир. «Против нашей восточной, мистической, религиозной души встала воплощенная в Германии

механизированная душа, антихристианская, рационализованная по-машинному, душа без вещих видений и прозрений, но с необычайною силою материализма, душа язычников Гете, Канта, Ницше и всех этих бесчисленных блестящих, но холодных умов». Понятно, что пруссаки разрушают католические соборы: ведь они ничего не говорят их «лютеранскому рассудительному чувству».

Забыв, что в Германии имеются и католики, записав этих католиков в нехристей заодно с лютеранами, Ф. Сологуб призывает Россию сказать миру свое новое слово. «Материя и сила — вот что видит в мире германец, и совсем иное видит в мире наш мистический Восток, от которого должен сиять миру свет спасения». Должны выработаться новые русские поколения, свободные от европеизма, «не зараженные холопским поклонением перед тевтонскою материальною культурою». И для этих поколений мы должны работать над «возвеличением и воскрешением русской и иных славянских и восточных культур».

Что Ф. Сологуб не остался одиноким, что голос его не прозвучал в пустыне, это доказывается уже одним тем, что звезда этого писателя нисколько не померкла в глазах русской интеллигенции после напечатания статьи «Мира не будет». Но коллективное политическое выражение идеи Сологуба получили только через год, на съезде правых организаций, состоявшемся под руководством Маркова 2-го, Дубровина, Маклакова и Щегловитова. Правые на съезде выставили, в соответствии с желанием Ф. Сологуба, требование признать протестантизм состоянием языческим, что доказывают немцы служением золотому тельцу, милитаризму и жидовству. На этом основании правые потребовали изгнания протестантов со всех государственных должностей и запрещения протестантам держать православную прислугу. Жидовство и германизм, по мнению правых, зиждятся на одних и тех же основаниях. Таким образом, столетняя война, которую проповедует Ф. Сологуб, может считаться окончательно объявленной только с ноября 1915 года, со времени съезда правых организаций при министре внутренних дел А. Н. Хвостове.

Несмотря на позицию, занятую в вопросе о мире русской либеральной печатью, известия о попытках к миру со стороны германцев продолжали появляться.

В телеграмме от 17 октября сообщается, что германское правительство запросило некоторых влиятельных политических деятелей Франции, приемлемы ли для французского правительства предложения о мире, если в них в пользу Франции будет включена уступка Меца, а также, может

быть, и части Эльзаса. Французы ответили, что подобные предложения противоречат французскому национальному чувству.

В телеграмме 23 октября 1914 года передается известие, что германское правительство вновь нащупывает почву для переговоров о мире. На этот раз посредничество должно исходить от швейцарского союзного Совета. Социалистическая партия намерена предложить союзному Совету принять на себя инициативу обращения ко всем нейтральным странам, чтобы те вмешались, в смысле склонения воюющих держав заключить перемирие. В «Речи» была напечатана телеграмма из Лондона от 9 ноября, передающая известие из Вашингтона, что Германия снова пытается добиться посредничества нейтральных держав в целях заключения мира.

В той же газете от 13 ноября 1914 года передается слух, идущий из Италии, о том, что Германия, устрашенная натиском русской армии, предложила России заключить мир; но Россия отвергла это предложение. По сообщению одной итальянской газеты, этот слух исходит из вполне достоверного источника.

Около этого же времени последовал призыв папы прекратить войну во имя христианской любви и братства. Повидимому, возможность скорого мира была в то время (два года тому назад) настолько вероятна, что сторонники войны во что бы то ни стало не могли обойти молчанием никакого выступления в пользу мира, хотя бы выступление и не носило политического характера. Не обошла молчанием наша печать и призыва папы. Наиболее интересный ответ дала газета «Речь» в большой передовице от 14 ноября. «Проповедь высокой христианской морали есть превосходное орудие воспитания»,— резко отвечает центральный орган конституционно-демократической партии,— и с своей стороны выставляет критерий справедливости; но тотчас забывает и об этом критерии и оценивает войну уже вне всяких рамок христианской морали или справедливости; он говорит:

«Быстрый конец зла, представляемого войною, не был бы концом действительным. Вместо уврачевания болезни такой конец лишь загнал бы ее внутрь и не обеспечил бы пациентов от возможности нового ее проявления. Вот почему... нужно желать не скорого конца войны, а конца решительного,— тем лучше, если он может быть скорым. Так именно и взглянул на войну международный пацифизм. Война, как лекарство от войны, как своего рода прививка болезни, как гарантия против ее возможного,— по крайней мере, против ее скорого повторения. Нужно бороться до конца, нужно

предписать противнику наши условия мира, потому что наши условия должны быть таковыми, чтобы обеспечить человечеству сравнительный покой на сравнительно продолжительное время. Вот общая формула нашей нетерпимости ко всевозможным предложениям быстрого мира».

Таким образом, орган конституционно-демократической партии является выразителем мнения не только этой партии, но и международного пацифизма. Согласно этому мнению, нынешняя война как бы вовсе и не война,— во всяком случае это война еще не настоящая, а только предохранительная прививка против всамделишной войны; а жертвы людьми и материальными средствами — это вовсе не жертвы, а лишь затрата противодифтерийной или, точнее, противовоенной сыворотки. Отсюда естественный вывод: нужно не жалеть сыворотки.

Однако же, газета «Речь» в конце статьи вспоминает, что в данном случае предохранительная сыворотка состоит из живых людей, с известным психическим содержанием, и дает совет для укрепления в людях готовности превратиться в сыворотку; она пишет:

«Мы должны твердо знать, что для нас лучше, что нас успокоит надолго, чтобы наши дипломаты твердо знали, к чему им надо стремиться. Вот почему выработка взглядов на условия будущего прочного мира вовсе не тождественна с желанием преждевременного мира, а напротив,— есть лучшее лекарство против такого желания. Часто приходится слышать пословицу о дележе шкуры неубитого медведя. Применение этой пословицы к настоящему случаю может свидетельствовать о похвальной скромности применяющих ее. Но оно отнюдь не свидетельствует об их дальновидности».

Другими словами: не нужно быть скромными при разговорах о дележе будущих завоеваний, так как отсутствие скромности — лучшее лекарство против желания «преждевременного» мира. На этот раз уже не предохранительная прививка, а лекарство, перед расходованием которого не нужно останавливаться: чем шире будут перспективы будущего дележа, тем лучше. И лучше всего, конечно, полное устранение германизма с лица Европы. А так как газета обязалась быть «нетерпимой ко всевозможным условиям быстрого мира», то естественно, что она приходила в раздражение и обрушивалась с обвинениями в германофильстве даже по случаю простого упоминания о том, что «в конце концов нам придется сожительствовать и с немцами». Можно подумать, что никаких немцев в обновленной по кадетской программе Европе не полагается.

II

Вступление Турции в австро-германскую коалицию и начало ее войны с Россией были встречены либеральной печатью почти с нескрываемой радостью. В одном печатном документе того времени, впрочем, сказано прямо: «Германия оказала нам услугу, уговорив турок напасть на нас». При дележе турецкого наследства, как и при дележе Австро-Венгрии и Германии, всякая скромность была отброшена либеральной печатью,— очевидно потому, что скромность признавалась недальновидностью. Планы на турецкие владения не ограничились проливами, Константинополем и Арменией. «Мы являемся естественными наследниками европейских владений Турции и мы, наконец-то, должны стать балканской державой»,— писал С. М. Проппер, издатель «Биржевых ведомостей», объединивших в это время писателей всевозможных либеральных и демократических оттенков.

В чем же заключается конкретное содержание лозунга «стать балканскою державою»? С. М. Проппер отвечает: «Возглавление Россиею прочих балканских государств должно воспоследовать одновременно с заключением с ними таможенного союза и военной конвенции, как это сделала в 1866 году Пруссия, основавшая после победоносной войны с Австрией северогерманский союз, который превратился впоследствии в германскую империю». Ясно, и если не «скромно», то «дальновидно». Но проект «возглавления» Россией всех балканских государств можно приписать личному увлечению Проппера слишком широкими завоевательными планами. Поэтому обратимся к статье П. Н. Милюкова — «Территориальные приобретения России» в сборнике — «Чего ждет Россия от войны?» Милюков, как вождь партии, является лицом, более политически ответственным, чем Проппер; сверх того, он в данной статье, видимо, старается устранить все субъективное, стремится быть истолкователем завоевательных намерений и решений всего русского «общества».

«Война началась,— говорит П. Н. Милюков,— без определенных, со стороны России, намерений относительно расширения территории российского государства». Но затем выяснились планы присоединения Галиции и, по толкованию Милюкова, части закарпатской территории, лежащей в пределах Венгрии.

Вскоре планы «расширения территории российского государства» распространились и на австрийскую Силезию, а

также на германские провинции — Силезию, Познань, Восточную Пруссию и часть Западной Пруссии.

Вступление Турции в войну «дало нам возможность,— говорит Милюков,— поставить на очередь окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики». Эти вековые задачи заключались в приобретении Россией Босфора и Дарданелл, вместе с Константинополем и землями до линии Мидия — Энос, а если Болгария не поддержит Россию, то — и вместе с Адрианополем. В Малой Азии планы «приобретений» распространяются на берега проливов и Мраморного моря, а также со стороны Закавказья — на линию от Зивина до Баязета и на всю Великую Армению и Трапезундский вилайет.

Относительно Армении нужно заметить, что «часть армянских деятелей» желает создания автономной Армении в пределах Турции, подобно дунайским княжествам до приобретения ими независимости. Очевидно, армяне, в расчете на слабость Турции, надеются получить позже полную независимость. При этом «многие армянские деятели» настаивают на включении в состав автономной Армении и Малой Армении или Киликии, выходящей к Средиземному морю. Милюков предпочитает для Великой Армении «введение ее территории в пределы Российской Империи», но с «русской точки зрения» отказывается от Малой Армении. Почему?

Автономия Армении совместно с Великой и Малой Арменией отстаивается армянами в интересах национального объединения и в целях будущего торгового развития их страны. Но выход Армении к Средиземному морю «широко открывает Армению международному соперничеству как экономическому, так и политическому». При этом «связь с Россией неизбежно становится менее тесной». А Россия должна будет держать военный флот на Средиземном море что «не оправдывается современным состоянием русской внешней торговли».

С точки зрения на условия мира, высказанной нашей либеральной печатью, интересно сопоставить точку зрения, высказанную в листке под заглавием: «Что даст России победа», выпущенном «Комитетом народных изданий» «для бесплатного распространения», с пометкой «центральный книжный склад и типография «Сельского вестника», Петроград, Мойка, 32. Согласно указанию этого листка, завоевательные планы ограничиваются двумя пунктами:

1) «Тогда необходимые нам проливы будут принадлежать нам вместе с турецкою столицею — Константинополем», и

2) «Нельзя было бы долее терпеть, чтобы под немецким ярмом оставался наш же русский православный народ,— наши братья галичане, жители древней Червонной Руси. Поэтому, отнятые нами у Австрии, земли никогда больше не отойдут от России».

Это меньше того, что проповедывали либеральные империалисты.

Как видит читатель, в этом листке не проповедуется ни завоевание Малой Азии («Армении»), ни покорение («возглавление») Болгарии, Сербии, Черногории, Албании, Греции и Румынии. По отношению к Германии и Австро-Венгрии листок, не боясь обвинения «Речи» в изменническом германофильстве, исходит из очевидного предположения, что, «в конце концов, нам придется сожительствовать с немцами» в Европе.

Таким образом, к концу осени 1914 года русское либеральное и либерально-демократическое общественное мнение вполне определилось в требовании завоеваний, идущих много дальше того, что выражено было официальной программой. Относительно мнения, будто война — только предохранительная прививка против войны, нельзя говорить серьезно: оно лишь словесное украшение завоевательных планов, простирающихся (для России) на значительную долю Малой Азии и весь Балканский полуостров, от южной оконечности Греции до Прута и Сана, а также на восточную половину Германии. До полного осуществления этих планов русское общественное мнение, поскольку оно выражалось либерально-демократической печатью, считало необходимым относиться с полной «нетерпимостью» ко всяким разговорам о мире.

Рядом с завоеваниями территориального характера были выдвинуты лозунги борьбы в области культурной и в сфере экономической.

Относительно культурной области мы уже видели выступление Федора Сологуба и уже говорили о значении этого выступления. Нужно еще отметить, что в этой области роли перепутались самым причудливым образом. Для примера достаточно отметить один конфликт «Нового времени» с «Речью». В «Новом времени» пресловутый Меньшиков, заговорив о заграничных курортах, вдруг чрезвычайно расширил вопрос:

«Совсем остановить поездки русской публики за границу

невозможно. Мы можем бойкотировать Германию и Австрию, но бойкотировать весь свет было бы ошибкой старых японцев или китайцев. Европа для нас была и останется родным материком. Это наше второе отечество, не более обширное, но культурно более богатое, чем Россия. Со времени Петра мы воспитываемся в тесном общении с Западом... Религия, государственность, философия, поэзия, искусство — все это на Западе для нас свое родное при некоторых чуждых оттенках, делающих их особенно интересными... Несомненно, война может надолго окружить немецкие страны ненавистью человечества, но в конце концов, нам придется сожительствовать, худо ли, хорошо ли, и с немцами. Поэтому я думаю, что общение между народами будет продолжать развиваться, и никакими силами образованную русскую публику нельзя будет оторвать от Европы».

За эти рассуждения газета «Речь» закричала «слово и дело»,[1] обвиняя Меньшикова в германофильстве в духе Маркова 2-го.

Наконец, что касается сферы экономической, то здесь было исписано немало бумаги о немецком засилье, торговом договоре, превращении России в германскую колонию и т. п. Будучи в настоящей статье лишь простым летописцем мнений, я вынужден в этом сложном вопросе ограничиться приведением только одного документа, который является, однако, квинт-эссенцией всех буржуазных писаний на эту тему,— до писаний бывших марксистов (Маслова, Потресова и других) включительно.

Этот документ — воззвание московского купеческого общества к «русскому обществу».

Вот оно полностью (по газете «День», от 1 ноября 1914 г.).

«В тяжелую годину войны, навязанной нам дерзким врагом, никто не должен оставаться безучастным зрителем переживаемых нами событий. Предоставляя нашим братьям-воинам защиту на поле брани чести и достоинства России, мы обязаны перед великой родиной нашей помочь им в этой борьбе с врагом, сломив его мощь, основанную на экономическом преобладании. Будем всегда и неизменно помнить, что каждый уплаченный немцам рубль претворяется в орудие против нас и идет на экономическое порабощение России. Пусть каждый русский откажется от

---

[1] «Слово и дело» — условный термин для обозначения государственных преступлений в России XVIII в.

покупки немецких товаров, объявит бойкот австрийских и германских фирм и тем самым, освободив родину от немецкого промышленного засилия, будет способствовать возрождению и укреплению отечественной промышленности на благо России».

Для восстановления истины в этом воззвании следовало бы внести только одну существенную поправку по воззванию: бойкот немецких фирм вызывается интересами военного дела; на самом же деле, как всем известно, победоносная война, в сфере экономической, ставит своей основной целью отвлечение потребителя от немецких магазинов и поставление его в необходимость посещать исключительно торговые предприятия составителей воззвания. И в этом вопросе, подобно вопросу о завоевании новых территорий, быстрый мир был признан либеральной печатью несоответствующим интересам России.

Таким образом, все известия, идущие из-за границы, о желании Германии приступить к мирным переговорам встречали со стороны русской либеральной печати единодушный резкий отпор. И к концу осени 1914 года самые известия о мирных попытках германского правительства прекратились. На место их стали появляться сообщения о падении воинственных настроений населения Германии и Австро-Венгрии.

«Перелом настроения в Германии,—писал, например, корреспондент «Речи»,—наблюдается не только среди рабочих, но и в других слоях населения». Раздаются голоса, предостерегающие от оптимистической оценки шансов войны для Германии, а утомление и недовольство ходом войны принимают все более резкие формы.

Одновременно с этими сообщениями о переломе настроения в Германии стали появляться, приблизительно с конца ноября 1914 года, известия о перемене тона германских газет по отношению к России: толки о русском коварстве, русской агрессивности сменились в Германии ухаживанием за Россией.

И вместе с тем стали передаваться раздающиеся в самой Германии голоса против всяких территориальных приобретений в Европе.

Первая четверть 1915 года ознаменовалась продвижением русских войск в пределы Австро-Венгрии на Карпатах. Вместе с тем прекращается появление в русских газетах известий о попытках Германии приступить к мирным переговорам. Зато немало писалось о желании Австро-Венгрии заключить мир с Россией. Это желание было русской пе-

чатью встречено так же, как попытки, о которых писалось осенью 1914 года.

В апреле 1915 года появилась перепечатка из американских газет об условиях мира, предложенных Германией и переданных Дернбургом. Эти условия следующие:

1. Германия выводит свою армию из Бельгии и участвует в восстановлении разрушенных бельгийских городов.

2. Международными договорами гарантируется принцип равноправия народов на морях.

3. Объявляются международным достоянием телеграфные кабели.

4. Исправляется граница между Германией и Францией путем уступки последней незначительной полосы в Лотарингии.

5. На восточном фронте остается в силе status quo (старые границы).

6. Турция признается находящейся в сфере влияния Германии.

7. Германия получает право на свободный транзит через Бельгию.

Эти условия были оставлены русской печатью без рассмотрения: они дали лишь повод лишний раз поговорить об истощении Германии и Австро-Венгрии, обреченных на гибель от недостатка съестных припасов, металлов и людского материала для пополнения убыли в войсках. Тон русских газет оставался победным и непримиримым.

А между тем на Дунайце уже грохотал «ураганный огонь» австро-германской артиллерии...

В первый период войны, приблизительно до апреля 1915 г., успели достигнуть полного расцвета и определенно оформиться завоевательные планы русских империалистов либерального лагеря. По отношению к Европе эти планы простирались до полного уничтожения германизма и всех и всяких нехристей (включая в число последних и христиан-протестантов), а также—до покорения («возглавления Россией») всех государств Балканского полуострова; на границе Европы и Азии предполагался захват обоих берегов Босфора, Мраморного моря и Дарданелл; и наконец, в Малой Азии проектировалось завоевание Трапезунда и большей части Армении, но с таким расчетом, чтобы завоеванная часть не имела выхода к Средиземному морю, во избежание в этой области европейской конкуренции по отношению к российским товарам и российской политике.

Одушевленное верой в осуществление широких завоева-

ний, русское общество не только не огорчалось увеличением числа врагов (вступлением в войну Турции), но и откровенно выражало свою радость. Говорили, что вовлечением Турции в войну Германия оказала невольную услугу России; по выражению Милюкова, «вступление Турции в число наших врагов» дало «нам возможность поставить на очередь окончательное разрешение вековых задач нашей ближневосточной политики».

Завоевательным намерениям либерального общества не отвечал размер успехов, достигнутых русской армией на театре военных действий, и в связи с этим несоответствием проповедывалось либеральными газетами самое «нетерпимое» отношение ко всяким переговорам о мире. Лозунгом дня было: никаких переговоров ни на каких условиях! Всякое известие о чьем-либо желании начать мирные переговоры, хотя бы на условии восстановления старых границ, и даже с некоторым увеличением русской и французской территории, истолковывалось как признак истощения врага, сознание им своей близкой, неизбежной гибели. И потому мирные предложения оставлялись русской печатью без рассмотрения. В читателях газет все время поддерживалась уверенность в близости победы полной, окончательной.

Между тем началось на Дунайце памятное наступление австро-германцев, остановившееся лишь к осени на территории Полесья и Волыни. Невозможность оказать сопротивление этому нашествию объяснялась недостатком снарядов у русской армии. И тут выяснилось, что либеральная печать говорила заведомую неправду, теша обывателя верой в слабость Германии. Обнаружилось, что вожди либералов знали заранее о недостатке снарядов и предвидели, следовательно, летний оборот событий на театре военных действий; но они скрывали правду.

Либералы сами, устами Милюкова, признались в этом. В заседании Государственной думы 19 июля 1915 года Милюков заявил от лица своих единомышленников, что еще в январе они явились в Думу с «чувством патриотической тревоги», но «сдержали это чувство в себе», то есть, скрыли от народа, что знали, и только «в закрытых совещаниях высказали правительству все то, чем уже тогда была полна народная душа». Это, еще недостаточно ясное, признание Милюкова получило некоторое разъяснение в статье того же автора в «Ежегоднике» газеты «Речь» на 1915 год, на стр. 257. «Депутаты, побывавшие на фронте,— говорит здесь Милюков,— уже в январе указывали на недостаток снабжения армии; этот вопрос обсуждался в закрытом совещании 25 января, и военный министр дал

«успокоительные заверения», оказавшиеся обманом; но то, что было известно лишь немногим, стало доступно всем, когда начались наши неудачи». То есть, обманывали публику и Сухомлинов и либеральные депутаты, знавшие истину. В числе немногих, знавших о недостатке снарядов, был, очевидно, и П. Н. Милюков и другие вожди либеральных партий. Это не помешало им сохранить в полной целости свои завоевательные планы и отвергать обсуждение каких бы то ни было условий мирного договора.

Напомним читателю позицию представителей различных партий в заседании Государственной думы 27 января 1915 г.

Цитирую по отчету в газете «Речь», 28 января 1915 г. Е. П. Ковалевский. Сербия и Черногория должны получить «территориальное увеличение и свободный выход к морю», а для России «на первую очередь приходится поставить завершение векового нашего спора с Турцией относительно Босфора и Дарданелл, а также обеспечение наших прав в Святой земле». Далее идут: «освобождение Армении от турецкого ига»; «Червонная Русь, русская Буковина и соседняя с ними Угорская Русь будут окончательно присоединены к России»; «пришел момент для воссоединения польского народа», и наконец: «к числу намеченных историей целей, заключающих в себе и возможность территориального роста России в ущерб Германии, мы должны отнести также и свободу плавания в водах Балтийского моря».

В соответствии с этими задачами Е. П. Ковалевский в конце своей речи говорит: «Несмотря на напряжение военных сил на театрах военных действий, русское общество уже не раз смущали неизвестно кем распускавшиеся слухи об ускоренном якобы заключении мира. Но преждевременный мир до окончательного сокрушения врага знаменовал бы необходимость готовиться к новой войне, которая в самом скором времени стала бы неизбежной».

П. Н. Милюков. «Осуществление национальных задач стоит на верном пути. Мы уверены, что выполнение главнейшей из этих задач — приобретение проливов и Константинополя (голоса: «Браво!») будет своевременно обеспечено как дипломатическими, так и военными средствами» (голоса: «Браво!» Продолжительные рукоплескания). Далее идут: «объединение и освобождение Польши» под властью России, такое же «освобождение Армении». Закончил Милюков свою речь восклицанием: «Да здравствует свободная Россия в освобожденном ее усилиями человечестве!» (Бурные рукоплескания).

И. Н. Ефремов. «В виду злонамеренно распространяемых слухов, мы не можем не сказать, что малодушная остановка на полпути в борьбе с Германией была бы оскорбительным недоверием к народу и его доблестной армии. Преждевременное заключение мира было бы предательством жизненных интересов России и тех великих задач, которые поставлены перед нею воззваниями Верховного Главнокомандующего; оно было бы преступлением перед родиной, нашими союзниками и человечеством, справедливо ожидающим от разгрома Пруссии освобождения от невыносимого гнета милитаризма». Борьба идет «не за завоевание новых земель, не за порабощение других народов».

С. И. Шидловский. «Наш председатель указал, что война ведется не для завоевания территорий, а для борьбы с тем началом, которое признает кровь и железо единственным судьей между людьми. Я пойду дальше и укажу, что эта великая война есть война между двумя непримиримыми воззрениями»... Далее С. И. Шидловский заявил, что «никакие операции с Германией не могут считаться законченными, пока не будет решен вопрос о Константинополе и проливах в интересах России».

В. Н. Львов. «Теперь, когда пора воодушевления сменяется зарей надежды на осуществление целей, поставленных войной, настает время отдать себе отчет в конечных целях войны, спросить, ради чего и против чего мы сражаемся... Всякое усиление Германии должно быть предотвращено расчленением Австро-Венгрии. Наконец, перед нами блещет надежда на завершение Россией ее вековых исторических задач на Черном море».

Савенко. «Наши орлы уже стоят на Карпатах, и мы можем восторженно приветствовать наших братьев у Карпат, воссоединенных отныне с нами навеки. Но крепнет наша вера, что великому нынешнему царствованию суждено осуществить другую заветную мечту русского народа: я говорю о проливах и Царьграде. Проливы и Царьград должны быть нашими и только нашими». (Общие аплодисменты).

С. В. Левашов. «Русь Червонная, Русь Зеленая, Русь Угорская должны слиться с Великой, Малой и Белой Русью в великую, нераздельную Россию... Проливы, предоставляющие выход из Черного моря, вместе с соответственными

участками на европейском и азиатском берегах, должны поступить во владение России».

При этом правый депутат С. В. Левашов счел не лишним пояснить:

— У нас нет никакого основания требовать, чтобы весь немецкий народ был истреблен и сметен с лица земли.

В этом заявлении Левашов разошелся во мнениях с некоторой частью нашей либеральной печати и с «Речью», которая протестовала против мысли, что «в конце концов придется сожительствовать, худо ли, хорошо ли, и с немцами». И для уяснения русских общественно-буржуазных настроений во всяком случае характерно, что понадобилось со стороны правого депутата формальное заявление о неимении в виду истребления и сметения с лица земли целого народа.

III

Отступление русских войск в Галиции и на Висле не прекратило появления известий о новых попытках приступить к переговорам о мире. В конце мая появилась телеграмма из Нью-Йорка о том, что в германских кругах готовы поддержать движение к восстановлению европейского мира при посредстве Соединенных Штатов; в германских кругах Нью-Йорка постоянно распространяются слухи о мире, «но,— сказано в телеграмме,— со стороны союзников не было даже намека об этом: союзники понимают, что обсуждение мирных условий невозможно, пока германские войска не очистят французской, бельгийской и русской территорий».

В телеграмме от 8 июня передается сообщение американской газеты, что германский посол в Соединенных Штатах, граф Бернсторф и другие агенты Германии довели до сведения Вильсона, что Германия была бы весьма признательна, если бы Соединенные Штаты взяли на себя инициативу посредничества между Германией и державами четверного Согласия. А 10 июня это известие дополняется («Речь» № 157) сообщением, что в наших дипломатических кругах пока еще не получено официального подтверждения сведений о попытках Германии добиться посредничества президента Вильсона; тем не менее наши осведомленные дипломаты считают это известие близким к истине. «Несомненно,— сказано в «Речи»,— что Германия, напрягающая последние усилия[1], желает использовать свои временные успехи, чтобы

[1] В это время Люблин и Холм были еще в русских руках.

добиться заключения мира на сравнительно выгодных для себя условиях; однако Россия, как и ее союзницы, твердо решила «довести войну до конца» и добиться «полного разрушения германского милитаризма». «Поэтому можно с уверенностью сказать,— говорят наши дипломаты,— что все попытки Германии добиться прекращения войны теперь, в удобный для нее момент, встретят со стороны всех союзников категорический отказ».

Эти слухи о мире летом 1915 года дали русским газетам новый повод говорить об истощении Германии. Отмечалось, что германская печать очень сдержанно, без обычных восторгов, отзывается об успехах в Галиции; и из этого делался вывод, что германцы испугались своих собственных побед, что у них родились «опасения за последствия происшедших событий», которые «несомненно послужат к еще большему единению нас и союзников в стремлении сокрушить дерзкого врага» (телеграмма от 12 июня).

В конце июля, по сообщению «Русского слова», среди членов Государственной думы упорно говорили о том, что имп. Вильгельм обратился через Копенгаген к русскому правительству с предложением мира. По словам члена Государственной думы Е. П. Ковалевского, он из кругов министерства иностранных дел слышал, что Вильгельм предложил следующие условия мира: Германия уступает России всю Галицию вместе со Львовом и Перемышлем и очищает всю Польшу, за исключением западной части ее по реке Варте, между Калишем и Ченстоховом. «Депутаты подчеркивают,— говорит газета,— что Германия, повидимому, истекает кровью, если в момент занятия Варшавы просит о мире. В политических кругах утверждают, что предложение Германии будет оставлено нашим правительством не только без ответа, но даже без рассмотрения». Таким образом, возможность окончить войну летом 1915 года, на выгодных для России условиях, была единодушно отвергнута и русской буржуазией и правительством.

Ровно через месяц, в конце августа 1915 года, газеты сообщают, что датская печать полна известиями из Америки о предстоящем заключении мира. Германские условия мира следующие: восстановление польского королевства, очищение немцами Бельгии, переход Конго к Германии, раздел Сербии между Австрией и Болгарией, переход Бессарабии к Румынии, «пресловутая свобода морей и прочий неприемлемый вздор».

Почти одновременно появилась в «Русских ведомостях» (№ 192) корреспонденция о заседании рейхстага 20 августа нового стиля, «принесшем, наконец, официальные заявления

германского правительства, чего оно, собственно, хочет». Нужно заметить, что уже в июне начались сообщения о перемене настроения в Германии под влиянием ее успехов в Галиции и Польше. С одной стороны, стали обнаруживаться завоевательные стремления реакционных и либерально-буржуазных германских кругов, а с другой — появились более или менее резкие протесты против завоеваний со стороны разных частей германской социал-демократической партии.

Автор корреспонденции в № 192 «Р. Вед.», М. Лурье, подтверждает, что, действительно, пока положение австро-германцев было трудно, до тех пор со стороны германского правительства слышались неоднократные заявления, что оно не желает ни завоеваний, ни контрибуций. Под влиянием же летних успехов настроение переменилось и в газетах началась агитация за аннексии. Нам неизвестны, конечно, сокровенные планы германских империалистов, но важно отметить, что публичное проявление этих планов относится лишь к 1915 году: союзы аграриев и промышленников высказались за присоединение к Германии Бельгии и северной части Франции. А в заседании рейхстага 20 августа имперский канцлер заявил, что Польша должна перейти в общее управление Германии и Австро-Венгрии; в остальном он ограничился указанием на необходимость создания таких условий, которые «обеспечили бы впредь Германию от нападений» и дали бы «достаточное вознаграждение» за жертвы войны.

В то же время канцлер заявил, что германское правительство будет требовать от противников покрытия издержек войны. «Таким образом, — заключает корреспондент «Русских ведомостей» в августе 1915 года, — оборонительный характер войны, провозглашенный год назад, окончательно превратился (в Германии) в забытые слова». Вскоре после этого, в телеграмме от 4 сентября, появилось изложение точки зрения английских министров Ллойд-Джорджа и Асквита. Ллойд-Джордж заявил: «Пока хоть один немецкий солдат остается на французской или бельгийской земле, — ни один англичанин не захочет даже и думать о мире».

Асквит добавил: «Мы ни за что не вложим в ножны меча, вынутого нами не с легким сердцем, пока Бельгия не получит сполна всего, что она потеряла, и даже больше того, чем она пожертвовала, пока Франция не будет достаточно обеспечена против всяких угроз нападения, пока права маленьких народов Европы не будут зиждиться на неприступном основании и пока военное господство Пруссии не будет вполне и окончательно разрушено».

Позиция Ллойд-Джорджа и Асквита станет более ясной,

если мы обратимся к газете «Таймс» за ответом на вопрос: на кого же или на что надеются англичане. «Вся Россия днем и ночью, — отвечает «Таймс», — изготовляет оружие и снаряды»; течет «непрерывный поток военного снаряжения в русские арсеналы из союзных и нейтральных стран»; в России «серые герои» «в количестве миллиона» ждут очереди, чтобы вступить в бой, лишь только они будут полностью вооружены; поэтому «кто, как не глупец, может думать о мире» (тел. петр. тел. аг. из Лондона, от 12 ноября 1915 г.). К этому времени в русских газетах уже открыто говорилось о «разделении» труда между союзниками: Англия дает деньги, а Россия — солдат. Таким образом, не стыдились признать, что русская армия была продана англичанам.

Сентябрь и первая половина октября 1915 г. явились периодом затишья в отношении разговоров о возможности мира и об его условиях. Но с конца октября сообщения о попытках Германии возобновились. Говорили о том, что копенгагенские газеты полны всевозможными слухами о настойчивых попытках Германии добиться мира. Для этой цели Германией будто бы мобилизованы главы всех нейтральных государств: Вильгельм будто бы обратился и к папе, и к Вильсону, и к испанскому королю с просьбой позондировать почву в Лондоне и Париже. Затем новые выступления германских агентов с предложениями начать мирные переговоры отмечались в разных городах Европы и Америки: в Берне, Стокгольме, Вашингтоне, Бухаресте и Копенгагене. За восстановление мира принялись хлопотать в особенности шведский посланник в Вене, премьер-министр Люксембургского герцогства и один американец, близкий друг Вильсона. Из американских официальных кругов, по словам «Таймса», подтверждались слухи о возможности в ближайшее время открытия переговоров об условиях мира. В то же время велись какие-то переговоры в Голландии с участием некоторых членов германского рейхстага. Согласно телеграмме Петроградского телеграфного агентства из Стокгольма от 25 октября, «Германия и Австрия теперь еще более склонны к заключению мира, чем раньше».

Несколько позже стали появляться сообщения о взглядах на мир, высказанных различными видными деятелями австро-германского лагеря. Например, венгерский премьер-министр, граф Тисса, в беседе с корреспондентом Нью-йоркской газеты, заявил, что исключительно от держав Согласия зависит, продолжать ли войну или заключить мир. В венгерском парламенте граф Андраши заявил, что момент для заключения мира уже наступил, но противники австро-

германцев прилагают все усилия, чтобы повернуть военное счастье в свою сторону.

В конце ноября из Америки сообщили новую версию о германских условиях мира: Германия предъявила требование полного владычества на Балканах, обеспечивающего ей дорогу в Константинополь и в Малую Азию; далее — образования между Германией и Россией государств-буферов, включая новое королевство (Польское) и увеличение румынской территории; затем Германия согласна восстановить старые границы на западе, очистив Бельгию и даже сделав Франции незначительные территориальные уступки в тех областях Эльзаса, где население говорит по-французски.

Почти одновременно в «Голосе Руси» передавалась копия декларации, с которой будто бы намерен выступить Вильгельм. Он выскажется за то, чтобы прекратить кровопролитие и дать Европе возможность залечить свои раны в течение долгого мира; он обещает очистить территорию Бельгии и Франции, войдя в то же время в соглашение с Англией относительно Антверпена; Польша будет превращена в автономное государство; России будут возвращены все занятые немцами провинции; независимость Сербии останется неприкосновенной; Англия должна предоставить Германии полную свободу на морях и ничем не стеснять германской торговли.

Одновременно со всеми этими сообщениями о желании правящих кругов Австрии и Германии приступить к ликвидации войны чаще прежнего стали появляться известия о росте настроения в пользу мира среди населения этих стран. В заметке под заглавием: «Жажда мира» («Речь», 8 декабря 1915 г.) передается замечание одной нейтральной газеты: «Замечательно, что, когда возникают слухи об условиях мира, можно с достоверностью сказать, что они идут из Берлина. Однако, сторонники продолжения войны сохранились и в Германии до конца 1915 года. Среди правых политических деятелей Германии развиваются планы доведения войны до победоносного конца» («Р. Вед». 22 дек.). Орган католического центра доказывал, что Германия больше всего должна бояться мира, «который не оправдал бы принесенных народом жертв» («Речь», 4 декабря). Граф Ревентлов проповедует, что «нужно продиктовать условия мира, приставив штык к груди врага». Вместе с сохранением воинственных настроений в германских реакционных кругах сохраняются и широкие завоевательные планы, вплоть до присоединения всех земель, «обагренных немецкой кровью».

Против завоевательных стремлений реакционеров и про-

тив их лозунга войны до конца раздаются даже из буржуазной германской среды протесты против всяких завоеваний (аннексий), или против аннексий в Европе, или против аннексий областей с населением, не говорящим по-немецки. Англофобские выступления реакционеров встречают протесты с указанием, что не следует раздражать людей, с которыми придется обсуждать договоры, что не следует отталкивать врагов и издеваться над ними, — особенно в моменты, когда с их стороны проявляется хоть тень готовности говорить о мире. «Само собой разумеется, — писал в конце октября Теодор Вольф, редактор либеральной берлинской газеты, — что германский народ, за исключением немногих забияк и корыстолюбцев, извлекающих пользу из войны, желает прекращения кровопролития». А приблизительно через месяц он же говорит: «Германия вправе ясно и громко говорить о возможности мира, так как она постоянно показывает на деле, насколько она находится на высоте положения».

В «Речи», от 25 декабря, находим большой фельетон Д. Философова: «Рождественские мечты австро-германцев». Автор имел в руках рождественские номера четырех австрийских и германских газет разных направлений. Общее впечатление от этих газет он формулирует в виде двух положений: «во-первых, замечается у наших противников большая усталость и в связи с этим непомерное желание точно определить конкретные цели и конкретные пределы войны; во-вторых, замечается большая разочарованность: надежды на мир, как на следствие грандиозных побед, рушились. Эти две вариации на основную тему — жажда мира — слышатся в разной степени и в разных тональностях во всех вышеназванных газетах».

«В начале войны мы думали,— говорит Д. Философов,— что все германцы превратились почти в автоматов на службе государству; мы воображали, будто они делают это с легкостью, и восторгались пресловутой германской «государственностью». Оказывается же, что этот пресловутый порядок заключал в себе великий «надрыв»: война еще не кончена, а культурная личность начинает уже тосковать по личной свободе». Усталость и непреодолимая жажда мира в Германии дают повод русскому автору радоваться проявляемому в России негодованию против всяких мирных попыток.

Еще сильнее, чем в германской либеральной буржуазии, настроение против войны и агитация в пользу мира наблюдаются среди германских рабочих и германской социал-демократии. Известий об этом в русских газетах появля-

лось много. Но важнее, чем словесная агитация, проявление массового рабочего движения в Германии против войны. О них находим интересную корреспонденцию в «Русских ведомостях» от 13 декабря. Уличные столкновения на почве дороговизны случались в германских городах с начала войны; они заканчивались, сравнительно, добродушно. Но безмерное затягивание войны привело к нарастанию политического брожения. И отношение между администрацией и демонстрацией резко переменилось, как только стал проявляться политический, противовоенный протест.

Первые небольшие женские демонстрации в Берлине в марте и мае окончились лишь тем, что полиция «просила честью». В конце осени брожение усилилось, — по мере того как война стала затягиваться и начали обнаруживаться завоевательные планы правительства.

9 декабря 1915 года в Берлине произошла крупная демонстрация. Около десяти тысяч социал-демократов собрались на главной улице с криками: «Долой войну! Мира и хлеба!». С пением «Марсельезы» толпа двинулась к рейхстагу. Конные жандармы несколько раз бросались на толпу с обнаженными саблями. Оттиснутая в боковые улицы, толпа вновь собралась с криками: «Долой войну! Да здравствует мир!». На площади народ вновь был атакован жандармами. Об уличных демонстрациях в эти дни сообщалось также из других германских городов: Дрездена, Лейпцига, Геттингена.

Об уличных протестах против войны сообщалось не только из Германии, но и из Болгарии. В конце ноября перед королевским дворцом произошла социалистическая демонстрация против войны. Были раненые и убитые.

В конце ноября 1915 года в рейхстаге обсуждался запрос о мире, внесенный социал-демократами. Но сообщения русских газет об этом запросе больше характеризуют настроение самих газет, чем германцев: в русской буржуазной печати возможность окончания войны продолжала встречать единодушный протест. Трудно сказать, какую роль в этом единодушии играло английское и французское золото. Известно лишь, что наши союзники вообще не жалели денег на подкуп заграничных газет как в нейтральных, так и в воюющих странах. Как бы то ни было, русская печать в вопросе об окончании войны следовала всегда за английскими и французскими газетами. Приведем некоторые данные об отношении к миру во Франции, в Англии и Италии.

Относительно позиции правительства и общественного мнения в Англии мне уже приходилось говорить. Это, отчасти, позиция войны во что бы то ни стало, без каких бы

то ни было переговоров о мире (газета «Таймс»), частью же позиция продолжения войны впредь до появления «серьезных» предложений о мире (министр Асквит). Но этими определениями еще не исчерпывается вопрос. В самом деле, какие предложения Асквит готов был бы признать «серьезными»? В русской печати (например, см. «Речь», 5 ноября 1915 г.) передавалось справедливое мнение, что истинные цели войны и желательные условия мира тщательно скрываются как правительством Германии, так и правительствами Франции и Англии.

Этот факт находит себе подтверждение в мысли, высказанной норвежским министром Кнудсеном, и переданной петроградским телеграфным агентством в телеграмме от 10 декабря. Кнудсен высказал, что в настоящий момент ни одна нейтральная страна не может выступить посредником в мировой войне, так как всякое такое вмешательство было бы понято лишь превратно; и затем он указал, что и германский канцлер высказывает готовность очистить Бельгию, и английский министр Асквит ставит «единственным условием» мира восстановление Бельгии. — «Что же мы можем при таких условиях сделать?» — сказал в заключение Кнудсен. Действительно, что же делать, если две воюющие стороны выставляют одно и то же условие для заключения мира и все-таки не хотят приступать к началу переговоров? Очевидно, приходится думать, что воюющие стороны недостаточно полно высказали свои цели.

Остается, поскольку речь идет об Англии, ознакомиться с английским «общественным мнением» об этом вопросе. К сожалению, в русских газетах нам почти не случалось встречать указаний на эту тему, если не считать того, что пишется в «Таймсе». Тем более интереса представляют два факта, приведенные в газете «Речь» 3 декабря 1915 г.

Во-первых, в английском журнале — «Nation» бывший министр Мастерман выступил с доказательством, что владения Германии должны быть ограничены исключительно немецкими землями, и что Германия не может господствовать над не немецкими народностями; южно-африканские колонии ни в каком случае не должны быть возвращены Германии; Бельгия и Франция должны быть расширены путем получения «стратегических границ»; сверх того, Германия должна уплатить контрибуцию свыше 2 миллиардов фунтов стерлингов (30 миллиардов рублей), а с германским флотом должно быть покончено.

Во-вторых, в одном из манчестерских либеральных клубов Роденом Бакстоном был прочитан доклад, в котором выставлены следующие условия мира:

1) Германия совершенно очищает Бельгию, Францию, Польшу, балтийские провинции и Сербию.

2) Германия возмещает Бельгии убытки.

3) Специальные требования Франции в отношении Германии, а Италии и Сербии — в отношении Австро-Венгрии, как и требования России относительно Турции, разрешаются по соглашению с Англией, при чем последняя следит за тем, чтобы означенные решения находились в соответствии с принципом национальности.

4) Притязания Германии на обладание колониями признаются, но число ее колоний уменьшается, по сравнению с прежним, а именно: германские колонии, занятые Японией и Австралией, остаются у последних, а германские владения в юго-западной Африке переходят к Англии.

5) Специальная конференция рассматривает спорные вопросы о воспрещении каперства[1], об изменении понятия блокады и др.

Как видно из обоих этих проектов, в английском обществе существуют широкие завоевательные планы по отношению к Германии и Австрии, а сверх того, и тенденция подчинить своему надзору и руководству союзные с Англией государства (третий пункт проекта Бакстона). Но всем известно, что ни положение дел на театре военных действий, ни соотношение военных сил Англии, с одной стороны, и России, Франции и Италии — с другой, не давало основания в 1915 году, как не дает и в 1917 году, ожидать, чтобы в результате мирных переговоров могла быть осуществлена программа Бакстона. И потому понятно нежелание англичан слышать о мире и уклончивая позиция Асквита, которому удобнее, конечно, говорить о Бельгии и недоговаривать об аннексии южно-африканских колоний и иных территорий.

Что, именно, в завоевательных планах англичан лежит одна из причин невозможности начать мирные переговоры, — это прямо подтверждается третьим сообщением в том же номере газеты «Речь», от 3 декабря. В одном из английских умеренных политических журналов, говорится в этом сообщении, формулированы следующие условия мира: 1) восстановление Бельгии; 2) аннексия Францией Эльзаса и Лотарингии; 3) восстановление русского владычества в Польше; 4) изгнание турок из Европы; 5) завоевание Ита-

---

[1] Каперство — захват частными судовладельцами, с разрешения правительства, неприятельских и нейтральных торговых судов, везущих военное снаряжение. Каперство особенно процветало в XVII и XVIII вв., когда приняло форму открытого пиратства, разбоя. Воспрещено было парижским международным конгрессом в 1856 г. — Ред.

лией Истрии и Трентино; 6) лишение Германии колоний на Дальнем Востоке; 7) завоевание Сербией Боснии и Герцеговины и образование Великой Сербии; 8) полное истребление прусского милитаризма. Далее говорится: «так как, с одной стороны, ни от одного из этих требований отказаться нельзя, а с другой — достижение этих требований пока немыслимо, то никаких шансов на мир пока нет».

Что касается французских настроений в конце 1915 года, то о них наиболее яркое представление дает корреспонденция Е. Дмитриева в «Речи», от 11 ноября [1]. О завоеваниях, или, как выражается Е. Дмитриев,— «о перекройке карты нашего континента» во французской печати не мало полемизировали еще с начала 1915 г. Диссертации на эту тему появлялись и в виде брошюр и в форме толстых книг; все они заключали крайние, максимальные требования, направленные против Германии. Иного рода сочинений «о переустройстве Европы» цензура не разрешала.

Французские патриоты угрожали немцам расчленением Германии. Аннексия Эльзаса и Лотарингии была делом решенным, при чем даже социалисты во Франции отказались устроить опрос (плебисцит) среди населения этих двух провинций: отторжение их от Германии и присоединение к Франции должно произойти в результате военных операций, независимо от воли населения Эльзаса и Лотарингии, и даже вопреки этой воле. При чем считается, что такое присоединение является не аннексией, не завоеванием, а «возвращением».

В начале ноября новый премьер-министр, Бриан, выступил в палате депутатов с декларацией, в которой коснулся и вопроса о мире. «На мир, — заявил он, — врагам нечего рассчитывать прежде, чем Франция и ее союзники освободят от неприятельского нашествия свои собственные провинции, считая и отторженные сорок четыре года тому назад Эльзас и Лотарингию, а затем Бельгию и Сербию, и не восстановят режима права и свободы для всех наций Европы». Формула Бриана показалась недостаточной социал-шовинисту Реноделю, который «выразился яснее», то есть, предложил палате отказаться от иных завоевательных планов, кроме завоевания Эльзаса и Лотарингии. Слова Реноделя «подняли в палате целую бурю». Депутаты вскипели — Реноделю не дали кончить речь. Но, благодаря новой речи Бриана, палата успокоилась; дополнительная формула Бриана, по Е. Дмитриеву, заключается в следующем: «обессилить и обезвредить врага, гарантировать народам на дол-

[1] См. также статью Лозовского в «Летописи» за декабрь 1915 года.

гие годы независимость и спокойствие—такова цель войны, кроме освобождения отдельных провинций и целых государств, находящихся под тяжелой германской пятой. Но Франция никого, даже немцев, не желает насиловать и готова, напротив, в будущем признавать за ними место в семье европейских народов, когда они сами откажутся от желания насиловать других. Для мира нужны не завоевания, а восстановление прав всех наций. Такова французская формула мира, не исключающая и немецких прав».

Этой формулой были удовлетворены и французские социалисты, и вся палата депутатов. А нам она дает ценное указание на то, что и во французском обществе была до этого тенденция не признавать за немцами места в семье европейских народов (по выражению русских либералов, «стереть германизм с лица Европы»), равно как и тенденция не признавать за немцами никаких прав. В дополнительной декларации Бриана остается неразъясненной, и потому допускающей самые разнообразные толкования, мысль об «освобождении» из-под власти немцев отдельных провинций и целых государств.

Относительно настроений в руководящих кругах французской социалистической партии дает представление вопрос об участии в циммервальдской конференции. На этой конференции, принявшей резолюцию против войны, участвовали социалисты и нейтральных, и воюющих стран, в том числе Франции, Германии и России. Участие французов вызвало протест постоянной административной комиссии французской социалистической партии. В своей резолюции по этому поводу вожди партии высказали, что «прочный мир может быть достигнут только путем победы союзников и разгрома германского милитаризма» для того, чтобы «миру дан был великий и необходимый урок, как стремление к гегемонии разбилось о сопротивление свободных народов», то есть, самодержавной России и ее союзников, успевших за время войны растерять почти все свои «свободы».

Таким образом, относительно Франции приходится сказать приблизительно то же, что мы говорили об Англии; и здесь, как и там, завоевательные планы к концу 1915 года находились в полном несоответствии с положением дел на театре военных действий, и потому о желании французского общества теперь же кончить войну не могло быть и речи.

Относительно Италии мы отметим лишь статью барона Б. Э. Нольде — «На старом рубеже» («Русская Мысль»,

1915 г., № 12). Эта статья очень интересна также и для характеристики позиции наших либералов. Давно замечено, что у последних не одна, а две позиции: одна газетная для широкого круга читателей, а другая—журнальная и отчасти книжная,—для своего собственного более интимного круга. Разница позиций заключается в том, что для широкого круга с войной связываются всякого рода освобождения: от национального гнета, от милитаризма и т. д.; а в статьях для интимного круга с этими «освобождениями» наблюдается не слишком изысканное обращение...

Статья барона Нольде предназначена для интимного круга. Поэтому в ней прямо говорится, что войной решается «грандиозная поземельная распря»; национальному же вопросу отводится заднее место: «Карта мира не может и не должна стать только этнографической картой»,— пренебрежительно отмахивается барон Нольде от «национального принципа» и добавляет,— «Чем ближе присматриваешься к тому, что переживает сейчас Европа, тем яснее, насколько более бедным было бы содержание событий, если бы оно исчерпывалось чистой этнографической борьбой,— борьбой за торжество начал национальности».

Против принципа национальности барон Нольде был вынужден выступить ради того, чтобы готовиться к моменту окончания войны «ясным усвоением своих и союзных задач». В статье «На старом рубеже» выясняются задачи Италии; из статьи видно, что не только национальные, но и «государственные» цели преследуются Италией при завоевании Триеста и Трентино, и что сверх того имеется в виду завоевание всей или части Албании, некоторых островов с неитальянским населением и так далее.

Нужно заметить, что относительно позиции Италии в нашей либеральной печати наблюдается больше прямоты и откровенности, чем относительно позиции других, воюющих на стороне «Согласия», стран. В то время как империалистские стремления других стран, по возможности, затушевываются громкими фразами о культуре и прочих красивых вещах,— те же стремления Италии выставляются в обнаженном виде. Для примера можно привести статьи из «Р. вед.» и «Дня» в новогодних номерах 1916 года.

Вот как излагаются в «Р. Вед.» положение Италии и мотивы ее вступления в число воюющих держав:

«...Отказавшись от активного выступления на стороне своих союзниц, Италия в то же время колебалась примкнуть и к державам Согласия. Интересы новой, торгово-промышленной Италии, несомненно, должны были толкать итальянское правительство в сторону Согласия. Не к западной,

французской половине Средиземного моря тянут Италию эти интересы; они тянут ее на Восток: на Балканы и в Малую Азию. Наиболеее серьезным конкурентом Италии являются здесь за последние годы не Франция и Англия, а Германия и Австрия. Победа германо-австрийского союза грозила окончательно закрепить экономически за центральными державами эти территории; положение итальянской торговли оказалось бы там, в таком случае, весьма неустойчивым. Наоборот, поражение Германии и Австрии, достигнутое при участии Италии, открыло бы для нее на Ближнем Востоке самые широкие перспективы. С другой стороны, оно обещало передать в ее руки как стратегическое, так и экономическое господство на Адриатике. Таковы были общие условия, предрасполагавшие Италию к выступлению на стороне Согласия... Переговоры с Австрией о возможных компенсациях за нейтралитет итальянское правительство начало еще в ноябре 1914 года; в декабре в них вступила в качестве посредницы Германия... Одновременно Италия вела переговоры и с державами Согласия. Так как соглашение Италии с Англией, Россией и Францией предполагало ее участие в войне, тогда как соглашение с Австрией—только нейтралитет, то и требования Италии здесь были гораздо выше. Часть этих требований вызывала даже некоторые трения, так как их удовлетворение шло вразрез с интересами малых славянских народностей Австро-Венгрии и с притязаниями Сербии. Но, в конце концов, державы Согласия решили пожертвовать этими мелкими национальными интересами и притязаниями высшему и реальному интересу победы над Германией... Так как и стратегическая обстановка момента, и политические условия складывались в марте 1915 года более благоприятно для дела Согласия, то Италии было нетрудно сделать выбор...».

Вот каким языком должны были бы говорить правдивый историк и правдивый политик о позиции и мотивах действий не только Италии, но и других воюющих стран! Они должны были бы, при анализе исторических событий наших дней, говорить о том, кого куда «толкают» и «тянут» интересы торгово-промышленного класса; кто кому является «серьезным конкурентом», как для кого складывалась «стратегическая обстановка» и т. д. А лживыми и лицемерными (для данного исторического момента) фразами о «простых законах нравственности и права», о праве на «самозащиту», о самоопределении наций, о культуре и свободе, о правоте и виновности, о борьбе против милитаризма и прочими подобными выдумками честный писатель должен был бы постыдиться жонглировать...

Подобно автору цитированной нами статьи в «Русских ведомостях», и новогодний обозреватель (1916 г.) газеты «День» стоял на почве реальности, когда говорил о позиции Италии, Болгарии и Румынии: весь вопрос сводится к тому, что кому выгоднее с точки зрения торгово-промышленной конкуренции. И невольно встает вопрос: почему же наши либеральные и либеральствующие политики считают излишним распространять свою правдивость за пределы круга второстепенных участников событий? Почему они замалчивают вопрос о торговых интересах Англии, Франции, Америки и России, как о причине этой невиданной бойни народов?

Я уже отмечал, что у наших либералов существуют во многих важных случаях одновременно две точки зрения: первая — более серьезная проводится в книгах и журналах, рассчитанных на меньший круг читателей, и вторая, проводимая в газетных статьях,— для более широких кругов, для тех, кто поглупее.

В конце 1915 года «для читателей поглупее» попрежнему твердилось об истощении Германии, о том, что она напрягает последние силы. А в то же время, например, в редакционной статье дорогостоющего либерального журнала «Вестник Европы» (№ 11, стр. 347) откровенно признавалось:

«Внешние обстоятельства складываются как будто неблагоприятно для противников Германии и не обещают им скорой победы; в лучшем случае, насколько можно судить по ходу успешных французских «продвижений» в Шампани, потребовалось бы много времени для окончательного вытеснения немцев из занятых и укрепленных ими местностей при той системе наступательной тактики, которая практикуется союзниками в настоящее время. Рассчитывать только на истощение Германии и ее ресурсов—значило бы откладывать дело победы на слишком долгий срок, что едва ли соответствовало бы намерениям заинтересованных правительств. Но представители антигерманской коалиции все же не сомневаются в конечном успехе и, разумеется, они имеют для этого веские основания».

Какие же основания?

— Известно только одно,—отвечает редакция либерального журнала,—что победа держав Согласия есть безусловная необходимость. Жутко становится, когда подумаешь, что было бы, если бы немцы прочно водворились в Константинополе и в Прибалтийском крае.

Жуткое раздумье, повидимому, водило и рукой автора «Иностранной летописи» в буржуазно-демократическом

журнале «Русские записки» (№ 11, стр. 259—261), когда он писал:

«С тех пор как усложнилось положение дел на Балканах, исход войны становится еще более сомнительным. Выступление Болгарии на стороне центральных империй, выжидательная политика Греции и Румынии, вероятность существования тайного договора между Грецией и Болгарией, непосредственная стратегическая и политическая связь Берлина и Вены с Константинополем,—все это, увеличивая число партнеров в игре, усложняет вместе с тем и перспективы. Как и когда окончится война,—становится все более трудной для решения загадкой».

То же жуткое раздумье вынуждает автора статьи в «Русских записках» усомниться в целесообразности лозунга борьбы до окончательной победы:

«Если придавать вообще известное значение словесным формулам, как, например, «бороться до окончательной победы», в дни кровавой действительности, то придется сказать, что такие лозунги с обеих сторон чреваты ужасающими недоразумениями. Что каждый из борющихся лагерей может считать окончательной победой? Какие, выловленные из рек крови, результаты в состоянии удовлетворить людей, выдвигающих подобный девиз?»

Кажется, достаточно будет двух, приведенных нами, выдержек из толстых, серьезных журналов, чтобы ярче осветить роль либеральных газет, рассчитанных на «читателей поглупее», в ответственные моменты войны.

Подводя итоги фактам, приведенным в настоящей статье, приходится прийти к следующим выводам.

Не касаясь вопроса о том, насколько серьезны и основательны были газетные сообщения о желании Германии окончить войну на тех условиях, которые сообщались в печати, приходится признать, что русская буржуазия со всевозможной «нетерпимостью» относилась ко всяким слухам о мире.

— Продолжение войны во что бы то ни стало ,— таков был лозунг русских либералов в 1914 и 1915 годах. При этом публика все время оболванивалась криками об истощении Германии и о скорой «окончательной победе». Но либеральные политические деятели уже в январе 1915 года знали, что русской армии грозит разгром, вследствие отсутствия снарядов. А в конце 1915 года, как видно из признания «Вестника Европы», положение России на театре военных действий уже рисовалось самим либералам в мрачном, почти безнадежном свете. И тем не менее, крики против

всякой мысли о мире и фразы о скором победном конце продолжали раздаваться попрежнему громко.

Таким образом, либералы сознательно вели Россию к тому безвыходному положению, в котором она оказалась на третьем году войны. Чем объяснить это предательство? Конечно, дело не обошлось тут без влияния англо-французского золота. Но одного этого объяснения мало. Сыграло несомненную роль и то, что сама война оказалась для буржуазии чрезвычайно выгодным коммерческим предприятием; а где же видано, чтобы капиталисты добровольно ликвидировали свои доходные предприятия?

Либеральная буржуазия и воинствующая русская интеллигенция в полной мере, наряду с царским черносотенным правительством, должны нести моральную ответственность за бесконечное затягивание войны, за все жертвы этой войны, за все то горе и разорение, которое принесла эта война русскому народу.

Сборник «Приливы», 1917 г.

ЧТО БУДЕТ?

Одним из самых интересных, самых важных вопросов рабочей жизни является то, что корреспондент «Русских ведомостей» (от 19 ноября) назвал «возрождением крепостного права в Германии». Это—введение «всеобщей рабочей повинности» и «обязательная организация всего производства».

Весь труд рабочих-мужчин в Германии отныне объявляется государственной повинностью. Государственная власть распределяет рабочих по промышленным предприятиям. Хозяева положения могут отрывать рабочих от семьи, от дома, от привычной профессии и переводить, куда захотят.

Вслед за Германией, по словам того же корреспондента «Р. Вед», возникают подобные проекты и в Италии и во Франции. Повсеместное распространение принудительного труда становится фактом.

Но ничто не возникает в общественной жизни внезапно.

«Вольнонаемный труд» был неразрывно связан с «свободной конкуренцией». Пока многие сравнительно некрупные хозяева соперничали между собою и в найме рабочих, и в продаже товара, до тех пор рабочий мог «свободно» (под давлением голода) выбирать себе хозяина.

Но конкуренция между хозяевами приводила к тому, что предприятия становились все крупнее, а число предприятий все меньше. Облегчалось сотлашение между хозяевами

о порядке эксплоатации рабочей силы. Дальше самые крупные предприятия объединялись в союзы (картели, синдикаты, тресты) и в производстве отдельных отраслей установлялась монополия.

Сначала — черные списки, рассылаемые хозяевами друг другу, а затем—монополии уже привели к тому, что и прежняя «свобода» рабочего, свобода выбирать хозяина, стала призрачной.

Между тем группы капиталистов, монопольно хозяйничавших каждая в своей стране, пришли к острому конфликту между собою. В этом конфликте они использовали старинные предрассудки, чтобы усилить и укрепить те зачатки нового принудительного труда, которые наметились еще до конфликта.

Самым полезным для капиталистов оказался древний предрассудок зоологического характера, получивший название «национализма».

Возрождение национализма является удобной почвой для воскрешения принудительного труда.

Конечно,—если говорить только о Германии,—возрождение крепостного права стараются там оправдать исключительными обстоятельствами. Но вопрос вот в чем: не являются ли сами эти исключительные обстоятельства, независимо от того, в чью пользу они кончатся, уже теперь в высшей степени выгодными и приятными для крупнейших капиталистов и аграриев (помещиков)?

Посмотрим, что происходит.

На полях крупнейших землевладельцев, как и в предприятиях капиталистов, раньше работали вольнонаемные рабочие, имевшие возможность проявлять свое недовольство уходом с работы, забастовками и тому подобное. А теперь работают совершенно бесправные чужестранцы (т.-е. пленные) и этих чужестранцев насчитывается уже в главных странах Европы много миллионов человек. Их труд оплачивается много ниже, чем труд вольных туземных рабочих. Их права сводятся к арестантскому положению, к рабству.

Спрашивается: захотят ли хозяева отказаться от такого бесправного рабочего-чужеземца и заменить его местным рабочим, хоть немного более обеспеченным в своих правах? А если не могут захотеть, то ясно, что они до последней возможности будут затягивать исключительные обстоятельства.

Далее, под предлогом тех же исключительных обстоятельств, вольнонаемный труд заменяется принудительным трудом привозных рабочих (колониальных, инородческих).

Один из примеров тому—принудительный вывоз рабочих внутрь Германии из Бельгии и Польши. Спрашивается: могут ли захотеть хозяева заменить подневольный труд привозных инородческих рабочих трудом более требовательных и более полноправных вольнонаемных рабочих?

Оглянитесь, далее, вокруг себя: много ли вы найдете среди взрослых, здоровых мужчин-рабочих таких, которые действительно могут считаться вольнонаемными? Таких, которые не привязаны к своему месту опасением худших последствий?

Новое положение распространилось только на взрослых, здоровых рабочих. Но ведь в них заключалась главная сила пролетариата. Когда эта сила сломлена, не так уж трудно будет распространить новый порядок и на женщин, и на пожилых людей, и на подростков, и на лиц, не вполне здоровых.

Та картина правового положения рабочих, которая наблюдается сейчас в Германии и других странах Европы, была немыслима еще совсем недавно. И если удалось так быстро изменить положение рабочих, то возникает вопрос: не постарается ли капитал затянуть использование зоологических предрассудков и дальше? Если так, то и весь конфликт приобретает новый характер: это будет уже конфликт не только за рынки, но и за захват подневольной рабочей силы.

Подведем итоги.

«Вольнонаемный» труд рабочих теряет свою прежнюю роль по мере того, как «свободная конкуренция» между капиталистами превращается в капиталистическую монополию.

Процесс превращения вольнонаемного труда в труд принудительный необычайно ускорился одновременно с развитием конфликтов между различными группами монопольного капитала; при этом были использованы зоологические предрассудки несознательных масс.

Превращение вольнонаемного труда в принудительный дает большие выгоды аграриям и монополистам промышленного капитала.

Превращение вольнонаемного труда в принудительный неизбежно должно будет распространиться на женщин, стариков, подростков и лиц, не вполне трудоспособных.

Конфликт между группами капитала из-за рынков превращается в то же время в конфликт за обладание подневольными рабочими.

«Голос печатного труда», № 2, 5 января 1917 г.

ВОПРОС О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА

Первая половина декабря была полна толками о мирном предложении сначала со стороны Германии и ее союзников, а затем со стороны американского президента Вильсона.

Предлагая вступить в мирные переговоры, германцы не указали условий мира. Они лишь высказали убеждение, что «предложения, которые ими будут сделаны, окажутся пригодными для того, чтобы послужить основой для восстановления прочного мира».

В газетах и среди политических деятелей держав Согласия поднялся вопрос: выслушать или не выслушать германские условия? Решение склонилось к тому, чтобы не выслушать. А выступление Германии и ее союзников рассматривается, как признак ее истощения. Газета «Русские ведомости» добавляет от себя недовольство тем, что тон германцев не соответствует тону побежденной стороны.

Министр иностранных дел Покровский указал на вводимую в Германии трудовую повинность, как на доказательство тяжести положения, в котором она находится.

Родзянко добавил, что Германия пытается лишь собрать «последние угасающие силы», и объявил, что до овладения Константинополем и проливами Россия не должна заключать мира.

Вскоре после того, как выяснилось нежелание в державах Согласия выслушивать мирные условия, выступил президент Вильсон. Он «предлагает найти случай, чтобы узнать от воюющих наций о тех условиях, на которых, по их мнению, может быть закончена война».

Русскими английскими и французскими газетами это предложение Вильсона встречено недружелюбно. Главный орган русских либералов, газета «Речь», так объясняет свое недружелюбие:

«Италия еще не взяла Триеста, Франция еще не положила основы прочной стратегической и хозяйственной границе в бассейне Рейна, Англия еще не покончила с германским флотом, английские колонии еще не приобрели гарантии для закрепления за собой плодов колониальных побед... Можно ли при этих условиях начинать разговоры о мире?»

В доказательство того, что не только политические и газетные деятели, но и вся Россия не хочет мира, «Речь» приводит приказы по войскам генералов Эверта и Брусилова и добавляет:

«Когда с фронта раздается голос, отвергающий предложение противника начать мирные переговоры, когда с фронта раздается призыв удвоить энергию и довести борьбу

до победного конца, то уже не может быть ни малейшего сомнения, что таково настроение всей страны и ее детища—армии, таково настроение России» («Речь», 10 дек., «Два приказа»).

«Голос печатного труда», № 2, 5 января 1917 г.

ДОРОГОВИЗНА

Быстро растут цены на все товары. Дороговизна—очень острый вопрос наших дней. О ней все говорят. Всякие расчеты стали почти невозможны. Заработали вы, например, 50 рублей и решили купить то-другое из самого необходимого. А пойдете покупать,—за одно переплатите, за другим простоите полдня в очереди и уйдете с пустыми руками.

В то же время дороговизна сейчас—очень скучный вопрос; скучно читать о всех этих таксах, твердых ценах, розысках спекулянтов, уголовных законах, штрафах и прочей сутолоке вокруг дороговизны.

Почему же скучно? В чем дело?

Попробуем разобраться.

Рост цен начался давно. Еще до войны о причинах дороговизны исписаны горы бумаги. И сама по себе дороговизна, если бы цены росли на все товары равномерно, не заключала бы в себе ничего страшного. В самом деле, представьте себе, что цены на все товары возросли, например, вдвое. Раньше, положим, сапоги стоили пять рублей, а пуд хлеба—один рубль; теперь сапоги десять рублей, а пуд хлеба—два рубля. Окажется, что сапожник за пару сапог получил бы попрежнему пять пудов хлеба, а земледелец за пять пудов хлеба попрежнему получил бы пару сапог. От такой дороговизны стало бы хуже только владельцам денежного капитала—ростовщикам, держателям денег в банке, владельцам процентных бумаг; за то легче стало бы всяким должникам.

Беда же от дороговизны происходит потому, что цены растут неравномерно. И главное—потому, что цены медленнее всего растут на один товар,—на рабочую силу. В то время, как все товары поднимаются в цене, уровень заработной платы остается прежний или изменяется очень мало, не поспевая за ростом цен предметов потребления. Это—явление обычное для обычной дороговизны. И устранить вредное влияние обычной дороговизны на положение пролетариата при капитализме можно только одним путем,—путем соответственного повышения заработной платы.

Рост цен, наблюдавшийся до 1914 года, сделал в послед-

ние годы резкий скачок, вызванный чрезвычайными обстоятельствами.

Искали причины повышения цен в расстройстве транспорта, но ведь цены повысились не только в отдаленных местах сбыта, но и на местах производства. Указывали на увеличение косвенных налогов и повышение провозной платы,—но ведь повысились цены и на товары, не обложенные налогами и продаваемые поблизости, — на молоко, овощи, на все прочее. Приписывали повышение цен падению кредитного рубля, но бумажный рубль понизился в цене против золотого в полтора раза; а цены возросли втрое — вчетверо.

Конечно, и повышение налогов и платы за перевозку, и падение курса бумажного рубля, и перевозочные неурядицы—все это сыграло свою роль в повышении цен. Но не нужно забывать, что и самые эти причины имеют своей причиной чрезвычайные обстоятельства.

В самое последнее время газетное внимание обращено на новое явление,—на прямой недостаток на рынке предметов первой необходимости. На почве такого недостатка создалось у покупателей стремление запасаться продуктами надолго, а у продавцов — нежелание продавать. Началась административная борьба против спекулянтов, и заговорили о твердых ценах и реквизициях. Может ли это помочь делу?

О преследовании спекулянтов смешно и говорить, как о серьезной мере борьбы с дороговизной.

Остаются твердые цены и реквизиции.

О твердых ценах на хлебные товары много шумели. Справедливо указывали, что землевладельцы стремились как можно более повысить эти цены для увеличения своих барышей за счет казны и за счет вообще покупателей.

Но вот твердые цены установлены. Что же получилось? Там, где твердые цены ниже рыночных, товар исчез с рынка, а где они выше — там цены повысились до уровня твердых цен. Уже поднят вопрос об отмене обязательности твердых цен для частных сделок. В общем, следовательно, твердые цены постигла участь такс: если не вмешается, не окажет давления потребитель, то они не ограничат дороговизны, а будут или итти в ногу с рыночными ценами, или вносить резкие колебания в количестве товаров, поступающих на рынок.

Наш краткий очерк мер борьбы с дороговизной приводит к одному заключению: от этих мер рабочим нельзя ожидать

ничего существенного. Потому и скучно читать о всех этих мерах, что они ходят вокруг да около, не затрагивая основной причины.

В борьбе против обычной дороговизны у рабочих при капитализме есть только один прямой, верный, действительный путь,— путь повышения заработной платы.

Но в чрезвычайных обстоятельствах и этот путь недостаточен. Представьте себе, в самом деле, такое чрезвычайное обстоятельство, при котором безвозвратно расходуется, истребляется непроизводительно огромная масса товаров, а число людей, производящих товары, в той же мере уменьшается. Ясно, что должен обнаружиться такой недостаток товаров, такой быстрый рост цен, что никакое повышение заработной платы за ним не угонится.

У нас уже говорят о прямом недостатке мяса, масла, сахара, жиров, мыла, дров, городских жилищ, шерсти, бумаги, хлопчато-бумажных тканей, лошадей и многого другого.

«Голос печатного труда», № 2, 5 января 1917 г.

ВЫБОРЫ В ПЕТРОГРАДСКОЕ СТРАХОВОЕ ПРИСУТСТВИЕ

16 октября произведены выборы. Было три предвыборных собрания, на которых присутствовали представители многих больничных касс. На собрании 16 октября были представители от 51 кассы. Избраны 4 сторонника наказа, напечатанного в «Вопросах страхования» и случайно, благодаря путанице в списках, один сторонник блока ликвидаторов с народниками. Прошли в члены присутствия: Кащевский и блокист Сурин, в заместители — Баташев, Жайворонок и Сесицкий.

На предвыборном собрании 15 октября была принята резолюция; в ней между прочим было предложено рабочей группе Петроградского страхового присутствия «посылать своих членов в провинцию для докладов и создания всероссийской страховой организации», «разработать вопрос об обложении касс в пользу группы» и «поднять вопрос о съезде больничных касс».

Как известно, центральным для всей России представительством больничных касс является рабочая группа в Страховом совете, стоящая на последовательно-демократической (марксистской) точке зрения. Группа имеет свой журнал «Вопросы страхования», издающийся уже четвер-

тый год и пользующийся заслуженным сочувствием читателей.

Достоинством журнала «Вопросы страхования» является помимо обилия материала и правильной общей точки зрения, еще и то, что журнал не замыкается в узкую сферу одних только страховых вопросов, а стремится откликаться на все главнейшие вопросы рабочей жизни. Например, в 1916 году в нем помещен ряд интересных статей по поводу кризиса, переживаемого в последние два года международным рабочим движением.

Журнал «Вопросы страхования» был основан при участии рабочих депутатов Гос. думы Петровского, Муранова, Бадаева, Самойлова и Шагова. Теперешний адрес редакции: Петроград, Загородный проспект, д. 17, кв. 77. Подписная цена 2 р. 50 к. в год.

«Голос печатного труда», № 2, 5 января 1917 г.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ БЛОК И РАБОЧИЙ ВОПРОС

Шум, поднятый либералами в Думе и вне Думы вокруг вопроса о «министерстве общественного доверия», совсем заглушил собою вопрос об отношении либералов к рабочим. Думский блок высказал свой взгляд на задачи рабочей политики в резолюции по продовольственному вопросу. Но эта резолюция проскользнула в газетах незаметно; а то, что сказано в ней о рабочих, не подвергалось обсуждению в либеральной печати ни до принятия резолюции, ни после. Очевидно, либералы хотели бы, чтоб об этом поменьше говорилось. Но такое молчание вовсе не в интересах рабочих. Напротив, самые широкие массы рабочих должны быть осведомлены о том, что готовят им либералы, что ждет рабочих при победе блока, на поддержку которого призывают гвоздевцы, ликвидаторы и всякие подобные «бывшие люди».

Отношение блока к рабочей политике высказано в 8-м и 10-м пунктах резолюции, принятой блоком. Вот эти пункты целиком:

Пункт 8-й. «Помимо мероприятий, направленных к обеспечению сельского хозяйства машинами, удобрением и семенами, должен быть произведен полный и точный учет рабочей силы империи и установлено более целесообразное и справедливое распределение наличных трудовых сил,— в частности военнопленных, рабочих дружин, военных команд и т. п., а также более экономное и целесообразное использование рабочих сил в ближайшем к армии тылу».

Пункт 10-й. «Для лучшего и более своевременного

учета, распределения и использования рабочей силы в интересах сельского хозяйства необходима организация особого органа управления при министерстве земледелия с участием в нем земских и иных общественных организаций; на местах этим делом должны ведать земские учреждения».

Прочитавши эти пункты, вы сразу поймете, конечно, почему газеты, проводящие политику Милюковых, Шингаревых и Шидловских, предпочитают помалкивать о рабочей политике, проектируемой либеральным блоком. Посмотрите, на что рассчитывают либералы, входящие в блок. Они рассчитывают иметь у себя на полях не вольнонаемных рабочих, а рабочие дружины, военные команды, военнопленных. Это — в первую голову. Военные команды не на фронте, а в экономиях либералов; рабочие дружины не за фронтом, а на полях либералов и т. д.

Но либералы не договаривают своих мыслей до конца. Военные команды, рабочие дружины и военнопленные — это «частность». А что же не «частность»? Очевидно, все то, что еще не успело войти ни в дружины, ни в команды. Не частность — вольнонаемные рабочие или рабочие, бывшие до сих пор вольнонаемными. Очевидно, и на этих рабочих должны, по резолюции либералов, распространиться мероприятия, направленные к обеспечению помещиков машинами, семенами, рабочей силой и удобрением. Удобрение, рабочие силы и прочее подлежат не только учету, но и распределению. Кто же будет распределять рабочие силы и удобрение? Уж, конечно, не само удобрение будет выбирать себе поле, где лечь. И для распределения рабочей силы либералы проектируют особый орган при министерстве земледелия, с участием в нем земских и иных «общественных» организаций (об участии рабочих позабыли). Это в центре.

А на местах уже никакие «общественные» организации (даже не рабочие к делу распределения рабочих не допускаются: здесь полновластными хозяевами должны быть земства и только земства. А из кого состоят земства?

Такова экономическая политика наших либералов, которые, борясь за власть, непрочь втянуть в дело и рабочих. Как назвать после этого тех якобы представителей от якобы рабочих организаций, которые объявляют «неотложной задачей момента объединение всех слоев и классов населения в крепко спаянную организацию» для помощи либералам в их стремлениях? В том числе и в стремлении осуществить под шумок 8-й и 10-й пункты резолюции либерального блока...

«Голос печатного труда», № 2, 5 января 1917 г.

ИНТЕРЕСНОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Наше время богато всякими разоблачениями. Среди них заслуживают внимания и те факты, которые опубликованы 28 ноября министром внутренних дел Протопоповым.

Давно говорят о газете, предположенной Протопоповым минувшим летом. Писали, что на это дело крупнейшими банками и промышленными фирмами собрано пять миллионов рублей, и что на эти деньги польстились некоторые писатели, принадлежавшие раньше к либеральному и к демократическому лагерю, как Леонид Андреев, Тан и другие.

О писателях этих говорить много не стоит. Интереснее то, что рассказывает министр о направлении своей газеты и о ее хозяевах.

«Я пригласил,— говорит Протопопов,— группу писателей прогрессивного направления, заведомых сторонников доведения войны до единственно возможного для России конца,— победоносного».

Что же касается акций новой газеты, то они «размещены между различными торгово-промышленными предприятиями, громадное большинство которых работает целиком на оборону».

Заслуживает внимания это появление предприятий, работающих целиком на оборону в роли хозяев газеты, в которой литераторы являются сторонниками доведения войны «до конца».

Далее Протопопов перечисляет предприятия, которые внесли деньги на газету и стали ее хозяевами. В числе этих предприятий находятся: Коломенский машиностроительный завод, Сормовский, Русский судостроительный, Гартман, Никополь-Мариупольский, Тульский патронный, Белорецкий, Русский паровозостроительный, Николаевский, Франко-русский, Нобель, Айваз, Кениг, Пастуховский, Шодуар, Петроградский металлический, Салолин, Саломас, Союз сибирских кооперативных ассоциаций и многие другие крупнейшие капиталистические предприятия.

Среди этих предприятий заслуживает внимания Союз сибирских кооперативов.

На кооперативы народники возлагают надежды, как на путь к «социализации». Сибирь — страна крестьянского хозяйства; ее кооперативы — главным образом крестьянские. А участие Союза сибирских кооперативов в газете, которая должна обслуживать интересы крупнейших капиталистических предприятий, ярко свидетельствует о том, какова эта «социализация».

«Голос печатного труда», № 2, 5 января 1917 г.

БОРЬБА ЗА КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

В середине ноября, то-есть меньше двух месяцев назад, заговорили о введении «всеобщей рабочей повинности» и об «обязательной организации всего производства» в одном из европейских государств[1]. Русская либеральная газета тотчас окрестила это нововведение «возрождением крепостного права». Мы поспешили согласиться в этом случае с либералами.

— Да, сказали и мы, это именно возрождение крепостного права.

И мы могли бы добавить:

— Возрождение в самой худшей, самой жестокой, безличной форме,— в форме аракчеевских поселений. Закрепощение отдельным хозяевам все-таки предполагает заботу хозяина о своей собственности; а аракчеевское безличное закрепощение не ставит никаких границ, губя рабов чрезмерным трудом и голодом; отдельный хозяин в этом случае ничего не теряет, он даром получит новых рабов на место погибших.

Итак, либеральная печать, в лице «Русских ведомостей», первая окрестила обязательную организацию производства крепостным правом. Но не прошло и месяца, как с таким же крепостническим проектом выступил либеральный блок в Гос. думе (см. № 2 «Гол. печ. труда», статью «Либеральный блок и рабочий вопрос»). «Русским ведомостям» пришлось повернуть фронт.

В номере от 19 ноября эта газета называла принудительную организацию производства возрождением крепостного права; другие либеральные газеты на все лады твердили, что это возрождение доказывает полное истощение страны, в которой прибегли к нему,—что эта страна, по выражению Родзянко, собирает «последние угасающие силы». А в номере от 30 декабря «Русские ведомости» уже приветствуют идею П. Струве о «всесторонней и последовательной организации народного хозяйства».

То-есть, приветствуют собирание «угасающих сил», агитируют за «возрождение крепостного права». Как быстро идут наши либералы навстречу заветным мечтам тех, кого они так недавно называли зубрами! Как легко и властно овладевает умами либералов дух Аракчеева!

---

[1] В Германии. Само собой ясно, что дальше речь идет именно о закрепощении пролетариата другим классам, а не о самой организации пролетариата против буржуазии и помещиков, как было у нас после 1918 года. (Прим. 1926 г.).

Обратимся, однако, к самому П. Струве, статья которого поставила на очередь воскрешение аракчеевских поселений.

Струве признал, что борьба против дороговизны становится делом безнадежным: «Во всех областях снабжения,— говорит он,— сейчас гораздо больше ставится вопрос об организации снабжения в натуре, чем об уровне цен. Поэтому задачи государственной политики продовольствия и, вообще, снабжения ставятся сейчас гораздо глубже и радикальнее, чем их и могла бы и должна бы ставить простая политика регулирования цен и борьба с дороговизной (это не значит, чтобы регулирование цен и борьба с дороговизной были не нужны). Речь идет не только о регулировании цен приказами власти, но еще больше об организации снабжения в условиях растущего натурального оскудения, в основе которого лежит растущий недостаток живой рабочей силы».

Вот, значит, в чем основа всему: в недостатке рабочей силы. Именно этот недостаток повел в московском государстве XVII века к отмене Юрьева дня, к полному закрепощению «живой рабочей силы». Но старинный способ закрепощения уже не удовлетворяет наших либералов, и они предпочитают воскресить аракчеевские поселения. Струве требует, чтобы «весь тыл был милитаризован», вся страна была закрепощена господам Струве, Милюковым, Шингаревым и их прогрессивно-черносотенному блоку, который надеется скоро пробраться к власти.

Струве не одинок в своих аракчеевских планах; он лишь развил те мысли, которые уже были высказаны в резолюции думского блока по продовольственному вопросу, Не только блок, не только Струве и «Русские ведомости», но и все те, кто с ними, все эти кадеты, октябристы и националисты, и все их прихвостни Алексинские, Потресовы, Масловы, Гвоздевы и Черегородцевы, все, кто зовет нас поддерживать либералов в их борьбе за власть,— все они тем самым зовут к возрождению крепостного права и аракчеевщины, одни — бессознательно, другие сознательно.

Иные скажут: «но ведь вся эта аракчеевщина проектируется только временно». Неправда! Разве господствующие классы расстаются добровольно с завоеваниями, которые ими сделаны? Разве не в их власти затягивать до бесконечности то временное явление, под предлогом которого хотят возобновить аракчеевщину?

Нет, уж если либералам удастся теперь затянуть петлю крепостного права на шее «живой рабочей силы», то не они будут эту петлю распутывать. Придется распутывать

самим рабочим. Так зачем же теперь совать свою голову в петлю, расставляемую либералами?

«Голос печатного труда», № 3, 12 февраля 1917 г.

ЕЩЕ О ЗАКРЕПОЩЕНИИ

Предыдущая статья была уже сдана в печать, когда мы прочли в № 2 «Русских ведомостей», что «введение принудительного, закрепощенного труда пролетариата явилось большим успехом для всего класса лиц, нанимающих рабочих». Таким образом либеральная унтер-офицерша сама себя высекла: только что выступила она во имя либерализма с защитой крепостнического проекта либерального блока и Струве, и сама уже назвала принудительный труд закрепощением, большим успехом для нанимателей.

Тем не менее либеральные проповедники аракчеевщины нашли себе подголосков в лице гвоздевцев. «Продовольственная комиссия» гучковско-гвоздевской организации опубликовала в своей газете взгляд гвоздевцев на аракчеевщину. Подобно «Русским ведомостям» эта газета называет, когда речь идет не о России, организацию принудительного труда закрепощением, и вслед за тем проповедует это самое закрепощение, проповедует «всестороннее вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны».

Правда, гвоздевцы заявляют, что «предварительным условием рациональной борьбы с кризисом является коренная демократизация всего уклада современной жизни страны». Но они спешат оговориться, что «сознание необходимости осуществления этого предварительного условия не освобождает, однако, рабочую демократию от обязанности выставить и конкретный план борьбы с кризисом».

И вот нам предлагают готовый план — закрепощение.

Когда-то гучковцы, поддерживая политику Столыпина, говорили: «сначала успокоение, потом реформы». А теперь гучково-гвоздевцы говорят: «аракчеевщина и реформы». Аракчеевщина во имя демократизма, закрепощение под флагом свободы! Ведь даже при полной демократизации государство останется классовым, и его «вмешательство» всегда останется классовым.

А что разумеют сами гучково-гвоздевцы под «коренной демократизацией», которая является «предварительным условием»? Они отвечают, что «предварительное условие» самодеятельности масс в продовольственном деле «ясно встало перед всем русским обществом, независимо от его политических взглядов: реформа власти есть сейчас лозунг даже некоторых землевладельческих кругов».

Мы отлично знаем, какая реформа встала «перед всем обществом». Это министерство, пользующееся дворянским и буржуазным доверием. На этом сошлись городской и земский съезды, и думский блок, и Государственный совет, и съезд объединенного дворянства. Вот условие «самодеятельности масс», ближайшая политическая задача Гучковых и Милюковых. И к поддержке их зовут рабочих новейшие проповедники аракчеевщины; они глухо оговариваются, что «интересы рабочих требуют наиболее полной демократизации». А пока проповедуют закрепощение.

Резолюция гучково-гвоздевцев, как сказано в их газете, выработана при участии члена Гос. думы из фракции Чхеидзе,— М. И. Скобелева. До сих пор сторонники этой фракции уверяли, что она не имеет ничего общего с гучково-гвоздевцами. Как же попал в их компанию Скобелев? Об его участии в совещании, проповедующем аракчеевщину, сообщено в номере гвоздевской газеты от 22 декабря. Почему Скобелев до сих пор не опроверг этого сообщения, если оно не верно? Почему молчат другие члены фракции Чхеидзе? Или и они записались в гвоздевцы и вступили на путь проповеди аракчеевских поселений?

В таком случае — не они первые, не они последние.

Такое уж время!

От редакции. Редакция журнала «Голос печатного труда» просит читателей высказать свое мнение по поводу проектов либерального блока и группы военно-промышленного комитета о принудительной организации труда и о вмешательстве государственной власти во всю хозяйственную жизнь страны. Письма и резолюции будут по возможности напечатаны.

«Голос печатного труда», № 3, 12 февраля 1917 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ О РАБОЧИХ

С тех пор как вождь либералов Милюков публично целовался с вождем черносотенцев Пуришкевичем, стало трудно и не всегда возможно различить, что чернее — либерал или черносотенец. Все перепутались.

До сих пор считалось, что Гос. дума, хотя и является представительницей помещиков и буржуазии, все же левее, чем Гос. совет, где заседают преимущественно самые верхи дворянства и чиновничества. Но вот доходит дело до обеспечения хозяйства «рабочими силами и удобрением»,— и тут Дума,— и даже не вся Дума, а именно ее «прогрессивный блок»,— обнаружила свои крепостнические стремления.

Мы уже писали в № 2 нашего журнала, как либеральные помещики прогрессивного блока предполагают заняться

«распределением» на своих полях «рабочей силы» на основаниях, отмененных еще 19 февраля 1861 года.

Теперь опубликована резолюция Гос. совета по продовольственному вопросу. Гос. совет проектирует не посылку на свои поля «рабочих дружин» и солдат, а как-никак все же несколько более полноправных рабочих, не подчиненных казарменному порядку.

Гос. совет предлагает:

«4) Освобождение от призыва в войска необходимого для земледелия количества сельскохозяйственных и квалифицированных рабочих».

Итак, Гос. совет проектирует освобождение от призыва, а прогрессивный думский блок, наоборот, усиление призыва, увеличение числа призываемых для работы на помещичьих полях.

Кроме того, проект Гос. совета открывает возможность освобождения от призыва не только наемных рабочих для помещичьего хозяйства, но и самостоятельных мелких хозяев, «необходимых для земледелия».

А аппетит либералов из думского блока разыгрывается в ту сторону, чтобы этих мелких хозяев мобилизовать или завербовать в рабочие дружины и отдать в полное распоряжение помещичьему земству.

Аппетит приходит во время еды. Либералы еще не у власти, но скоро надеются завоевать власть и уже пробалтываются о том, как они хотели бы распорядиться «рабочей силой» наемных рабочих.

Что скажет по поводу этих двух резолюций, например, Керенский, пытающийся объединить Думу и «страну»?

«Голос печатного труда», № 3, 12 февраля 1917 г.

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

В последнем заседании Гос. думы 16 декабря депутатами прогрессивного блока лучше прежнего выяснена политика этого блока и, следовательно, теперешней Думы в целом.

Как известно, в начале войны либералы призывали к полному единению с правыми и с правительством. В знак этого единения Милюков публично поцеловался с Пуришкевичем.

Летом 1915 года, когда германо-австрийские войска заняли русскую часть Польши, либералы открыли поход против правительства. Началась борьба за власть между объединенным дворянством и либеральной буржуазией.

Остановились германцы в своем наступлении,— притихла и борьба за власть. Но осенью 1916 года германцам удалось

занять половину Румынии, и борьба за власть возгорелась с новой силой. Лозунгом борьбы думских либералов все время остается создание министерства, «пользующегося общественным доверием».

Прислушиваясь к резким речам либеральных депутатов, многие полагают, что победа их принесет обновление жизни не только буржуазии, но и более широким слоям населения. Но уже программа блока должна бы охладить эти надежды. А речи депутатов в Гос. думе 16 декабря показывают истинные мотивы либеральной борьбы за власть. Эти мотивы—желание сохранить в главном старые порядки.

На этот счет председатель бюро блока Шидловский выразился очень определенно. «Очень часто,— сказал он,— приходится вести линию антиправительственной борьбы во имя сохранения государственной идеи».

Савенко пояснил мысль Шидловского: «Правительство очень боится революции; но оно забывает, что основной, главнейшей революционизирующей силой является оно само».

Милюков же развил более подробно то, что говорили другие депутаты блока. Милюков сказал: «...Разочарование в успехе Думы, в победе на той почве, на которую она вступила в своей борьбе, начинает уже приносить злые плоды. По мере того как теряется вера в силу народного представительства, на первый план выступают другие силы. И мы переживаем страшные минуты. На наших глазах общественная борьба выступила из борьбы строгой законности, и возвращаются явочные формы 1905 года... Русское политическое движение приобрело то единство фронта, которое оно имело до 17 октября 1905 г... Но дабы гром не разразился в такой форме, какой мы не желаем, наша задача ясна: мы должны общими силами страны предупредить этот удар».

Итак, политика думского блока сводится к стремлению предупредить «удар», не допустить того, что было в 1905 году, не допустить, чтобы «гром разразился». Думский блок находит, что нынешнее правительство является недостаточно исправным громоотводом, и поэтому хочет заменить это правительство своим, более исправным, которое лучше сумеет «предупредить удар».

При этом Милюков находит возможным утверждать, что у нас политическое движение приобрело единство фронта, какое было до 17 октября 1905 года. Тут разом две неправды: и в 1905 году «единства фронта» не было, и теперь его нет. Иначе зачем было бы либералам так хлопотать об исправлении громоотвода?

Правда, по внешности сейчас фронт один. Но эта видимость единства достигается теми приемами, против которых либералы протестуют на словах и которыми во всю пользуются на деле: видимость единства достигается цензурными строгостями и другими полицейскими мерами. Либералы используют свое выгодное положение, как бы ни было некрасиво это использование. Ведь используют же они и факт провокации для того, чтобы объявлять агентами или жертвами провокации всех, кто не пляшет под либеральную дудку. Это не ново.

Но что удивительно, так это выступление в том же заседании Думы депутата Керенского. Он повторил мысль Милюкова о единстве фронта, заявляя: «В момент исторических испытаний Дума будет с народом!» Если слова Керенского правильно переданы в «Русск. вед.», то он выступил в этом случае в неловкой роли адвоката, ведущего дело одновременно и со стороны истца и со стороны ответчика: он говорил и от лица Думы, и от лица народа,— кстати сказать, не получивши на это доверенности ни от той, ни от другой стороны. Дума это тотчас и сказала, оборвавши его речь (лишив слова). А народ... Народ, правда, безмолствовал. Но откуда Керенский взял, что народ будет заодно с буржуазно-помещичьей либеральной Думой, избранной при содействии администрации и на основании закона 3 июня 1907 года? По отчету других газет Керенский не ручается за единство, а только хлопочет о нем. Разница не велика.

Керенский тем меньше имел право отождествлять желания народа с желанием Думы или хлопотать о единстве, что кроме внутренних вопросов их разделяют теперь и острые вопросы внешней политики. По внешней политике, как известно, либералам не удалось целиком увлечь народные массы на путь авантюризма, несмотря на то, что в этом деле либеральной печати был предоставлен полный простор безудержного лганья, несмотря даже на то, что в этом лганье надрывали либералам многие из «левых»; несмотря, наконец, на то, что к этому авантюризму и сам Керенский руку приложил...

И не в этой ли ложной общей позиции Керенского источник того, что он забыл о законе 3 июня и вслед за либералами готов использовать провокацию и готов подпевать Милюкову на мотив о «единстве фронта» и о том, что нынешняя Дума является представительством народным, которое «в момент испытаний будет с народом»?

«Голос печатного труда», № 3, 12 февраля 1917 г.

ХОРОШАЯ КОМПАНИЯ

Известный писатель Владимир Короленко очень кстати напомнил читателям недалекое прошлое. Он напомнил о том, что в 1907 году в Гос. думе депутат Шульгин требовал смертной казни для Короленко.

А теперь Шульгин — видный депутат прогрессивного блока. Переменился ли он? Раскаивается ли в том, что когда-то требовал казни умеренно-демократического, легального писателя, и в лице Короленко призывал казнь на всех демократов даже умеренного оттенка, в роде Короленко?

Ничуть не бывало! И не в одном Шульгине, не в одном Короленке дело. Короленко остался сам собою; и Шульгин остался Шульгиным. Ведь не один Шульгин, но Гучков и Родзянко, Шидловский, Бобринский, — все эти октябристы и националисты вдохновляли в то время министерство Столыпина, залившее Россию кровью многих тысяч жертв полевых судов и карательных экспедиций.

В те времена кадеты словесно возмущались казнями, а на деле подкрепляли позицию столыпинского министерства тем, что презрительно говорили о «красной тряпке», той самой «тряпке», которая открыла либералам дорогу к политиканству в Гос. думе.

Теперь Шульгины заключили братский союз с Милюковыми, и вся эта теплая компания усиленно рекламирует Пуришкевича.

В то же время эта компания ведет, вместе с Гос. советом и со съездом объединенного дворянства, борьбу против правительства за «министерство, пользующееся доверием страны». Не полевели ли и большинство дворянства, и большинство Гос. совета? А сейчас к этой компании приблизился и бывший министр Макаров, защитник виновников ленского расстрела, сказавший: «так было — так будет». И в этой же компании — «рабочие» группы военно-промышленных комитетов, агитирующие за поддержку и подталкивание Шульгиных, Милюковых и Гучковых.

Умилительная картина...

«Голос печатного труда», № 3, 12 февраля 1917 г.

КТО ЛУЧШЕ?

В газетах сообщают, что управляющий министерством земледелия Риттих обратился к военному министру с просьбой отпустить в 1917 году триста тысяч рабочих-сартов на сельскохозяйственные работы. Эти рабочие были призваны на основании повеления от 25 июня 1916 года для военных надобностей.

Военный министр согласился отпустить помещикам рабочих, но с тем условием, чтобы их во всякое время по требованию военной власти можно было взять назад. Риттих не согласился на это, потому что сельским хозяевам нужна уверенность, что рабочие будут прикреплены к их имениям на весь круг сельскохозяйственных работ. Но Риттих согласился уменьшить число просимых рабочих с трехсот тысяч до ста пятидесяти тысяч, лишь бы только эти рабочие были крепко привязаны к поместьям, без права военного начальства брать их из поместий для военных надобностей.

Вопрос будет еще обсуждаться министрами.

Наши либералы требуют министерства, «облеченного общественным доверием». Они не считают Риттиха в числе министров, пользующихся «доверием». Риттих идет навстречу либеральному блоку. И если либералы могут быть чем недовольны в этом отношении, так разве только тем, что Риттих просит недостаточно рабочих; да еще пожалуй тем, что Риттих пожелает вероятно оставить распределение рабочих в руках чиновников, а либералы требуют, чтобы вся власть над этими рабочими была целиком предоставлена земствам, то есть самим помещикам.

Рабочим мало будет удовольствия от того, что их будут распределять чиновники; но если рабочих целиком отдать во власть помещикам, то и в этом радости мало. Но кто желает, чтобы помещики были полновластными хозяевами над рабочими, тот пусть поддерживает либералов и их думский блок в спорах либералов с нынешними министрами.

«Голос печатного труда», № 3, 12 февраля 1917 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 1 и 2 вашего журнала напечатаны статьи Валентина С. о продовольственном вопросе. Грустно было читать эти статьи в рабочем журнале. Автор повторяет в них то, что писалось в изданиях буржуазных, да и это повторяет с опозданием, когда даже буржуазные газеты, которые поприличнее, пошли дальше.

Например, разве хоть одна серьезная, даже буржуазная, газета станет теперь уверять, будто дороговизна происходит только от «бессистемного управления и хаотического состояния нашего рынка» или только от «расстройства транспорта и безумной спекуляции?»

Ведь и сам Валентин С., цитируя буржуазные газеты, говорит против себя. Оказывается, например, что в Саратовской губ., всегда раньше вывозившей хлеб, теперь хлеба нехватает. Почему? Вероятно, потому же, почему нет его

и в другом месте, на которое указывает Валентин С.: «Нет совершенно рабочих, поля без призора, некому сеять».

Прямой недостаток продуктов признается и более серьезной буржуазной печатью. Какой же следует вывод? Ясно, что только один: сделать, чтобы поля не остались без призора, чтобы было кому сеять. Этого вывода, конечно, не делает либеральная печать, и это понятно. Но что в рабочей газете за либеральной печатью следуют даже и в этом вопросе — это очень грустно и недопустимо.

Вместо возвращения «призора полям» Валентин С. агитирует за кооперативы и продовольственные рабочие комитеты, которые будто бы смогут разрешить продовольственный вопрос. Самодеятельность масс — хорошая вещь. Более того: она первое дело. Но не нужно обманывать массы, призывая их к делу явно безнадежному, так как никакие комитеты не добудут хлеба, когда «поля без призора» и «некому сеять».

Валентин С. далее повторяет либеральный лозунг о власти, пользующейся доверием страны. К этому лозунгу присоединились, как известно, и Гос. совет, и съезд объединенного дворянства. Валентин С. попал, таким образом, в благородное общество, — с этим можно его поздравить. Но ведь у либералов ясно и откровенно проявилось уже стремление возродить крепостное право, закрепостить вновь рабочее население на манер аракчеевских поселений. Для этого им и нужно больше всего министерство, пользующееся «доверием». Насколько после этого уместно повторять либеральный лозунг в рабочей газете?

«Прикубанские степи», № 5, 20 февраля 1917 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Давно ли казалось, что крепостное право навеки похоронено, что отошли в область невозвратного прошлого и принудительный, подневольный труд, и торговля людьми, и обмен их на борзых щенков, и аракчеевские военные поселения, оставившие по себе недобрую память. Все это казалось, но — не то вышло.

Наше время трудно было бы назвать иначе, как — эпохой возрождения крепостного права. Подневольный труд применяется все шире, а труд вольнонаемный, — действительно вольнонаемный, — пока еще оставлен только на долю женщин, стариков и подростков. Но процесс закрепощения, раз начавшись, не может, конечно, остановиться.

И что важнее всего, проповедь закрепощения исходит у

нас, в России, от либеральных представителей финансового капитала и от либеральных аграриев, которые в Гос. думе образовали, так называемый, прогрессивный блок (на самом же деле — черносотенно-кадетский блок).

Принудительный труд, вместо вольнонаемного, был первоначально, осенью 1916 года, введен в Германии. И наша либеральная печать справедливо называла это нововведение возрождением крепостного права.

Но вслед за этим думский кадетско-черносотенный блок вынес резолюцию по продовольственному вопросу, и в этой резолюции проектировал передачу в полное распоряжение помещичьих земств — рабочих дружин, военнопленных и солдат для обработки помещичьих полей.

Вслед за тем в «Русских ведомостях» Петр Струве выступил с проектом милитаризации всей России, то-есть, обращения всей страны в одно сплошное аракчеевское поселение. Проект Струве находится в полном соответствии с продовольственной резолюцией думского блока. И «Русские ведомости» вполне присоединились в этом отношении к проекту Струве.

После того вопрос обсуждался в продовольственной комиссии «рабочей» группы петроградского военно-промышленного комитета. Эта группа, как известно, задалась целью привлечь пролетариат к политике кадетско-черносотенного блока. И вот она, в соответствии с проектами блока и Петра Струве, вынесла резолюцию, требующую «всестороннего вмешательства государства в хозяйственную жизнь страны».

Таким образом, борьба за возрождение крепостного права началась по всей линии, от черносотенцев, входящих в думский блок, вплоть до петроградской группы военно-промышленного комитета.

Было бы грубой ошибкой думать, что либеральные проекты возрождения крепостного права вызваны только войной, и аракчеевщина, если она войдет в жизнь, будет отменена по заключении мира. Нет, господствующие классы никогда и нигде не отказывались добровольно от своих приобретений.

Опыт показывает, что на теперешней стадии технического развития крепостной труд дает предпринимателям очень хорошие барыши, а война эти барыши еще увеличивает. Как же можно рассчитывать, что либералы сами себе нанесут удар добровольной отменой нового крепостного права?

«Прикубанские степи», № 5, 20 февраля 1917 г.

ОТ АВТОРА [1]

Близится десятилетие 1917 года. Одним из важнейших источников для изучения этого времени должны служить наши газеты того периода,—прежде всего «Правда», издававшаяся в Петербурге или Петрограде [2] и «Социал-демократ»— в Москве. Комплекты этих газет составляют библиографическую редкость. Необходимо переиздание их заранее, как были переизданы газеты «Вперед» и «Пролетарий» 1905 года. К сожалению, об этом ничего не слышно. Можно уже теперь опасаться, что если и будет приступлено к переизданию, то выпуск этих газет в свет запоздает к тому времени, когда понадобится пользоваться ими для подготовки к серьезным юбилейным изданиям по десятилетию [3].

Таким образом, для широкой писательской, — а тем более пропагандистской, — массы работников останется один путь изучения первоисточников: пользование собранием статей отдельных авторов, писавших в 1917 году.

Мартовская революция (по старому стилю — февральская) застала меня в Москве. Тотчас же был поднят вопрос о газете Московского комитета. Я успел только написать статью для № 1 «Социал-демократа» [4], как был вызван в Петроград на работу в «Правде». Редакторами тогда были избраны тт. Калинин, Молотов и Еремеев. Писал, кажется, только т. Еремеев. После приезда из Сибири т. Сталина я вскоре вернулся в Москву для работы в «Социал-демократе». Числился ли я редактором в

---

[1] Статья является предисловием к сборнику статей М. С. Ольминского, вышедшему под названием «1917» в издательстве Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, в 1926 г. В сборник вошли статьи за 1917 г., напечатанные в «Правде», «Социал-демократе», «Спартаке» и «Коммунаре». — Ред.

[2] Так назывался раньше Ленинград.

[3] «Правда» 1917 г. (до 7 ноября включительно) переиздана Истпартом и Институтом Ленина. Всего вышло семь выпусков под редакцией К. С. Еремеева, М. С. Ольминского, М. А. Савельева и М. И. Ульяновой. «Социал-демократ» еще не переиздан. «Вперед» и «Пролетарий» 1905 г. были изданы Истпартом в 1924—1925 г. под редакцией и со вступительной статьей М. С. Ольминского. — Ред.

[4] Статью «Что в Германии?» за подписью М. О. См. на стр. 110.— Ред.

«Социал-демократ» — орган Московского бюро Центрального комитета партии, Московского областного и окружного комитетов, выходил с 20 марта 1917 г. по март 1918 г., когда «Социал-демократ» слился с «Правдой». В состав редакции в разное время входили тт. М. Ольминский, А. Сольц, Антонов-Саратовский, Н. Бухарин, В. Осинский, И. Скворцов-Степанов, Соловьев, Усагин и Овсянников. — Ред.

той или иной газете, — этого не помню; но редакторскую работу вел.

В настоящее время вышли отдельными книжками статьи, печатавшиеся в этих газетах: Сталина — «На путях к Октябрю» и Бухарина «На подступах к Октябрю». Предполагают выпустить, как они мне сообщали, свои статьи т. И. Скворцов (Степанов) [1] и т. В. Бонч-Бруевич. Если будут выпущены сборники статей и других авторов, то все они вместе все же не дадут картины эпохи: будут утрачены голоса не профессиональных писателей,—голоса рабочих и солдат. Если не будут, как я выразил уже опасение, изданы газеты 1917 г. полностью, то для удобства пользования сборниками статей отдельных авторов я бы предложил принять за правило (при издании их) следующие однообразные начала:

1) Печатать все статьи и заметки (а не только избранные) автора, не допуская в них никаких переделок и сокращений; а в случае надобности делать примечания.

2) Не быть слишком ригористичным при выборе статей. Например, в сборнике т. Бухарина пропала вся кампания во время августовского совещания. Велась она совместно тт. Бухариным, Осинским и Смирновым и проведена была блестяще. Неужели же эти статьи не попадут в сборники ни одного из этих авторов только потому, что статьи были без подписей?

3) Включать, по возможности, и более поздние статьи и речи автора [2], если в них дело идет о событиях 1917 года.

4) Стиль должен быть однообразен в датах под статьями: сначала новый, а затем — старый. Книги тт. Бухарина и Сталина в этом отношении изданы недостаточно внимательно: у Бухарина скачет стиль то старый впереди, то наоборот, а у Сталина в «летописи событий» — только старый, без всяких указаний на то, принят ли новый или старый стиль [3].

5) Давать все статьи 1917 г., не только дооктябрьские, но и пооктябрьские. Первые месяцы советской власти не

---

[1] Статьи И. И. Степанова-Скворцова за 1917 г. (не все, только избранные), в том числе и из «Социал-демократа», вошли во второй том его «Избранных произведений», изданных Институтом Ленина в 1930—1931 гг. — Ред.

[2] В «На подступах к Октябрю» т. Бухарина нет речей его на VI съезде,— даже нет его речи о текущем моменте.

[3] Кроме того, не попал в «летопись» день свержения самодержавия и потому непонятно, почему именно мы отмечаем этот день, как праздник.

менее важны и характерны, чем «подступы» или «пути» к «Октябрю», который мы празднуем в ноябре.

Остается отметить, что все эти сборники и собрания сочинений отдельных авторов годны только для использования их в качестве подспорья. Серьезным же историкам полагается верить только подлиннику или копии, заверенной авторитетным издательством. Бумага подлинников очень плохая, и через несколько лет обратится в труху. Это соображение вновь возвращает нас к постановке вопроса о переиздании наиболее важных партийных газет 1917 года.

ЧТО В ГЕРМАНИИ?

Вечером 3 марта по Москве разнесся слух, что в Берлине произошла революция, и что император Вильгельм арестован. Это была бы для нас радость не меньшая, чем радость русской революции. Это означало бы конец войне. Однако, как ни хотелось бы нам верить этому слуху, мы не верим: слишком скоро!

Мы знаем, что в Германии за последнее время быстро росло революционное движение пролетариата. Усиливалось не по дням, а по часам влияние революционной социал-демократии; изменники социал-демократии, помогавшие германскому правительству вести войну, быстро теряли уважение и влияние. Особенно сильно и быстро росло революционное настроение в Берлине, в столице Германии.

Русская революция, конечно, должна воодушевить германский революционный пролетариат, должна усилить его влияние. Ведь в Германии все время пугали революционеров русскими, совершенно так же, как у нас пугают и пугали немцами. Германская революционная социал-демократия не поддавалась этому затуманиванию и все время вела агитацию против войны; она знает, что и в России пролетариат не хотел и не хочет войны и завоеваний. Правительство Вильгельма и германская буржуазия все время, как и у нас, обманывали народ: у нас твердили, что виновники войны немцы, а в Германии, — что виновники войны русские.

Правда в том, что правительство и капиталисты обеих сторон хотели войны, хотели полакомиться чужим добром и половить рыбы в мутной воде. При таких условиях революция в Германии становится так же неизбежной, как неизбежна была революция в России. Правда, Вильгельм

хитрее, а потому опаснее, зловреднее, чем Николай. И буржуазия в Германии будет, вероятно, стоять за Вильгельма. Но зато пролетариат в Германии многочисленнее и сильнее, чем в России, более сознателен, более организован.

Поэтому и революция в Германии будет не такой, как в России. В России буржуазия и пролетариат временно объединились для борьбы против крепостнической бюрократии [1]. . . . . .

Тогда настанет для русского пролетариата момент чрезвычайной важности. Нужно помнить, что если буржуазия разных стран и непрочь иногда подраться между собой, то перед лицом пролетариата она всегда солидарна и действует во всех странах заодно. Если в Германии произойдет пролетарская революция, то буржуазия русская, французская, английская постарается поскорее задушить ее и усилить крики о необходимости полной, окончательной, скорой победы.

Российскому пролетариату нужно быть чутким и осторожным. Мы не доверяем слуху, что Вильгельм арестован, что пролетарская революция в Германии разразилась так скоро, вслед за русской революцией. Слишком великое счастье было бы это для всех народов.

Но что пролетарская революция в Германии близка и неизбежна, что русская революция ускорит ее час — это мы знаем, знаем наверно. Будем настороже.

«Социал-демократ», № 1, 20 марта 1917 г.

---

[1] Выражение «временно объединились» ни в коем случае не следует понимать как заключение союза пролетариата с буржуазией. Речь идет о борьбе против российского феодализма, к искоренению которого стремился и пролетариат и буржуазия. Ленин в «Письмах издалека», 3—4 апреля, писал, что «совместный удар царизму» нанесен «двумя силами»: «всей буржуазной и помещичьей Россией... с одной стороны, и Советом рабочих и солдатских депутатов — с другой». Там же Ленин писал, что «Февральская революция победила так скоро»... «лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления». Анализируя классовую борьбу и соотношение классовых сил, Ленин писал, что у пролетариата в данной революции «два союзника: во-первых, ...громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения. Во-вторых... пролетариат всех воюющих и всех вообще стран». (Том XX, стр. 15, 16, 19 и 20). — Ред.

НАСТОРОЖЕ

Революционное движение пролетариата и солдат уничтожило правящую шайку Николая Кровавого. Так говорят революционеры.

А что говорит о революции Временное правительство? В радиотелеграмме, посланной «всем, всем, всем», рассказывается:

«28 февраля... волнение в войсках и населении приняло крайне тревожные размеры».

Радостный для народа подъем революции, таким образом, оказался «тревожным» для кн. Львовых и Родзянок. Смеем думать, что он был «тревожным» и для министра Протопопова.

Далее говорится:

«В ближайшие дни волнения перебросились из столицы на окрестности, и опасность приняла угрожающие размеры».

Да, конечно, угрожающие для Николая Кровавого; а для восставшего народа не опасность приняла угрожающие размеры, а революция стала приближаться к победе.

«Серьезное осложнение» для Милюковых и Родзянок «создалось подъемом общественного настроения и энергичной деятельностью левых политических организаций».

«Подъем общественного настроения» и «энергическую деятельность» левых Львовы-Родзянки считают не поддержкой себе, а «серьезным осложнением». Это — язык правительства Николая Романова.

Пролетарско-солдатская революция вынесла на гребень политической волны Львовых, Гучковых, Милюковых. Но они приняли на себя роль не руководителей, а ту роль, которой не сумели выполнить министры павшего правительства. Это нужно твердо помнить рабочим, крестьянам и солдатам. Они должны знать, что если Временное правительство и сделает что-либо для народа, так только поневоле, под давлением революции или, как они сами говорят, в случае «волнений», принимающих «тревожные» размеры, когда «опасность примет угрожающие размеры».

Задача Временного правительства сводится к тому, чтобы дать рабочим и крестьянам как можно меньше. А задачи крестьян, солдат и рабочих — отвоевать от помещиков и капиталистов как можно больше. Значит ли это, что Временное правительство решительно ничем не отличается от правительства Николая?

Конечно, нет. Временное правительство сходно со старым правительством в том, что оно — правительство капитали-

стов и помещиков. А разница в том, что Временное правительство прежде всего умнее Протопоповых и Штюрмеров[1]: оно понимает, что нельзя итти всегда напролом, что перед лицом волнений, «принимающих тревожные размеры», перед опасностью, принимающей «угрожающие размеры», необходимо уступать, чтоб успокоить, утихомирить «общественный подъем» и «левые партии».

Есть, конечно, и еще большие различия между правительствами кн. Львова и Протопопова, но для нас сейчас главное то, которое мы указали.

Итак, правительство кн. Львова — правительство помещиков и капиталистов. Оно стоит не за революцию, а против революций. Оно хочет дать народу не побольше, а как можно меньше, — лишь бы только утихомирить революцию. Но в то же время оно понимает, что революционному народу надо сделать уступки, что без уступки не обойдешься.

Что же из этого следует? Что должны делать рабочие и солдаты? Прежде всего, они должны взвесить, каким путем выгоднее итти сейчас. Желая получить все, можно и потерять все. По этому соображению социал-демократия всегда держится правила: врозь итти, вместе бить.

Итти во всем вместе и за одно с Временным правительством народ не может. Но за одно с ним бить, бить сторонников Николая Романова, он должен. Бить, смещая старые власти от царя до стражника. Бить, освобождая политических и т. п. заключенных. Бить, осуществляя свободу организаций, слова, печати, собраний.

Но врозь итти. Члены Временного правительства, кроме Керенского, все монархисты. Нужно итти против них, требуя республики. Временное правительство хочет захвата чужих стран, порабощения других народов (Константинополя, поляков, армян, украинцев). А мы говорим, что каждый народ должен сам свободно решать свою судьбу, и хотим скорее кончить войну.

В этих вопросах, а также в вопросе о земле, о сокращении рабочего дня, о запрещении сверхурочных работ и во многих других вопросах рабочей и крестьянской политики мы идем и будем «итти врозь», итти против Временного правительства Львовых и Милюковых.

А каким способом мы будем бороться за свое — это будет зависеть от оценки момента. Здесь задача — не потерять все, требуя всего, но и не прозевать удобного случая, который может не повториться. Будем настороже!

«Правда», № 2, 20 марта 1917 г.

---

[1] Царских министров.

ПРОТИВ ДЕСПОТИЗМА

В № 1 нашей газеты напечатан призыв вождей английской независимой рабочей партии, обращенной к русским рабочим. Англичане говорят, что они «твердо рассчитывают на помощь русских рабочих в деле свержения германского деспотизма».

По этому поводу необходимо высказаться.

Мы всей душой, всем сердцем ненавидим всякий деспотизм; мы ненавидим деспотизм Вильгельмов и Брианов, Ллойд-Джорджей и Фердинандов так же, как ненавидим деспотизм Романовых; мы ненавидим деспотическое обращение с Бельгией не меньше, чем деспотизм по отношению к полякам, армянам, евреям, грузинам, жителям английской Индии, туземцам французских и итальянских колоний, деспотизм американцев на Филиппинах, деспотизм японцев по отношению к Китаю, деспотизм буржуазии по отношению к пролетариату во всем капиталистическом мире.

Не для того мы свергли деспотизм Романовых, чтобы спокойно и равнодушно относиться к деспотизму во всех других странах, к деспотизму во всяких видах и формах. Вопрос лишь в том, как наилучше бороться против деспотизма.

В Германии сейчас царит деспотизм Вильгельма. Во Франции, Англии, Италии на месте Вильгельма — Брианы, Гумберты, Ллойд-Джорджи. Везде попираются права рабочих. Везде одурманиваются мозги пролетариата.

Кем начата война? При цензуре Николая вина приписывалась, конечно, немцам. Но даже при этой цензуре проскочили в печати разоблачения П. Н. Милюкова (в Ежегоднике» газеты «Речь» за 1915 г.). Из сообщений Милюкова видно, что тут и на другой стороне не все чисто.

С другой стороны, мы знаем, из-за чего ведется война и для кого ведется. Война ведется с обеих сторон для захвата чужих стран и городов, для завоевания рынков. Война ведется в интересах крупнейших капиталистов.

Как отражается война на населении? Во всех воюющих странах капиталисты наживают от войны неслыханные барыши, а народ изнуряется и голодает.

Что будет при победе той или другой стороны? При победе германцев и австрийцев широко разольется германский и австрийский деспотизм, а при победе другой стороны столь же широко разольется деспотизм итальянский, французский, английский, русский.

Или вы думаете, что можно будет покорить Константинополь и дать свободу туркам? Покорить армян против их

воли и не держать их под игом деспотизма? Покорить поляков и Галицию и не душить всякую их попытку к свободе? Мы — враги германского деспотизма, как враги всякого деспотизма. Но каким образом свергнуть германский деспотизм?

Германия, как и Россия, Франция, Англия, ведет войну в интересах правительства и капиталистов. И нужно бить по коню, а не по оглобле, — нужно бить в первую голову германское правительство.

Нам возразят: войну поддерживает и германский рабочий. А разве в России, Англии, Франции мало рабочих, одураченных и обманутых при цензурных кандалах и ловкости буржуазных политиков? И все же в Германии быстро растет среди рабочих левое течение, стремящееся к прекращению войны и к свержению деспотизма германских помещиков и буржуазии.

Победа революции в Германии принесет счастье германскому народу. Но и для русского, французского, английского, итальянского народов революция в Германии даст много. Она освободит нас от кошмарной, бесконечной, невыносимо-тяжелой войны. Она освободит Европу от германского деспотизма.

Что же нужно, чтобы в Германии скорее победила революция? Уж, конечно, не крики о войне до конца, не крики за покорения и завоевания, а напротив—ясно, твердо, открыто, искренне сказанное слово, что мы не хотим продолжить войну без конца, что мы не хотим навязывать никому деспотической воли каких бы то ни было победителей.

Революция в Германии сейчас может быть только пролетарской. Она будет направлена там не только против правительства, но и против буржуазии. Буржуазия других стран, из боязни пролетарской революции и у себя дома, удесятерит тогда свои воинственные крики против Германии; она постарается задушить пролетариат Германии, подобно тому, как союз европейских деспотов пытался задушить великую французскую революцию.

И мы спрашиваем английских, французских, итальянских товарищей: что вы будете тогда делать? По нашему убеждению, вы должны сейчас же начать борьбу против неизбежной коалиции (союза) буржуазии всех стран. Буржуазному строю, ввергшему Европу в эту войну, вы должны противопоставить победоносный пролетарский строй, который один только может привести к прекращению войн и к братству всех народов.

Это и будет прямой, верный и единственный путь для борьбы против германского и против всякого вообще деспотизма.

«Правда», № 3, 21 марта 1917 г.

ХИЩНИКИ

В одной из петербургских газет недели две тому назад была помещена заметка, что 53 русских акционерных коммерческих банка в течение 10 месяцев 1916 года получили 192 589 000 руб. прибыли. Считая в той же пропорции, за год прибыль должна составить 232 000 000 руб. Вот кому нужна война! Вот где одна из причин современной дороговизны!

Затеяв беспримерную в мире международную бойню, погубившую уже миллионы человеческих жизней, искалечившую несколько миллионов жизней пролетариев, крестьян и вообще демократии, хищники международного капитала создали себе таким образом золотое поле наживы.

Мы не знаем, попадут ли в руки международных империалистов, дельцов финансового капитала, новые рынки сбыта, новые колонии для эксплоатации. Мы не знаем, получат ли русские империалисты Константинополь, Малую Азию, Персию, английские, немецкие колонии, новые азиатские территории, или наоборот — германские акулы капитала захватят земли «союзников». Как и чем кончится война, мы не знаем. Но мы можем сказать, что все они — капиталисты «коалиции» и центральных держав, равно как и капиталисты «нейтральные», уже теперь туго набили себе карманы, собирая обильный золотой посев.

Предприятия, работающие «на оборону», дают миллионные доходы, — прибыль, равную затраченному капиталу; склады и хранилища, принадлежащие банкам, ломятся от товаров, припрятанных до выяснения «хорошей конъюнктуры».

И все эти прибыли идут за счет трудовой демократии, крестьян и рабочих, для которых единственно отменены те крохи прав, охранявших их жизнь и здоровье, которые называются законами об охране труда.

Война создает для международных хищников особо благоприятные условия и сулит им в будущем еще большие выгоды. Неудивительно поэтому, что международным лозунгом капиталистов является лозунг: «война до победы».

«Правда», № 3, 21 марта 1917 г.

ГДЕ ВЗЯТЬ ДЕНЕГ?

Новое правительство постановило выпустить новых два миллиарда бумажных денег. Возможно, что без этого нельзя было обойтись. Но двух миллиардов хватит на один-два месяца. А дальше что?

Вся буржуазная печать и буржуазная наука признает, что каждый новый выпуск бумажных денег увеличивает дороговизну. Старое правительство справедливо обвиняли в том, что оно печатает бумажки вместо обложения налогами имущих классов. Неужели и дальше останется по старому?

Буржуазия на все лады кричит: «все для войны!» и добавляет: «осталось сделать последнее усилие для победы». Мы предлагаем ей: «сделайте же и вы сами последнее усилие, отдайте все для войны!»

От войны народ страдает, а буржуазия получила неслыханные барыши. Поэтому мы предлагаем единовременно обратить целиком на нужды войны все доходы, полученные за 1916 год:

1) всеми акционерными и другими торговыми и промышленными предприятиями ,получавшими дохода более 3 000 р.,

2) всеми домовладельцами,—что получено ими от сдачи помещений в наем, если доход более 3 000 руб.;

3) всеми землевладельцами, получившими дохода более 3000 руб.;

4) всеми частными железными дорогами, банками и банкирскими конторами;

5) всеми вкладчиками в банки и держателями процентных бумаг.

Владельцы имуществ и бумаг от такого единовременного налога не разорятся; они только покажут, что их лозунг «все для войны» говорится ими не для обмана народа.

«Правда», № 4, 22 марта 1917 г.

РАССТРЕЛЯТЬ?

Революция еще не закончена, а реакционеры уже поднимают голову. Вчера напечатана в газетах телеграмма Н. Н. Романова, который неизвестно по какому праву продолжает именовать себя «Николаем Николаевичем» (без фамилии) и «верховным главнокомандующим».

Подчиняясь на словах Временному правительству, этот отпрыск дома Романовых озабочен не осуществлением свободы, а напротив, одним лишь «поддержанием дисциплины», и не только на фронте, но и в «тыловых районах армии». И далее, языком министров Николая Кровавого, этот став-

ленник отставного царя отдает приказы кн. Львову, стоящему во главе Временного правительства.

«Я уверен, — приказывает Романов Львову, — что и вы с своей стороны сделаете все зависящее от правительства для обеспечения победы, восстановив полнейший повсеместно порядок и деятельность заводов и всех вообще учреждений, работающих для нужд армии и флота».

Уместно ли главе правительства, поставленного революцией, получать такие приказы? Уместно ли терпеть молча такое издевательство над собою? Неужели кн. Львов признает себя нуждающимся в таких указаниях?

От своего верховного главнокомандующего не отстает и начальник штаба — ген. Алексеев. В своем распоряжении он пишет:

«Из Великих Лук на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов».

Вся Россия теперь обезоруживает жандармов. Но Алексеев обратился к Родзянке. Родзянко ответил, будто «никаких депутаций не посылалось». И Алексеев приказывает:

«При появлении где-либо подобных самозванных делегаций таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать их и по возможности тут же назначать полевой суд, приговор которого приводить немедленно в исполнение».

Алексеев и Н. Н. Романов—друзья и ставленники отставного царя. И они идут по его стопам: опять военно-полевые суды и расстрелы для революционеров. И нас хотят уверить, будто такие господа дадут России свободу.

Нет! Не свободу они дадут, а военно-полевые суды, виселицы и расстрелы! Чего же смотрят Гучков и кн. Львов? Неужели они думают, что у Романова и Алексеева не найдется веревки для них? Разве простят Романовы свои теперешние огорчения? Как понять, что Временное правительство терпит на высших должностях таких явных, таких наглых реакционеров?

«Правда», № 4, 22 марта 1917 г.

ПРЕСТУПНОЕ ПОКУШЕНИЕ

Временное правительство не спешит освободить революционную армию от родственников отставного царя и от генералов, приказывающих расстреливать революционеров. Зато Временное правительство торопится закрепить армию приведением ее к присяге на верность. Верность не свободе, не народу, а Временному правительству.

Не назначив еще срок созыва Учредительного собрания,

правительство требует верности ему войск «впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания».

Если Временному правительству вздумается отложить созыв Учредительного собрания на какой ему угодно долгий срок,—армия, принявшая присягу, должна подчиниться.

Если Временное правительство захочет оказать вооруженной рукой давление на Учредительное собрание, — армия, принявшая присягу, должна будет выступить против Учредительного собрания.

Если Временное правительство пожелает разогнать Совет рабочих и солдатских депутатов, заточить по тюрьмам членов этих советов,—армия, принявшая присягу, должна повиноваться.

Если Временное правительство пошлет ген. Алексеева расстрелять на месте всех членов Советов рабочих и солдатских депутатов,—армия, принявшая присягу, должна произвести расстрел.

Такова явная, несомненная, решительная цель приведения армии к той присяге, которую придумало Временное правительство. А для самого себя Временное правительство не признает никакой присяги. Оно может и вовсе не созывать Учредительного собрания,—и никто не посмеет назвать его клятвопреступником.

Опубликованный текст присяги—явное, преступное покушение Временного правительства на права народа, на свободу, добытую революцией. Никого из реакционеров такая присяга не свяжет,—они принесут хоть десять присяг, а делать будут по-своему. Не свяжет она и революционеров.

Присяга направлена к тому, чтобы Временное правительство могло направить несознательную массу против Советов рабочих и солдатских депутатов, когда оно сочтет это нужным. Советы рабочих и солдатских депутатов должны немедленно объявить:

С в о б о д а в о п а с н о с т и!

Отношение к присяге должно быть единодушно и проведено организованно, через обязательное для всей армии постановление Совета рабочих и солдатских депутатов.

«Правда», № 5, 23 марта 1917 г.

ЕДИНЕНИЕ

Единенем народа свергнута старая власть. Рабочие и солдаты своею кровью освятили освобождение России от многовекового рабства.

Но революция не закончена. Мы живем под лозунгом

«вместе бить». Для своего партийного дела—каждая партия сама по себе. Для общего дела—все заодно. Тем с большей энергией должны мы протестовать и бороться против всякого извращения правды, против науськивания и натравливания на борцов за свободу. И поэтому мы считаем себя обязанными обратить внимание на следующее провокаторское писание одной газеты, которая прикидывается стоящей за единение:

«Должно быть сохранено единение, страна должна поддержать и укрепить власть, создавшуюся мгновенно, в час бури и разрушения, силою событий, почином Гос. думы. Другого выхода не может быть. Всякий раскол, всякое отпадение—измена долгу перед родиной, нож, занесенный над нею. Фанатизм слеп, а сейчас нужно острое зрение. Страсть безответственна, а теперь требуется прежде всего и больше всего сознание ответственности перед народом за его будущую судьбу. Временное правительство зовет к единению и работе. Тот, кто остался бы глух к этому призыву, не был бы достоин назваться сыном своей родины».

Итак, победоносный ход революции для газеты был только «часом бури и разрушения», а не часом созидания свободы. История начинается для нее лишь с момента выступления Гос. думы. Далее—говорится о страсти, о фанатизме. Это—условный язык либералов, когда они говорят о социал-демократии и пролетариате; они говорят на условном языке и уже натравляют, науськивают буржуазию: дескать люди «страсти» и «фанатизма» — это «изменники долгу перед родиной» и «недостойны называться сынами своей родины». Для военного времени обвинение в измене — вещь очень серьезная? Кто же бросает нам это обвинение? Это—газета «Речь», орган П. Н. Милюкова.

Того самого Милюкова, который разослал по Европе знаменитую радиотелеграмму. А кто известил по телефону английского посла, будто регентом назначен Михаил? Кому мог поверить английский посол?

Итак, с одной стороны, какая-то темная личность, которой однако считает возможным верить английский посол, передает, что кто-то уже назначил регентом Михаила. С другой—призыв к единению и в то же время—науськивание против «фанатиков».

А с третьей... газета «Речь» усиленно рекламирует Романовых, рассказывая об их заслугах перед наукой, об их уме, мужестве и благородстве (№ 56 от 7 марта).

Под флагом «единения» «Речь» подготовляет восстановление (реставрацию) Романовых и науськивает против солдат

и рабочих, стоящих за республику. Такова тактика Милюкова.

«Правда», № 5, 23 марта 1917 г.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Все другие знамена разъединяют народы; лишь красное знамя объединяет рабочих всех стран и народов.

Германский и австрийский рабочий во время пролетарских выступлений становятся всегда под красное знамя с такой же радостью и гордостью, как и рабочий французский, итальянский, русский.

Германский рабочий привык не бороться против красного знамени, а защищать его.

В германской армии много бывших рабочих. Их правительство будет всячески скрывать от армии истинный смысл и значение русской революции. Нужно помешать германскому правительству. На фронте, в окопах и везде, где русские войска соприкасаются с неприятельскими, должно быть поднято красное знамя. И зашевелится в сердце не одного из германских солдат чувство братской солидарности.

Но выставлять красное знамя, готовясь к нападению, было бы таким же предательством и коварством, как лживое выставление белого флага. И такое коварство было бы позором для русской революции.

Такое же значение, как красное знамя, имеет песня «Интернационал». Она напечатана в № 1 «Правды». Ее поют европейские рабочие, должны петь и мы при всяких пролетарских выступлениях. Мотив песни—родной мотив для рабочих всех стран.

Во многих городах Европы рабочее население разноязычное. Но при праздновании 1 Мая, на митингах, демонстрациях и в других подобных случаях все рабочие, каждый на своем языке, поют вместе эту песню. И получается мощный, стройный, единый хор.

В окопах часто противники сидят так близко, что песня слышна. Запойте хором «Интернационал»,—и во многих случаях ваши голоса сольются в одном хоре с голосами германских или австрийских пролетариев, одетых в солдатские мундиры.

Этим, конечно, не кончишь войны.

Война должна закончиться организованно. Но германские пролетарии, которых правительство Вильгельма начиняет всякой ложью против русских, почувствуют в русском солдате товарища.

Этим не только уменьшатся излишние жестокости войны,

но и подготовится почва к прочному организованному миру.

Русская революционная армия во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и иных командах должна обучиться хоровому пению «Интернационала».

«Правда», № 5, 23 марта 1917 г.

ВТОРОЕ НАПАДЕНИЕ

В чем смысл современного политического момента? В том, что в России сейчас три главных политических течения.

Первое—реакционеры. Они разбиты, но не уничтожены. Они начнут собирать силы, как только пройдет первое впечатление революции, ошеломившей их.

Второе — объединившиеся представители крупного капитала и крупных помещиков. За ними идет часть средней и мелкой буржуазии. Их представителем является Временное правительство.

Третье—демократия, т. е. пролетариат и крестьянство. Их сила заключается в Советах рабочих и солдатских депутатов.

Только временно, только на самый короткий срок, в исключительных обстоятельствах, могут политически выступить заодно рабочий с капиталистом, мелкий крестьянин с крупным помещиком. Затем их дороги сейчас же разойдутся. Точно так же неизбежно разойдутся дороги Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Они уже расходятся. Нападение идет со стороны Временного правительства. Идет быстрым шагом. Вчера мы указывали, как форма присяги, принятая Временным правительством, направлена против Советов рабочих и солдатских депутатов. Сегодня произведено второе нападение. Конечно, нападение под флагом единения. Военный и морской министр в приказе от 9 марта призывает:

«Объединяйтесь все около Временного правительства, веря, что оно положит все силы на вашу защиту».

Это значит: оставьте Совет р. и с. депутатов! Не верьте ему!

Дальше Гучков говорит:

«В столице отдельные группы продолжают сеять раздор, связывая решения Временного правительства и препятствуя их проведению в жизнь».

Кто сеет? Кто препятствует? Это о вас идет речь, товарищи, члены Совета р. и с. депутатов.

Почему же Гучков не называет вас прямо? Потому что он еще боится вас, потому что вы еще имеете силу «препятствовать», потому что за вас—рабочие и петербургский гарнизон. Но когда вас сочтут неспособными «препятствовать», и решат разогнать или расстрелять, то будут говорить не об «отдельных группах», а назовут вас прямо и ясно.

За кого же считает вас Гучков? Он говорит:

«Не слушайте сеющих рознь. Много немецких шпионов, скрываясь под серой солдатской шинелью, мутят и волнуют вашу среду».

Это вас, товарищи солдаты, это вас, товарищи рабочие, члены Совета р. и с. депутатов, обеславливает Гучков на весь свет.

Будьте настороже!

«Правда», № 6, 24 марта 1917 г.

ОТРЕЗВЛЕНИЕ

Два с половиной года под ряд, под цензурой старого правительства, вся буржуазная печать без исключения отравляла сознание народа национальной ненавистью, разжиганием завоевательных аппетитов и всяческой ложью.

Министр Милюков еще продолжает твердить о завоеваниях, называя завоевание Турции «ликвидацией» ее, а завоевание части Австрии «освобождением». Но, повидимому, даже и Милюков начинает отрекаться от своих планов завоевания восточной и части западной Пруссии, Познани и Силезии.

Другие буржуазные органы идут дальше. «День», раньше агитировавший всячески за продолжение войны без конца, вчера определенно высказался за скорейшее заключение мира. Сегодня по вопросу о войне высказались «Биржевые ведомости», которые раньше проповедывали «возглавление Россией», то есть завоевание всех балканских государств.

«Биржевые ведомости» передают, как оценивается русская революция в Германии. И диву даешься: куда девалось ненавистничество по отношению к германцам, которым пропитана была вся газета при цензуре!

По словам газеты, в Германии, как и в России, буржуазия прежде всего взглянула на революцию с точки зрения грабительской завоевательной политики. Разница в том, что русская буржуазия надеялась на усилие грабительских настроений, а германская—на их ослабление.

Все это естественно и не ново. А ново то, что говорят «Биржевые ведомости» дальше. Они рассказывают:

...«Перед прогрессивной, а особенно демократической Германией встает чрезвычайно сложная задача: по своим склонностям, по всем своим политическим и социальным тяготениям, она не может не сочувствовать самоосвобождающемуся и самоутверждающемуся на развалинах царизма русскому народу. Есть зрелища святые, перед которыми не может не обнажить головы даже враг. К этим зрелищам принадлежит русская революция».

А давно ли, при цензуре, все газеты трубили, что германцы все сплошь варвары, для которых нет ничего святого?

В Дании социалистические газеты высказывают уверенность, что русская революция вызовет глубокую перемену во взглядах германских социал-демократов (очевидно, правой части их). «Биржевые ведомости» по этому случаю вспоминают, что еще в 1915 году германские с.-д. пытались войти в сношение с с.-д. враждебных стран, и добавляют:

«Либкнехт, жестоко осужденный за прокламацию с лозунгом «Долой войну», как известно, не одинок. В рейхстаге имеется «фракция 18-ти» Гаазе-Ледебура, которая не остановилась перед тем, чтобы отклонить военные кредиты. В недавней конференции с.-д. групп... мирные течения германского с.-д. меньшинства нашли себе весьма рельефное выражение... Конференция требовала «воздействия народных масс на правительство», указывая при этом, что «эти усилия должны носить международный характер, для чего необходимо сплочение международной демократии».

Приводятся и другие факты стремления части германского народа закончить войну вопреки желаниям Вильгельма. Статья заканчивается следующими строками:

«Правда, доколе в Германии будет владычествовать Гогенцоллерн, а в Австрии Габсбург, до тех пор демократические домогательства будут там оставаться гласом вопиющего в пустыне».

Совершенно верно! И наша задача—создать такие условия, при которых германские и австрийские демократы с наибольшей силой могли бы обрушиться на Гогенцоллернов и Габсбургов. Но, конечно, не криками о завоевании Германии, Австрии и Турции возможно помочь созданию этих условий. В заключение «Биржевые ведомости» говорят:

«Все-таки воспитательное значение на германские массы русская революция будет иметь громадное и несомненное и научит их считаться единственно со своей волей, а не с волей Вильгельма».

И это верно.

Нам так редко приходится отмечать проблески трезвого, не ослепленного завоевательной жадностью, отношения к войне со стороны буржуазной печати, что мы сочли приятным долгом отметить и вчерашнюю передовицу «Дня», и сегодняшнюю — «Биржевых ведомостей».

Мы только боимся, что Милюков объявит «День» и «Биржевые ведомости» провокаторскими газетами, вдохновляемыми «из самого темного источника».

«Правда», № 6, 24 марта 1917 г.

В МОСКВЕ ИЛИ В ПЕТЕРБУРГЕ?

7 марта по постановлению Московской городской думы послана Львову телеграмма, в которой указывается, что местом созыва Учредительного собрания должна быть Москва. Если и согласиться с тем, что Москва объединила в последнее время вокруг себя русское общество, то это только касается нашей буржуазии, которая борется с правительством «законными» средствами. Мы знаем, чем кончалась такая «борьба». Свергнул старый режим пролетариат, и пролетариат петербургский.

Здесь, в Петербурге, пали наши товарищи в борьбе за свободу.

И именно здесь был положен фундамент новой России.

Вот почему в Петербурге должно быть созвано то учреждение, которое, несмотря на неистовые крики вождей прогрессивного блока, никогда бы не собралось, если бы не было февральского восстания.

Но мы и потому должны протестовать против созыва Учредительного собрания в Москве, что понимаем тайную мысль буржуазии, которая боится революционного и беспокойного Петербурга и так любит «спокойную» и «уютную» Москву. Она боится этой революционной атмосферы столицы, она боится революционной армии, которая останется здесь.

Но мы во имя нашего лучшего будущего должны требовать, чтобы Учредительное собрание было созвано здесь, в столице, где мы кровью своею завоевали себе свободу.

Здесь, в Петербурге, революционная волна захватила все слои населения.

Здесь, в Петербурге, в этом центре старого режима, был быстро задавлен этот режим в самом зародыше, и реакция лишилась своих вождей.

«Правда», № 7, 25 марта 1917 г.

О СМЫСЛЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Буржуазный профессор М. Туган-Барановский напечатал в «Биржевых ведомостях» статью «Смысл русской революции». Он сравнивает ее с революцией турецкой и находит глубокое различие. В Турции солдаты были лишь послуш-

ными исполнителями воли офицеров. А у нас,— говорит он,—

«Те гвардейские полки, которые 27 февраля опрокинули русский трон, пришли без своих офицеров или, если и с офицерами, то лишь с небольшой частью их. Во главе этих полков стояли не генералы, а толпы рабочих, которые начали восстание и увлекли за собою солдат.

Вот здесь-то мы и нащупываем отличительную черту русской революции: турецкая революция была всецело политической; русская — была или, вернее, будет социальной.

В этом и заключается глубокий, всемирно-исторический смысл русской революции, который нужно определенно признать и понять. В России произошла великая социальная революция, которая пока находится лишь в первых фазисах своего развития.

Пока закончился лишь первый акт всемирно-исторической драмы: пал политический строй, делавший невозможным свободное обнаружение воли русского народа. Русский народ стал повелителем своей судьбы и получил возможность властно сказать свое слово. Этого слова он еще не сказал, но скажет на Учредительном собрании, в котором голоса будут принадлежать представителям народных интересов. Не буду говорить о том, что скажет народ. Мне важно пока сделать ясным, что русская революция, несмотря на свое внешнее сходство с военным восстанием, имеет свои глубокие социальные корни.

Ибо не армия, а рабочие начали восстание. Не генералы, а солдаты пошли к Гос. думе. Солдаты же поддержали рабочих не потому, что они послушно выполняли приказания своих офицеров, а потому, что они сознавали себя народом не в том смысле, чтобы они почувствовали себя такими же русскими людьми, как и офицеры, а в том смысле, что они почувствовали свою кровную связь с рабочими, как с классом таких же трудящихся людей, как и они сами.

Таково социальное происхождение русской революции и в этом ее характерная черта. Вот почему у нас сразу возникло две власти — Временное правительство, выбранное Гос. думой, и Совет рабочих и солдатских депутатов.

Солдатские депутаты в этом Совете, в сущности, — не что иное, как крестьянские депутаты. Крестьяне и рабочие — вот два социальных класса, которые сделали русскую революцию.

И то обстоятельство, что, произведя революцию, солдаты и рабочие не передали власти в руки Временного правительства, но сохранили ее в своих руках, с полной очевидностью показывает, что цели революции в глазах ее творцов пока еще далеко не достигнуты. В глазах трудящихся классов революция еще только начинается.

Хорошо это, или дурно, но это так!»

Статья не закончена: не видно отношения автора к дальнейшему ходу революции. Мне хотелось бы приделать конец к этой статье, но не в виде статьи, а в виде речи Туган-Барановского на закрытом (не публичном) собрании заводчиков-фабрикантов и политических вождей буржуазии. Может быть меня упрекнут в излишнем оптимизме по отношению к кадетскому профессору. Но мне кажется, что он все же мог бы сказать:

«Господа! Я назвал русскую революцию социальной. В сущности, всякая революция — революция социальная, так как означает перемещение силы влияния от одного класса к другому. Не смешивайте социальную революцию с революцией социалистической. Социализма для России не ждет от этой революции ни одна из наших социалистических партий. Не говорю уже, например, о меньшевиках: вы сами знаете, какие они милые и покладистые люди. Но даже, если обратиться к писаниям самых твердолобых, самых — чорт их дери!—обалделых большевиков из «Правды», то и там вы не найдете ничего, грозящего нам уничтожением частной собственности, крушением капитализма в России. Эти большевики в первом же номере газеты опубликовали часть своей программы-минимум, где говорится о мерах к охране наемных рабочих от обнищания и вырождения. Следовательно, они признают, что революция не уничтожит работы по найму, не сметет капитализма, не разрушит частной собственности на орудия производства.

Вас может быть смущает их требование конфискации помещичьих земель? Но и тут нет ничего подрывающего капитализм. Я знаком с литературой большевиков. Их цель — уничтожить не только все остатки крепостничества, но и самую его опору — класс крупных помещиков-феодалов. Большевики хотят сейчас не уничтожения капитализма в сельском хозяйстве, а освобождения этого хозяйства от всех пут крепостного права (феодализма). Вас удивит, господа, но я все же решаюсь сказать это: мне кажется, что осуществление лозунга большевиков явится лишь завершением того дела, которое было начато реформой 19 февраля 1861 года. И бояться нам здесь нечего.

Правда, конфискация феодальных земель и проведение в жизнь мер, которые, как говорят социал-демократы, должны спасти пролетариат от вырождения, заденут и нас, сильно заденут. Мы здесь говорим в своем тесном кругу и можем быть откровенны. Мы можем признаться самим себе, что деспотизм бывшего государя не висел в воздухе: мы сами питали этот деспотизм, он был лишь отражением нашего отношения к своим рабочим.

Разве у нас не царил такой же произвол? Разве мы не прибегали к помощи охранных отделений при конфликтах с рабочими? Мы хотим правового строя в государстве,— и мы должны ввести такой же строй в своих предприятиях. Это будет большая бытовая ломка.

Но будет и ломка экономическая. Нам придется сильно увеличить издержки производства, издержки на рабочую силу. Но это увеличение даст нам сильного высококультур-

ного рабочего на смену рабочего изможденного, малограмотного, слабосильного. А разве эксплоатация труда высококультурного рабочего, при правильной постановке дела, может повести к уменьшению доходности наших предприятий? Совершенно наоборот!

Далее, господа! Уничтожение крепостнических и полицейских пут и передача феодальных земель крестьянству создаст такой колоссальный подъем культурных потребностей, личных и хозяйственных, образует такой необозримый внутренний рынок, что перед ним всякие там Константинополь, Персия, Армения, Буковина плевка не будут стоить. И если потребуется увеличить расход на рабочую силу втрое, впятеро,—наша промышленность не только выдержит, но и расцветет так, как и не снилось германским, английским, японским империалистам.

Таким образом, в наших же интересах — пойти при первой возможности навстречу народному желанию скорее ликвидировать войну без всяких завоеваний.

Конечно, господа, мы не сдадим рабочим всех позиций без боя, по первому их заявлению. Нет! Мы будем отстаивать шаг за шагом и самодержавие предпринимателя в своем предприятии, и возможно низкий уровень заработной платы. Но для этой борьбы мы должны использовать лишь нашу экономическую силу организованного капитала, не допуская дела до кровопролития. На забастовку мы будем, когда нужно, отвечать локаутом, а не пулеметом. Бить не дубьем, а рублем. Я кончил господа!» (Жидкие аплодисменты).

Гучков. Пусть верны все те перспективы, которые нарисовал перед нами уважаемый докладчик. И все же я не согласен бить только рублем. Напомню о моем покойном друге Столыпине и о том, что кадеты называли тогда «столыпинским галстуком»,—о смертных казнях, о виселицах. Несомненно, что они спасли наше положение на десять лет. Ошибка Протопопова состояла в том, что он слишком понадеялся на пулеметы и не обеспечил себя артиллерией. В 1905 году адмирал Дубасов был решительнее, и мы спасли Москву (рукоплескания в той же мере, как и Туган-Барановскому).

Милюков. Докладчик предлагает бить только рублем и забывает о более тонких, но верных средствах: о постановке умеренной рабочей печати и о пускании в ход слухов о провокации.

Коновалов. Относительно борьбы путем обвинения в провокации я не согласен с уважаемым Павлом Николаевичем: это средство скоро притупляется и легко может

обратиться против нас самих. И во многих, во мне в том числе, оно возбуждает чувство брезгливости. Но тонкие культурные средства борьбы, вообще говоря, действительно необходимы. Мы уже имеем прекрасный опыт с рабочими группами военно-промышленных комитетов[1]. Разработку плана этого метода борьбы я охотно принял бы на себя (голоса: Просим!).

Собрание закрывается. Милюков говорит, ни к кому не обращаясь: «а все-таки насчет провокации... использовать необходимо».

Все это—наша выдумка, фантазия.

А все-таки интересно было бы знать конец недописанной статьи проф. Туган-Барановского.

«Правда», № 7, 25 марта 1917 г.

О ЗЕМЛЕ

Вторая великая российская революция, как и первая, начертала на своих знаменах не только политические требования, но и экономические, т. е. 8-часовый рабочий день и конфискацию помещичьих земель.

Р. С.-Д. Р. П. в годы жестокого торжества царизма выставляла эти требования и в нелегальных прокламациях и в легальных газетах—в «Звезде» и «Правдах». «Звезда» и «Правда» до момента их закрытия неустанно писали, что основные требования пролетариата и крестьянства это «три кита». Первый «кит» — демократическая республика» второй —8-часовой рабочий день и третий «кит» — передача помещичьей, монастырской и проч. земли в руки народа.

После революции 1905 года, когда дикий помещик восторжествовал, 3-я помещичья Государственная дума поддержала правительство Николая Романова в его земельной реформе. Выделением из общин по столыпинскому закону господствующие классы имели в виду поссорить между собой крестьянство, и, воспользовавшись раздором между крестьянами, сохранить свои помещичьи земли.

Время шло, крестьяне голодали. Во время войны крестьянское хозяйство еще больше развалилось. Но помещики и буржуазия, оглушенные звоном металла от военных прибылей и не думали о крестьянском хозяйстве.

Но вот вспыхнула вторая революция, и вопрос о земле

[1] Военно-промышленные комитеты — организация крупных заводчиков и фабрикантов, получавшая и распределявшая военные заказы. Комитеты с целью парализовать забастовочное движение в предприятиях, работавших на войну, и установить «классовое перемирие», вводили в свой состав представителей промышленных рабочих. Большевики бойкотировали эти комитеты. — Ред.

встал перед господствующими классами во весь рост. Буржуазия и помещики задумались. Новая правительственная партия, партия кадетов, снова из пыльных архивов вытащила на обсуждение вопрос, как бы тут не обидеть того, у кого и так всего много.

По сообщениям газет, Центральный комитет партии кадетов решил, что, как только соберется съезд их партии, то они и решат на этом съезде, как бы совсем не лишиться земли помещикам. А если уже от помещиков народ решит отобрать землю, то де не даром бы отобрали землю, а пусть разоренный народ заплатит помещику. Эту сделку они называют справедливой и после войны они обещают крестьянам продать свои земли.

Понятно, крестьяне кровно заинтересованы получить земли даром, а не путем купли их у помещиков. Народ столько пролил крови, народ так разорен, что не может быть и речи о покупке. Земельный вопрос может быть разрешен только революционным путем. И крестьяне должны вместе с рабочим классом решить земельный вопрос так же, как и 8-часовой рабочий день, т. е. через революцию.

«Правда», № 7, 25 марта 1917 г.

ГДЕ ВЗЯТЬ ДЕНЕГ?

Новая власть страшно нуждается в деньгах. И преступно было бы сейчас пренебрегать малейшим источником средств. Особенно, когда эти средства тратятся на заведомых врагов революции.

Поэтому необходимо:

Первое. Уничтожить министерство императорского двора со всеми его учреждениями.

Второе. Немедленно упразднить удельное ведомство. Его доходы—не менее 100 миллионов рублей в год. Они шли на содержание царской фамилии. Теперь нет царя, нет значит и царской фамилии.

Конфискация удельных земель (их миллионы десятин) была решена еще в 1906 году первой Гос. думой. Говорят, что из-за этого и поспешили тогда разогнать думу. Временное правительство не должно ждать с этим вопросом до созыва Учредительного собрания.

Третье. Немедленно уничтожить учреждение «Кабинет его величества». Доходы этого учреждения предназначены были на прикармливание царской челяди. У него—целые огромные уезды земли в Сибири и в его пользу были обложены, кажется, все сибирские золотые прииски. Все доходы «Кабинета» должны быть безвозвратно обращены на нужды государства, как и все имущества.

Четвертое. Боясь революции, русские цари более ста лет прикапливали деньги и хранили их в английском банке. Эти деньги крались царями у народа. Если оставить их Романовым, то они будут всегда служить фондом для подкупа убийц, погромщиков, монархических интриганов. Эти деньги — одна из причин, почему Николая Романова нельзя сейчас выпускать за границу. Денег у царей в английском банке—не один миллиард рублей. Они могли бы сейчас послужить для платежей русского правительства за границей.

Пятое. В царских дворцах накоплено несметное количество золота и серебра. Это нужно все перевести в Гос. банк. Также и бриллианты. Многое можно перечеканить в монету. Вещи, представляющие художественную ценность, можно бы продать с аукциона по повышенной цене.

Шестое. В городах — квартирный голод. Нехватает места для лазаретов, школ, казарм. А громадные здания, иногда целые кварталы, заняты ненужными учреждениями дворцового ведомства —конюшенными, экипажными, прачечными. Все это нужно использовать для общественных нужд.

Седьмое. Нужно использовать Зимний дворец и бесчисленные другие дворцы, городские и загородные.

Восьмое. Нужно обратить внимание на пенсии и аренды, выдаваемые из казны. Например, по царским законам человек, пробывший министром хоть один денек, уже на всю жизнь сохранял министерское жалованье. Мы знаем, что теперь бывших министров не меньше, чем собак на свалке. Нужно немедленно прекратить пенсии бывшим министрам и пересмотреть другие, наиболее крупные, пенсии.

Девятое. По царскому закону на всякого ребенка царской фамилии,— будь хоть десятая вода на киселе,— выдавалось из казны по многу тысяч,— тысяч двести в год. Теперь нет царской фамилии, и эти выдачи незаконны.

Десятое. При царской власти жалованье самым высшим чиновникам и командирам представляло собою не оплату труда, а грабеж казны. Это нужно прекратить немедленно.

«Правда», № 7, 25 марта 1917 г.

СМЕШНАЯ ПРЕТЕНЗИЯ

В травле против «Правды» сейчас ничем не брезгают. Спрашивают даже, почему в «Правде» называют «Петербург», а не «Петроград»?

Больше двухсот лет Петербург назывался Петербургом. Затем Николай II пожелал показать свой патриотизм и пе-

рекрестил Петербург в Петроград. Этим он не победил немцев и не спас себя. Цену его патриотизма узнала вся Россия.

Должны ли мы итти по его стопам? Должны ли исполнять всякую его бесполезную затею? Будем ли мы говорить «Петроград» или «Петербург»,—от этого для России ничего не прибудет и не убудет. Поэтому мы и предоставляем каждому говорить, как он хочет, и не считаем нужным кричать караул при слове «Петербург».

Комитет нашей организации более 25 лет назывался «Петербургским» и не желает менять свое имя в угоду Николаю II. Стоит ли из-за этого затевать историю? Неужели нет сейчас более серьезного дела для защитников свободы?

«Правда», № 8, 27 марта 1917 г.

СИЛА СОБЫТИЙ

События развиваются быстро. Важно проследить положение «Правды» и вообще революционной социал-демократии в ходе этих событий.

Минувшей осенью в Петрограде возникло крупное пролетарское движение. Это был раскат грома перед февральской революционной грозой. А вся буржуазия кричала тогда, что это — провокация.

Когда восстание свергло Николая II, буржуазия хотела возвести на трон Алексея. Мы требовали Учредительного собрания и республики. Был случай в Москве, когда красная милиция [1] арестовала за это нашего агитатора. Не прошло двух недель,— и центральный комитет буржуазной партии, партии министра Милюкова, уже объявил себя за демократическую республику.

Как только разразилась революция, мы потребовали осуществления 8-часового рабочего дня. Против нас восстала вся буржуазная печать и «Рабочая газета» [2]. А теперь 8-часовой рабочий день уже проводится в жизнь.

Мы заговорили о конфискации помещичьих земель,— опять поднялись крики против нас. А теперь уже и кадетская партия вспомнила, что у нее в программе стоит земельный вопрос. Главная разница между кадетами и нами остается лишь та [3], что мы хотим передать помещичью землю крестьянам бесплатно, а кадеты хотят вознаградить Романовых, Воейковых, Шереметьевых, Шуваловых и Балашовых. Вопрос поставлен. А спор решит сам народ.

---

[1] Красная милиция — отнюдь не революционная, рабоче-крестьянская, а милиция, организованная Временным правительством. — Ред.

[2] Меньшевистская

[3] Слово «лишь» следует понимать здесь ограничительно, как относящееся к данному вопросу, по данному поводу. — Ред.

Больше всего криков против нас идет теперь вокруг вопроса о войне.

Мы указали, что дяде бывшего царя Николаю Романову и ген. Алексееву не место теперь быть во главе революционной армии. И Николай Романов уже смещен. А относительно Алексеева узнаем через недельку-другую.

Далее, мы указали, что Временное правительство должно отказаться от завоевательных планов бывшего царя, чтобы скорее была закончена мировая бойня. Опять крики против нас! А между тем новое французское правительство уже объявило, что отказывается от завоевательных планов [1]. Не сегодня-завтра то же самое должно будет объявить и наше Временное правительство. Останется одна Англия,— но и ей придется последовать за Францией и Россией.

Что касается других наших требований по поводу войны, то мы говорим всем, кричащим на нас и негодующим на нас:

— Обождите недельку! Через неделю вы сами будете думать совсем не то, что думаете теперь, и скажете: а ведь с войной-то вышло то же, что и с демократической республикой, и с 8-часовым рабочим днем, и с вопросом о земле.

Такова сила событий. Она за нас.

«Правда», № 8, 27 марта 1917 г.

О ПРОВОКАТОРЕ ЧЕРНОМАЗОВЕ

Черномазов появился в старой «Правде» в мае 1913 года на втором году существования газеты. Раньше он сидел в тюрьме в Баку по соц.-дем. делу и приехал с серьезными рекомендациями.

---

[1] Использование М. С. Ольминским заявления французского правительства нужно рассматривать, очевидно, как агитационный прием, не более. По всей вероятности автор при этом имел в виду лицемерную телеграмму французского министра-президента и министра иностранных дел Бриана, посланную 25 марта на имя Милюкова. В ней говорилось не о «завоевательных целях». Бриан выражал уверенность, что Франция и Россия, три года сражавшиеся за «то, чтобы доставить торжество принципам свободы и справедливости на свете, принципам, лежащим в основе независимости народов, будут непрерывно и неослабно продолжать борьбу до достижения окончательной победы». Характерно, что за день до этого французский посол в России Палеолог на торжественном приеме Временного правительства, на котором послы Англии, Италии и Франции заявляли об официальном признании Временного правительства правительствами их стран, произнес следующую фразу: «Желание продолжить войну до последних сил и во что бы то ни стало достигнуть победного конца воодушевляет вас в вашем благородном подвиге». Разумеется Ольминский ни на минуту не забывал об империалистских стремлениях всех воюющих стран. Это ясно видно из ряда его статей, вошедших в настоящий том. — Ред.

Люди, работавшие в «Правде», постоянно арестовывались полицией. Поэтому всегда было трудно найти человека, который бы все свое рабочее время согласился отдавать газете. Сначала Черномазова поместили на второстепенную должность, но после новых арестов пришлось дать ему и редакторскую работу. Но единоличным редактором он никогда не был. Вскоре (в июне) он был арестован и недели через две освобожден. Возможно, что именно в это время он и стал провокатором.

Черномазовым были очень многие недовольны, постоянно упрекали его за конфискации и за полемику [1]. Из-за границы шли непрерывные протесты против черномазовской полемики. И в Питере постоянно шел разговор, чтобы сместить Черномазова. Но как только намечался подходящий человек для замены, как только он начинал работать в «Правде»,— его арестовывали и высылали.

В ноябре того же 1913 года я не смог дольше терпеть и заявил, что не буду больше ходить в «Правду», пока там Черномазов. То же сделали и многие другие сотрудники. Это было неправильно с нашей стороны. Меня скоро уговорили [2] опять ходить в «Правду».

В это-то время у меня и стали возникать подозрения: не провокатор ли Черномазов? Всегда тяжело подозревать в этом человека, который считается товарищем. А еще тяжелее — высказать свои подозрения.

Но вскоре уже я не счел возможным молчать, и оказалось, что также подозревали Черномазова, но не решались заговорить, и некоторые другие товарищи. Тогда я, хоть и болел в то время, предложил себя для замены Черномазова. Это было в воскресенье; а в понедельник Черномазова, без объяснения причин, попросили уйти вон. Он сказал:

— Значит, увольняюсь по третьему пункту?— и вышел.

Это было около 1 февраля 1914 г., больше трех лет назад.

У нас было внутреннее убеждение в провокаторстве Черномазова, но улик не было. Поэтому и говорить о нем приходилось осторожно. Я говорил знакомым людям: провокатор Черномазов или нет, я не знаю. Но если бы он был провокатором, то вел бы себя именно так, как он вел.

После удаления из «Правды» Черномазов поступил секретарем в больничную кассу. Подозрения против него все увеличивались; но все же ему удавалось кое-куда втираться.

---

[1] Т.-е. за то, что Черномазов сознательно выпускал сплошь такие номера газеты, которые неминуемо влекли ее конфискацию, — и за грубость полемики с меньшевиками.

[2] Тов. Ленин письмом ко мне.

Меня лично все-таки временами мучили сомнения: можно ли было так поступать против Черномазова, не судивши его? Теперь эти сомнения рассеялись.

По поводу проникновения в «Правду» Черномазова я думаю еще вот что. Такая газета, как «Правда», должна была вызвать со стороны охранки чрезвычайные усилия овладеть ею. Провокации следовало ожидать неизбежно. И все-таки охранке не удалось загубить «Правду» по ее плану, а провокатор был разгадан и удален. И приходится сказать про охранку: «не так был страшен чорт: задушить «Правду» правительство всегда могло, а разрушить ее извнутри не удалось».

Черномазов был удален из «Правды» больше трех лет назад. Тем не менее вся буржуазная печать теперь подняла против «Правды» травлю, как будто Черномазов работал и в теперешней «Правде». Травля явно недобросовестная.

Ведь одновременно с Черномазовым распубликован и ликвидатор Абросимов, который работал до последних дней. Однако, никто не кричит, что рабочая группа военно-промышленного комитета была провокаторская.

Раньше был разоблачен Азеф, член центрального комитета партии социалистов-революционеров. И тогда не кричали, что эта партия — провокаторская.

В теперешней травле против «Правды» Черномазов — только предлог. Не будь Черномазова и провокации, придумали бы что-нибудь другое. Истинная же причина в том, что «Правда» стремится довести революцию до конца и добиться того, чтобы рабочие и крестьяне получили бы от революции не только политическое, но и экономическое улучшение жизни. А буржуазия не хочет этого [1].

«Правда», № 8, 27 марта 1917 г.

ДВА ЛАГЕРЯ

Неизбежный вопрос об экономических завоеваниях пролетариата в ходе революции разбил петербургскую печать на два лагеря. Один лагерь требует скорейшего осущест-

---

[1] Кампанию против «Правды», как газеты будто бы провокаторской открыл в буржуазной газете «День» за своей подписью меньшевик или бундовец (фамилии не помню); мне передавали, будто этот господин потом вошел в ряды ВКП(б) и стал «товарищем». Следовало бы выяснить этот факт. М. Ольминский. 1925 г., декабрь. (Статья написана в связи с арестом Черномазова, работавшего в старой «Правде» и травлей, поднятой буржуазной и «социалистической» печатью против «Правды». — Ред.).

вления тех улучшений в рабочей жизни, какие возможно сделать; из них главное — 8-часовой рабочий день. Такова позиция «Правды». В нашем лагере — «Известия совета р. и с. депутатов». Совет провел соглашение с петербургским обществом фабрикантов и заводчиков о немедленном введении 8-часового рабочего дня. «Известия» требуют от Врем. правительства приказа (декрета) о распространении 8-часового дня на всю Россию.

В противоположном лагере находятся все буржуазные газеты и «Рабочая газета»[1]. Они не желают поднимать экономические вопросы, не желают немедленной борьбы за 8-часовой рабочий день.

Открыла поход «Рабочая газета». Она решительно стояла против перехода к борьбе за 8-часовой рабочий день. Другие буржуазные газеты ругательски ругают «Правду» и хвалят «Рабочую газету».

«Биржевые ведомости» пишут[2].

> «Нисколько не отвлекая рабочих от пропаганды 8-часового рабочего дня, «Рабочая газета» совершенно правильно размежевывает две цели революции — политическую и экономическую, и признает, что для второй еще не время, пока политическая борьба со старым порядком не закончена».

«День» сочувственно перепечатывает часть статьи «Рабочей газеты» и указывает, что эта газета «поддерживает момент планомерности, как необходимое условие для успешной борьбы рабочих за улучшение экономического своего положения».

Наконец «Речь» говорит[3]:

> «Рабочая газета» справедливо предостерегает против распыления борьбы. Поводом для этого послужило постановление Совета р. и с. депутатов об установлении 8-часового рабочего дня».

Одним словом, «Рабочая газета» угодила всем буржуазным газетам, всей буржуазии. Видно, что «Рабочая газета» попала в точку и пользуется среди буржуазии большим успехом.

«Правда», № 10, 29 марта 1917 г.

---

[1] Меньшевистская.
[2] Буржуазная газета.
[3] Буржуазная газета.

СОРВАЛОСЬ

До революции между охранными отделениями и капиталистами всегда наблюдалась тесная связь. При конфликтах с рабочими обращение капиталистов за помощью к полиции считалось делом обычным и нормальным. А когда была задушена революция 1905 года, капиталисты до того разосмелились, что даже не грозили обращением к полиции, а попросту заявляли:

— Я вас арестую.

Об этом постоянно появлялись сообщения в рабочей печати. Они были до того часты, что дали мне повод напечатать в журнале «Просвещение» статью под заглавием: «Я вас арестую»[1].

Теперь охранок нет. А капиталисты жертвуют на революцию. Значит ли это, что исчезла классовая противоположность интересов пролетариата и капитала? Конечно, нет. И, конечно, капиталисты принимают и будут принимать новые меры для охраны своих интересов.

Пример свободной, республиканской Америки показывает, что капиталисты не брезгуют и там устройством своего рода охранных отделений и организацией целых отрядов провокаторов, в виде частных предприятий (например, знаменитого агентства Пинкертона).

Но при свободном политическом строе одним этим не обойдешься. И капиталисты прибегают к более тонким способам борьбы. Одним из этих способов является подкуп газет и подкуп виднейших деятелей рабочего движения, вплоть до приглашения их в министры.

Про подкупность газет в Европе и Америке у нас много писалось. А русские газеты считались наиболее честными. Эта честность, однако, в значительной степени объяснялась тем, что русский капитал при старом режиме имел достаточную охрану и не хотел тратить лишних денег на газеты.

---

[1] Статья напечатана в № 2 «Просвещения» за 1913 г. См. сочинения Ольминского, том I.

«Просвещение» — ежемесячный марксистский журнал, выходил в Петербурге с декабря 1911 г. с перерывом в период войны. № 1—2 1917 г. (сентябрь—октябрь) вышел как теоретический орган РСДРП(б). В журнале сотрудничали: Ленин (В. Ильин), Сталин, Бухарин, Ольминский, Д. Бедный, Батурин, Скворцов-Степанов, Савельев, Фриче и др. — почти все большевики-литераторы того времени. — Ред.

Но еще до революции положение стало изменяться. Шатался старый строй, и капиталисты спешили основывать большие газеты, не жалея средств. Крупная промышленность сосредоточена в руках банков, и банки отваливали миллионы рублей на основание своих газет. Так на наших глазах недавно возникла газета «Русская воля». Раньше возникла газета «День», которая никогда не могла объяснить, на какие деньги она издается.

Теперь обе эти газеты очень пригодились капиталу. Нет охранки; рушилась отвратительная система провокаторства, но свежа еще память о нем. И буржуазная пресса решила использовать провокацию на новый лад.

На прошлой неделе стало известно, что арестован провокатор Черномазов, одно время работавший в старой «Правде» и удаленный из нее более трех лет назад. О том, что Черномазов удален из «Правды», сказано было в самой записи охранного отделения, сделанной до революции. А нынешняя «Правда» возникла после революции. Было ясно, что в записи речь шла о старой «Правде», закрытой еще до войны.

Все это было так очевидно, что казалось бы и говорить нечего. Но травля началась. Дело изобразили в таком виде, будто Черномазов писал и в теперешней «Правде», до самого дня своего ареста. Другие газеты подхватили. К сожалению, не осталась совсем в стороне и «Речь», от которой можно было ожидать больше политической выдержки.

«Правде» на этот раз не стоило большого труда разоблачить всю лживость буржуазной прессы. И на другой же день после опубликования письма тов. Муранова, более приличные газеты, даже буржуазные, сняли вопрос с очереди. Сегодня только в банковских газетах «Дне» и «Русской воле» находим отзвук травли.

Повидимому, травля против газеты «Правда», поднятая в связи с Черномазовым, должна кончиться. Но наши читатели должны запомнить этот случай. Они должны знать, что и впредь против их газеты будет распространяться буржуазией всякая ложь, всяческая клевета. Но, наученная горьким опытом, банковская и вообще буржуазная печать будет действовать более осторожно, более хитро; зато и более систематически, — изо дня в день. Тратить время на опровержение всякой лжи и каждой клеветы будет значить целиком отдать нашу газету на разбор этой грязи.

Нам остается только с презрением проходить мимо клеветнических походов против нас. К этому мы призываем и наших читателей.

«Правда», № 10, 29 марта 1917 г.

ЗАДАЧИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

На примере депутации от Семеновского полка Родзянко заявил от имени Гос. думы:

— Если Учредительное собрание постановит, чтобы земля отошла ко всему народу, то это будет исполнено без всякого сопротивления.

Конфискация удельных, кабинетских, монастырских и помещичьих земель была задолго до революции нашим лозунгом,— лозунгом революционной социал-демократии. И как только явилась возможность высказать публично этот лозунг, мы заговорили о земле наряду с тем, как заговорили о демократической республике.

Вслед за нами и кадетская партия вспомнила, что у нее в программе стоит вопрос об отчуждении помещичьей земли «по справедливой оценке».

Теперь заговорил о земле и Родзянко. Заговорил, впрочем, не сам, а потому, что его спросили. И из его ответа не видно, что он сам думает: нужно это или не нужно? Самое нежелание дать точный ответ показывает, что Родзянко думает, что лучше бы оставить землю у помещиков. Он и сам крупный помещик.

Таким образом, в ответе Родзянко важным остается лишь указание, что по его мнению земельный вопрос должен быть поставлен и решен Учредительным собранием.

Не будем сейчас говорить о том, кем и когда лучше решить этот вопрос. Укажем лишь, что, может быть, действительно придется его решать Учредительному собранию. Из этого следуют два вывода.

Во-первых, из этого следует, что и по предложению Государственной думы, от лица которой говорил Родзянко, задача нашего Учредительного собрания будет много шире, чем это обыкновенно бывает.

Обыкновенно Учредительное собрание созывается, главным образом, для решения вопроса о государственном устройстве, как, например: быть ли республике или монархии, одной или двум законодательным палатам, какое должно быть избирательное право и так далее. Родзянко расширил задачу предстоящего Учредительного собрания, дополнил ее вопросом о земле. Этим он открывает дорогу и дальнейшему расширению. Не только вопросы, касающиеся земли, но и другие главнейшие вопросы экономической жизни и социального законодательства придется Учредительному собранию поставить на свое разрешение.

В том числе, конечно, и вопросы законодательства о рабочих,— о длине рабочего дня, о детском и женском труде,

об охране детства и материнства, о фабричной инспекции, о рабочем страховании и т. д.

Таким образом, должно получить осуществление требование нашей социал-демократической программы. В ней перечислены необходимые преобразования политические, земельные и в области рабочей жизни, какие возможны при капитализме, и сказано:

«С своей стороны Российская социал-демократическая рабочая партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания, свободно избранного всем народом».

Наша задача заключается в том, чтобы уже на Учредительном собрании добиваться решения всех вопросов нашей программы-минимум, которая перечисляет требования пролетариата при капитализме.

Выборы в Учредительное собрание получают, таким образом, необычайно важное значение. К ним необходимо начать сейчас же готовиться. Победим ли мы при выборах, и как велика будет наша победа — это будет всецело зависеть от нашей организованности вообще и от нашей энергии сейчас и во время избирательной кампании.

Старое правительство свергнуто — это только половина дела. Вторая половина, и самая серьезная — впереди.

«Правда», № 11, 30 марта 1917 г.

ЧТО ЗНАЧИТ «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ![1]»

На рабочих газетах и на рабочих знаменах вы часто встречаете надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Что означает эта надпись?

Уже из того, что эта надпись появляется именно у рабочих, а не у кого-нибудь другого, вы можете догадаться, что призыв — «соединяйтесь»— обращен именно к рабочим. И прежде всего вы подумаете, что это рабочие себя самих называют пролетариями.

Откуда взялось это слово? Это слово очень старинное. Оно стало употребляться больше двух тысяч лет тому назад. Пролетариями называли и тогда людей, не имеющих

[1] На полях сохранившегося в архиве экземпляра статьи, написанном на машинке, М. Ольминским сделана пометка: «Это моя статья весной 1917 г.». Статья вышла в том же году отдельной брошюрой в издательстве Московского комитета РСДРП, затем в Саратове и в Киеве, — выпущена издательством «Голос социал-демократа». — Ред.

никакой собственности. Но тогда пролетариев было немного.

За последние лет триста или четыреста стало прекращаться в разных странах старинное рабство. Хозяева стали искать для найма на работу вольных рабочих. В то же время сильные помещики стали во всех странах захватывать крестьянские земли и сгонять с этих земель деревенскую бедноту. Получилось много людей, которым некуда стало приложить свою силу, кроме как наняться в работу к богатому хозяину. Это было во всех странах. И везде, на всех языках—на русском, французском, немецком и других стали называть таких бездомных, вольнонаемных рабочих пролетариями.

Время шло, и во всех странах богачи забирали себе все больше силы, а беднота все беднела и разорялась. Число пролетариев все увеличивалось. Получилось во всех странах разделение людей. Одни богатели и нанимали себе в работу все большее число пролетариев. А другие беднели и становились пролетариями. Так образовалось две части населения или, как говорят, два класса людей. Одна часть или один класс ничего не имел и питался только от продажи рабочей силы. Это — класс пролетариев.

Другой класс, класс хозяев, также на всех языках получил одно название буржуазии.

Народились огромные фабрики и заводы, шахты и рудники, разные промыслы, крупные сельские хозяйства, и число пролетариев во всех странах стало считаться многими миллионами людей. А количество хозяев уменьшилось, так как многие разорялись и становились пролетариями.

В наше время во всех странах, среди всех народов имеются две главные части или два главных класса—класс буржуазии и класс пролетариев. Но многих людей еще не решишь сразу, за кого считать: за буржуазию или за пролетариев.

Во-первых, за кого считать крестьян, имеющих маленькое хозяйство,— таких, которые сами ни к кому не нанимаются и других к себе не нанимают? Они не пролетарии; но они не похожи и на буржуазию, которая наживается от чужого труда. Они как будто сами себе хозяева; а жизнь их часто бывает труднее и беднее, чем жизнь пролетария. Но все-таки у них хозяйское отношение к делу, у них другие думы, чем у пролетария. И не в обиду им, а только, чтоб показать, что они хозяева, их часто называют мелкой буржуазией. Тоже и ремесленников-одиночек считают мелкой буржуазией.

На первый взгляд кажется, будто у нас в России, да и во многих других странах, главные классы не буржуазия и

пролетарии, а мелкие хозяева или мелкая буржуазия, то есть крестьяне и ремесленники. На самом деле это не так. Присмотритесь хорошенько к своей деревне или к своему городу. Переберите в памяти всех соседей, кого знаете. И вы немного насчитаете людей, которые жили бы только от своего хозяйства и от своего труда.

Одни из наших соседей хоть и имеют хозяйство, а все же временами подрабатывают и в чужом хозяйстве,—нанимаются хоть на короткое время к помещику или на фабрику, или в город на поденщину. У таких и думы являются пролетарские: как бы побольше получить с нанимателя за свою работу, как бы уменьшить время работы — работать не весь день. Такие хозяева уже немного или наполовину пролетарии и их называют полупролетариями. Кто стал наниматься к чужим, тот не богатеет: хозяйство его становится хуже, и полупролетарий понемногу превращается в пролетария.

Другие ваши соседи не только сами работают, но и принимают работников; сначала на поденщину одного-другого, а потом и на все лето, и дальше — на круглый год. Такие богатеют, и думы у них не пролетарские, а хозяйские: как бы подешевле нанять, как бы заставить побольше работать. Такие богатеют и отстают от черной работы; выбирают, какая почище да полегче, а потом и вовсе только похаживают да покрикивают. Это — уже буржуазия, живущая чужим трудом.

Чем дальше, тем больше становится полупролетариев и полубуржуазии, и тем меньше мелкой буржуазии. А потом полупролетарии делаются совсем пролетариями, а полубуржуазия — совсем буржуазией. Так и получаются два главные классы — пролетарии и буржуазия.

Пролетарии все вместе называются пролетариатом, в роде того, как крестьяне все вместе называются крестьянством.

Между пролетариатом и буржуазией всегда идет борьба. Начало этой борьбы в том, что пролетарий старается за свою работу получить больше, а хозяин хочет заплатить поменьше. Хозяин наживается от пролетарского труда, и пролетарий считает его за это дармоедом, кровопийцей, эксплоататором. В свою очередь хозяин презирает пролетария за бедность, почти не считает за человека, старается прижать, и в то же время все хозяева постоянно боятся, чтобы пролетариат не взбунтовался и не наделал беды буржуазии.

Борьба между классом пролетариев и классом буржуазии называется классовой борьбой.

Пролетарий беден и слаб. А хозяин имеет капитал и силу. Как слабому бороться против сильного?

Пролетарии давно догадались, как это делать. Они поняли, что каждый из них отдельно слаб, а все они вместе — сила. Их спасение только в том, чтобы крепко стоять друг за друга, быть всем заодно. Поэтому они прежде всего и призывают:

Пролетарии, соединяйтесь!

Стойте друг за друга крепкой стеной! В одиночку пролетарий — как былинка в поле: хозяин может его уволить, лишить заработка, подвергнуть голодовке. На его место он всегда найдет другого. Но уволить сразу всех своих рабочих, когда их много, хозяин призадумается: не сразу найдешь новых, сколько нужно, и потерпишь убыток. Поэтому у пролетариев первое средство борьбы — отказаться от работы всем сразу, устроить забастовку, стачку. Забастовка всегда остается одним из главных способов классовой борьбы пролетариата. Для забастовки пролетарии должны стоять все заодно, должны соединяться.

Но дальше пролетарии начинают замечать, что соединяться только на время забастовки и только у одного хозяина — этого мало.

Во-первых, много есть хозяев, которые держат рабочих помалу. Например, у хозяев булочников, портных, сапожников и у многих других часто бывает всегда пять или десять человек у каждого. В случае забастовки их легко заменить новыми. И пролетарии поняли, что нужно бастовать не у каждого такого хозяина порознь, а у всех сразу.

Во-вторых, хозяева часто не уступают рабочим сразу. Они несут убыток от забастовки, но могут ждать. А рабочий долго ждать не может, потому что жить ему нечем. Приходится рабочим подумать, как заранее подготовиться к забастовке.

И вот, чтобы забастовать всем сразу у многих хозяев и чтобы не сдаваться скоро от голода, пролетарии соединяются в постоянный союз. Это — профессиональный союз. В нем соединяются рабочие одной профессии — булочники с булочниками, печатники с печатниками, металлисты с металлистами и так далее. Очень трудно было во всех странах пролетариям получить право устраивать профессиональные союзы. Везде эти союзы раньше считались преступлением; членов союза арестовывали, ссылали. Но где удалось добиться свободы профессиональных союзов, как теперь, после революции, у нас в России, там каждый рабочий должен быть членом своего союза. В этом — спасение пролетария, его сила. Члены союза должны платить в него деньги; эти деньги не пропащие — от них потом будет большая польза рабочему. В союзе пролетарии узнают друг друга,

узнают, где какие условия работы; где может легче получить место безработный, когда удобнее объявить забастовку. А во время забастовки или безработицы пролетарий получает из своего союза денежную помощь, тоже и на случай несчастья союзы часто помогают своим членам.

Союзы должны быть сильными числом и денежным запасом. Поэтому каждый член должен аккуратно делать свой взнос и уговаривать других рабочих непременно вступить в союз.

Но соединяться в отдельные союзы каждому пролетарию по своей профессии недостаточно. Часто бывают такие дела, что рабочие всего города или губернии должны стать все, как один; поэтому все союзы должны соединяться между собою в союз союзов или в центральное бюро профессиональных союзов.

Соединяться всем рабочим одного города или одной губернии часто бывает недостаточно. Хозяева всего государства объединены между собою и действуют против пролетариев все заодно. Если, например, забастуют все фабрики Московской губернии, то хозяевам помогут хозяева других губерний. Поэтому и союзы рабочих должны соединяться в одно по всему государству, во всей стране.

Но бывает и больше того. Крупный хозяин часто имеет свои фабрики в разных государствах, например и в России, и в Германии. Если забастовать у него на российских фабриках, то он отошлет работу на свои фабрики в Германии; а если забастуют только в Германии, то отошлет в Россию. Часто бывает и так, что заказ отсылается в другое государство на чужие фабрики, и там хозяева охотно могут своему же брату, хозяину из другого государства, выполнить заказ. Бывает, что отсылается не заказ, а пересылаются рабочие из одного государства в другое, чтобы сломить забастовку.

По всем этим причинам недостаточно объединиться пролетариям только в своей стране, в своем государстве. А нужно объединяться в одно пролетариям всех государств, всех стран. Вот первая причина, почему рабочие призывают друг друга:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

У пролетариев всех народов, всякой страны, всякого государства один общий интерес — борьба против своих хозяев, против капиталистов. Нельзя думать им только о своей стране. Очень часто пролетарию приходится искать заработка в другом государстве, или же видеть, как из другого государства приезжают пролетарии на заработки в его страну. И везде, и всегда оказывается, что у приезжих рабочих один интерес с местными рабочими, и один враг —

буржуазия. Поэтому к какому бы государству ни принадлежал пролетарий, какой бы веры ни держался, на каком бы языке ни говорил,— он везде имеет один интерес со всеми другими пролетариями, везде за одно с ними ведет борьбу против буржуазии, везде должен соединяться со всеми остальными пролетариями и считать врагом всякую буржуазию, на каком бы языке она ни говорила, какой бы веры ни держалась, к какому бы государству ни принадлежала.

Союз пролетариев всех стран — это не союз пролетариев одного народа, или каждого народа отдельно. Это не русский, не французский, не немецкий, не итальянский, не английский союз, а союз между пролетариями всех народов или, иначе сказать, между всеми народами. Поэтому он называется союзом международным или, как говорят, интернациональным.

Интернациональный — это и значит по-русски международный. Интернациональный — это длинное, трудное слово, но его должен хорошо знать и помнить каждый рабочий всех стран, потому что везде, во всех государствах, на всех языках всеобщий союз пролетариев называется одинаково, одним и тем же словом.

ИЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Стихли уличные столкновения. Выбита уже и полиция с чердаков и с крыш, откуда она вчера, в бессильной злобе половина из пулеметов мирных прохожих, женщин и детей. Людно и как-будто мирно-празднично было на улицах в день моего приезда в Петербург, в понедельник 6 марта.

Но достаточно было заговорить с первым знакомым, чтобы сразу почувствовать, что здесь — не Москва. Революционные дни в Москве — это была праздничная прогулка; это было использование революции, уже совершившейся в Питере. А Петербург пережил действительно революционные, боевые дни.

Редко кто не был там под обстрелом, на волосок от смерти. Одни рассказывают, как шли с солдатами разбивать тюрьму. Другие—как попали под пулеметный огонь. Иные—как у них на крыше засела полиция; другие—как выводили на Неву, расстреливали и спускали в прорубь полицейских, захваченных с пулеметами.

Бой кончен, но всюду чувствуется нервная настороженность. Случись в Москве возврат к старому,— и участники «революционных» дней рисковали попасть в тюрьму, в ссылку. А случись то же в Петербурге—и не миновать там

массовых расстрелов и виселиц. Реакция показала после 1905 года, как она безгранично жестока, мстительна и злопамятна.

Нервная настороженность петербургского населения сказалась массой тревожных слухов и экстренной мерой общего характера, а именно—постановлением Совета рабочих и солдатских депутатов о запрещении выводить из Петербурга войска, участвовавшие в революции.

Это постановление было первым актом недоверия солдат и рабочих по отношению к Временному правительству. А тревожные слухи о контрреволюции возникали именно в связи с предполагаемой попыткой Временного правительства сменить состав петербургского гарнизона.

6 марта мне пришлось присутствовать на заседании Петербургского комитета нашей партии. Обсуждение текущих дел было прервано появлением делегации от пулеметного полка. Это—один из самых надежных революционных полков. Но его постоянная стоянка — в Ораниенбауме, в 35 верстах от Петербурга. Продолжительное пребывание на временной квартире, как бы на бивуаке, было сопряжено с большими неудобствами, и отсутствие занятий грозило, по признанию самих солдат, внести деморализацию. После продолжительного и всестороннего обсуждения вопроса Петербургский комитет вынес постановление о том, что с его стороны не встречается препятствий к выводу из Петербурга частей гарнизона в ближайшие окрестности, в места постоянной стоянки, но с тем, чтобы эти части явились в Петербург по первому сигналу.

Позже в этом смысле вынес постановление и Совет рабочих и солдатских депутатов. Это был, так сказать, первый акт революционной демобилизации, ограниченной весьма тесными рамками. А к ограничению этих рамок, к готовности встретить контрреволюцию во всеоружии, поводы были.

У власти стояло Временное правительство. Как оно относилось к революции? Это стало известно из радиотелеграммы, только что напечатанной во всех газетах и адресованной:

«Всем, всем, всем!».

Всем, всему миру спешило Временное правительство поведать о том, что произошло в Петербурге,—поведать, надо было думать, радостную весть о победоносной революции. Но вовсе не радостно звучали слова радиотелеграммы.

28 февраля—день революционного подъема. А радиотелеграмма рассказывает, что в этот день «волнение в войсках

и населении приняло крайне тревожные размеры». Таким образом, крайнюю тревогу в душу Гучковых и Милюковых внесло то, что сулило радость победы революционному Петербургу. Невольно думалось, что подобную же «тревогу» переживали в этот день и Щегловитовы и Протопоповы [1].

Далее в радиотелеграмме говорилось: «В ближайшие дни волнения перебросились из столицы на окрестности, и опасность приняла угрожающие размеры».

И еще:

«Серьезное осложнение создалось подъемом общественного настроения и энергичной деятельностью левых политических организаций».

Кто мог говорить о революции таким языком? Сторонники старого порядка или деятели революции? Сомнений, казалось, не было: радиотелеграмма исходила от Временного правительства, а ее язык был языком слуг Николая Романова.

Через несколько дней Временное правительство отреклось от этой телеграммы. Как было объявлено в «Вестнике Временного правительства», радиотелеграмма была продиктована единолично Милюковым. Но это разъяснение пришло слишком поздно, да и по существу не являлось вполне удовлетворительным: если не все Временное правительство в полном составе, то один из его членов, г. Милюков, как оказывается, смотрит на революцию глазами Протопопова и Щегловитова.

Но еще раньше опубликования радиотелеграммы было известно, что деятели либерального блока пытались свести революцию к замене Николая Романова Алексеем Романовым, с регентством Михаила Романова. А во главе армии появился вновь верховный главнокомандующий Ник. Никол. Романов.

Под угрозой нависшей контрреволюции среди партийных работников обнаружилось разногласие в вопросе об отношении к Временному правительству. Мнение меньшинства нашло себе выражение в резолюции Петербургского областного бюро Центрального комитета. В ней сказано:

> «Теперешнее Временное правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений. Задачей революционной демократии является создание временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)».

Эта резолюция, ставившая как бы на ближайшую очередь вопрос о свержении Временного правительства, не встретила

[1] Царские министры.

сочувствия большинства партийных работников. Противовесом ей явилась резолюция Петербургского комитета, в те дни более влиятельного и более обширного по количеству членов. В этой резолюции указано, что Петербургский комитет «не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и объявляет о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархический образ правления»[1].

Бороться против попыток восстановлять монархию—это совсем не то, что призывать к немедленному свержению Временного правительства.

Обе резолюции были напечатаны в партийной газете «Правда». Там же появился ряд статей, развивающих точку зрения не бюро, а комитета, а также несколько статей, подвергавших резкой критике отдельные действия Временного правительства.

В статье «Настороже»[2] («Правда» № 2) указывалось, что итти во всем вместе с Временным правительством мы не можем. Заодно с ним мы идем против реакционеров. Но все члены Временного правительства (кроме Керенского)—монархисты, и приходится итти против них, требуя республики (в то время кадеты еще не высказались за республику).

Далее, Временное правительство стремится к захвату чужих стран и к порабощению других народов, а мы говорим, что каждый народ волен сам решать свою судьбу. Точно так же приходится итти против Временного правительства и при решении вопроса о земле, о длине рабочего дня, о сверхурочных работах, и при решении многих дру-

---

[1] Петербургский комитет и сам автор статьи в вопросе об отношении к Временному правительству стояли на ленинской позиции. В статье «О двоевластии», напечатанной в «Правде» 22 апреля 1917 г., Ленин писал: ...«должно уже быть ясно, почему так много ошибок делают и наши товарищи, ставя «просто» вопрос: надо ли тотчас свергнуть Временное правительство?

Отвечаю: 1) его надо свергнуть — ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно *не может* дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим *соглашением* с Советами рабочих депутатов.» (Ленин, соч., т. XX, стр. 95).

Исчерпывающий ответ на вопрос об отношении большевиков к Временному правительству и Советам читатель может найти в апрельских «Тезисах» Ленина и в его «Письмах о тактике». См. Ленин, соч., т. XX, стр. 87—90 и 99—108. — Ред.

[2] Статья написана М. Ольминским. См. стр. 112—113. — Ред.

гих вопросов рабочей и крестьянской жизни. Каким образом во всех этих случаях придется бороться — это будет зависеть от оценки момента. А пока нужно быть настороже.

В статье «Временное правительство и революционная социал-демократия» (№ 8) отмечается, что Временное правительство, порожденное революцией, гораздо умереннее тех сил, которые привели его к власти. Создали революцию рабочие и крестьяне (солдаты), а власть перешла в руки либеральной буржуазии. В своем развитии революция приведет к диктатуре пролетариата и крестьянства. Временное правительство идет вперед лишь под давлением революционного народа, упираясь и против своей воли. Поэтому нужно критиковать и разоблачать его политику. Но главную энергию мы должны сейчас направить на организацию пролетариата. Ставить теперь же вопрос о смене Временного правительства было бы политической ошибкой.

Разоблачать политику правительства пришлось очень скоро. Оно, видимо, тяготится существованием Советов рабочих и солдатских депутатов, которые стоят на страже революции; а в Петербурге Совет пользуется большим влиянием, большей силой, чем правительство. И первой задачей Временного правительства стало ослабить Совет, вырвать армию из-под его влияния. Первым шагом для этой цели должна была служить формула присяги, согласно которой члены армии должны были подчиняться исключительно приказам Временного правительства; этим самым они призывались не слушать Совета рабочих и солдатских депутатов при столкновении Совета с Временным правительством. Газета «Правда» первая обратила на это внимание. Вслед затем и Совет рабочих и солдатских депутатов отверг присягу, предложенную Временным правительством.

Вслед затем Гучков издал приказ с требованием, чтобы воинские чины объединились вокруг Временного правительства, с умолчанием о Совете депутатов.

Эти шаги Временного правительства являлись замаскированным походом против С. Р. и С. Д., вносили разъединение и тревогу. Вновь воскресло опасение близкой контрреволюции.

Решительное столкновение произошло по вопросу о судьбе бывшего царя. Все члены Временного правительства, не исключая и Керенского, спешили удалить Николая Романова за границу, подвергая этим русскую свободу постоянной опасности заговоров со стороны монархистов. С. Р. и С. Д. решительно воспротивился этой контррево-

люционной попытке. Он потребовал ареста отставного царя.

Оказалось, что в этом вопросе Петербургский гарнизон целиком стоит на стороне Совета депутатов. Бывшего царя пришлось запереть в одном из дворцов Царского села. А Временное правительство убедилось, что военная сила в Петербурге не в его руках, и притихло. На долго ли?

«Социал-демократ», № 17, 7 апреля, 1917 г.

ДОРОГО ОБОЙДУТСЯ

Война всех измучила. Некому обрабатывать поля. Некому работать в мастерских. Нехватает хлеба, обуви, одежды. Все рабочие и крестьяне хотят мира. Не какого попало мира, конечно. Но никто из народа не хочет затягивать войны понапрасну.

Революция в России отзывается уже и в других странах. В Германии раньше большинство социал-демократов подавало голос за то, чтобы дать своему правительству денег на войну. А теперь они уже отказываются дать денег. Заговорил против войны и народ в Австрии.

И в Германии и в Австрии народ начал подниматься против своих правительств. У правительств там остается против революции одно главное средство—запугивать народ вражеским нашествием. Напротив, чтобы революция скорее там разразилась, мы должны твердо решить и всем объявить, что не хотим никаких завоеваний. Это и сделал питерский Совет рабочих и солдатских депутатов в своем воззвании к народам всего мира.

В ответ на это министр Милюков поспешил объявить, что целью войны у Временного правительства, как и у Николая II, является захват Константинополя, Армении и многих австрийских земель.

Этим Милюков дал опору правительствам Германии, Австрии и Турции для запугивания своих народов; для борьбы против революции, Милюков усиливает правительство Вильгельма и, можно сказать, спасает его трон. Милюков увеличивает силу сопротивления германцев, австрийцев и турок.

Дорого обойдутся русскому народу и русской армии слова Милюкова.

«Социал--демократ», № 18, 10 апреля, 1917 г.

ПОТЕРЯЛИ РАВНОВЕСИЕ

В «Речи» недавно, кажется, Д. Философов посмеялся над времяпровождением питерского обывателя: утром, едва

проснувшись, обыватель спешит посмотреть соц.-дем. газету «Правда» и затем звонит во все телефоны об ужасах, какие он вычитал.

Повидимому, тоже происходит и в Москве. Только вместо «Правды» здесь газета «Социал-демократ». А в числе ужасающихся обывателей—газета «Русские ведомости». Редакция этой газеты, славившейся раньше своей корректностью и спокойствием, совсем потеряла равновесие и ежедневно «звонит» своим читателям об ужасах, вычитанных в «Социал-демократе».

Сегодня очередной ужас — фраза о том, что русская буржуазия стремится к «новому завоеванию» Польши, Курляндии, Литовского края.

«Итак,—восклицает наша московская обывательница,—возвращение Польши, Литвы и Курляндии на языке «Социал-демократа» тоже именуется захватом. Когда Германия что-нибудь отнимает, это не захват, а когда мы стремимся вернуть отнятое у нас насильственно, это становится захватом. До подобного цинизма и «Социал-демократ» договаривается впервые».

Бедная обывательница! Она все еще живет в понятиях времен очаковских и покорения Крыма, когда народы «отнимались» и «возвращались»! Она не может себе представить, как это народам может быть предоставлено самим решать свою судьбу. Ей совсем непонятно вчерашнее заявление Временного правительства о признании права народов на самоопределение.

Мы не очень большие поклонники Временного правительства; но по сравнению с редакцией газеты «Московская обывательница» оно все же на целую голову выше, на целый век ушло вперед.

Ведь это оно, Временное правительство, объявило о свободе Польши. А «Московская обывательница» кричит караул и требует «вернуть нам отнятое у нас насильственно».

«Московская обывательница» не может мыслить мир иначе, как в виде разделения на господ, которые владеют, и рабов, которыми владеют.

Бедная старушка! Какие страсти, какие «металлы» и «жупелы» приходится ей выслушивать после революции,—даже от Временного правительства! А уж после прочтения «Социал-демократа» ей совсем невозможно обойтись без валериановых капель.

«Социал-демократ», № 20, 12 апреля, 1917 г.

ГДЕ ДОЛЖЕН СЛУЖИТЬ СОЛДАТ?

При старом порядке солдат загонялся в чужие губернии. Это делалось на случай усмирения крестьян и рабочих: в чужих легче заставить стрелять. Теперь это должно измениться. Солдат должен служить в своей губернии и уезде, и только излишек или специалисты могут быть отправлены в чужие места. Сразу, конечно, старого не исправишь. Но подумать можно сейчас же. Много солдат получают отпуска; нельзя ли их, при этом, перечислять в те части, которые стоят на их родине.

Это важно и для семьи и для предстоящих сельских работ; в праздник человек присмотрел бы за хозяйством, побывал бы в семье. А при уборке, когда день кормит год, мог бы легко быть на своем поле, без вреда службе. Много сократился бы лишний расход на поездки и перевозки войск.

Нужно во всех солдатских комитетах обсудить, как это все лучше сделать, не нарушая порядка.

«Социал-демократ», № 21, 13 апреля, 1917 г.

ЧТО НАТВОРИЛИ ПРОВОКАТОРЫ

В своей злобе и ненависти против революционного пролетариата буржуазные газеты совсем потеряли рассудок. Сейчас постепенно публикуются фамилии провокаторов, и буржуазная печать стремится уверить, будто деятельность партии пролетариата направлялась провокаторами.

Посмотрите, какая получается бессмыслица при этом.

Когда осенью 1916 г. и теперь в феврале питерский пролетариат собирался выйти на улицу, вся буржуазная печать кричала, что это провокация. Но рабочие выступили, солдаты присоединились—и царский трон пал. Выходит, что революцию в России произвели провокаторы.

Когда победила революция, крайние левые дали лозунг республики, а буржуазия хотела спасти престол для Алексея Романова. Теперь кадеты за республику. Выходит, что они стали республиканцами только по вине провокаторов.

Мы, крайние левые, подняли вопросы о земле для крестьян и о 8-часовом дне для рабочих. Теперь необходимость решения этих вопросов признал и съезд кадетской партии. Выходит, что кадеты действуют по наущению провокаторов.

Мы требовали, чтобы Временное правительство отказалось от царской завоевательной политики. Нас объявили за это германскими шпионами и провокаторами. Теперь

Временное правительство заявило, что оно отказывается от завоевательных планов. Значит, Временное правительство—тоже шпионское и провокаторское.

Вот к каким выводам приводит агитация против нас, буржуазных писак, оглупевших от злобы против пролетариата.

По поводу этой агитации мы хотели бы сказать два слова по адресу социалистов-революционеров и меньшевиков. Они не только не протестуют против травли, поднятой против нас буржуазной продажной печатью, но, например, газета «Вперед» еще подливает масла в огонь. Подумали ли они, что делают? Думают ли, что если буржуазия расправится с нами, то потом не обрушится на них? Неужели их ничему не научил опыт 1848 и 1871 годов во Франции? Неужели бесследно прошла и полоса реакции после 1905 года?

Буржуазия действует по правилу: «разделяй и властвуй». Сегодня она старается задушить нас; а если ей это удастся, то завтра с неменьшей злобой обрушится она на меньшевиков и социалистов-революционеров.

«Социал-демократ», № 22, 14 апреля, 1917 г.

ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ

В погромной «суворинской газете» «Время» напечатано следующее сообщение из Петрограда:

> «Запасный батальон гвардейского петроградского полка в полном составе с ружьями вышел на территорию Путиловского завода и командир батальона обратился к рабочим Путиловского завода с речью, в которой, между прочим, сказал: «Товарищи-рабочие, мы вам протягиваем руку и просим вас работать на оборону и снабдить армию снарядами в достаточном количестве, а поэтому просим работать не 8 часов, а как можно больше. Если же вы протянутую руку нашу не примите, то мы придем в другой раз и в другом настроении».

Это было 27 марта, а 29 марта делегат от рабочих Путиловского завода явился в военное министерство и доложил, что собрание рабочих решило работать в три смены все 24 часа в сутки беспрерывно. Об этом решении рабочих Путиловского завода доложено послам союзных с нами держав.

Суворинские газеты часто лгут, может быть и это известие неверно. Главный интерес здесь в том, что газета «Время» обнаружила истинную цель всей травли, поднятой буржуазией против рабочих. Эта цель—расколоть революционные силы, забрать солдат в свои руки и устраивать вновь ленские расстрелы, как устраивало их старое правительство.

Обратите на это внимание, товарищи-солдаты и товари-

щи-рабочие. Помните, что у буржуазии в руках огромная сила лжи в лице тысяч продажных газет. Что у сыновей буржуазии пропасть свободного времени, чтобы агитировать по казармам.

А главное, товарищи-солдаты, помните, что если сегодня придушат рабочих, то завтра начнут и вас возвращать к старому порядку, какой был при царе.

Товарищи-рабочие! И вы помните, что для вас было бы самоубийством теперь засесть по домам. Организуйтесь! идите к солдатам, разъясняйте им положение дела и поведение буржуазии!

Обратите внимание еще вот на что. Как сказано в газете «Время», о случае на Путиловском заводе «доложено послам союзных держав». С послами сносится Временное правительство. Сносится, а не «докладывает». Докладывают по начальству. А разве послы являются начальством для нашего Временного правительства? Разве Россия уже завоевана союзниками и обращена в их колонию?

Пока, как-будто, еще нет. Но газета «Время» обнаружила, в каком положении она хотела бы видеть дело. Ей нужно, чтобы русское правительство не сносилось с послами союзников, а «докладывало им». Откуда являются у буржуазной печати такие желания?

Догадайтесь!

«Социал-демократ», № 22, 14 апреля, 1917 г.

СВОЯ ГАЗЕТА

Приближается 22 апреля,—праздник рабочей печати. Этот праздник — результат того подъема, который пережил в 1912 году пролетариат после ленского расстрела.

Не только забастовки, демонстрации и протесты были вызваны ленским расстрелом, но и творческая, организационная работа пролетариата. Одним из плодов ее было создание первой ежедневной рабочей газеты, — своей собственной газеты рабочих организаций.

И раньше бывали в России газеты, которые называли себя «рабочими» и издавались для рабочих. Но они возникали не в результате деятельности рабочих и не были для рабочих своими, их собственными газетами. Это очень большая разница.

Освобождение рабочего класса может быть делом только самих рабочих. Газета—великое орудие борьбы за освобождение. И она должна быть делом самих рабочих. Рабочая газета должна создаваться на средства рабочих. Только в этом случае рабочие могут сказать:

— Это—наша газета; она—наше орудие для борьбы против капитала.

Если же газета создается на средства капиталистов, то как бы она ни рекламировала себя, как бы ни старалась угодить рабочим, — она все же останется частным капиталистическим предприятием. Она для рабочих останется чужой газетой, кто бы ни был в числе ее редакторов и сотрудников. Ведь у рабочих не будет возможности влиять на такую газету организационно,—не будет возможности сменить редакцию или удалить вредных сотрудников.

Если газета основана на средства, данные капиталистами, то и редакция, и сотрудники ее всегда будут чувствовать свою зависимость от капиталистов. Их опорой будет не организация пролетариата, а капиталист, дающий деньги. Поэтому, какие бы хорошие писатели ни стояли во главе этой газеты, они не могут быть стойкими, верными до конца защитниками интересов пролетариата.

Чтобы защищать интересы рабочих безбоязненно и без фальши, редакция газеты и ее сотрудники должны всякую минуту помнить, что они отвечают только перед пролетариатом, только перед пролетарской организацией. Тем и отличалась созданная в 1912 году рабочая газета «Правда», что она создана была только на рабочие деньги, поддерживалась только сборами среди рабочих и руководилась только рабочими организациями.

Русский пролетариат политически вырос, возмужал. Лет 10 или 15 назад он еще мог довольствоваться газетами, которые создавались для него чужими руками, на чужие средства, без его руководства. Теперь русский пролетариат уже не поверит никаким благодетелям из буржуазного или буржуазно-интеллигентского лагеря.

Пролетариат и теперь нуждается в образованных людях. Но раньше он говорил им:

— Сделайте милость!

А теперь говорит:

— Поступайте ко мне на службу.

Вот в этом и заключается та резкая грань, которая лежит между своей собственной печатью пролетариата и той печатью, которая преподносилась и будет преподноситься ему из буржуазно-интеллигентского лагеря, получающего деньги от капиталистов. Эту грань провело 4 апреля 1912 г.,—и этой гранью явилась газета «Правда».

Рабочие не раз говорили бывало: — Другие газеты ведутся лучше, чем «Правда». Но они — чужие, а «Правда» — наша. Мы любим «Правду», как любим своего бледного, слабого ребенка, как дитя пролетариата. А эти сытые, кра-

снощекие, хорошо приодетые дети,— это дети наших эксплоататоров. Мы не променяем на них наших детей. Точно также не променяем мы и нашей «Правды» ни на какую чужую газету.

Революция принесла пролетариату свободу организаций. Будут расти в числе и газеты пролетариата. И будет становиться все теснее связь между пролетарскими организациями и их собственными газетами. Пролетариат будет всегда помнить день 22 апреля, — день появления первого номера первой ежедневной газеты, созданной рабочими.

«Социал-демократ», № 25, 19 апреля, 1917 г.

ДРУЗЬЯ НИКОЛАЯ КРОВАВОГО

Имеется очень и очень много вопросов рабочей и крестьянской жизни, о которых сейчас должна бы говорить наша газета: вопрос о хлебе, о земле, о рабочем дне, о заработной плате и многие другие. А между тем нам опять приходится говорить о внешней политике и о войне. Говорить приходится поневоле, потому что сейчас и хлеб, и земля, и свобода слишком связаны с политикой.

Вчера мы уже сообщили, что для французского и английского правительства Николай остается верным другом. А если Николай им друг, то разве могут они считать своим другом русский народ, восставший против Николая?

Вспомним, что Николай послал многие тысячи русских солдат во Францию и в Салоники. Эти солдаты, эти наши товарищи находятся сейчас не среди свободного русского народа, а в распоряжении верных друзей Николая. Что с ними теперь? Знают ли они правду о России?

Вспомним еще, как Временное правительство хотело как можно скорее отправить Николая за границу, к его верным друзьям. Вспомним, как и министр Керенский высказывался за это. Керенский мог быть во всем этом слепым орудием. Но какой план мог быть у тех, кто втайне верховодил в этом деле? Ведь приехавши к своим «друзьям», Николай имел бы под рукою не знающих всей правды русских солдат, чтобы во главе их, при содействии своих союзников, вторгнуться в Россию!

Посмотрите дальше. Вчера вы прочли, что на русско-шведской границе хозяйничают англичане. Как они попали туда? Разве Швеция и Россия уже являются английскими колониями? Сегодня — новое известие в том же роде. Напечатана телеграмма о том, как отнеслась в Англии буржуазия к австрийскому предложению о заключении мира.

— Мы были бы изумлены, — говорит влиятельная английская буржуазная газета, — если бы это предложение произвело впечатление на русское правительство.

Мы были бы изумлены, — это на простом, откровенном языке означает: «не смей!»

Не смей слушать никаких предложений о заключении мира, потому что английская буржуазия не осуществила еще своих завоевательных планов. Таков смысл этого заявления верных друзей Николая.

И опять приходится поставить вопрос: может ли русский народ считать себя народом, окончательно свободным от царского ига и от владычества империалистической буржуазии, когда верные друзья Николая распоряжаются на русской границе, когда они распоряжаются русскими солдатами, завезенными во Францию, когда остаются в силе неизвестные народу тайные договоры, заключенные Николаем с его верными друзьями?

«Социал-демократ», № 27, 21 апреля 1917 г.

ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

В воскресенье, 9 апреля и во вторник, 11 апреля, наша газета «Социал-демократ» не могла выйти в свет, потому что мы не могли найти, где купить бумаги. Наши читатели должны обратить на этот случай самое серьезное внимание.

Что значит свобода печати на словах, если на деле рабочие не имеют возможности читать свою газету? Было бы грубой ошибкой думать, что препятствиями на пути рабочей печати могли и могут быть только полиция, да цензура. Буржуазия имеет возможность душить рабочую печать и без полиции и без цензуры.

Для печатания газеты нужны типография и бумага; а для рассылки ее — почта. В буржуазном обществе типографское дело и бумажное производство находятся в руках капиталистов, а почта — в руках буржуазного правительства. На почве бумажной, типографской и почтовой и получается возможность душить рабочую печать. Душить или организованно, или путем конкуренции.

И бумажные фабриканты, и владельцы типографий объединены в свои хозяйские союзы. Эти союзы тесно связаны с другими хозяйскими организациями и находятся в зависимости от банков. И всегда возможно ожидать, что путем организованного давления на отдельных бумажных фабрикантов и типографов, рабочая печать будет задушена. Того же самого можно бывает достигнуть путем конкуренции. Буржуазные редакции имеют в своем распоряжении миллион-

ные капиталы. Они могут перекупить типографию, где печатается рабочая газета, скупить всю бумагу и так далее.

По всем этим причинам пролетариату мало добиться путем революции свободы печати. Приходится ежедневно, ежечасно думать о спасении своей рабочей печати от натиска капиталистов.

То, что произошло с газетой «Социал-демократ» 9 и 10 апреля, не случайность, а только первое предостережение. Это может повториться и будет повторяться, но уже не на два дня, а может быть на две недели, два месяца, два года. Каким же способом могут бороться рабочие за спасение своей печати?

Прежде всего, нужно прочно поставить газету на ноги в денежном отношении. Необходимо, чтобы газета могла запасаться бумагой надолго и заключить контракты с типографией на долгий срок. Для этого нужны деньги, много денег, и рабочие никогда не должны прекращать сборов на свою рабочую печать.

Петроградские рабочие поняли это еще в 1912—1914 гг., во времена старой «Правды». А московские рабочие, к сожалению, до сих пор плохо понимают и думают, что газета сама собой может жить, без их поддержки. После революции питерские рабочие набрали в фонд «Правды» уже более двадцати тысяч рублей. А сколько набрали московские? Сочтите-ка!

Во-вторых, необходимо постоянно агитировать в пользу своей газеты и демонстрировать свою связь с нею, чтобы вся буржуазия постоянно видела, что рабочая газета является не предприятием кучки лиц, оторванных от рабочих, а делом организованной рабочей массы. Нужны митинги для поддержки рабочей печати, демонстрации, резолюции, приветствия.

И в этом отношении даже организованные наши товарищи в Москве и в Московской области делают очень мало. Они, повидимому, смотрят так: основали мы свою газету, вроде как лавочку открыли, и кончено дело: нам остается только без всякой заботы получать из лавочки товар-газету. Разве так действовали питерские рабочие во времена старой «Правды» и действуют теперь?

Приостановка «Социал-демократа» 9 и 11 апреля должна побудить всех организованных рабочих Москвы и Московской области немедленно же поставить на очередь вопрос о спасении газеты, о постоянных сборах на нее и о подготовке к дню рабочей печати 22 апреля, чтобы в этот день особенно сильно показать свою сознательность и готовность защищать свою газету от гибели.

Но и этого всего сейчас мало ввиду революционного времени недостатка товаров, — в том числе и бумаги, — из-за войны. У буржуазных газет огромные, излишние запасы бумаги. Как реквизируют теперь для нужд населения припасы и обувь у спекулянтов, точно так же должна, в случае нужды, производиться и реквизиция бумаги для газеты, являющейся органом массовой пролетарской организации. А чтобы добиться права на реквизицию, рабочие должны выдвинуть лозунг:

«В тот день, когда рабочая газета не может появиться за отсутствием бумаги, не должна появиться на свет ни одна буржуазная газета».

Тяжесть борьбы за осуществление этого лозунга в первую голову падет на товарищей-печатников. Но их должны будут поддержать в этом все другие профессиональные и политические рабочие организации.

«Социал-демократ», № 30, 27 апреля 1917 г.

КТО ЛУЧШЕ?

Продолжают публиковаться списки провокаторов. Казалось бы, в этом деле должно и можно было бы проявить партийное беспристрастие. К сожалению, этого не наблюдается. Имена провокаторов, проникавших в организации большевиков, сопровождаются длиннейшими подробностями, а о провокаторах других партий говорится коротко и глухо.

Для примера возьмите список, опубликованный в Москве 13 апреля, и сравните, сколько сказано о Поскребухине (№ 56) и об Усове (№ 58). Получается впечатление, будто с.-д. «большевистские» организации,—и только они одни,— были насквозь пропитаны провокаторами.

Эта тенденциозность списков особенно бросается в глаза в связи с газетной травлей против нас именно на почве провокации. Вспомним поход петроградской буржуазной печати против рабочей газеты «Правда» в связи с именем провокатора Черномазова. А между тем Черномазов еще три года назад был заподозрен в провокации и удален из редакции «Правды».

Что касается московских провокаторов, то опять-таки многие из них были заподозрены и обезврежены задолго до революции; например, Поскребухин еще в 1915 году, Андриан Николаев — в 1916 году; о подозрениях против Лобова я, живя в Петрограде, слышал еще в 1914 году, и так далее.

Публикуемые списки провокаторов дают совершенно извращенное представление о роли и силе провокации в наших дореволюционных партийных организациях. А в связи с походом буржуазной печати против нас приходится сказать:

— С уничтожением охранных отделений использование провокации для борьбы против с.-д. не прекратилось, а только приняло другую форму. Раньше провокацию использовал департамент полиции, а теперь тем же делом, хотя и на иной лад, занимаются буржуазные газеты.

«Социал-демократ», № 31, 28 апреля 1917 г.

НАГЛЯДНОЕ ОБУЧЕНИЕ

13 апреля, в газетах напечатана следующая телеграмма:

> Ярославль, 12 апреля. Вчера на окраине города ингуши напали на девочку. Пленные австрийцы заступились за нее. Ингуши начали избивать австрийцев, солдаты же взяли сторону австрийцев. В результате — семь ингушей убиты, три солдата серьезно ранены.
>
> Исполнительный комитет постановил просить Временное правительство отозвать ингушей (ПТА).

Это очень поучительное сообщение. Мы видим тут столкновение двух сторон. Одна сторона — ингуши, то-есть, в данном случае, люди, нанятые капиталистами или помещиками для борьбы против рабочих и крестьян. На другой стороне — русские и австрийские солдаты, то есть крестьяне и рабочие, одетые в военный мундир.

Буржуазия всеми правдами и неправдами старается обморочить народ и заставить его поверить, что главный враг русских рабочих и крестьян — австрийские и вообще «неприятельские» рабочие и крестьяне. А русские и австрийские солдаты выступили заодно против прислужников буржуазии, ведущей разбойничью внутреннюю и внешнюю политику.

Случай в Ярославле — хороший урок для всех, кто еще не знает, кого считать за врага и кого за друга. А за кого же стоит Временное правительство? За ингушей с их хозяевами, или за тех, кто побил ингушей в Ярославле?

«Социал-демократ», № 31, 28 апреля 1917 г.

ГДЕ ЦАРСКИЕ КАПИТАЛЫ?

Русские цари издавна боялись революции и держали свои капиталы не в России, а в заграничных банках и заграничных бумагах. Эти капиталы достигают нескольких миллиардов

рублей (миллиард — тысяча миллионов). Бывший царь Николай II больше других царей боялся революции и потому больше старался отправлять денег за границу.

За время царствования Николая II было заключено очень много государственных займов. Он делал большие долги, и эти долги считаются государственными, платить по ним придется русскому народу.

А сделавши заем, Николай II брал из него хороший кусок и клал эти деньги в заграничные банки, не как казенные деньги, а как свои собственные. Теперь, после революции, государство оказалось по шею в долгах, а Николай Романов лично чист от всяких долгов. И теперь как Временное правительство, так и «верные друзья» Николая Романова спешат вывезти его за границу, чтобы он там купался в краденых миллиардах, а русский народ бедствовал, голодал и расплачивался по долгам, сделанным Николаем. На-днях в газете «Речь» опубликовано, что только в акциях четырех американских железных дорог Николай, через посланника Бахметьева, успел поместить капитал в 70 миллионов долларов, то есть, по теперешнему курсу (счету), почти на 300 миллионов рублей.

Заграничные «верные друзья» Николая, давая деньги в долг русскому государству, знали, конечно, куда идет львиная доля этих денег. Но теперь они будут всячески требовать, чтобы миллиарды, взятые Николаем, остались при нем; будут говорить, что это не казенные, а его личные деньги. С него не спросят ни одной копейки по долгам государства; они будут требовать, чтобы по этим долгам расплачивались русские солдаты, уцелевшие от германских снарядов, и русские крестьяне и рабочие, разоренные войной.

Сделает ли что-нибудь Временное правительство для защиты России от этого дневного грабежа? Запрет ли оно Романовых в Петропавловку, чтобы не выпускать, пока не вернут эти народные деньги? Откажется ли оно платить по заграничным займам царского правительства до тех пор, пока «верные» друзья не вернут русскому народу принадлежащие ему миллиарды?

Судя по тому, как Керенский и другие министры спешили отпустить Николая за границу, мы не можем в этом вопросе ждать добра от Временного правительства.

«Социал-демократ», № 33, 30 апреля 1917 г.

СОСТАВ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Для выборов в Учредительное собрание необходимо выработать правила выборов или закон о выборах. От того,

каков будет этот закон, будет в значительной степени зависеть и состав Учредительного собрания.

Для выработки закона о выборах образуется особая юридическая комиссия. На-днях опубликован состав этой комиссии. По изложению в «Русских ведомостях», несколько путанному, видно, что состав юридической комиссии будет следующий. Всех членов 41. Из них:

1. Членов явно буржуазных:

По назначению Временного правительства —10

От явно буржуазных партий (националистов, центра, октябристов-земцев, октябристов-левых, прогрессистов и кадетов по 1) — 6.

От национальных групп (поляков, украинцев, евреев, литовцев, латышей, эстонцев, грузин, армян и мусульман по 1) —9

Итого из буржуазии 25

2. От сомнительных (в сущности буржуазных):

«Народных социалистов» —1

От Совета кооперативного съезда — 2.

3. От демократических групп, близких к крестьянам и рабочим:

От Совета рабочих и солдатских депутатов —4

От Совета крестьянских депутатов и Крестьянского союза — 2

От партии трудовиков — 1

От социалистов-революционеров — 1

От с.-д. меньшевиков — 1

От с.-д. большевиков — 1

Итого от групп и партий, более или менее близких к крестьянам и рабочим —10.

Возможно, что в мелочах есть ошибка в нашем распределении членов юридической комиссии. Но сущность дела ясна: комиссия будет буржуазной по составу. Ее проект закона о выборах в Учредительное собрание будет составлен в интересах буржуазии.

Что Временное правительство и его агенты желают буржуазного закона о выборах — это естественно и понятно.

Но если Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов примут без борьбы такой состав юридической комиссии, то это с их стороны будет началом самоубийства.

Согласиться на такой состав юридической комиссии не-

возможно. Все демократические организации и Советы депутатов должны протестовать немедленно и энергично.

«Социал-демократ», № 35, 3 мая 1917 г.

РАЗОБЛАЧЕННЫЕ АГЕНТЫ

В газете «Новая жизнь» помещено следующее сообщение:

«Нами получено следующее письмо от Ю. Чичерина (Орнатского), секретаря комиссии делегатов Российских социалистических групп в Лондоне, о посланной в Россию английской «рабочей делегации», состоящей из Уилля Торна, О'Греди и Сандерса.

Посланная из Англии в Россию, так называемая, «рабочая делегация» просто назначена правительством. Это было официально признано г. Бонар Лоу в ответе на запрос товарища Сноудена в палате общин 22 марта (4 апреля).

Конференция независимой рабочей партии в Лидсе 28 марта (10 апреля) приняла единогласно по этому поводу следующую резолюцию:

> «Конференция, выступая как представительница политического социалистического движения в Великобритании, отмечает, что предстоящая поездка в Россию двух рабочих депутатов — Уилля Торна и О'Греди, была организована правительством, и что они отправляются в Россию в качестве агентов правительства. Конференция стремится к тому, чтобы ясно дать понять товарищам социалистам в России и других странах, что эта поездка, с точки зрения рабочего движения и социализма, совершенно лишена всякого значения, и что социалисты Великобритании не берут на себя никакой ответственности за слова и действия этих людей; конференция находит также, что постоянное обращение к российским деятелям относительно их обязанностей, притом со стороны плохо информированных, далеко стоящих посторонних людей, может лишь причинить вред и вызвать недоразумения».

И этих гостей, этих агентов буржуазных правительств Совет рабочих депутатов чествовал в Москве, как социалистов[1]. Не довольствуясь этим, он устроил чествование этих господ от лица «социалистических» партий. Присутствовали меньшевики и социал-революционеры. Московский Комитет нашей партии отказался иметь дело с Кошеном и О'Греди; от Комитета были посланы лишь два представителя для прочтения декларации, в которой сказано, что мы находим невозможным вступать в переговоры с этими приезжими господами (декларация напечатана в № 35 нашей газеты). А социал-революционеры еще пригласили Кошена и О'Греди

[1] В это время в Совете большинство составляли меньшевики и социалисты-революционеры.

участвовать с ними в празднике 1 мая. Из перепечатанной выше заметки из газеты «Новая жизнь» видно, что О'Греди и другие английские якобы социалисты попросту посланы английским правительством для обработки русских рабочих. Это признал и английский министр Бонар Лоу.

Английские социалисты опубликовали, со своей стороны, заявление, что Уилль Торн и О'Греди поехали в Россию, как агенты английского правительства. В каком положении после сообщенных сведений оказались чествовавшие этих господ?

«Социал-демократ», № 36, 4 мая 1917 г.

ОБСТРУКЦИЯ

Временное правительство издало, наконец, приказ (декрет) о производстве выборов в городские думы на основе всеобщего, приблизительно равного, прямого и тайного голосования. В две недели, считая со дня получения декрета, городская управа должна составить список избирателей; а еще приблизительно через месяц должны уже состояться выборы.

Таким образом, в начале июня по всей России могли бы уже обновиться городские думы, и городское хозяйство могло бы перейти из рук крупной буржуазии в руки демократии. Но составление списков избирателей и другие подготовительные работы по выборам поручены тем самым старым управам, которые подлежат смене. Естественно ожидать от них всяческих попыток затягивания выборов (обструкции).

И Москва уже подает пример обструкции. Эту роль принял на себя заведующий статистическим отделением городской управы В. Г. Михайловский. Он заявил, что на составление списков, даже без напечатания их, потребуется целых пять месяцев времени и расход в 700 000 рублей; т.-е. чтобы занести в список одного человека, нужно г. Михайловскому на расходы целых 55 копеек.

Как сообщают «Русск. вед.», последовало «разъяснение», что в Москве и Петрограде списки должны быть составлены не в две недели, а в полтора месяца. А г. Михайловский стоит на своем. Кажется, ясно, что он должен в таком случае сделать. Если он не способен исполнить, что требуется, то должен подать в отставку, чтобы не становиться поперек дороги завоеваниям революции. Так поступил бы всякий честный человек, не ставящий сознательно своей целью помешать обновлению городской думы. Но об отставке г. Михайловского что-то не слышно.

Пока что, городской голова созывает членов Управы и еще кое-кого на совещание. Ясно — зачем. Последует заявление о необходимости пятимесячного срока, о необходимости отложить выборы в долгий ящик. Временное правительство, конечно, согласится, — и домовладельческо-буржуазная дума будет спасена.

Неужели и на этот раз граждане Москвы позволят одурачить себя по примеру того, как Московский совет рабочих депутатов позволил одурачить себя в вопросе о поддержке займа? Неужели контрреволюция одержит новую победу благодаря нашей халатности и непозволительной доверчивости ко всяким господам Михайловским?

На этот раз даже наши враги не смогут сказать, что к «розни» зовем мы. Мы зовем только к тому, чтобы настойчиво потребовать исполнения декрета Временного правительства.

«Социал-демократ», № 37, 5 мая 1917 г.

КАК ОБМАНЫВАЮТ КРЕСТЬЯН

В Москве издается с.-р. газета «Земля и воля», называющая себя «крестьянской газетой». В номере от 25 апреля эта газета решительно заявляет, будто сейчас на покрытие государственных расходов «нет другого, более быстрого средства дать государству безусловно необходимые ему деньги», — иначе, как путем займа.

Не странно ли? Дать взаймы — это называется «быстро», а дать безвозвратно, в виде «налога», — это будто бы ужасно медленно! Так медленно, что третий год войны уже на исходе, а правительства,— ни старое, ни новое,— никак не могут собраться обложить капиталистов, хоть одной копейкой лишнего налога!

Недогадливой якобы крестьянской газете мы можем указать источник достаточно быстрый. Задолго до войны существовал налог в 5 процентов с денежных доходов и капиталов. Повысьте его до 90 процентов — это первое. А второе — сейчас уже подведены итоги прибылей за 1916 год банков, акционерных обществ и т. д. Реквизируйте эти прибыли тоже на 90 процентов — и вы сразу получите не меньше, чем от займа. И быстрее, чем путем займа.

При мобилизации реквизируют самого человека, его свободу и жизнь, чуть не в 24 часа. Почему же нужны годы, чтобы реквизировать барыши капиталистов, хоть в ничтожной доле?

Капиталисты понимают — почему: потому что они ведут войну для своей наживы, а не для того, чтобы расходовать-

ся на нее. А «крестьянской газете» выгораживать капиталистов и обманывать своих читателей совсем не к лицу.

«Социал-демократ», № 40, 9 мая 1917 г.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ

Вчера мы перепечатали замечательный приказ Гучкова: в нем вся демократическая Россия, желающая скорейшего мира, преднамеренно смешана с германскими шпионами. Приказ этот ясно свидетельствует, что военный министр, как говорится, потерял голову.

Почему? Чтобы понять это, нужно обратиться к милюковской газете «Речь». Последние номера ее проникнуты безграничной ненавистью и сплошь посвящены левым: и «Правде» и «Рабочей газете» и эсеровскому «Делу народа», и «Совету рабочих и солдатских депутатов» с его «Известиями». Один только Плеханов является неизменным утешителем и паинькой в глазах нашей буржуазии.

О рабочих-демонстрантах «Речь» пишет:

> «Поразили меня их лица. У этих тысяч одно лицо, иступленное, монашеское лицо первых веков христианства, непримиримое, безжалостное, готовое на убийства, инквизицию и смерть».

И, однако же, газета вновь вынуждена признать, что нападения на Невском исходили не от «готовых на убийства», «иступленных» рабочих, а от сторонников правительства. При этом во вторник она пишет, что следствие получило важные данные, а в среду печатает заявление прокурора, что «следствие не дало общей определенной картины».

Мы отмечаем эти сообщения о демонстрациях только потому, что буржуазная печать старается использовать столкновения во время демонстраций для нового науськивания солдат против рабочих. Серьезная же сторона событий прошлой недели не в этом.

Хотели ли демонстранты арестовать или свергнуть Временное правительство? Нет. Тем не менее командующий войсками в Петрограде ген. Корнилов поспешил вызвать часть войск на Дворцовую площадь и потребовал туда же артиллерию. Его, видимо, соблазнила слава Дубасова, Мина и Римана, расстрелявших Москву в 1905 году.

Но артиллерия не повиновалась Корнилову. А от Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов издан приказ по гарнизону: не выходить из казарм, иначе как по требованию, исходящему от Исполнительного комитета. Гарнизон повиновался Исполнительному комитету, и

Корнилов оказался генералом без армии. Выяснилось, что военная сила в Петрограде не на стороне правительства.

В этом и заключается то главное и существенное, что выяснилось в результате событий прошлой недели и что не дает спать спокойно Милюковым и Гучковым.

— В чьих же руках находится власть? — с горечью и негодованием восклицает милюковская газета: четыре дня прошло, и попрежнему действует распоряжение, прямо и категорически устраняющее власть главнокомандующего войсками и ставящее на место власть Чхеидзе и нескольких его товарищей.

И газета продолжает:

> «Никакое правительство, достойное этого названия, не могло бы помириться с таким положением вещей. Признать его значило бы пожертвовать не только своими неотъемлемыми правами, но и всем своим нравственным авторитетом».

В заключение газета Милюкова угрожает Исполнительному комитету:

> «Если он не предпримет решительных и быстрых шагов к отмене своего распоряжения, то правительство не исполнило бы своего первого долга, оставив без внимания то, что при таких условиях может быть принято только как явный и прямой вызов».

На «явный и прямой вызов» правительство, бессильное против Совета рабочих и солдатских депутатов, пока что отвечает приглашением войти в его состав представителям от Совета. Оно хочет, таким образом, чтобы Совет нес ответственность за действия буржуазного, гучковско-милюковского правительства. Но будут ли представители Совета составлять в нем большинство? Если нет, то они не могут брать на себя ответственность. Если же да, то за политику нового, уже в большинстве своем советского, правительства не могут нести ответственности представители буржуазного правительства.

Остается один выход: переход всей полноты власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов или органа, созданного Всероссийским съездом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К этому мы подошли вплотную — не путем восстания, а по объективным условиям положения.

И Советы не должны бояться принять на себя всю власть и всю ответственность, если Временное правительство этой ответственности нести не может.

«Социал-демократ», № 43, 12 мая, 1917 г.

РОЖКОВЦЫ

Уже лет пять повелось так на Руси, что каждая раскольническая социал-демократическая группка всегда выступает под флагом объединения.

В 1912 году весной петроградские рабочие объединились вокруг своей газеты «Правды». Осенью того же года ликвидаторы основали свою, вторую газету, в которой начали проповедывать объединение. Затем от ликвидаторов откололась группа Троцкого и тоже выступила под флагом объединения. За Троцким Плеханов основал свою группку, которая начала издавать газету «Единство». Это все — более крупные раскольнические группы или течения. Была еще куча мелких группок, которые тоже всегда вели свою дезорганизаторскую работу под флагом объединения.

Нас всегда обвиняли в том, что мы не хотим объединения. А мы всегда отвечали:

— Господа объединенцы! Вы все хором кричите об объединении: объединитесь же сами между собою, — тогда и поговорим серьезно!

Но «объединенцы» не объединялись между собою, а все более раздроблялись и этим показывали, что криками об объединении они только морочат головы простаков.

Теперь, когда добыта свобода организации, наблюдается два рода «объединений». В глухих местах провинции, только что всколыхнувшихся от сна, кое-где, действительно, образовались единые с.-д. организации. Это объясняется частью тем, что в глуши широкие политические вопросы не стоят так остро; а частью тем, что где-нибудь одна из фракций еще бессильна и не решается основать особую организацию.

В столицах наблюдается другое: здесь остро стоят крупные политические вопросы, по которым всегда наблюдается расхождение между двумя главными течениями социал-демократии. Но, сверх того, здесь же всегда имеется немало людей, преимущественно литераторов, не склонных подчиняться пролетарской дисциплине. Обычно эти литераторы и являются образователями новых фракционных групп. Например, в Петрограде возродилась газета «Единство» — плехановской группы, а затем появилась «Новая жизнь» — газета новой группы отколовшихся литераторов. Подобно этому и в Москве возникла газета «Пролетарий», руководимая, судя по первым номерам, Н. Рожковым.

Газета называет себя органом объединенных организаций; но нужно смотреть правде в глаза и прямо сказать, что эта газета является попыткой образовать новую фракцию:

«объединенцы» не объединяются на деле ни с кем, хотя и кричат об объединении.

О политической физиономии группы рожковцев пока что, можно судить по тому, что она стоит за вхождение с.-д. в буржуазное министерство. Рожков особенно озабочен тем, чтобы «уничтожить или свести к возможному минимуму» недоверие к Временному правительству; для этого он и старается, чтобы во Временное правительство вошли представители от Совета рабочих и солдатских депутатов.

Таким образом, рожковцы заняли позицию правее Московского совета рабочих депутатов; ближе всего они, в этом отношении, к Плеханову, который неизменно радует своими писаниями сердца буржуазных газет.

«Социал-демократ», № 44, 13 мая 1917 г.

ЗА ЗЕМЛЮ

Резолюция по аграрному вопросу, принятая 28 апреля на Всероссийской конференции нашей партии, заслуживает самого серьезного внимания не только крестьян, но и рабочих (резолюция эта напечатана в № 47 нашей газеты).

Дело в том, что скорое и полное решение земельного вопроса в пользу крестьян имеет самое глубокое политическое значение. В обществе, разделенном на классы, государственная власть везде и всегда, в нереволюционное время, служит интересам экономически самого сильного, экономически господствующего класса. Государство является организацией классового господства.

Революция по внешности изменяет, как-будто, лишь государственное устройство. А внутренний, действительный смысл революции состоит в переходе политического господства от одного класса к другому. И происходит революция лишь после того, как против старого господствующего класса выросли новые классы, более сильные в борьбе на экономической почве.

В России издавна господствующим классом был класс крупных землевладельцев, закрепивших за собою крестьянство. Падение крепостного права, само уже явившееся результатом роста буржуазно-капиталистического хозяйства, было большим ударом для политического господства помещиков. И тем не менее, господство крепостников-дворян, вошедших в тесную связь с самым верхним слоем буржуазии, продержалось еще больше 50 лет, вплоть до революции.

Самодержавие само по себе являлось крепостным правом царя на все население страны. Но само это самодержавие

держалось лишь вследствие того, что за его спиной сохранялись многие крепостнические порядки и на фабриках и в крупных сельскохозяйственных предприятиях («экономиях»). Многие земли уходили из рук дворян в руки купцов и разжившихся крестьян, но перемена хозяев не изменяла дела: новые крупные землевладельцы обычно проникались старыми крепостническими стремлениями и поддерживали самодержавие.

Ясное дело, что самодержавие только тогда будет уничтожено навсегда, когда будет уничтожен тот класс людей, которому самодержавие выгодно. Иначе сказать, мы только тогда можем считать революцию законченной, когда вся земля будет без выкупа отобрана от крупных землевладельцев и передана в собственность всего народа для наделения ею беднейших сельских хозяев. Это и имеется в виду в первой части нашей резолюции, где сказано: «существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии».

Таким образом, независимо от многих еще других соображений, наши товарищи-рабочие в высшей степени заинтересованы в том, чтобы как можно скорее был совершенно ликвидирован класс помещиков, всегдашних врагов свободы. Пока этого не сделано, революция не может считаться законченной.

Если бы помещики сохранили свои земли до самых выборов в Учредительное собрание, если бы их земли не поступали уже теперь в руки крестьян, то они, благодаря своей экономической силе, оказали бы громадное влияние при выборах. Мы уже узнали за эти 2 месяца, как искусно умеет использовать буржуазия, даже в городах, свою денежную силу, чтобы, через бесчисленные газеты, через книги, листки и наемных ораторов туманить мозги народа. Еще легче было бы это сделать помещикам в деревне, куда мало доходит наших газет и где народ менее сознателен, чем городские рабочие. Всякими лживыми запугиваниями и страхами, а с другой стороны—такими же лживыми посулами крупные землевладельцы, перекрасившиеся на время в республиканцев, пролезли бы в Учредительное собрание, чтобы делать свое черное дело.

«Социал-демократ», № 51, 22 мая 1917 г.

КУСОЧЕК ТАЙНЫХ ДОГОВОРОВ

Со времени отставки Милюкова стало интересно, а подчас и забавно, читать его газету «Речь». Вся газета проник-

нута ненавистью и бессильной злобой уже не против большевиков, а против всей революции в целом. И в своем озлоблении Милюков начинает терять голову и пробалтываться. Демократия требует опубликования тайных договоров Николая Романова. Милюков был против этого. Он—ярый сторонник сближения с Англией. А теперь он уже выбалтывает тайну договора и выдает головой английское правительство.

Поводом послужила телеграмма, напечатанная в «Биржевых ведомостях». В ней сказано, что Англия согласна на пересмотр тайных договоров, потому что она не хочет завоеваний, а война за раздел Турции и Австрии, за Эльзас-Лотарингию, Триент, Чехию и Польшу ее мало интересует. Все эти задачи войны были навязаны Англии ее союзниками.

Правда ли все это? Мало ли печатается в газетах неверных сведений? Милюков спешит подтвердить, что все это правда, и теперь этому приходится верить; но, обозлившись, он идет дальше: он категорически говорит, что англичане врут, когда говорят о своем бескорыстии.

Из слов Милюкова ясно, что по договорам в пользу Англии обещаны немецкие колонии, а также Месопотамия и Палестина. И от захвата этих мест она не откажется. Напротив, Англия, по словам милюковской газеты, «держится правильного взгляда, что то, что хочешь получить, нужно предварительно занять,—и она уже сейчас занимает своими войсками местности Месопотамии и Палестины, важные для ее жизненных интересов». И затем газета Милюкова намекает на «другое в том же роде, что может еще обнаружиться».

Мы, конечно, можем только благодарить Милюкова за то, что он изобличил лживость английского правительства, кричавшего три года о своем бескорыстии. Пусть шовинисты вроде Плеханова обвиняют теперь Милюкова в предательстве по отношению к союзной Англии,—мы скажем, что на этот раз предателем по отношению к России будет не Милюков, а эти шовинисты.

Безусловно права газета Милюкова и в утверждении, что «нужно предварительно занять то, что хочешь получить». Например, если крестьяне предварительно, до Учредительного собрания, не займут помещичьих земель, то они и не получат их.

Но о земле—это между прочим, к слову сказалось. А суть дела в том, что Милюков попрежнему проповедует войну ради ограбления Турции и Австрии, причем вносит новый мотив. Он говорит, что Англия уже грабит и будет

грабить для себя, и мы, дескать, не должны зевать, а должны также грабить для себя все, что плохо лежит. Для воров и грабителей, а следовательно и для буржуазии, такое рассуждение очень убедительно. Но может ли оно считаться убедительным для людей, живущих своим честным трудом? Конечно, нет. Наоборот, можно ожидать, что от милюковских рассуждений настроение читателя повернется не в пользу англичан.

Тем более, если мы знаем, что англичане объявили себя верными друзьями Николая Романова и ввели у себя самодержавный строй не многим лучший, чем был у нас при Николае...

«Социал-демократ», № 54, 26 мая 1917 г.

РЕВОЛЮЦИЯ, МУНДИРЫ И ПРОЧЕЕ

Временное правительство назначило кучу новых сенаторов. Эти умные головы теперь возбудили «ходатайство» о разрешении им заседать без мундиров, потому что сенаторский мундир обходится три тысячи рублей. Можно надеяться, что «революционеры» нового Временного правительства не будут очень упираться в защите мундиров.

Зато по части суда для «особ» все обстоит благополучно. При самодержавии для высших чинов был придуман особый суд,—такой, чтобы всякое их преступление оставалось безнаказанным. Теперь опубликован законопроект о губернских комиссарах (о подкрашенных губернаторах). В законопроекте сказано, что новые губернаторы предаются суду в порядке, назначенном «для особ четвертого класса».

А министры, конечно, тоже «особы», только не четвертого, а, вероятно, первого класса. Керенский, Церетелли, Чернов, Пешехонов, Переверзев теперь—«особы». В числе «особ» и бывший прокурор Ненароков, прославившийся, между прочим, и тем, что в 1915 г. выступил в суде обвинителем против рабочих с.-д. депутатов тов. Петровского, Муранова и других. Теперь Ненароков получил высшее назначение. А прокурор Виппер, прославившийся по делу Бейлиса[1] не в тюрьме сейчас, а только на-днях уволен «по прошению, по болезни», то есть с хорошей пенсией.

Как видите, солдаты и рабочие победили, и революция идет скорым бегом вперед. Вот только министр финансов Шингарев никак не удосужится обложить капиталистов хоть одной лишней копейкой налога. Вместо налога—заем по 6 процентов. Ростовщиков, которые польстились на эти

[1] Бейлис обвинялся в убийстве мальчика,—будто бы для употребления крови его на еврейскую пасху, но был судом оправдан.

проценты, буржуазные газеты превозносят, как патриотов, и печатают их списки в поучение нам, голытьбе. Например, Шаляпин пустил в рост 100.000 рублей, а известный кадет Набоков 500,000 рублей. Прикопили за время войны. От войны кому голодно, а кому и сытно. Недаром буржуазия и интеллигенция кричат о войне «до конца». И теперь им взялись усердно подслуживать новые «особы первого класса».

Кстати: по старому закону министр, хоть бы он пробыл министром только один час, сохранял полное министерское жалование на всю жизнь. Как полагают новые «особы»,— не пора ли отменить этот закон?

«Социал-демократ», № 54, 26 мая 1917 г.

ЛЮДИ БЕЛОЙ КОСТИ

При крепостном праве все население делилось на белую кость (дворянство) и черную кость. Делилась и армия на офицерство (белая кость) и солдат. В глазах буржуазии человек становится белой костью, когда он начинает получать больше денег. В буржуазной армии разделение происходит уже не по сословию, а по жалованию и по образованию (которое требует затраты капитала).

Армия может считаться демократической только тогда, когда в ней вовсе уничтожено разделение на офицерство и солдат, и когда весь командующий состав выборный. Только при таком устройстве армии ее невозможно станет употребить против своего же народа, невозможно будет послать на войну, затеянную для обогащения капиталистов.

Капиталистам необходимо разделение армии на солдат и офицеров, как необходимо на фабрике разделение на служащих и рабочих: нужно, как говорят рабочие, иметь «кнутики». Для этого нужно учредить в армии не выборное начальство, нужно закупить это начальство таким жалованием, чтобы между офицером и солдатом легла пропасть, вроде как между управляющим и рабочими.

Революция принесла нам победу демократии, и вместе с тем в армии началась замена назначенных начальников выборными. Это было против интересов буржуазии вообще, и особенно потому, что произошло во время буржуазной войны. Ясно стало, что без «кнутиков» солдаты не станут класть свои головы за обогащение капиталистов.

И началась забота о «кнутиках», о подчинении солдат тем самым офицерам, которые были опорой самодержавия. В этом сейчас заключается и главная забота министра Керенского: обуржуазить армию, то есть, по силе возмож-

ности, уничтожить ее демократизацию. С этой же целью издан приказ и о производстве в офицеры без образовательного ценза вместо допущения самих выборных солдат к высшему командованию.

С этой же целью издан приказ о правах солдата. В этих «правах» требуется полное бесправие солдат в области подготовки и обучения армии, в хозяйственной, инспекторской и боевой частях в области назначения и смены начальников. По отношению к правам солдата, уже завоеванным революцией, приказ Керенского «об основных правах военно-служащих» является реакционным, контрреволюционным. Он имеет целью заставить солдата класть свою голову за интересы капиталистов. Для этой цели «кнутикам» разрешено даже «в боевой обстановке» применять вооруженную силу против неповинующихся; например, имеют право гнать солдат в атаку, посыпая их сзади из пулеметов.

Реакционность приказа о «правах военно-служащего» настолько очевидна, что о ней и говорить бы не стоило. Тем с большим удивлением прочли мы статью об этом приказе в московской газете «Труд», в органе людей, которые называют себя социалистами и революционерами (№ 47).

Газета старается привести читателя в восторг от приказа Керенского. Для этого она сравнивает права солдата, установленные приказом, не с теми правами, которые завоеваны революцией, а с теми, которые были при самодержавии. Это—недостойный прием, это—одурачивание читателя.

Армия раскрепощается!—восклицает автор статьи, совсем забывши про революцию, которая положила начало демократизации армии (а Керенский возвращает ее к обуржуазиванию).

Но что поразительно, так это рассуждения о выборности командующего состава. Это — рассуждения не социалиста, не революционера, даже не буржуазного демократа. Это — рассуждение крепостника-помещика, который говорит, что крестьянам нельзя давать воли. Социалисты-революционеры восстают против выборности «начальника» в армии, потому что при выборах «оценивался бы начальник, не как стратег, не как знаток своего дела, а только как хороший человек». Иначе сказать: солдаты—малые ребята, ничего не понимают в военном деле, а барин—он отец, он знает, кого назначить в бурмистры или управляющие имением. Этак же точно говорят враги демократии против всяких выборов, против всякой демократизации.

Газета говорит дальше: «дело начальника, где и когда, и

как вести бой, а дело солдата безусловно подчиняться. Этого требуют интересы военного дела».

Опять обман, опять неправда! Весь приказ Керенского требует безусловного подчинения не только во время боя, но и в мирное время, и в области хозяйственной, инспекторской, в области подготовки и обучения! Зачем же говорить только о бое? Да и в бою «единая воля» разве означает всегда единоличную волю? Разве и перед боем и в бою не устраиваются военные советы или просто совещания? Почему в эти советы и совещания могут допускаться только генералы, и почему не могут допускаться выборные от солдат?

Нехорош, реакционен приказ Керенского о правах военно-служащего. Но уже чистейшей гнилью крепостного права повеяло на нас от статьи об этом приказе, напечатанной господами социалистами-революционерами. Как быстро эти люди из революционеров превращаются в буржуазных реакционеров! Видно, что они — люди белой кости!

Кстати сказать, от них не отстает газета меньшевиков «Вперед»: она уверяет, будто приказ Керенского «расширяет» (а не сокращает) права, уже завоеванные солдатами. Пусть сами солдаты скажут: правда ли это?

«Социал-демократ», № 58, 31 мая 1917 г.

СМЫСЛ СОБЫТИЙ

В конце апреля и в начале мая центром политических событий в России было выступление петроградских солдат и рабочих против политики Временного правительства по вопросу о войне.

Нота 18 апреля, объявлявшая, что Временное правительство продолжает завоевательную политику свергнутого царя, вызывала крайнее негодование демократии, желающей мира. Произошли крупные демонстрации. Доходило дело и до более резких столкновений между сторонниками правительства и его противниками. Командующий войсками ген. Корнилов обнаружил намерение задушить демократию царским способом, вооруженной силой. Совет раб. и солд. депутатов запретил войскам выходить из казармы. Гарнизон повиновался не Корнилову, а Совету. Правительство увидело, что оно бессильно и пригласило, для усиления своего влияния, войти в состав министерства представителей Совета раб. и солд. депутатов.

Таков был внешний ход событий. Каков же был их внутренний смысл?

Всякая политическая борьба есть борьба между различными классами населения. В этом ее истинный смысл. По наружности борьба идет как-будто между лицами или учреждениями, а на деле происходит между классами. Победа достается более сильному классу, и государственная власть, все государственные учреждения служат для поддержания господства победившего класса. Государственное устройство приспособляется к удобствам победителя.

В России издавна самым сильным классом были крупные землевладельцы (помещики). Вся сила государственной власти была направлена на защиту помещичьих интересов. И правил страной самый крупный помещик—царь-самодержец, за спиной которого стояли многие тысячи помещиков-самодержцев.

Но сила помещиков постепенно слабела. Они разорялись. Росла сила буржуазии и сила пролетариата. Поднимало голову и крестьянство. Началась борьба против самодержавия, которая на самом деле означала борьбу в первую голову против помещиков. Но за самодержавие держались не одни помещики, но и крупнейшая буржуазия, которой самодержавие помогало обделывать темные делишки и душить рабочих. Кроме того, крупнейшие буржуа часто являлись в то же время и крупнейшими помещиками.

Значит, революция против самодержавия была, в сущности, революцией против крупнейших помещиков и капиталистов. В чьи же руки попала власть? Из кого состоит Временное правительство? Да все из тех же крупнейших капиталистов и помещиков или из их давних верных прислужников! Недаром оно хотело заменить царя Николая царем Алексеем!

Ясное дело, что сила Временного правительства была бы на самом деле силой не революции, а контрреволюции. А так как революция — рабочие и крестьяне, одетые в солдатское платье,—победила правительство помещиков и крупнейшей буржуазии, то они не могли доверять и Временному правительству, не могли согласиться отдать всю силу в его руки. Против Временного правительства помещиков и капиталистов рабочие и крестьяне выставили свое, можно сказать, правительство в лице Совета раб. и солд. депутатов.

Положение получилось такое, как-будто солдаты и крестьяне сказали капиталистам и помещикам: вы будьте министрами, а мы будем делать по-своему и повиноваться вам будем лишь только тогда, когда захотим.

Ясное дело, что это положение неправильное. Оно не может долго держаться. Произойдет одно из двух: или

Советы раб. и солд. депутатов возьмут всю власть в свои руки и превратятся в правительство крестьян и рабочих, или же Временному правительству удастся обмануть народ, собрать силы помещиков, капиталистов и их прислужников, разогнать Советы депутатов, подавить революцию и частью сохранить, частью восстановить многое из старых порядков, бывших при самодержавии.

Но какой же имеется у буржуазии способ обмануть народ и подчинить его в конце концов воле буржуазии? На это есть один главный способ, придуманный давно, применяемый всегда буржуазией в тех странах, где у нее уже нет силы придушить пролетариат полицейскими и военными усмирениями. Этот способ обмана заключается в том, чтобы привлечь в число министров одного или нескольких человек, которым верят рабочие, то есть пригласить в министерство одного или нескольких социалистов.

Что тогда получается? Получается, что многие рабочие уже перестают бороться против буржуазного правительства. Они думают: «в правительстве есть у нас свои люди, они нас защитят». А на самом деле эти люди в правительстве составляют меньшинство и ничего не могут сделать. И обыкновенно кончается тем, что социалист, который пошел в буржуазное министерство, рано или поздно открыто изменяет рабочим и переходит в ряды буржуазии. Тогда, конечно, рабочие перестают на него надеяться, клянут его, ругают изменником. А буржуазия спешит привлечь в министры какого-нибудь нового вождя социалистов, чтобы опять заставить рабочих верить в буржуазное правительство. И так без конца идет сказка про белого бычка. Особенно ярко это выразилось во Франции. Там сначала призвали в министры социалиста Мильерана. Когда он окончательно изменил рабочим, потерял их доверие, тогда призвали Бриана, Вивиани. Скоро и эти явно продались буржуазии. После этого позвали Самба, Геда, Альберта Тома, которые и теперь обманывают рабочих, но все больше теряют их доверие.

У нас Временное правительство, для тех же целей, включило в состав министров трудовика Керенского (социал-демократы тогда отказались итти в буржуазное министерство). И скоро стало ясно, зачем Керенский призван. Когда Временное правительство решило поскорее освободить бывшего царя Николая и дать ему возможность уехать к своим «верным друзьям», к англичанам или французам, тогда вперед выдвинули Керенского! Он стал шуметь, что нужно отпустить Николая. И даже повезли было отставного царя через Петроград к границе, но петроградский гарни-

зон занял вокзалы, и Керенскому не удалось вывезти царя.

Второй раз—опять в этом же роде. Керенский подписал ноту Временного правительства от 18 апреля; но и подпись Керенского не помогла. Опять петроградский гарнизон стал на сторону рабочих и не повиновался генералу Корнилову. Временному правительству стало ясно, что на одном Керенском далеко не уедешь в обмане народа, что нужно завлечь в министры еще кого-нибудь из социалистов, пользующихся доверием Совета раб. и солд. депутатов. И особенно важно было бы завлечь кого-нибудь из социал-демократов.

Конечно, уже и сейчас есть люди, именующие себя социал-демократами и, можно сказать, напрашивающиеся в министры; таковы, например, плехановцы в Петрограде и рожковцы в Москве. Но Временное правительство знает, что для его целей цена таким бывшим социал-демократам ломаный грош, и ведет переговоры только с Советом раб. и солд. депутатов.

Из сообщений даже в буржуазных газетах от 8 мая сразу видна истинная цель Временного правительства: дать представителям рабочих и солдат второстепенные министерства, имеющие малое значение, сохранить буржуазное большинство для ведения буржуазной политики, и в то же время получить полное доверие рабочих и солдат, получить всю полноту власти, как они выражаются, для принятия принудительных (усмирительных) мер против революции, которую они называют анархией.

При таких условиях вступление в министерство представителей от рабочих и солдат является грубой ошибкой.

«Спартак», № 1, 2 июня 1917 г.[1].

ПО ПОВОДУ «ДНЯ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ»

«День рабочей печати»—22 апреля—был установлен в память выхода № 1 первой в России ежедневной рабочей газеты «Правда».

---

[1] «Спартак» — двухнедельный популярно-теоретический орган Московского областного, окружного и городского комитетов партии. Журнал выходил со 2 июня по 11 ноября 1917 г. под редакцией тов. Н. И. Бухарина. М. Ольминский был одним из постоянных и активных авторов журнала.—Ред.

Первый раз этот день праздновался 22 апреля 1914 года. «Правда» была не только рабочей газетой, но и партийной газетой,—органом революционной социал-демократии. И праздник рабочей печати явился в то же время нашим партийным праздником. Противники с.-д. партии (ликвидаторы и социалисты-революционеры) объявили 22 апреля также и своим праздником. На то была их воля, конечно.

В глухие 1915 и 1916 годы «День рабочей печати», 22 апреля, проходил менее заметно, чем в 1914 году. В нынешнем году наша партийная печать и партийные организации уже высказались 22 апреля о значении этого дня.

Московский совет рабочих депутатов[1] назначил в нынешнем году, в виде исключения, «днем рабочей печати» 22 мая. Этот день (22 мая) ничем до сих пор не был отмечен в истории рабочей печати; это число — случайный день, на месяц позже, чем наш праздник рабочей печати.

Нельзя оспаривать права Совета рабочих депутатов назначать тот день рабочей печати, какой ему кажется удобнее. Но в то же время, поскольку воспоминание о 22 апреля является нашим партийным делом, никто не в праве восставать и против решения нашей партии считать днем рабочей печати не 22 мая, а 22 апреля.

Члены нашей партии должны, конечно, использовать день 22 мая в интересах партии тем способом, какой они сочтут наилучшим, помня, однако, что этим не уничтожается значение дня 22 апреля.

«Социал-демократ», № 61, 3 июня 1917 г.

ПРОТИВ ВЫБОРНОСТИ

В демократическом государстве выборность должностных лиц сама собою разумеется. Нет выборности — нет и демократии. Это ясно и бесспорно. Во всех программах-минимум имеется также уничтожение постоянной армии и замена ее всенародным вооружением (милицией). А в швейцарской программе, где нет постоянной армии, прямо и ясно выражено требование: «выбор офицеров солдатами» и «одинаковое довольствие офицеров и солдат».

---

[1] В Совете большевики были в то время в меньшинстве.

В программе русских социалистов-революционеров требуется также «выборность, сменяемость во всякое время и подсудность всех должностных лиц» и «уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением». Ясно, что здесь требуется выборность и должностных лиц народного ополчения.

Как только разразилась революция, жизнь пошла в сторону осуществления требования выборности и в гражданском управлении, и в армии: солдаты стали сменять царских ставленников — командиров. Буржуазия не хочет демократии, и Временное правительство стремится отнимать власть у выборных органов и усиливать власть своих комиссаров. Это, конечно, явно реакционная политика по отношению к завоеваниям, уже сделанным революцией.

Та же реакционная политика ведется и в армии: военные министры и всякие генералы, выслужившиеся при царе, борятся против выборности должностных лиц, стараются ограничить права выборных войсковых комитетов. В этом смысле явно реакционным является и приказ Керенского о правах военно-служащего: этот приказ ведет не вперед, а назад, поближе к порядкам, бывшим при царе. Тем не менее приказ Керенского встретил поддержку московских меньшевиков («Вперед») и соц.-революционеров («Труд»).

В газете «Труд» было даже высказано, что в армии нельзя допустить выборности должностных лиц («начальников»), потому что избирался бы не знаток дела, а хороший человек. Но это соображение применимо ко всяким серьезным выборам, потому что везде требуется «знаток дела». Эта мысль глубоко враждебна демократии, не говоря уже о том, что она является изменой собственной программе с.-р.

Это рассуждение не демократов, а людей белой кости. К нашему удивлению, газета «Труд» не признала своей ошибки, а обрушилась на нас истерикой г. М. Вишняка. Он возражает, что автор статьи — не человек белой кости, а крестьянин и достойный человек. Охотно верим этому. Но разве это возражение? Разве крестьянин и хороший человек не может рассуждать по образцу людей белой кости? В этом все и дело!

По поводу истерики г. М. Вишняка мы ограничимся еще одним указанием. Он призывает сравнить нашу статью о приказе Керенского с самим приказом. Мы всецело присоединяемся к этому приглашению. Пусть читатель сам разберет, кто прав.

«Социал-демократ», № 63, 6 июня 1917 г.

О ТОВАРИЩЕ ЛЕНИНЕ

В нашу редакцию поступила просьба дать биографические сведения о тов. Ленине. Вообще среди нас, большевиков, нет обычая выдвигать отдельных лиц, рассказывая их биографию. Обыкновенно это делается только после смерти товарища. Но ввиду той травли, которая ведется сейчас в буржуазной печати против личности тов. Ленина, и ввиду просьб со стороны товарищей-рабочих, мы считаем возможным на этот раз отступить от своего обычая.

Настоящее имя тов. Ленина — Владимир Ильич Ульянов. Он — сын чиновника. В настоящее время ему около 50 лет, кажется, родился он в Симбирске. Семья Ульяновых была большая и дружная. В 1887 году старший из братьев, Александр Ильич Ульянов, был казнен в Петрограде за покушение на жизнь царя Александра III. Александр Ульянов был очень способный молодой ученый, которого прочили в профессора.

Казнь любимого старшего брата Александра не могла пройти бесследно для его младших братьев и сестер. И мне всегда, глядя на Ленина, думалось:

— Вот человек, крещенный для революции кровью любимого брата.

То же думалось и о его сестрах, которые всю жизнь провели то в тюрьме, то в революционной работе (старшая из них была освобождена из тюрьмы нынешней революцией).

Владимир Ильич стал выделяться своими способностями, начитанностью и революционностью еще будучи студентом. Вскоре появились и его первые статьи в печати, подписанные «Тулин».

Конечно, Вл. Ил. очень скоро угодил в Сибирь, где много занимался и написал всем известную книту «Развитие капитализма в России». После ссылки он стоворился с Мартовым и Потресовым выехать за границу. Там они трое, вместе с Плехановым, П. Аксельродом и В. Засулич, основали газету «Искра». Вокруг «Искры» скоро объединились почти все русские социал-демократы, и создалась всероссийская партийная организация. В 1903 году состоялся за границей съезд этой организации; был избран Центральный комитет.

На этом же съезде, однако, начался и раскол, появились «большевики» и «меньшевики». Мартов, Потресов, Аксельрод и Дейч стали на сторону меньшевиков, а Плеханов и Ленин на сторону большевиков. Вскоре и Плеханов перешел к меньшевикам.

Во время революции 1905 года тов. Ленин приехал в Россию и жил сначала недолго в Петрограде, а потом под Петроградом в Финляндии, — кажется до осени 1907 года. После того, ему пришлось опять уехать за границу и только теперь вернуться.

Статей тов. Ленина печатано бесчисленное множество. Почти половина были нецензурными. Некоторые статьи с урезками, ради цензуры, были, однако, изданы отдельными книгами. Таковы:

Вл. Ильин. «За 12 лет.» Сборник статей. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии. Петербург, 1908 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Вл. Ильин. «Аграрный вопрос». Ч. 1. Петербург, 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Есть еще книжка по философии о материализме и эмпириокритицизме. Есть много брошюр, которые теперь трудно достать.

Владимир Ильич менял подписи под своими статьями частью ради цензуры, частью же вследствие особенностей своего характера. Дело в том, что у него нет так называемой «личной жизни»; он весь — в революции. Пища, квартира, одежда, развлечения — обо всем этом он никогда не думает; не думает и о деньгах. У него одна только забота — о партии. Между тем, обыкновенно писатели стараются создать славу своему имени ради того, чтоб им больше платили. У Владимира Ильича нет, поэтому, стремления к славе; он враг всякой рекламы своего имени.

Непримиримая революционность Вл. Ильича заставляет его совсем не думать о том, что о нем скажут другие: он делает то, что считает правильным. Это создает ему массу врагов и вызывает непримиримую ненависть к нему со стороны буржуазии. Буржуазия не может опровергнуть правильность его мыслей и потому борется против него путем лжи и клеветы.

Например, недавно ему в вину поставили, что вокруг него были провокаторы. Но, живя за границей, Вл. Ильич никого сам не привлекал и не мог привлекать в партию. Он имел дело только с теми, кто приезжал из России с рекомендацией от партийной организации. Приезжали на совещание, на несколько дней. Конечно, в такой короткий срок нельзя было Вл. Ильичу разгадать провокатора в человеке, которого прислали к нему из России от имени партийной организации.

Но чаще всего клевещет на Вл. Ильича буржуазия, приписывая ему слова, которых он не говорил. Нужно самим

читать то, что пишет тов. Ленин, чтобы судить, в чем он прав и в чем неправ. Нужно и его самого просить почаще подписывать свои статьи одним и тем же именем «Ленин».

Необходимо, чтобы близкие к Владимиру Ильичу люди поспешил издать сборники его старых статей: сам он никогда не удосужится это сделать, — такой уж у него характер. Особенно я считаю неотложным издать сборники его статей из старой «Правды», из «Звезды», «Просвещения» и заграничной газеты «Социал-демократ», — вообще статьи с 1911 г. до наших дней. Не нужно смущаться тем, что этих статей очень много.

«Социал-демократ», № 65, 8 июня 1917 г.

РАЗБОЙ В МОСКВЕ

Газеты сообщают, что 25 мая в Москве было произведено разбойное нападение на лавку Макеева, на Ильинке. Из пяти нападавших задержан один. Как сказано в газетах, разбойник назвал себя Ротге, большевиком.

По этому поводу нужно сказать следующее. В 1907 году, когда революция была безнадежно подавлена и когда по всей России работали виселицы Столыпина, вдохновляемого А. И. Гучковым и вообще буржуазией, проявилось в разных партиях России (преимущественно, среди польской социалистической партии и среди социалистов-революционеров), так называемое, «экспроприаторское» движение, скоро выродившееся в простой грабеж. Экспроприации принесли неисчислимый вред делу революции и были осуждены, кажется, всеми партиями без исключения.

Во всяком случае, нашей партией грабежи (экспроприации) были осуждены давно, резко и бесповоротно. Не только участники грабежей, но и все, кто пропагандирует грабеж или подговаривает к нему, или одобряет его, подлежат решительному и немедленному исключению из партии, так же, как провокаторы и вообще бесчестные люди.

В нашей московской партийной организации много тысяч членов, и мы еще не имели возможности проверить, не проник ли в организацию и грабитель, арестованный на Ильинке. Обязанность всех членов партии — поскорее выяснить этот вопрос; и если в нашу семью действительно успели обманом проникнуть сообщники Ротге, то они должны быть немедленно удалены из партии; подлежит удалению и всякий, кто их будет защищать или оправдывать.

До сих пор в нашей среде не было слышно о возрождении экспроприаторских настроений, гибельных для дела революции. Поэтому мы надеемся, что заявление Рогге о его принадлежности к большевикам окажется или ложью с его стороны, или выдумкой буржуазных хроникеров.

Редакция «Социал-демократа».

«Социал-демократ», № 66, 9 июня 1917 г.

В ДЕРЕВНЕ

Нам доставлены очень интересные документы из Бессоновской волости, Белгородского уезда, Курской губ.; речь в них идет только о делах одной волости. Но можно быть уверенным, что таких волостей многие тысячи. И жизнь этой волости отразила, как в зеркале, общее положение дел в России.

Началось с того, что волостной комитет установил общую плату сельским рабочим: мужчине — 3 р., женщине — 2 р. 50 к., подростку — 1 р. 50 к., человеку с лошадью — 8 рублей в день. Вспомните, что деревня переплачивает теперь на ситце, железе, сахаре и т. п. чуть не в десять раз больше против прежнего. Значит, по старым ценам на товары, эта плата совсем низкая.

4 мая управляющий имением Иоста дал подписку, что согласен платить эту плату. Но в то же время в Петроград был, как полагается, послан ложный донос на крестьян. И, как полагается, в министерстве дали полную веру доносу помещиков, не спросивши крестьян. О характере доноса можно судить по телеграмме из министерства, подписанной Хрущевым; в ней сказано:

«Обращаюсь к гражданам Бессоновского комитета с горячим призывом не омрачать нового свободного строя чувствами мести и злобы, не чинить арестов и насилий над землевладельцами, управляющими, хуторянами и крестьянами, желающими обрабатывать и засевать свои поля, не нарушать установленных севооборотов, не снимать с работ рабочих и военно-пленных, не производить порубки частновладельческих лесов, садов; не отбирать инвентарь, скот и рабочих лошадей, не препятствовать найму рабочих и установлению цен на рабочие руки по взаимному соглашению сторон».

Далее, рекомендуется во всем ждать до решения Учредительного собрания, а при спорах обращаться в уездный земельный комитет.

Получив телеграмму Хрущова, бессоновцы пришли в полное недоумение: в волости было все спокойно, никто никого не трогал. Все дело только в том и заключалось, что крестьяне назначили заработную плату «по справедливости». Телеграмма Хрущова внесла беспокойство, и крестьяне пишут солдатам в Москву:

«Не дайте нам пропасть: ведь нас осаждают со всех сторон! Нашему комитету грозит опасность! Нас обвиняют в беспорядках!»

Тревога крестьян понятна: ведь если бы у министерства земледелия была в руках сила, то оно послало бы, в ответ на ложный донос, не телеграмму с «горячим призывом», а солдат с горячими розгами, — думают крестьяне и взывают к солдатам о защите. Очевидно, министерство телеграфировало не только в Бессоновский волостной комитет, но и в уездный земельный комитет.

Уездный комитет уже рассматривал 22 апреля плату, установленную бессоновцами, и известил их, что «дело установки цен на рабочие руки зависит от соглашения вол. комитета с работодателями, а установленные Бессоновским вол. комитетом цены (считает) невысокими и приемлемыми». Но после телеграммы Хрущова картина меняется: бумагой от 15 мая уездный комитет извещает бессоновцев, что ввиду сложности вопроса об установлении нормы заработной платы, разработка его поручена комиссии. Предвидя, вероятно, что комиссия затянет дело до осени, уездный комитет спешит понизить плату, установленную бессоновцами: взрослому рабочему-специалисту до 2 р. 50 коп., обыкновенному рабочему — 2 р., женщине — 1 р. 50 к.

Министерство, не имея пока-что сил послать в Бессоновку команду для усмирения мирных жителей, добивается все же, чрез посредство уездного комитета, понижения заработной платы до нищенского уровня. По этому поводу сами бессоновцы пишут о действиях уездного комитета, что он требует от нас соглашения с работодателями, мы соглашаемся, а он опять путает. И добавляет: «на-днях помещик пригласил нашего начальника милиции и обещал дать ему 300 р. за то, чтобы он заставил рабочих работать по цене 1 р. 50 к. в день, он, конечно, отказался».

О том, каковы действительные аппетиты помещиков, можно судить по письму женщин-крестьянок, работавших у помещицы Ек. Ал. Озеровой, в той же Бессоновской волости. У помещицы работали Н. Нестуева, П. Остапенкова и Т. Слизкоухова по 24 дня; М. Остапенкова, С. Нестуева, Н. Игнатова, П. Серкова, О. Горд нкова, З. Тимофеева, Е. Куз-

нецова, Е. Веретельникова, М. Горенова, Ф. Коняшенкова, А. Остапенкова и П. Нестеренкова от 5 до 17 дней каждая. Работали мужскую работу, а плата — «почем у людей». Когда же пришло время расплачиваться, помещица Озерова не пожелала дать больше 50 коп. в день, — то-есть, по нынешним ценам хотела получить работу даром. Как на это посмотрят господа Черновы и Хрущовы?

Заодно с помещиками стоят и бессоновские попы-черносотенцы Иван и Николай: они натравляют темных людей на тех, кто желает закрепить свободу.

В заключение бессоновцы обращаются к солдатам и говорят:

— Товарищи! Вы нам дали свободу. Ваша кровь лилась на фронте и в дни революции. Поэтому, ваше право сказать слово, как мы должны поступать с такими господами. Если мы не будем иметь поддержку от вас, нам почти не в силу вести борьбу с ними. Они капиталисты, а мы все безденежные.

Бессоновцы правы: солдаты не должны забывать про деревню. Они имеют право и должны сказать свое слово о деревенских делах. Но и мы, в рабочей газете, тоже имеем право и должны высказать свое мнение.

Из документов, присланных из Бессоновской волости, видно, что революция пока-что изменила внешность правительства, а нутро осталось старое: попрежнему против бедного крестьянина с сошкой стоят с ложкой все, — от попа до министра. И ясное дело, что революция еще не кончена. Ее нужно продолжать. Для этого нужно:

1) не доверять министрам буржуазного или коалиционного правительства;

2) не ждать ни в чем до Учредительного собрания, а делать все самим (через свои организации). Если останутся на своих местах до Учредительного собрания черносотенные попы Иваны, да Николаи, и помещики Озеровы да Иосты, и уездные земельные комитеты с Власовыми и Щелоковыми (как в Белгороде), то и в Учредительное собрание они сумеют провести всяким обманом своих людей. И тогда не увидать русскому крестьянству ни земли, ни воли. Будут только вспоминать: по усам текло, да в рот не попало.

Революция продолжается, она не кончена, — это прежде всего и всякую минуту должны помнить рабочие, крестьяне и солдаты.

«Социал-демократ», № 66, 9 июня 1917 г.

КТО СЕЕТ РАЗДОР?

С самого начала революции буржуазия употребляет все меры, чтобы расколоть демократию. Сначала пытались натравить солдат против рабочих из-за восьмичасового рабочего дня. Это гнусное дело не удалось. Потом, также неудачно, пытались натравлять деревню против города, фронт армии против ее тыла. О травле большевиков и говорить нечего. Теперь, с благословения военного министра, пытаются натравить уже одну часть фронта против другой. В газетах появилась телеграмма:

> Петроград, 26/V. Комиссар временного правительства при 7 армии прислал на имя военного и морского министра А. Ф. Керенского следующую телеграмму:
>
> «12 дивизия: 48 полк выступил в полном составе; 45 и 46 полки в половинном составе строевых рот; 47 отказывается выступить. Из полков 13 дивизии выступил почти в полном составе 50 полк. Обещает выступить завтра 51 полк, 49 не выступил по расписанию, а 52 отказался выступить и арестовал всех своих офицеров».
>
> Временное правительство постановило: 45, 46, 47 и 52 полки расформировать, подстрекавших к неповиновению офицеров и солдат предать суду.

Из этой телеграммы видно, что обе дивизии раскололись приблизительно на равные части. И вот теперь одна часть должна будет расправляться с другой частью. Как произошел этот раскол, из телеграммы не видно. Но как раз сегодня нами получено письмо, из которого видно, как вообще производится на фронте это иудино дело натравливания одной части солдат против другой. Автор письма пишет с фронта:

«С 15 до 20 мая носились слухи, что наши полки или вся дивизия будут отправлены на фронт, но не против неприятеля, а для усмирения солдат пехотной дивизии, которые производят братания, портят железную дорогу и хотят расстрелять артиллеристов. И, действительно, наши два полка были посланы.

Но нам было неприятно воевать против своих же, так как могли быть безвинные жертвы, и мы послали вперед депутатов от эскадрона. Депутаты выяснили, что все было ложь. Прибыв в артиллерию, они узнали, что батарейцы сильно боятся пехоты, в которой происходят частые митинги и есть злой оратор прапорщик Алексеев, которого мы два раза арестовывали и отвозили в штаб корпуса; сверх того, пехотинцы присылают к нам шпионов, которые выдают немцам наши батареи и хотят нас расстрелять за аресты прапорщика Алексеева.

Выслушав артиллерию, депутаты нашего эскадрона перешли в пехотную дивизию, где выяснилось следующее. Пехотинцы жили своей тесно сплоченной семьей, не имея вражды к артиллеристам. Очень любили, как товарища, прапорщика Алексеева, который давал пример праведной жизни. Делали частые митинги. Во время одного митинга подъехал автомобиль с казаками, арестовал Алексеева и увез в штаб корпуса; мы попросили вернуть его, нам вернули. Но пришли какие-то ложные приказания из штаба корпуса, чтобы явился прапорщик Алексеев; несмотря на ложность, Алексеев пошел узнать, в чем дело, но по дороге его увез темный автомобиль. После этого у нас явилось недоверие: мы думали, что батарейцы будут расстреливать нас, а они думали, что мы их. Вот и потребовали вашу дивизию стрелять друг в друга безвинно».

Благодаря выяснению дела, кровавое усмирение пехотинцев кавалеристами не состоялось. Но разве нельзя было рассеять недоразумений, не вызывая два полка для усмирения? Конечно, можно было. И естественно является подозрение, что кому-то нужно было натравить одну часть армии на другую,— кавалерию и артиллерию на пехоту, чтобы воскресить то недоверие между солдатами, которое царило до революции.

Отсюда ясна обязанность всякой воинской части, которую посылают против своих же, против солдат, рабочих и крестьян: никому не верить на слово, а посылать непременно своих депутатов — солдат для выяснения дела.

«Социал-демократ», № 68, 12 июня 1917 г.

ПРАВДА ЛИ?

В наши дни, когда черные силы реакции спрятались в подполье, подозрительность обязательна. Необходимо зорко присматриваться к деятельности тех, кому революция не выгодна. В числе учреждений, которые должны привлекать наше внимание, находятся организации Земгора, Земского союза и Городского союза: это организации крупных помещиков и капиталистов.

Поэтому мы считаем себя обязанными опубликовать следующий слух. Это только слух, за полную достоверность которого мы еще не можем поручиться. Но даже, как слух, он должен остановить на себе общее внимание.

Говорят, будто бы ген. Брусилов передал Земскому союзу миллион рублей на основание в Москве новой газеты, кото-

рая должна будет проводить брусиловскую линию и агитировать за «войну до конца».

Тут возникают вопросы: откуда взялся этот миллион у Брусилова? Какая особенная надобность явилась у Брусилова в газете, требующей так много денег? Не является ли основание этой газеты началом объединения тайных сил реакции? Или же газета явится органом уже состоявшегося объединения, выдвигающего ген. Брусилова в роли своего вождя?

Повторяем: мы передаем только слух. Лиц, знающих это дело более подробно, просим сообщать сведения в нашу редакцию.

Говорят, будто бы Земский союз выживает нашу газету из типографии именно для того, чтобы очистить место для брусиловской газеты.

«Социал-демократ», № 68, 12 июня 1917 г.

ИМЕЮТ ЛИ СИЛУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО С. Р. Д.?

Недели две тому назад мы рассказали читателю, как буржуазная организация Земский союз[1] старается задушить газету «Социал-демократ», лишив ее типографии. Мы указали тогда, что типография эта (бывшая Левенсона) находится в нашем пользовании, как реквизированная по постановлению Совета рабочих депутатов. Мы обратились в Совет, — и, как мы слышали, от Совета было послано в типографию запрещение выживать нашу газету.

Но Земский союз не придает никакого значения постановлению Совета. Мы вновь получили от типографии извещение, что печатание газеты в типографии б. Левенсон должно прекратиться; отсрочка дается лишь до 15-го июня и на более стеснительных условиях.

Таким образом, перед всем московским пролетариатом полностью ставится вопрос: имеют ли какую-нибудь силу постановления его Совета рабочих депутатов? Или же каждый агент правительства (Земский союз работает на казенные деньги) имеет право открыто и нагло плевать на всякое постановление Совета и его органов? Помните, читатель: дело идет уже не только о нашей газете. К ней вы можете от-

[1] Земский союз — организация помещиков для снабжения армии во время войны, — на деле, между прочим, и для укрывательства помещиков от призыва в армию.

носиться, как угодно, даже враждебно. Не о защите нашей газеты мы теперь должны думать и говорить, а о защите силы, влияния и авторитета Совета рабочих депутатов.

Ведь ясно, что если сегодня агенты правительства (Земский союз) идут против нас, крайних левых, и если им удастся задушить нашу газету, то завтра эти господа обнаглеют и пойдут дальше,— уже не только против нас. Поведение Земского союза по отношению к решениям Московского совета рабочих депутатов — это новая и хитрая постановление совета и его органов? Помните, читатель: дело пытка уничтожить ту власть, которая так не по сердцу буржуазии, это попытка уничтожить силу Совета рабочих депутатов.

Мы обратились по этому поводу в Совет. Но этого мало. Мы обращаемся и ко всему пролетариату и ко всем солдатам Москвы с вопросом:

— За кого вы стоите, товарищи? За Советы рабочих и солдатских депутатов или за буржуазный Земский и Городской союзы, которые перед самой революцией применяли розги к своим рабочим дружинам? Если вы стоите за целость и за авторитет Совета, то вы должны понудить Совет рабочих депутатов принять самые решительные меры против Земского союза.

Мы обращаемся также и ко всем партийным товарищам:

— Товарищи! В самый разгар избирательной кампании вас хотят лишить орудия избирательной борьбы, хотят уничтожить вашу газету. Земский союз — ведь это ставленник старых дворянских, помещичьих земств. Эти реакционеры доживают свои последние дни, если демократия победит на местных выборах; и они спешат палить в нашу газету, как в Петрограде палили в народ с крыш из пулеметов, когда революция уже побеждала.

Неужели, товарищи, вы потерпите это? Неужели согласитесь остаться без газеты?

«Социал-демократ», № 68, 12 июня 1917 г.

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ И СОЛДАТЫ!

Сегодня истекает срок, данный нам типографией для печатания газеты «Социал-демократ». Мы обращались к комиссару г. Москвы Кишкину. Он обещал указать типографии на невозможность прекращения печатания «Социал-демократа». О результате разговора г. Кишкина с администрацией типографии нам ничего неизвестно.

Товарищи! Сегодня вечером присылайте делегатов в редакцию и в типографию за справкой о том, что же решила делать администрация типографии Левенсон. Помните: если не выйдет 1 июня наша газета, то в Москве не должна выйти ни одна буржуазная газета.

Товарищи солдаты! Товарищи рабочие! Готовьтесь принять сегодня самые решительные меры для спасения своей газеты.

Редакция «Социал-демократа».

«Социал-демократ», № 69, 13 июня 1917 г.

ОПОРА САМОДЕРЖАВИЯ

Было бы большой глупостью думать, будто самодержавие держалось только чиновниками и полицией. Настоящей его опорой были помещики и высшая буржуазия, организованные между прочим в городские думы и земства. Правда, думы и земства не всегда ладили с министрами, но это были нелады в своей семье. Против рабочих и крестьян земцы и думцы всегда стояли заодно с самодержавным правительством.

В начале войны земцы и думцы образовали Всероссийский земский союз, Всероссийский городской союз и Земгор. В настоящее время эти союзы стали опорой реакции и скоро превратятся в очаги контрреволюционных заговоров. На это нужно обратить серьезное внимание.

В газетах появилась телеграмма из Минска о том, что в связи с волнениями рабочих Земского и Городского союзов, Совет рабочих и солдатских депутатов возбудил вопрос о правительственной ревизии этих союзов, где рабочие живут в ужасных условиях. Решено немедленно переселить рабочих из отведенных им бараков.

Ревизия необходима. Ведь еще до революции было опубликовано, что союзы применяют к рабочим розги и обсчитывают их. Есть также указания, что в учреждениях и предприятиях союзов царит воровство.

Но никак нельзя удовлетвориться ревизией правительственной: ведь во главе Земского союза стоял князь Львов, который теперь является председателем Временного правительства. Поручить ревизию правительству — это будет означать поручить ревизию над князем Львовым самому же князю Львову.

Настоящая ревизия Земскому и Городскому союзам может быть произведена только с переходом власти к Сове-

там рабочих и солдатских депутатов. Только тогда раскроется в полной мере, что такое представляли из себя Земский и Городской союзы. У нас уже имеются некоторые любопытные данные. Но мы хотели бы собрать побольше материала; просим товарищей о его доставке в редакцию.

«Социал-демократ», № 69, 13 июня 1917 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Вечером 31 мая, когда решался вопрос о типографии для газеты «Социал-демократ», нашу редакцию посетили многочисленные делегаты от районов, профессиональных организаций, солдатских частей и прочие. Приезжали даже из окрестностей Москвы делегаты с тревожным вопросом: выйдет ли завтра газета?

Отозвались и товарищи печатники. Товарищи из типографии Левенсона пришли с заявлением, что они приложат все силы, чтобы не допустить приостановки нашей газеты. В профессиональном союзе печатников вынесено постановление [1], чтобы ни одна буржуазная газета в Москве не вышла в свет, если не выйдет хоть одна социалистическая газета.

Все эти знаки тревоги, сочувствия и готовности на самые решительные меры для защиты своей газеты создают уверенность, что пролетариат и солдаты Москвы и в будущем сумеют оградить свою печать от подлых покушений буржуазии. Зная это, руководящие организации пролетариата на всякое покушение буржуазии могут теперь отвечать твердо и уверенно:

— Только посмейте! Руки прочь! Ваше самодержавие кончилось вместе с царским самодержавием!

Пролетарий и солдаты! С полной верой в свою силу дружно вперед к полному закреплению своей свободы!

«Социал-демократ», № 71, 15 июня 1917 г.

КОМУ ПРАВА?

Как только было опубликовано о составе юридической комиссии для выработки правил о созыве Учредительного собрания, мы тотчас указали, что примириться с таким составом невозможно: юридическая комиссия на три четверти

[1] Это постановление было вынесено уже после того, как в «Соц.-демократе» был напечатан в № 69 соответствующий призыв.

составлена из представителей буржуазии, и только одна четверть ее членов может считаться более или менее близкой к рабочей и крестьянской массе. Теперь юридическая комиссия начала составлять проект, и уже обнаружилось, куда она клонит.

Поднялся вопрос, кого следует лишить избирательного права. Зашла речь о бывшей царской фамилии, о Романовых. Демократические члены были против того, чтобы давать им право участия в выборах, а буржуазные за то, чтоб дать. Конечно, решено так, как желает буржуазия. Получит право и бывший царь, и его жена, и все родственники. Конечно, их немного, и их голоса мало значат. Но, ведь они получают право не только избирать, но и быть избранными. Какой простор для агитации черной сотни! И разве мы не имеем примера во Франции, где избранный племянник Наполеона быстро превратился в императора?

Другой вопрос о дезертирах. Наша газета только что начала собирать сведения о причинах дезертирства. И уже выяснилось, что самовольно отлучаются солдаты не с фронта, где у них есть дело, а с тыла. Отлучаются из казармы многие из-за безделья, чтобы поработать на своем поле, помочь старикам. Таких — многие тысячи. Они взяли бы отпуск, да не дают. А сидеть в рабочую пору без всякого дела невмоготу исконному крестьянину. Он беспрекословно вернулся бы в казарму, когда понадобится, по первому требованию. И вот, вместо отпуска, его приравнивают к худшим ворам и разбойникам, его лишают права участвовать в выборах в Учредительное собрание.

Таким крестьянам-солдатам — тюрьма и бесправие. А царским родственникам и бывшему царю — все права. И все права тем купцам и помещикам, которые дезертировали в «работу на оборону».

Вот куда клонит буржуазия: побольше прав царским родственникам и приспешникам, и поменьше прав всему народу. И вот эту-то политику покрывают меньшевики и эсеры, пославшие в правительство Скобелева, Церетелли и Чернова!

Сделан первый шаг к подтасовке Учредительного собрания, к тому, чтобы оно не было результатом всеобщего избирательного права. Новые шаги в том же направлении не заставят себя ждать. Как оценить после этого политику тех господ, которые проповедуют, что до Учредительного собрания земля должна оставаться в руках помещиков, главной опоры самодержавия?

«Социал-демократ», № 72, 16 июня 1917 г.

ОТКУДА ЭТИ СЛУХИ?

В № 71 нашей газеты рассказано со слов солдат, приехавших с фронта, что там упорно распространяются слухи, будто тов. Ленин является сторонником Николая II, будто он ходит по Петербургу с царским портретом. Откуда могли появиться столь дикие, столь нелепые слухи? Чья это работа? — спрашивали мы.

Теперь у нас имеется ответ. В № 9 газеты «Красное знамя» мы прочли статью против «Окопной правды». Статья по тону — чисто погромная, по содержанию — неверная. А заканчивается она следующей фразой, обращенной к большевикам:

> «Спасибо сердечное скажет вам... Николай II Кровавый и вся банда его приспешников, с восторгом следящая за вашей разрушающей революцию подкопной неправдой».

Меньшевистская газета, из которой мы привели эти слова, издается в Риге.

«Социал-демократ», № 73, 17 июня 1917 г.

НАКАНУНЕ ЧЕГО?

Вчера в нашей газете было перепечатано сообщение из «Правды» о том, что телеграфировал в английскую газету ее петроградский корреспондент. Он телеграфировал, будто «Совет стремится захватить власть», будто «массы ошалели» и, самое важное, будто «время решительных действий правительства близко», — «оно имеет достаточно военных сил».

В связи с этим приходится обратить серьезное внимание на вчерашнее сообщение буржуазных газет о письме Родзянки. Родзянко разослал членам Гос. думы приглашение не раз'езжаться из Петрограда, так как политические события требуют, чтобы члены Гос. думы были наготове, «так как невозможно установить, когда и где их деятельность может оказаться совершенно необходимою». «Эти обстоятельства могут наступить внезапно», — говорил Родзянко.

Итак, от английского корреспондента мы узнали, что у правительства достаточно военных сил, и что близко время решительных действий против Советов раб. и солд. депутатов. А от Родзянки слышим, что буржуазно-помещичья, монархическая Гос. дума должна быть наготове. «События

могут наступить внезапно» говорит Родзянко. Внезапно для нас с вами, читатель. Но, очевидно, не внезапно для князя Львова и Родзянки. Вместе с французскими и английскими «верными друзьями» бывшего царя, эти господа, вместе со всеми помещиками и капиталистами, очевидно думают:

— Масса ошалела. Пора надеть на нее узду и поставить в оглобли. В наших руках достаточно военных сил. Будем наготове!

Таков прямой смысл сообщений, напечатанных во вчерашней газете. Повидимому, мы накануне каких-то важных событий, подготовленных втайне, под шумок, пока «социалистические» министры забавляли публику своими театральными выступлениями и пока эсеры и меньшевики старались укреплять доверие к правительству. Не хотелось бы верить что рабочим, крестьянам и солдатам предстоит так скоро расстаться со свободой, с завоеваниями революции. Но если уже начались усмирения, аресты и расстрелы и в тылу, и на фронте, то дальше это пойдет легче. Лиха беда — начало.

Кстати, вот еще два сообщения из последних газет:

Кн. Львов восстановил звание «великого князя»,—так назывались близкие родственники царя.

Комиссия для выработки правил созыва Учредительного собрания установила право участия в выборах царя и его родственников.

А. Керенский по поводу запрещения воинского украинского с'езда заявляет:

> «Я никому из военнослужащих сейчас временно не разрешаю съездов, совершенно независимо от того, кто и с какой целью их устраивает, так как в данный момент, в виду исключительных военных обстоятельств, я не могу взять на свою ответственность отсутствие кого-либо из воинских чинов из своих частей. Бывают в жизни армии такие моменты, когда все во что бы то ни стало должны быть на своих местах. Такой именно момент мы сейчас переживаем».

Какой же это особый момент мы переживаем, по сравнению с мартом и апрелем? Не в том ли заключается особенность этого момента, что мы возвращаемся к порядкам Штюрмера и Протопопова?[1]. Ведь при них тоже «временно» запрещены были всякие съезды, «совершенно независимо от того, кто и с какой целью их устраивает».

---

[1] Царских министров.

Не слишком ли мрачно я настроен? Хотелось бы верить в безоблачное, светлое будущее. Но ежедневно почти каждый шаг Временного правительства вызывает в последние дни невольную тревогу. Наступление уже началось; оно уже идет, но только не на германском, а на внутреннем фронте.

«Социал-демократ», № 73, 17 июня 1917 г.

ПОЛНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В Петрограде на чисто пролетарской конференции фабрично-заводских комитетов на сторону большевиков, в вопросе о борьбе против экономической разрухи, стало 295 делегатов; за другую резолюцию, которую в основном принял и докладчик большевиков, подано 45 голосов; а за резолюцию меньшевиков—70. То-есть, меньшевики собрали немногим более шестой части голосов.

В том же Петрограде, в Совете раб. деп. (без солдат), по вопросу о разгрузке Петрограда, за резолюцию большевиков (Центр. бюро) подано 173 голоса, а за резолюцию Исп. Ком. Совета — 144 голоса. Меньшевики и эсеры остались в меньшинстве.

Таким образом, петроградский организованный пролетариат в большинстве своем стоит на стороне пролетарской партии большевиков. Но и мелкобуржуазное влияние еще сильно: на конференции оно подчинило себе 70 человек из 410, а в Совете — даже 144 человека из 317.

Иную картину распределения сил, естественно, должны были дать выборы в городские районные думы. Здесь организованному пролетариату противостояла мелкобуржуазная масса населения. И союз мелкобуржуазных партий (эсеров и меньшевиков) получил подавляющее большинство голосов, в числе которых несомненно были и многие десятки тысяч голосов рабочих, еще не освободившихся от мелкобуржуазного влияния.

В настоящее время происходит в Петрограде Всероссийский съезд представителей Советов рабочих и солдатских депутатов. И здесь наблюдается то же, что мы видели при городских выборах в Петрограде: подавляющее большинство голосов принадлежит меньшевикам и социалистам-революционерам. Не остается никаких сомнений, что в руках этих двух партий сейчас находится главная сила, что огромное большинство населения идет за их лозунгами, возлагает на них все свои упования.

Но эта колоссальная сила, это огромное доверие налагает на меньшевиков и социалистов-революционеров всю полно-

ту политической ответственности за положение дел в России. Влияние буржуазии, как показали выборы в Петрограде, ничтожно. Сравнительно невелико и влияние большевиков.

Союз меньшевиков и социалистов-революционеров имеет силу и возможность проводить свою политику в чистом виде, без всяких компромиссов, без уклона вправо или влево. Всякий уклон, однако, может только еще более укрепить их положение: при уклоне вправо их поддержит буржуазия, а при уклоне влево—пролетариат (большевики).

Указание на их неполноту власти во Временном правительстве теряет политический смысл: если в правительстве против их шести министров стоит десять чисто буржуазных министров, то на это теперь добрая воля меньшевиков и социалистов-революционеров, ибо ясно, что если бы они захотели занять все 16 министерских мест своими представителями, то они не встретили бы в стране силы, способной им помешать. Не могло бы быть никакой гражданской войны. Могут быть только реакционно-буржуазные заговоры, которые легко задушить. Меньшевики и эсеры уже не имеют теперь возможности оправдывать себя тем, что во Временном правительстве они в меньшинстве и поэтому не могут полностью осуществлять свои планы, свою политическую программу.

У меньшевиков и социалистов-революционеров в настоящее время — вся полнота политической силы. И на них же ложится вся полнота политической ответственности. Теперь по отношению к ним должен ставиться вопрос не о том, хватит ли у них силы, а только о том, найдется ли у них желание быстро и решительно покончить со всякими пережитками самодержавия и осуществить полностью демократическую программу политического преобразования страны.

«Социал-демократ», № 74, 19 июня 1917 г.

КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ

Часто говорят о социал-демократической программе-максимум и программе-минимум. Получается впечатление, будто у социал-демократов две программы. Максимум означает самое большее (наибольшее), а минимум—самое меньшее (наименьшее). Выходит так, что в одной программе речь идет о наибольших наших требованиях, а в другой—о наименьших.

Все это не совсем правильно.

Во-первых, у нас не две программы, а одна. И в ней указана одна главная, основная цель наша—свержение капитализма и введение социалистического строя жизни. Эту основную, конечную цель нашу мы иногда и называем программой-максимум. Но это вовсе не значит, что это только наибольшая цель, и что мы можем помириться на чем-нибудь меньшем. Если мы откажемся от конечной цели, если помиримся на меньшем, то мы перестанем быть социал-демократами и вообще социалистами.

В своей программе мы указываем не только цель, но и путь, по которому идем к своей цели. Мы идем по этому пути при существовании капитализма и указываем, какие наибольшие завоевания мы можем сделать еще до свержения капитализма ради того, чтобы успешнее бороться за социализм. Вот эти-то наибольшие завоевания, возможные при капитализме, мы и называем не совсем правильно программой-минимум.

Осуществление программы-минимум возможно и при капитализме. Но это опять-таки вовсе не означает, что до полного осуществления социализма мы обязаны охранять капитализм в полной неприкосновенности. Мы вовсе не обязываемся воздерживаться от всяких попыток частичного ослабления или сужения капиталистического хозяйства.

То, что мы в России считаем нужным и возможным осуществить при капитализме, в главном и существенном совпадает с тем, что считают нужным и возможным осуществить у себя французы, немцы, итальянцы, бельгийцы, австрийцы и вообще социалисты всех стран. Есть различия по местным условиям, но вряд ли найдутся противоречия [1].

Что же касается конечной цели или, как говорят, программы-максимум, то она одна во всех странах, хотя и выражена не в одних и тех же условиях.

Во всех программах указывается, что конечная цель может быть осуществлена только пролетариатом, точнее политической партией пролетариата.

О самой конечной цели в программе сказано, что она заключается в замене частной собственности на орудия производства и обращения собственностью общественной, причем вводится планомерная организация всего производства. Этим уничтожится деление общества на классы, то есть исчезнут капиталисты, и весь народ освободится от всякого угнетения и эксплоатации.

---

[1] Речь идет о программе-минимум, т.-е. об установлении буржуазно-демократической республики. — Ред.

Несколько подробнее и яснее те же мысли изложены в германской программе. В ней указано, что крупное производство и растущая производительность труда являются при капитализме источником нищеты и гнета для рабочих и что целью пролетариата является превращение капиталистической, частной собственности на средства производства, (то есть на землю, копи, рудники, сырые материалы, инструменты, машины, средства передвижения) в общественную собственность. Таким образом товарное производство, то есть производство для продажи, заменится производством социалистическим, которое ведется самим обществом для самого себя.

Такое превращение капиталистического хозяйства в социалистическое освободит не только пролетариат, но и все человечество.

В австрийской программе указано, что весь народ находится под игом экономической зависимости, в политическом угнетении и в духовной тьме. Причина этого — не отдельные политические учреждения, а то, что средства производства находятся во владении отдельных лиц. Поэтому переход средств производства в общественную собственность, в собственность всего народа, является целью, а политическая борьба — средством борьбы за освобождение рабочего класса.

Во французской программе говорится, что производители могут быть свободны только тогда, когда они будут владеть средствами производства, землей, фабриками, заводами, банками и так далее. Общественное владение средствами производства может быть результатом только революционной деятельности пролетариата, организованного в особую политическую партию. Поэтому французские социалисты ставят своей целью политическую и экономическую экспроприацию класса капиталистов.

В бельгийской программе сказано, что рабочие должны установить свободное и даровое пользование всеми средствами производства. Скопление капиталов в руках одного класса является основой не только экономического, но и политического, и всякого другого господства.

По швейцарской программе конечной целью пролетарской классовой борьбы является благосостояние и обеспеченное будущее всего народа. Средством к этому является переход средств производства из частного владения во владение общества и замена капиталистического хозяйственного строя общественным хозяйством.

В итальянской программе говорится, что рабочие обречены на нищету, приниженность и подчинение. Рабочие не могут добиться своего освобождения иначе, как путем передачи в общую собственность орудий труда (земли, копей, фабрик, средств сообщения) и общественного управления производством.

Как видите, во всех странах своя программа, в каждой программе говорится по-разному, а в конце концов все говорят одно и то же. Происходит это от того, что во всех странах положение рабочих приблизительно одинаково. Везде они находятся в рабстве у капитала, и нигде полное освобождение рабочего класса не может произойти иначе, как путем уничтожения капитализма.

Но если люди идут к одной цели, против одного общего врага, то им естественно и необходимо действовать всем сообща. Отсюда и происходит стремление рабочих всех стран к объединению в один союз, в Интернационал.

Чем ближе придвигается решительный бой против капитализма, тем яснее становится общая цель рабочих всех стран, тем сильнее будет связь между ними, тем крепче Интернационал.

Сейчас происходит как-будто наоборот: война разъединила пролетариат, разрушила Интернационал, страшно усилила гнет буржуазии.

Но поживем—увидим! Ведь у нас в России война также разъединила рабочих, разрушила их организации, страшно усилила гнет самодержавия. А что получилось в результате?

«Спартак», № 2, 19 июня 1917 г.

ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Так называемые люди умственного труда, которых часто называют еще интеллигенцией, представляют собой в массе промежуток между буржуазией и пролетариатом. Ближе всего они подходят по своему положению к высшей прислуге капиталистов. Их роль приблизительно та же, что и роль старшего дворника и любимой горничной, отличного повара, старшего лакея. Они пользуются милостями с барского стола за то, что помогают держать в повиновении рабочих или услаждают досуги буржуа.

Такова в капиталистическом обществе роль громадного большинства артистов, художников, литераторов, музыкантов, учителей и профессоров, адвокатов, инженеров и техников, всякого рода высших служащих и так далее.

Нужно только не забывать, что среди этой интеллигенции имеется и большой процент настоящей буржуазии, получившей капитал по наследству или успевшей скопить его. Да и само образование, требующее не мало затрат, является уже до некоторой степени «капиталом в обороте».

Точно так же и студенты являются или детьми буржуазии, или будущими прислужниками, а затем и членами буржуазного класса. Интеллигенция буржуазна по своему положению и еще больше по своим стремлениям, по духу.

Русский рабочий как-будто привык видеть другое: немало интеллигентов шло к пролетариату, переносило тюрьму и всякие лишения за рабочее дело; интеллигенция долго составляла руководящий слой российской социал-демократической рабочей партии. Как это произошло? Не значит ли это, что российская интеллигенция обладает какими-то особыми душевными свойствами, независимыми от ее классового положения?

Ничуть не бывало.

Дело в том, что перед «интеллигенцией» открывается широкий простор только в буржуазном обществе и при буржуазном политическом строе. А в России был строй крепостнический, самодержавный. Интеллигенции не было простора. Да и буржуазия нередко страдала от произвола и лишних поборов со стороны чиновников, представителей дворянско-крепостнической власти.

Отсюда происходило недовольство как более передовой части буржуазии, так и ее привилегированной челяди — интеллигенции. И часть ее, — главным образом, молодежь,— становилась на революционный путь. Ей нужна была буржуазная политическая свобода.

Но как свергнуть самодержавие?

Революционная молодежь, вышедшая из буржуазной или полубуржуазной среды, конечно, очень скоро поняла, что для революции необходимо участие народных масс, и она прежде всего обратилась к крестьянству. Образовалось «народничество».

Но крестьянство было умственно не развито и слишком верило в царя-батюшку. Кроме того оно было очень разбросано. Поэтому уже и народники признавали, что городские рабочие «имеют особенно важное значение для революции как по своему положению, так и по относительно большей развитости». На робочих смотрели, как на материал для революции, как на пособников в борьбе за политическую свободу.

Плохая удача народников в деревне и увеличение числа рабочих в городах привели к тому, что интеллигенция обратила потом главное свое внимание на рабочих. Народилась социал-демократия. Ее основателями явились бывшие народники из буржуазной или дворянской интеллигентской среды — Плеханов, Засулич, Аксельрод, Дейч. Они пошли навстречу нарождавшемуся уже чисто пролетарскому революционному движению. Таким образом, социал-демократия явилась результатом слияния двух революционных потоков: чисто пролетарского и буржуазно-интеллигентского.

Но естественно, что оба эти потока никогда окончательно не сливались, каждый жил своей особой жизнью. И рано или поздно они должны были вновь разделиться. Раньше чем говорить о разделе, скажем несколько слов о буржуазно-интеллигентском крыле социал-демократии.

Основатели этого крыла понимали, конечно, что для привлечения рабочих необходимо стать на точку зрения интересов пролетариата. «Желающий поскорее добиться свободы должен стараться заинтересовать рабочий класс в борьбе с абсолютизмом»,—писал Плеханов в первой своей социал-демократической книжке («Наши разногласия», стр. 294, русск. изд. 1906 г.). «Можно ли найти в ней (в истории) хоть один пример завоевания политической свободы силами одной буржуазии?»— убеждал Плеханов буржуазную интеллигенцию. Нет! И только «поддержанные рабочей массой политические требования передовой части нашего «общества» получат, наконец, столь давно ожидаемое удовлетворение». Силы пролетариата «и только они, могут послужить связующим звеном между крестьянством и социалистической интеллигенцией»,— говорил Плеханов.

Поэтому «возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий России»,— продолжал он.

Среди интеллигенции, которая называла себя социалистической, широко разлилась около 1892 года проповедь «временного» отречения от социализма и полного слияния с буржуазией ради скорейшего свержения самодержавия, и во имя якобы борьбы за социализм уже после революции. «Верно ли подобное рассуждение?» — спрашивал Плеханов и отвечал: «Оно будет верно только при одном условии: если, соединившись с буржуазией, мы действительно ускорим падение царизма.»

Можно бы еще привести множество подобных выписок из

статей и книг социал-демократов-интеллигентов. Но довольно и этих.

Несомненно, что отдельные лица искренне и всей душой отрешались от буржуазно-интеллигентских интересов и переходили на сторону пролетариата. Но огромное большинство социал-демократической интеллигенции шло к рабочим только ради завоевания буржуазной политической свободы. И всем рабочим памятно, как эта интеллигенция почти поголовно отхлынула от революционного пролетариата после 1906 г., когда хоть «куцая» была дана «конституция».

Я сказал, что интеллигенция отхлынула от революционного пролетариата. Это не значит, что она отхлынула от социал-демократии. Переходить откровенно в буржуазные партии ей было невыгодно: ведь буржуазия ценила интеллигентов социал-демократов, поскольку они имели силу в рабочих. Доверие пролетариата являлось для интеллигентов политическим капиталом, отказываться от которого было уже невыгодно. Выгоднее стало использовать это доверие для подчинения рабочих буржуазии. Для этого нужно было проповедывать либеральную (буржуазную) рабочую политику малых дел. Так образовалось среди интеллигентско-буржуазной части социал-демократии течение, получившее название ликвидаторства.

Вначале ликвидаторы сами себе дали это имя. Они проповедывали ликвидацию (то есть уничтожение) социал-демократической рабочей партии, которая по полицейским условиям могла работать только тайно, в подполье. «Необходимо уничтожить антиликвидаторство»—такой лозунг был дан Ф. Даном в одном из ликвидаторских журналов. А впоследствии, когда проповедь уничтожения партии оказалось безуспешной, ликвидаторы стали открещиваться от этого имени и обижаться на эту кличку.

Революционные социал-демократы, в противоположность ликвидаторам, и отчасти по цензурным условиям, стали называть себя партийцами.

Часто смешивают ликвидаторов с меньшевиками, а партийцев с большевиками. Это не совсем правильно, так как многие большевики-интеллигенты уходили к ликвидаторам и многие меньшевики примыкали к партийцам [1].

---

[1] По существу смешивание ликвидаторов с меньшевиками правильно. Ликвидаторство возникло и стало оформляться именно в меньшевистских рядах. Идеологами ликвидаторства были именно меньшевистские вожди. И борьбу с ликвидаторами вели не партийцы «вообще», а именно большевики. Большевики вели борьбу не только с ликвидаторами-меньшевиками, т. е. с ликвидаторами справа, но и с

Борьбой между ликвидаторами и партийцами были наполнены 1911—1914 годы. Эта борьба велась, главным образом, вокруг трех вопросов.

Во-первых, партийцы стояли за сохранение тайной, подпольной партии, а ликвидаторы были против этого.

Во-вторых, партийцы боролись за «неурезанные лозунги»: демократическая республика, конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. А ликвидаторы насмешливо называли эти лозунги «тремя китами» и сводили дело ко всяким мелочам.

В третьих, партийцы поддерживали широкое стачечное движение, политическое и экономическое, начавшееся после ленского расстрела. А ликвидаторы презрительно называли это движение «стачечным азартом».

Памятником борьбы между ликвидаторами и партийцами остались тогдашние газеты и журналы. У партийцев была газета «Правда»[1], а у ликвидаторов «Луч», и потом «Рабочая газета». И по этим газетам было ясно видно, что деление на ликвидаторов и партийцев было в то же время отделением буржуазной интеллигенции от революционного пролетариата. У ликвидаторов было огромное количество литераторов, но было мало рабочих. У партийцев почти вся работа велась рабочими. И деньги на ликвидаторские газеты получались преимущественно от буржуазной публики, а на «Правду» почти исключительно от пролетарских организаций.

В 1914 г. быстро нарастало революционное движение пролетариата, но оно было оборвано в начале войны. И в вопросе о войне отделение буржуазно-интеллигентской части

ликвидаторами слева, т. е. с отзовистами и ультиматистами. Уже на расширенном совещании (лето 1909 г.) редакции «Пролетарий» — тогдашнего большевистского центра — Ленин квалифицировал отзовистов и ультиматистов, как «ликвидаторство наизнанку». Ликвидаторству была объявлена решительная война. Отзовисты и ультиматисты были исключены из большевистских рядов. В особом приложении к газете «Пролетарий» Ленин писал: «Скатертью дорога, любезные! т. е. отзовисты и ультиматисты.—Р е д.). Мы сделали все, что могли, чтобы научить вас марксизму и социал-демократической работе. Мы объявляем теперь самую решительную и непримиримую войну и ликвидаторам справа и ликвидаторам слева, развращающим рабочую партию теоретическим ревизионизмом и мещанскими методами политики и тактики». (Ленин, соч. т. XIV, стр. 166)—Р е д.

[1] «Правда» была большевистской газетой. Ее создали и определили ее политическое лицо исключительно большевики. Что же касается партийцев-меньшевиков, которых имеет в виду автор, то сотрудничавшие в «Правде» в первое время Плеханов и П. Дневницкий, по свидетельству самого же М. С. Ольминского, создавали лишь трения в работе. (См. в III т. «Общий очерк эпохи»). — Р е д.

социал-демократии от пролетариата пошло дальше. Интеллигенция стала за поддержку этой буржуазной империалистической войны, а пролетариат против. От партийцев вновь откололись многие литераторы, перешедшие на сторону буржуазии, как Плеханов, Алексинский и другие. Они стали даже проповедывать вместе со многими социалистами-революционерами, что во время войны борьба против самодержавия равносильна измене. Они кричали об этой измене в то самое время, когда рабочие депутаты Петровский, Муранов, Шагов, Самойлов и Бадаев с товарищами мерили дорогу в Сибирь на поселение по приговору царского суда.

Однако, как ни распинались против борьбы с самодержавием всякие Плехановы, Алексинские и Дейчи, а также Авксентьевы, Бунаковы и Аргуновы, революция уничтожила самодержавие начисто. Явилась возможность открытого существования социал-демократической рабочей партии. Пролетариат получил небывалую силу. Стали называть себя социалистами буржуазные интеллигенты, давно растерявшие всякий социализм.

Теперь создается у нас положение новое для России, но давно известное в Западной Европе,— особенно во Франции и Англии: для буржуазной интеллигенции называться социалистом становится выгодным ремеслом, а завоевать доверие рабочих становится равносильным тому, чтобы сколотить себе капиталец.

В буржуазном обществе и государство является буржуазным: государственная власть является органом буржуазного господства над пролетариатом. Понятно, что и в верхи государственной организации допускаются только люди, обладающие большим капиталом. Но как же быть тому, у кого есть желание сделать большую политическую карьеру, но нет большого капитала? Для этого нашлось верное средство: нужно объявить себя социалистом, врагом буржуазии, и приобрести доверие рабочих.

Буржуазии необходимо держать рабочих в подчинении. Грубая сила уже не спасает. Необходим еще обман рабочих. Поэтому доверие рабочих—уже капитал. Буржуазия начинает приманивать к себе обладателя такого капитала. А этому только того и требовалось: он начинает проповедывать рабочим, что нужно быть потише, нельзя все сразу, надобно потихоньку да полегоньку, как бы не запугать, не оттолкнуть буржуазию. И рабочие верят, а вождь-интеллигент благодаря их доверию пролезает в министры или куда-нибудь в этом роде.

Точно такое же положение создалось сейчас и у нас в

России. Буржуазная интеллигенция, отколовшаяся от пролетариата в трудные для него дни, вспомнила теперь, что еще в старые для него годы у нее был прикоплен капиталец пролетарского доверия, и спешит пустить этот капиталец в оборот.

Например, едва приехав в Россию, Плеханов поспешил объявить, что готов вступить в гучковско-милюковское правительство. Но своим поведением он растерял уже капитал пролетарского доверия, и его не пустили в министры. Точно так же в Москве, чуть буржуазия заговорила о коалиционном министерстве, как Рожков и его компания запросились: «мы готовы».

Теперь тактика буржуазной интеллигенции, которая тянется к буржуазии, но хочет использовать при этом пролетарское или крестьянское доверие, заключается в проповеди: «подождите, не сразу! Не запугивайте буржуазию! Не отталкивайте помещиков!»

Но еще Плеханов в старое время говаривал (теперь не скажет), что нет дела более вредного для рабочих, чем запугивать их призраком запуганного буржуа.

Как будто возможно, не запугавши помещиков, обещать крестьянам их землю после Учредительного собрания! Как будто возможно, не запугавши буржуазию, обещать рабочим в будущем улучшить их положение за счет капиталистов!

Я сказал выше, что в России пришло время для буржуазно-интеллигентских «социалистов» использовать, пустить в оборот капитал пролетарского или крестьянского доверия. Это использование доверия пока еще нельзя понимать слишком грубо. Нельзя говорить, что человек и социалистом-то стал ради карьеры, и теперь вполне сознательно предает интересы пролетариев и крестьян, предлагая им ждать.

Дело не так просто. Нельзя обвинять лично, отдельно каждого интеллигента в продажности. Многие из них искренние и лично честные люди. Но их поведение вытекает из их классового положения. По своему положению они нуждаются в политической свободе; ни в переходе земли к крестьянам, ни в пролетарских требованиях они лично не заинтересованы. И вот им по совести кажется, что первым, самым важным, единственным делом является политическая свобода. У них как бы закрыты глаза на остальное; они до того ослеплены своим классовым положением, что не способны видеть дальше своего носа. Они не понимают даже того, что крестьяне и рабочие будут всецело стоять за

новый строй только тогда, когда этот строй удовлетворит их главнейшие экономические требования.

Тут еще не личное предательство, а только классовая слепота.

Но недаром говорится, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Пролетариату и крестьянству нет дела до того, хорошие или плохие люди вредят их интересам. Им важны самые интересы, а не оценка людей. И поэтому они только тогда достигнут своих целей, когда не будут слепо доверять никаким вождям. Они должны верить только самим себе, — должны надеяться только на свои массовые организации.

Теперь, когда положение буржуазной интеллигенции так резко изменилось, когда завоевана уже вся свобода, в которой интеллигенция нуждалась,—теперь эта интеллигенция в целом неизбежно должна превратиться из силы революционной в силу консервативную. Она уже не будет звать вперед, а будет осаживать назад. Так было во всех странах, будет и в России.

И теперь не на словах только, а на деле, ежедневно и ежечасно, пролетариат должен помнить, что полное освобождение рабочих может быть только делом самих рабочих.

«Спартак», № 2, 19 июня 1917 г.

РАССЛЕДОВАНИЕ НЕОБХОДИМО

В Кирсанове произошло кровавое усмирение. Кого же усмиряли? По словам вчерашней телеграммы правительственного агентства, арестованный Трунин — психически больной, а за его спиной скрывались черносотенцы. А по словам газеты «Утро России», Трунин виноват тем, что, будучи капиталистом, перешел на сторону народа. Обозленные капиталисты оклеветали Трунина, а правительство поверило клеветникам и послало войска для усмирения.

Сообщение газеты «Утро России» уже дало повод «Вечернему курьеру» сравнивать деятелей Временного правительства с Мином, Ренненкампфом и ротмистром Трещенко. Вот какое обвинение брошено в лицо Чернову и Керенскому, Скобелеву и Церетелли!

«Утро России» — буржуазная, подлая, лживая и грязная газета,— судя по тому хотя бы, что она печатает о т. Ленине и о Роберте Гримме. И все-таки ее рассказа о расстреле в Кирсанове нельзя обойти молчанием. Необходимо вывести дело на чистую воду. Если «Утро России»—грязная газета,

то, ведь, и Керенский в последних приказах, как говорится, закусил удила по части репрессий, будто задался целью итти по стопам Плеве, Мина и Трещенко.

Где же правда? Как ее выяснить? Необходимо послать в Кирсаново комиссию из представителей разных партий. Московские Советы рабочих и солдатских депутатов не могут, не смеют пройти мимо этого вопроса. Они должны взять на себя инициативу расследования.

«Известия моск. сов. раб. депут.» поступили не совсем осторожно, приняв на веру рассказ «Утра России». Нужно его проверить на месте. Ибо, если этот рассказ верно передает, что произошло в Кирсанове, то перед нами встает поразительная картина, над которой придется очень серьезно призадуматься.

«Социал-демократ», № 76, 21 июня 1917 г.

МЕЛКИЕ НЕТОЧНОСТИ

Соблазнившись, очевидно, примером буржуазной печати, газета московских меньшевиков стала на путь довольно свободного обращения с фактами. Берем для примера статью только в № 76—редакционную статью (передовицу). В ней три маленьких неточности:

1) Будто т. Луначарский состоит членом Центрального комитета нашей партии. На самом деле он вовсе не состоит в партии.

2) Будто т. Рязанов «выступил на защиту дезертирства».

3) Будто Ленин предлагал арестовать 50—100 капиталистов, чтобы «таким образом добиться от остальных передачи прибыли в руки государства». На самом деле Ленин предлагал арест для расследования темных дел капиталистов, наживающихся на войне.

В № 77, в статье А. Югова, опять находим маленькую неточность. Г. Югов обличает газету «С.-Д.» в противоречии между № 44 и 76; он умалчивает только о том, что в статьях т. М. Ольминского точно указаны новые обстоятельства, ведущие к новой оценке положения.

Таковы новые приемы деятелей газеты «Вперед». Читателям этой газеты следует почаще проверять точность ее сообщений.

«Социал-демократ», № 78, 23 июня 1917 г.

ПРОТИВ ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ

Союз меньшевиков и эсеров имеет такое громадное преобладание на съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, он одержал такую победу на городских выборах в Петербурге, что, по справедливости, может считаться сейчас главной политической силой в стране.

Это уже теперь не партия, поддерживающая правительство, а партия правящая. Если она не проводит в жизнь программы меньшевиков и эсеров, то это не потому, что не может, а потому, что не хочет[1]. Но как же могло случиться, что партии, самоотверженно боровшиеся за свою программу при самодержавии, вдруг отказались от нее (на деле), когда получили возможность проводить эту программу в жизнь?

Причин — две: изменившееся положение и изменившийся состав этих партий.

Когда нужно было бороться против самодержавия, буржуазная интеллигенция искала себе опоры в рабочих и крестьянах; теперь самодержавие свергнуто, для буржуазии открылся полный простор, если не считать опасности слева, со стороны крестьян и рабочих. И у буржуазных интеллигентов, руководителей этих партий, сейчас главная забота — удержать рабочих и крестьян от борьбы против буржуазии.

Что касается состава партий меньшевиков и эсеров, то он резко изменился в силу того, что эти партии стали принимать в свой состав всякого желающего. А так как после революции все стали перекрашиваться в красный цвет, то и в партии меньшевиков и эсеров повалил обыватель, не имеющий ничего общего ни с социализмом, ни с революцией. Этот обыватель до того изменил физиономию партий, что от меньшевиков уже началось бегство старых членов этой партии, оставшихся верными социал-демократам.

У эсеров этого бегства еще нет, но тревога уже чувствуется. Это видно, например, из доклада В. М. Зензинова (моск. газ. «Земля и воля», № 62). «Как сила, быстро растущая, мы должны быть одновременно и силой определенной, — говорит он, — рост нашего влияния в государственной жизни страны возлагает на нас особые обязательства в смысле сохранения нашей программной и организационной определенности». Вопрос о сохранении программной определенности не поднимался бы, если бы не сознавалось, что этой определенности грозит опасность, по сознанию самих эсеров.

Но со стороны, как говорят, вообще виднее; виднее и то, что теперешние меньшевики и эсеры — это уже совсем не то, что было до революции. Изменились старые вожди, но еще больше изменилась масса.

Масса, особенно мелкобуржуазная, по природе своей консервативна. Четыре месяца назад она мирилась с режимом Николая II и умилялась перед Государственной думой, которая никогда не забывала посылать царю верноподданнические телеграммы. Произошла революция, создалось Временное правительство — масса умиляется перед Гучковым и Милюковым; прогнали Гучкова и Милюкова — настала пора умиления перед Керенским, Черновым и Церетелли. Умиление не потому, что эти вожди куда-то ведут или поведут, а потому, что они считаются способными сохранить то, что уже есть.

Мелкобуржуазная обывательская масса почувствовала, что легче стало дышаться после свержения самодержавия. Настала «свобода». Но характерно, что обыватель думает теперь не о расширении, а только о «спасении», о «защите» свободы. И он со злобой говорит о тех, кто не хочет оставаться на полдороге: левых меньшевиков и эсеров он, как и нас, честит одним и тем же ругательным в его глазах словом «большевики».

По той же причине обыватель не хочет обижать крупной хищнической буржуазии, не хочет разрыва с черносотенными царскими генералами; он охотно верит тем и другим, наполняет офицерские кадры многими тысячами бывших жандармов[1] и радуется укреплению дисциплины в армии,— радуется, когда революционные солдаты беспрекословно подчиняются бывшим жандармам, и дает право этим жандармам убивать на месте неповинующихся солдат-революционеров («декларация прав военнослужащего»).

Обыватель, заполонивший партии эсеров и меньшевиков, уверен, по своему консервативному прекраснодушию, что он использует силу буржуазии для революции, и не замечает того, что на самом-то деле буржуазия (и черносотенные генералы) используют силы эсеров и меньшевиков для контрреволюции.

Эсеры и меньшевики, — вся эта мелкобуржуазная, консервативная масса, — сейчас идут с буржуазией против пролетариата, — с контрреволюцией против революции. Понадобилось откровенно-наглое, реакционное выступление Гос. думы, чтобы они, наконец, высказались за уничтожение Гос.

[1] Временное правительство направило жандармов в армию.

думы и Гос. совета, оставляя на своем месте другие органы старой власти; понадобилось такое же наглое выступление ген. Алексеева и Гурко, чтобы их заменили другими, такими же черносотенными генералами.

Мелкобуржуазные обыватели, эсеры и меньшевики идут против пролетариата. Идут, конечно, не с нагайками и не с полицейскими окриками, а с ласковыми речами и с уступками, — от случая к случаю. Но нужно помнить, что они идут с буржуазией против пролетариата не потому, что заинтересованы в буржуазной эксплоатации пролетариата, хотя они по своему положению и воззрениям ближе к буржуазии, чем к пролетариату, хотя они легко подпадают идейному влиянию империализма. Однако, сейчас они идут за буржуазией больше по своему обывательскому консерватизму, из боязни новых потрясений и беспокойств. Этим определяется задача и тактика пролетариата в данный момент революции.

Эта задача заключается не в том, чтобы вырвать власть из рук мелкой буржуазии, заключившей союз с крупной буржуазией, а в том, чтобы разорвать этот вредный, реакционный союз. Нужно заставить мелкую буржуазию итти не с буржуазией против пролетариата, а с пролетариатом против буржуазии.

Этому должна соответствовать и тактика партии пролетариата. Она должна ставить своей целью откалывание от мелкой буржуазии тех рабочих, которые еще плетутся за меньшевиками и эсерами. Она должна неуклонно разоблачать весь вред, приносимый революции и пролетариату министрами из числа бывших социалистов. И все-таки она должна быть направлена не к свержению этих «бывших людей», а к свержению чисто буржуазных министров.

Против эксплоататорской буржуазии борьба на жизнь и смерть; а по отношению к мелкой буржуазии — только предъявление к ней требований и разоблачение ее пагубной тактики соглашения с врагом революции и пролетариата.

«Социал-демократ», № 79, 24 июня 1917 г.

КТО ЖЕ ОХРАННИК?

9 июня мы напечатали приказ командующего войсками Казанского военного округа ген. Мышляевского. Мы спрашивали: что это значит? Мы не хотели верить, что по приказу Керенского возрождаются охранные отделения и ведение списков неблагонадежных в войсках. Возрождение ох-

ранных списков казалось тем более невероятным, что в число неблагонадежных предписано заносить всех, кто не согласен с лозунгом «война до победоносного конца». Ведь в такой список должны бы попасть и теперешние министры, уверяющие, что они отказались от аннексий и контрибуций. Значит, или министры все время лгут, или приказ ген. Мышляевского свидетельствует о черносотенном заговоре против Временного правительства. Мы даже высказали предположение, что весь этот приказ представляет собою злоупотребление именем ген. Мышляевского. Мы сомневались, не подложный ли этот лживый приказ, в котором сказано, будто Временное правительство и даже Петербургский Совет раб. и солд. депутатов постановили довести войну до победного конца, то есть, вести ее без конца.

К сожалению, мы ошиблись, думая, что приказ подложный. Сегодня в газетах появилась телеграмма из Екатеринбурга, в которой сказано:

> «Совет раб. и солд. деп., обсудив телеграмму командующего округом о сообщении ему по приказу Керенского дважды в неделю о положении дел в войсках и о чинах, протестующих против войны до победы, постановил считать этот приказ недопустимым и, как покушение на свободу, объявил его недействительным в Екатеринбурге».

Значит, приказ о восстановлении охранных отделений и списков неблагонадежных действительно был издан ген. Мышляевским. Но мы все же хотели бы думать и верить, что этот лживый, жандармский, реакционный приказ издан без ведома министра Керенского. Керенский должен поспешить с выяснением дела.

«Социал-демократ», № 79, 24 июня 1917 г.

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА О ДЕЗЕРТИРАХ

Как только стало известно, что число дезертиров считается миллионами, мы подумали: не может же быть, чтобы в России, среди честных солдат, вдруг оказались миллионы преступников; ясное дело, что есть какие-то особые причины, толкающие людей к дезертирству. И мы обратились через газету к товарищам солдатам с просьбой выяснить, в чем дело. Скоро мы стали получать много писем в ответ. И первое, что выяснилось, это то, что с фронта, из окопов не дезертируют, а дезертируют тыловые.

Опять встал вопрос: почему же это так? Неужели на фронт раньше отбирали только честных и сознательных, а преступников оставляли в тылу? Но всем известно, что та-

кого отбора не было; и приходится думать, что есть какая-то разница между положением в тылу и в окопах. В чем же разница? Не в том ли, что в окопах жизнь слаще и сытнее, чем в тылу? Опять нет. В окопах в тысячу раз хуже: голод, сырость, жизнь в землянках, болезни, гибель от вражеских снарядов. Так в чем же дело? Почему от лучшей жизни бегут, а от худшей не бегут?

По солдатским письмам выяснилось, что многие тыловые бегут потому, что в казарме безделье; а из окопов не бегут потому, что знают, что в окопах солдаты находятся при деле. Но такой ответ вызывает справедливое негодование и возражение товарищей-солдат, сидящих в окопах.

Вот, например, что пишут разведчики 670 п. п. Ф. Соколов, Д. Холоденко и А. Амчиславский:

«Мы тоже, вспоминая о полевых работах, не можем обойтись без душевного вздоха; но есть люди, которые страдают уже три года в окопах, но все же не оставляют своих постов в виде дезертирства на полевые работы. Прежде чем дезертировать, должны побывать на фронте и сменить своих товарищей, страдающих в сырых окопах три года и несколько раз перенесших ранения... Гражданский долг не удирать «для обработки полей», а записаться с первой маршевой ротой и отправиться на фронт».

М. Ширяев (гренад. сап. п.) спрашивает:

«Почему же дезертиры не делают самовольных отлучек в действующую армию? Здесь есть солдаты, которые за всю войну не были еще в отпуску ни одного раза; из них многие по несколько раз ранены... Вот я и предложил бы делать самовольные отлучки не в деревню, а на позицию, сменить своих товарищей».

Из 168 п. п. письмо без подписи. Пишут:

«Мы сидим в окопах грязные, голодные, холодные; но мы строго стоим на страже свободы, не решаемся делать самовольные отлучки. Если вы считаете жить в казарме бесполезным, то спешите на фронт пополнять наши поредевшие ряды и сменить сидящих в окопах по три года».

Из 166 Ровн. п. И. Карташов пишет:

«Из газет мы знаем, что на позицию отправляются маршевые роты, но мы здесь их не видим. Товарищи! Вы забыли о тех братьях, которые уже 3 года страдают в окопах. У нас нет ни одного дезертира, есть по несколько раз раненые, а дезертируют все тыловые».

В самом деле: почему же маршевые роты не попадают на фронт? Газеты пишут, потому что разбегаются с дороги. А есть слухи, что начальство нарочно привозит в окопы вместо пополнения одни только плакаты, людей же оставляет в ближнем тылу. Может быть это делается кой-где и

нарочно, с целью раздражать фронт против тыла. И такой способ действий достигает цели. Это видно, например, из письма тов. Тихомирова (674 п. п.):

> «До нас доходят слухи, от которых уши вянут. Мы не раз просили пополнить наши редеющие ряды, но пополнения нет, и приходят одни плакаты «война до победы». Уже проходит май, а мы все преем от жары в папахах и фуфайках. Устали физически и нравственно. И в то же время до нас доходят такие слухи, что якобы товарищи на нашу просьбу пополнить — отвечают: «пусть хоть сопреют в окопах, а мы не пойдем; а если хотят кончить войну, то пусть бросают ружья и идут к нам». Но, товарищи, подумайте, правильно ли вы рассуждаете?»

Действительно, уши вянут, когда видишь, как ловко обманывают тов. Тихомирова и других солдат, заброшенных в окопы. На почве этого обмана создается и раздражение против нашей попытки объяснить дезертирство. Например, у.-оф. Гороховский (7 сиб. стр. п.), по случаю письма солдата Бусарова, напечатанного в № 62 «С.-Д.», обрушивается на автора письма с обвинением, будто он защищает дезертирство.

> «Мы ждем, — говорит он, — пополнения, как жаждущий воды; но какое может быть пополнение после ваших ядовитых оправданий дезертирства?»

На самом деле Бусаров не оправдывает дезертирства, а объясняет, что временный отпуск крестьян из тыловых казарм на полевые работы уничтожил бы дезертирство. Конечно, Бусаров ошибается: можно сказать, что не уничтожил бы, а сократил бы. Несомненно, причин дезертирства не одна, а много. Точно также, зло дезертирства сократилось бы очень сильно, если бы солдат не путали в тылу в одну губернию на место другой, а держали бы в своей губернии до самой отправки на фронт.

Чтобы лучше понять раздражение Гороховского против Бусарова, приводим еще выдержку из его письма к Бусарову:

> «Вы пишете, что никакого дезертирства нет: желают солдаты домой, а их не пускают, поэтому они и отлучаются самовольно. И этого вполне достаточно, чтобы оправдать их. Но известно ли вам, что теперь война, война за свободу? Миллионы людей находятся на фронте с первых дней мобилизации; они изнемогают, пережив столько страданий, но они не уходят домой; перераненные и исстрадавшиеся, они защищают свою свободу, купленную такой дорогой ценой, и они защищают ее. Вы этого понять не можете. Очень хорошо сидеть в тылу, пописывать в газетке и говорить жалкие слова, которые действуют на солдатскую массу разлагающе. Но знаете, как мы, окопные жители, измученные, с издерганными нервами, называем такие писательства, как ваше? Мы называем их изменническими и громко, во всеуслышание, говорим это».

Автору этого письма, измученному, с издерганными нервами, естественно потерять хладнокровие и говорить так резко. В уважение к перенесенным им страданиям мы печатаем даже его обвинения против Бусарова в изменнических писаниях: нам это тем легче сделать, что от тех же окопных жителей, с такими же издерганными нервами, мы получаем ежедневно огромное количество приветствий и благодарственных писем за то, что мы не боимся говорить всю правду. И другие окопные жители не понимают нас так, что будто бы мы оправдываем дезертирство, а предлагают тыловым добиваться такого положения, чтобы до отправки на фронт — солдат не загоняли в чужую губернию, а оставляли поближе к своей родине.

Статья и так вышла большая, а потому мы приводим только одно из таких писем, более спокойных, чем письмо унтера-офицера Гороховского. Солдат 301 (или 300 — неразборчиво написано) пехот. зап. полка Д. А. Муравьев из действующей армии пишет:

> «Граждане солдаты! Требуйте скорее, пока не поздно, права служить в своем губ. или уездном городе. Мы тогда поможем нашим старикам, отцам и матерям обработать поля. Нам не надо тогда ждать от родителей письма по 2 месяца; на железных дорогах будет свободнее, и легче подвозить будет на фронт все, что нужно; облегчится и работа почтовых служащих».

В заключение приводим справедливое письмо Н. Карасева с фронта (полк не указан):

> «Товарищи! Вы объясняете, что у вас отцы и матери не могут земли обработать, и вы решаетесь делать самовольную отлучку домой. Товарищи! Надо помнить, что ваших отцов еще много находится на фронте; их нужно заменить. Они уже 3 года страдают».

«Социал-Демократ», № 79, 24 июня 1917 г.

ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Право на демонстрации (уличные процессии) в свободной стране — такое же неотъемлемое право, как и права на свободу слова, собраний, союзов, печати. Всякая общественная группа имеет право проявлять себя в уличной процессии. Протестовать против дезорганизации, в случае разрозненных выступлений, могут только члены той группы, от имени которой выступила ее отдельная часть, но не другие группы. Например, если бы от имени Совета раб. деп. выступил только отдельный район или отдельная партия, то Совет имел бы право говорить о дезорганизации. Но выступление отдельной партии, как партии, от своего собственного имени, не может считаться дезорганизаторским.

Демонстрация является массовым проявлением мнения или настроения и подлежит охране власти от всяких насильственных попыток со стороны групп, несогласных с лозунгами демонстрантов; в то же время власть должна принимать меры к предупреждению всякого насилия со стороны демонстрантов.

В объяснение запрещения демонстрации 10 июня орган меньшевиков и эсеров («изв. П. С. Р. и С.-Д.») заявляет, будто стало известно, что «ряд войсковых частей и рабочие многих предприятий намерены устроить контрдемонстрацию». Такого голословного заявления совершенно недостаточно. Нужны факты. Нужно точно указать, какие именно войсковые части и рабочие, каких именно предприятий грозили контрдемонстрацией. Ведь, если эти части и эти предприятия идут заодно с эсерами и меньшевиками, если они подчиняются Временному правительству, то достаточно было приказа и разъяснения, чтобы предупредить контрдемонстрацию.

Но, как видно, меньшевики и эсеры, вместе с Временным правительством, не надеялись, что эти войсковые части и рабочие подчинятся их авторитету. Надо полагать, что готовили контрдемонстрацию какие-то явно контрреволюционные, буржуазные или монархические войсковые части и рабочие группы. Имеются ли таковые в Питере? Если да, то меньшевики и эсеры не имеют права заниматься укрывательством реакционеров и должны опубликовать точно реакционные части войск и рабочие группы.

«Социал-демократ», № 81, 27 июня 1917 г.

В ПЕТЕРБУРГЕ И МОСКВЕ

В течение десятков лет, с тех пор, как появились в России народники (теперь эсеры) и социал-демократы, считалось бесспорным, что они борются за осуществление полной свободы выражения политических мнений каждым человеком и каждой общественной группой, следовательно, и за свободу демонстраций.

Теперь, ставши правящей партией, меньшевики и социалисты-революционеры в Петербурге изменяют своим старым программам и демократическим идеалам. Они пытаются ввести совершенно новое понимание свобод. Они запретили демонстрацию 10 июня в Петербурге. Почему? Много слов наговорили они в свое оправдание об опасности столкновений, контрреволюции и т. д. Но вслед затем высказали и настоящую причину запрещения.

В «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», как известно, распоряжаются меньшевики и эсеры. Большевики оттуда изгнаны по приказу Церетелли. И вот, в № 89 этого органа правящих партий меньшевиков и социалистов-революционеров находим, так сказать, новую программу этих партий. Там сказано (стр. 6):

> «Совершенная недопустимость такого рода демонстраций была очевидна также и потому, что еще накануне Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, представляющий организованную волю 20 миллионов рабочих и солдат, ясно и категорически заявил о готовности российской демократии поддерживать политику Временного правительства и выразил доверие своим товарищам министрам социалистам».

Так вот в чем дело: если бы демонстрация предполагалась для «поддержки», то она была бы допустима и желательна. Но демонстрация предполагалась для того, чтобы выразить несогласие с меньшевиками и эсерами, и потому она «совершенно недопустима». Это совершенно то же, что было в России всегда: демонстрации с лозунгом «боже, царя храни!» допускались, а другие считались «совершенно недопустимыми».

Петербургские меньшевики ссылаются на 20 миллионов. Но пусть на их стороне будет не 20, а двести миллионов, а несогласных с ними — 20 человек, или даже только 2 человека. Имеют ли право эти двое высказать свое мнение, пройти по улицам со своим плакатом?

На это находим у московских меньшевиков и эсеров, руководящих «Изв. Моск. сов. раб. деп.», ответ, верный старой программе. Здесь читаем:

> «Все это, конечно, в порядке вещей. Можно признавать несвоевременным и опасным в данный момент большевистский призыв. Но само по себе стремление придать своим лозунгам большую авторитетность, призвать к манифестации в их пользу широкие массы, вполне естественно и законно. Ограничивать право манифестаций — не дело революционной демократии. С другой стороны, можно считать слишком резким и слишком поспешно составленным воззвание большинства съезда против манифестаций. Но тревога, которая охватила съезд при мысли о возможных последствиях манифестации и которая продиктовала это воззвание, тоже вполне естественна и понятна. Все это так, но... но не мешает помнить, что рядом стоит еще третий, который радуется нашим раздорам и уже пользуется ими, чтобы кричать: ату его!»

В статьях того же номера московских «Известий» за подписью Н. И. и меньшевика Б. Кибрика, авторы высказываются, конечно, против большевиков. Тем не менее, мы считаем долгом отметить приличный тон этих статей.

«Социал-демократ», № 81, 27 июня 1917 г.

К ЧИТАТЕЛЯМ

№ 69 редактируемой мною газеты «Социал-демократ» без подписи была напечатана моя статья о Всероссийском земском и гор. союзах и Земгоре, статья, в которой сказано [1]:

«Ревизия необходима. Ведь, еще до революции было опубликовано, что союзы применяют к рабочим розги и обсчитывают их. Есть также указания, что в учреждениях и предприятиях союзов царит воровство».

Всероссийский Земский союз привлекает меня по поводу этих слов к суду за клевету. В свое время я представлю суду доказательства, давшие мне основания написать вышеприведенные строки. Но желательно, чтобы фактов было представлено суду возможно большее количество. Всех читателей, могущих подтвердить напечатанное мною, прошу сообщить материалы, а также свое имя и адрес в редакцию газеты «Социал-демократ».

«Социал-демократ», № 81, 27 июня 1917 г.

ПО ЗЛОБЕ

Нет тех самых крепких ругательных слов, которыми меньшевики не сыпали бы против нас из-за предполагавшейся демонстрации 10 июня. И изменники-то мы, и предатели,— вообще все, что только терпит бумага. Особенно отличается по этой части петербургская «Рабочая газета». И этой же газете принадлежит честь изобретения особого порошка против большевизма. Изобретатель — г. Н. Череванин. Он тоже не скупится на крепкие слова против нас и в заключение предлагает следующий план уничтожения большевиков:

> «Необходимо с ними бороться. Но как? Не насильем, конечно. Но и одни слова убеждения недостаточны для борьбы с ними. Нужно бороться делом. Нужно бороться спешным разрешением задач революции. Недаром в своем воззвании, которое призывает к демонстрации, большевики в ярких агитационных словах напирали на голод, разруху, войну. Это их союзники. С их помощью они вызывают смуту и могут добиться ее. И нужно отнять у них этих союзников. Нужно бить по последним со всей энергией, со всей силой, помня, что времени нам революция оставила уже немного. Народ не способен много ждать.
>
> Пусть же наши товарищи-социалисты в министерстве идут вперед революционным шагом, устраняя все препятствия, которые встретятся им на дороге. Все должно быть сделано для того, чтобы преодолеть экономическую разруху и приблизить окончание войны. Все решительные действия их в этом направлении будут поддержаны страной».

[1] См. статью «Опора самодержавия» на стр. 190—191.—Ред.

Превосходный, великолепный план! Нужно убить «союзников большевизма»: голод, разруху, войну. По злобе против большевиков меньшевики готовы теперь бороться и против голода, и против разрухи, и против войны. В добрый час, милые люди! Если вы не вели этой борьбы по доброй воле, то поведете ее, наконец, хоть из ненависти против большевиков. Пора, давно пора!

Из злобы против большевиков меньшевики готовы теперь заняться и «спешным разрешением задач революции». Раньше не спешили и ничего не разрешили. Спешите же теперь, разрешайте хоть из нечависти к нам, но только спешите и разрешайте, и мы скажем: в добрый час!

«Пусть наши товарищи социалисты в министерстве идут вперед революционным шагом», — продолжает Череванин развивать свой план уничтожения большевизма. План верный. Раньше «товарищи социалисты в министерстве» топтались на месте, боясь огорчать буржуазию. Если они, наконец, тронутся вперед, да еще революционным шагом, то, конечно, большевизм будет уничтожен, как противник меньшевизма, потому что сами меньшевики превратятся в большевиков.

Остается пожелать, чтобы и социалисты-революционеры приняли убийственный для нас план Череванина: пусть и они, хоть из ненависти к нам, начнут, наконец, спешно разрешать задачи революции, бороться энергично против голода, разрухи и войны; пусть и они пойдут, наконец, вперед революционным шагом. Такому способу борьбы против нас мы будем только радоваться.

Но вот вопрос: как сможет сделать все это «правящая партия», не огорчая буржуазии и не заключая союза с пролетариатом против буржуазии, вместо теперешнего союза с буржуазией против пролетариата?

«Социал-демократ», № 82, 28 июня 1917 г.

ПРЕДВЫБОРНАЯ ЛОЖЬ

Гражданам России впервые приходится участвовать в широких выборах. И они должны знакомиться с теми гнусными приемами предвыборной борьбы, которыми буржуазия околпачивает население и получает большинство голосов даже при всеобщем избирательном праве. Одним из таких приемов является предвыборная ложь. Измышляются всякие небылицы против пролетарской партии. Потом обнаружится, что это — небылицы, но дело уже сделано; избирателя удалось оглушить, и он уже подал голос за буржуазного кандидата.

У нас в Москве первый яркий случай такого оглушения находим в газете «Власть народа», именующей себя «социалистической». За кого голосовать? — ставит вопрос газета и отвечает: за социалистов, вплоть до «Единства», но только не за большевиков. Потому, что большевики, дескать, не социалисты. Как так? А они, видите ли, поставили себя вне социалистов, потому, что

> «когда они увидели, что на всероссийском съезде они насчитывают едва 100 сторонников против 600 представителей объединенной революционной демократии, они осмелились звать к вооруженному восстанию, чтобы попытаться грубой силой навязать России свои легкомысленно-преступные замыслы».

Вы знаете, читатель, как травят большевиков за призыв к демонстрации 10 июня. Но еще никто, кажется, не обвинял наших питерских товарищей в призыве к вооруженному восстанию. Рассказ об этом призыве — обычная предвыборная ложь.

Напомним кстати, что было напечатано в нашей газете всего неделю назад, — 8 июня. В статье «Правящая партия» черным по белому напечатано о силе меньшевиков и социалистов-революционеров:

> «Это — не сила самодержавия, державшаяся только на полицейском гнете; это — сила, основанная на доверии к эсерам и меньшевикам со стороны огромного большинства населения. Против такой силы всякое восстание вооруженной рукой будет бессмыслицей»...

Кажется, сказано яснее ясного. И теперь вы видите, товарищи читатели, как путем самой явной лжи борются против нас наши почтенные противники даже из лагеря, именующего себя «социалистическим».

«Социал-демократ», № 82, 28 июня 1917 г.

КИРСАНОВ И ЦАРИЦЫН

Буржуазная газета «Утро России» послала в Кирсанов собственного корреспондента, который расписал дело так, будто Трунин и его сторонники были демократы. Другие газеты подхватили эту ложь. Московский Совет раб. деп. послал в Кирсанов делегатов для расследования. Оказалось, что за спиной Трунина стояли черносотенцы.

«Утро России» старалось представить черносотенцев революционерами, чтобы вызвать вражду против революционных органов власти. Помните всегда, читатели: буржуазные газеты постоянно лгут и обманывают, даже тогда, когда

пишут с самым правдивым видом. Не верьте буржуазным газетам.

Теперь то же «Утро России» натравливает изо дня в день читателей против солдат и рабочих г. Царицына. Сколько кричали об убийстве там Бояринцева, сколько еще и теперь кричат об анархии и большевиках! А если хотите знать правду о Царицыне, то прочтите, что рассказано о нем в саратовской газете «Социал-демократ». (Царицын [1] — город Сарат. губ.).

В начале мая местная меньшевистская группа с.-д. откололась от общей организации РСДРП, находя невозможной совместную работу после общего собрания, на котором большинством голосов в редакционную комиссию по изданию газеты были выбраны большевики.

Как и во многих других местах, в Царицыне наша партия подвергается травле со стороны буржуазных и обывательских кругов. Травля усилилась со дня убийства Бояринцева; убийство это произошло на улице, прилегающей к площади, где происходил митинг с.-д. большевиков, узнавших об этом лишь после митинга. По поводу убийства наш комитет обратился к рабочим, солдатам и ко всем труженикам с воззванием, в котором между прочим говорится:

> «Невероятно тяжелый приговор! Чудовищно поспешный суд. А ведь его (Бояринцева) можно было переубедить. Его можно было заставить устыдиться своих угроз. Он оскорблял знамя, под которое он сам должен был стать, как пролетарий. Но, ведь, это сегодня, а завтра, может быть, он стал бы нашим горячим приверженцем, как это случилось со многими.
>
> Один слепец не знал, где его друзья. А другие, тоже слепцы, мгновенно осудили и жестоко наказали своего же слепого брата. И забыли, что весь класс угнетателей и их приверженцы только порадуются этому глубокому несчастью в нашей трудовой семье.
>
> Самосудом не преминули воспользоваться враги и противники нашей партии. Говорили, писали, обвиняли, клеветали против революционных солдат и рабочих, требовали вывода из города гарнизона и т. д.».

В руках буржуазии имеется опасное, отравленное ядом оружие против пролетирата. Это—тысячи буржуазных газет. Они без конца клевещут и обманывают. В них почти ничему нельзя верить. Читайте только социалистические газеты!

«Социал-демократ», № 82, 28 июня 1917 г.

---

[1] Ныне Сталинград.

ВИНОВАТЫ БОЛЬШЕВИКИ

Большевики досадили всем хорошим людям так, что жить стало невтерпеж! В № 82 нашей газеты было рассказано в статье М. Ольминского, как по злобе против большевиков меньшевики готовы даже начать борьбу против голода, разрухи и войны; как из ненависти к нам они предлагают даже «заняться спешным разрешением задач революции» и «итти вперед революционным шагом».

Сегодня Временное правительство опубликовало сроком созыва Учредительного собрания 30 сентября. Несколько месяцев затягивали этот вопрос и вдруг решили. Почему? В враждебной нам газете «Власть народа» напечатано объяснение:

> «Как передают, Временное правительство опубликовало заблаговременно постановление о сроке созыва Учредительного собрания в виду того, что большевики предполагали выступить с обвинениями по адресу Временного правительства, что оно умышленно затягивает созыв Учредительного собрания».

Вот какие противные эти большевики! Из злости против них даже прекрасное Временное правительство побеспокоилось и решило заранее объявить о сроке созыва Учредительного собрания! Как же после этого не ругать большевиков?

«Социал-демократ», № 84, 30 июня 1917 г.

К ТОВАРИЩАМ РАБОЧИМ И СОЛДАТАМ (МЕНЬШЕВИКАМ И СОЦИАЛ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ)

Товарищи рабочие и солдаты! Вы принадлежите к партиям с.-д. меньшевиков или социалистов-революционеров. Вы сжились с своей партией, полюбили ее и считаете каждый свою партию самой правильной. Но вы знаете также, что есть много рабочих и солдат, которые состоят в партии с.-д. большевиков. И у вас сейчас вражда к нам. Не станем скрывать правды: и у нас, у большевиков, есть вражда к меньшевикам и социалистам-революционерам. И все-таки все мы вместе работаем в Совете рабочих и солдатских депутатов. Все мы еще более враждебны к буржуазии, чем друг другу; а вся буржуазия очень враждебна к Советам депутатов.

Есть значит, у нас с вами общее дело, общая борьба против буржуазии. Для такой борьбы нам нужна большая сила; но сила наша ослабляется нашей враждой, и через нее буржуазия крепнет. Надвигается контрреволюция. Наша

вражда между собой может увеличиться или уменьшиться — тут многое зависит от нас самих, от нашей воли.

Сейчас главное несогласие у нас в том, кому должна принадлежать вся политическая власть в России. Вы считаете, что власть должна принадлежать и Советам и буржуазии; а мы считаем, что только одним Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Конечно, и вы сами, и ваши вожди, все вы не можете не признать, что для крестьян, рабочих и солдат было бы лучше и полезнее если бы в правительстве не сидели помещики и капиталисты. Все вы согласны с нами, что правительство Советов депутатов больше могло бы сделать для народа, чем теперешнее Временное правительство, в котором больше половины помещиков и капиталистов. Наше несогласие не в этом, а в другом.

Вы считаете, что у Советов депутатов недостаточно силы, чтобы пойти открыто против помещиков и капиталистов. А мы говорим, что этой силы вполне достаточно, что против воли Советов буржуазия и помещики бессильны. Вот в чем главное разногласие сейчас. Это действительно очень большое разногласие, потому что от него происходят и разногласия по другим главным вопросам.

Возьмите вопрос о войне. Вы знаете, что от войны буржуазия не страдает, а наживается. Она окопалась в тылу, не рискует своей жизнью, не несет солдатской тяготы и занята только тем, что считает барыши. Ясно, что буржуазия никогда добровольно не согласится кончить войну. Ее может кончить народ, только разорвавши с буржуазией, только взявши всю власть в свои руки. А пока вы идете заодно с буржуазией во Временном правительстве, до тех пор буржуазия будет только морочить вас и ваших министров всякими обманными обещаниями и пустыми отговорками.

То же и с вопросом о контрреволюции. Вы видите и знаете, что буржуазия озлоблена на рабочих и солдат за то, что они улучшили свое положение; озлоблена на крестьян за то, что они хотят отобрать всю помещичью землю. Буржуазия уже враждебна революции, она хотела бы повернуть дело назад. Она агитирует против Советов и тайно подкапывается под них. Как же возможно бороться против контрреволюции, не разорвавши с буржуазией?

То же и в вопросе продовольственном, в вопросе о дороговизне, о доходах и расходах казны—нигде ничего серьезного нельзя сделать, если не итти против буржуазии до конца решительно, если не взять Советам депутатов всю власть в свои руки.

Посмотрите: ваши товарищи уже больше месяца, как вошли в буржуазное правительство. Они хотели бы сделать что-нибудь. А что они сделали? Ничего серьезного ни для рабочих, ни для крестьян. А солдатам стало ли от них лучше? Они ничего не могли сделать только потому, что решили итти рука об руку с буржуазией.

Но нельзя сразу итти и с буржуазией и с пролетариатом. Между буржуазией и пролетариатом ни на минуту не прекращается жестокая война. Идя заодно с буржуазией, неизбежно приходится итти против пролетариата; а идя заодно с помещиками, приходится итти против крестьян,—например, откладывать на долгое время переход земли в руки крестьян.

Естественно, что вы и ваши вожди, ваши министры начинают уже терять доверие народа. Вы печалитесь, что большевизм растет. Что это означает? Это означает, что растет недоверие рабочих и крестьян к вашей политике соглашения с буржуазией. Чем теснее вы будете итти заодно с буржуазией, тем больше будет расти против вас недовольство рабочих, солдат и бедных крестьян. Так что вам придется выбирать, в конце концов, одно из двух: или итти с буржуазией и с помещиками открыто против своих же братьев-рабочих, крестьян и солдат, или же пойти с солдатами, крестьянами и рабочими против буржуазии.

Теперь вы стоите на самом верху своей силы. Это показали и выборы в Петрограде, и Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Если вы теперь возьмете всю власть в свои руки, вы сможете многое сделать, вы еще более усилитесь и окрепнете. Будет совсем сломлена контрреволюция. Вы усилитесь еще и потому, что мы, большевики будем заодно с вами.

Если же вы будете по-старому итти в дружбе с буржуазией, то сила ваша будет слабнуть. Всеобщее недовольство будет расти. Усилимся мы, большевики, но усилится и контрреволюция. И тогда неизбежной может стать кровавая гражданская война между революционными и контрреволюционными силами. И чем эта война окончится, нельзя знать заранее.

На вас, товарищи, в наше тяжелое и грозное время лежит огромная ответственность. Именно от вас зависит, в какую сторону пойдут дела России,—к лучшему или к худшему. Мы предлагаем вам серьезно обсудить вопрос между собой. Мы знаем, что среди вас есть немало людей, которых не радует союз с буржуазией, не радует союз, который все более превращается в союз против рабочих, против солдат и против крестьян.

У многих из вас накипело сейчас в сердце против большевиков. Но вспомните, что у вас накипело многими годами против буржуазии и против помещиков, и тогда уже решайте. Пусть вам совесть ваша и ваше классовое сознание подскажет, с кем и против кого вы должны теперь итти.

«Социал-демократ», № 84, 30 июня 1917 г.

ПОЛИТИКА МЕДЛИТЕЛЬНОСТИ

В московской газете «Земля и воля» находим следующую оценку поведения министра Скобелева:

> «Революционная власть предъявляет к промышленности ряд требований. Промышленники уклоняются от выполнения долга перед родиной. Они объявили итальянскую забастовку; они бойкотируют революционную власть. И министры-социалисты знают и учитывают это.
>
> Тов. Скобелев этот факт смягчил до полного его отрицания. Он нашел в русской действительности только отдельные случаи уклонения фабрикантов от своего дела и не сделал из этих отдельных случаев никакого общего вывода. Локаутов, как массового явления, не существует. Это досужая выдумка рабочих.
>
> Мы, социалисты-революционеры, привыкли слышать по этому вопросу от министров-социалистов другое. Наш представитель в министерстве В. М. Чернов определенно говорил на партийном съезде и о забастовке промышленников, и о грозящем локауте,— и мы не имеем оснований не доверять его оценке событий. Мы не верим в возможность путем словесных убеждений сделать из промышленников граждан.
>
> Этой цели речи Скобелева, как бы кротко они ни звучали, не достигнут. Здесь они бесполезны. И они определенно вредны в другом отношении. Политика нерешительности и медлительности в вопросах обуздания аппетитов промышленников вызывает справедливое недовольство рабочего класса. Рабочие упрекают правительство в бездействии власти; их доверие к нему подрывается. Они перестают считать социалистических министров своими представителями и переходят в оппозицию — к большевикам».

Все это верно. Мы тоже не верим, что можно, путем словесных убеждений, «сделать из промышленников граждан». Но для несловесного воздействия необходимо, прежде всего, разорвать соглашение с ними во Временном правительстве.

А эсеры этого не хотят. Кроме того, ведь помещики не лучше промышленников. И в аграрном вопросе «политика нерешительности и медлительности» вызывает «справедливое недовольство» крестьян и солдат. Почему же министр Чернов выступает против немедленного перехода помещичьих земель во временное распоряжение крестьянских организаций, впредь до окончательного решения вопроса Учредительным собранием? Очевидно потому, что не хочет разорвать с помещиками из Временного правительства.

Только переход всей власти к Советам депутатов может уничтожить медлительность и нерешительность Скобелевых и Черновых.

«Социал-демократ», № 88, 5 июля 1917 г.

НАСТУПЛЕНИЕ И БИРЖА

На бирже продаются акции (паи) промышленных предприятий и процентные бумаги. Все большие политические события сейчас же учитываются биржей: после событий, выгодных капиталистам, цена на все бумаги повышается. А если события невыгодны или опасны, то цена понижается. После революции все цены на бирже резко понизились. Еще больше они понизились после демонстрации 20 апреля, когда пришлось уйти Милюкову и Гучкову. В Париже после 20 апреля биржевые деятели говорили раздраженным голосом, что цену русских бумаг делают русские рабочие.

Биржевые цены стояли низко вплоть до 19 июня, когда стало известно в Москве о наступлении. А 19 июня, как сообщается в газете «Коммерческий телеграф», «биржевое собрание по своему оживлению, по своим оборотам напоминало лучшие биржевые дни».

Все цены на бумаги поскакали вверх. Особенно поднялись металлургические акции: Шуваловские, Мальцевские, Богословские, Коломенские, Сормовские, Никополь-Мариупольские, Парвиайнен, Брянские, Барановские, Путиловские и другие. Усилился спрос и на «заем свободы».

Капиталисты правильно поняли, что наступление им выгодно. В их лагере началось оживление и ликование. Ликуют и все буржуазные газеты: на их улице праздник. Ликуют ли солдаты и их семьи? Ликуют ли рабочие и крестьяне?

«Социал-демократ», № 88, 5 июля 1917 г.

КАК ВОССТАНАВЛИВАЮТ САМОДЕРЖАВИЕ

День 18 июня останется памятным надолго. В этот день ясно обнаружилось, что в Петербурге и в Москве Временное правительство уже потеряло доверие революционеров,—солдат и рабочих. Но в этот же день возобновились военные действия, принесшие огромную радость реакционной буржуазии. И в этот же день, в далеком Китае, реакционеры праздновали свою полную победу,—уничтожение республики и восстановление монархии.

Как это случилось в Китае? В милюковской газете «Речь» об этом имеется рассказ, очень поучительный и для России. Этот рассказ—прямое указание для буржуазии, как надо действовать, а для демократии,—чего нельзя делать.

По рассказу «Речи», пока среди китайских республиканцев шел разлад, монархисты тайком сорганизовались. Под их давлением президент призвал в министры монархиста Дуанцижуя и оставил на своих местах командующих войсками, ставленников монархической партии. Президент рассчитывал постепенно укрепить позиции республиканцев. Вместо этого подняли голову монархисты. Когда же республиканцы спохватились, было уже поздно. Они отставили от должности Дуанцижуя, но в столицу поспешили съехаться с войсками командиры-монархисты. Республиканцам пришлось бежать из города. Президент оказался в плену. Провозглашена монархия.

Как видит читатель, положение в Китае было очень сходно с тем, что сейчас имеется у нас в России. У нас в министерстве не один, а несколько монархистов, в том числе даже и глава правительства—кн. Львов. А в армии все высшие командиры—монархисты. Осталась на своих местах и огромная куча старых, черносотенных чиновников. Но пока что, солдаты не доверяют своим командирам, и дисциплина не восстановлена.

Конечно, без дисциплины нельзя. Но для ее восстановления есть только одно правильное средство: смена всех начальников-монархистов и выбор всех офицеров самими солдатами. Однако, не по этому пути пошли Керенский и все другие министры. Они хотят восстановить полное повиновение солдат командирам-монархистам. Отчасти для этого они и возобновили военные действия. Если их план будет доведен до конца, то в России неизбежно произойдет то, что произошло в Китае: командиры-монархисты поведут покорные им войска против республики и против республиканцев. Керенский, Чернов, Церетелли, Скобелев окажутся в плену, а еще вернее—на виселице. Поведение монархистов после 1905 года показало, что они не постесняются казнить десятки и сотни тысяч рабочих, солдат и вообще революционеров. И на троне вновь воссядет помазанник поповский.

Роковую ошибку делают меньшевики и социалисты-революционеры, оставляя у власти монархистов и буржуазию: они надеются использовать монархистов для революции. Но Китай ясно показал, к чему ведет это использование. Спохватятся, когда поздно будет.

Причиной победы монархистов в Китае был еще и разлад среди республиканцев. Из-за чего разлад? Догадаться не трудно. Наверное, там были люди (как у нас большевики), которые предупреждали об опасности, которые требовали отставки всех монархистов от командования и от высших должностей. И, наверное, против них агитировали те республиканцы, которые допускали к власти монархистов. Кто же из них оказался теперь прав?

«Социал-демократ», № 90, 7 июля 1917 г.

ВЫБОРЫ В МОСКВЕ

Опубликованы предварительные результаты выборов 25 июня. Подавляющая масса избирателей высказалась за социалистов-революционеров. Эта партия вместе с меньшевиками (они теперь идут заодно, хотя и выступали отдельно на выборах) получила около 70 процентов всех голосов. Кадеты получили около 17%, а интернационалисты с.-д. около 11%.

Выборы в Москве подтвердили то, что нам уже приходилось говорить о результатах выборов в Петербурге, и о составе Всероссийского Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов: именно, что союз эсеров и меньшевиков представляет собою сейчас громадное, подавляющее большинство населения в России,—что этот союз является, по своей силе, правящей партией.

Чисто буржуазная кадетская партия, по численности идущего за нею населения, представляет собою величину сравнительно незначительную. Но буржуазия сильна своим влиянием, своими капиталами. В наихудшем положении находится партия революционного пролетариата — интернационалисты: она собрала меньше голосов, чем кадетская партия, и не обладает капиталами, которые усиливают влияние буржуазии.

Чтобы оценить силу и влияние буржуазии, недостаточно, однако, брать только число голосов, поданных за чисто буржуазные партии. К буржуазии без всяких оговорок можно прибавить по Москве и партию «народных социалистов», замечательную только тем, что у нее нет ни народа, ни социализма. Но, главное, вопрос о буржуазном влиянии на социалистов-революционеров и меньшевиков все настойчивее ставится на очередь. Эти две партии — уже далеко не то,

чем они были во времена борьбы против самодержавия. Изменился их состав, изменилось настроение, изменилась тактика, а старые программы (во многом, действительно, устарелые) превращаются все более в привесок к парадному костюму.

Идет быстрое внутреннее преобразование этих партий в сторону сближения с буржуазией. Это сказывается и в совместной, дружной работе с буржуазным большинством Временного правительства, и в голосовании полного доверия этому правительству на Всероссийском Съезде Советов. И, наконец, это сближение уже дало себя почувствовать на первых же заседаниях новой Петербургской городской думы, где тоже преобладают меньшевики и социалисты-революционеры.

Таким образом, если судить только по названию, всюду побеждают на выборах «социалистические» партии. На деле же, скажем прямо, никакой победы социализма нет. Имеется же победа мелкой буржуазии, не решающейся разорвать с кругами крупнейшего капитала, идущей на поводу у капитала. Выясняется на деле то, что всегда было ясно теоретически: победа социализма возможна только, как результат длительной, упорной (организованной, классовой) подготовки и борьбы.

Несомненно, что в такие катастрофические периоды истории, какой переживается нами (мировая война и т. д.), подготовка будет итти неизмеримо быстрее, чем в эпоху мирного, эволюционного хода истории. Тем не менее факт остается фактом: победа социализма — еще дело будущего, а не вопрос завтрашнего дня. Это нужно помнить всем партийным работникам. Нам предстоит еще очень и очень большая черная работа. Обратите внимание хотя бы на то, что по Москве значительный процент рабочих голосовал за социалистов-революционеров и меньшевиков. То-есть, значительный процент пролетариата идет за партиями, которые в свою очередь идут с буржуазией. Ясно, что под буржуазным влиянием находится еще значительный процент пролетариата.

Это—пока еще естественно, неизбежно. Но именно против этого явления и должны быть направлены главные усилия нашей организации. На очереди — непочатый край просветительной и организационной черной работы.

«Социал-демократ», № 93, 11 июля 1917 г.

СТАРЫЕ СРЕДСТВА

Величайшая в истории подлость,—теперешняя всемирная война,—не могла явиться из ничего; она не могла стоять одиноко. Чтобы могла разразиться и затянуться такая война, необходимо было проникновение подлости во все сферы жизни, где распоряжаются капиталисты. Одной из таких сфер является устное и печатное слово. Давно уже капитал взял его к себе на откуп. Особенно это нужно сказать о газете, которая требует больших затрат и сама является капиталистическим предприятием.

Газеты подготовляли войну. Но с особенной силой сказалось влияние капитала, когда война уже разразилась. Читатель был до того оглушен потоком крикливой газетной лжи, что ополоумел и стал верить.

Революция отчасти раскрыла глаза русскому народу на истинную причину и характер войны. И теперь уместно напомнить читателю о том, какими лозунгами лживая буржуазия прикрывала свою погоню за военными барышами. Первым лозунгом была, конечно, «защита отечества»: никто не нападал, а все только защищались. Этой «защитой» морочила головы народа буржуазия Германии и Австрии наравне с буржуазией России, Англии и Франции.

Затем сочли нужным выдвинуть все остальные лозунги, которыми можно привлечь малосознательную демократию: тут и уничтожение милитаризма, и прочный мир, и свобода малых народностей, и чего-чего не было. Чуть ли не всякий лозунг, приятный для демократии, был выставляем во всех странах, как цель войны. А когда почувствовалось утомление войною, тогда для усиления бойни во имя барышей капиталистов всюду был выдвинут лозунг «скорейшее окончание войны» или «война, как путь к скорейшему миру».

Революция раскрыла глаза русской армии на предательское пользование всеми этими лозунгами, на провокаторскую роль буржуазной печати. Тогда сочли нужным прибегнуть к новому провокаторскому приему и объявили лозунгом войны спасение революции. Генералы и газетчики, вчера еще призывавшие к продолжению войны во имя спасения трона, сегодня зовут спасать революцию. Вчера—портреты Николая II, а сегодня—портреты Керенского. Вчера—по слову «помазанника» поповского, а сегодня—по слову «социалистов». Вчера царские знамена, а сегодня — красные знамена революции. А цель одна: затянуть войну ради барышей буржуазии.

Любопытен в этом отношении последний приказ ген. Корнилова, вчерашнего царского генерала, пытавшегося в Пе-

тербурге двинуть войска против народа в защиту Милюкова и Гучкова. Теперь этот царский генерал и неудавшийся усмиритель—обращается к солдатам с уверением, что «на концах ваших штыков—свобода», что «в ваших руках окончание войны», что, убивая чужих крестьян и рабочих, наши солдаты несут «свободу народам и счастье и право всем трудящимся». Оказывается, если верить царскому генералу, что «передовыми борцами революции народной» являются в России не те, кто боролся против старого строя, далеко еще не разрушенного, а те несчастные, подневольные люди, которых гонят на гибель за барыши капиталистов.

Корниловы и Керенские в своем обмане народа идут по пути, проложенному Николаем II и Сухомлиновым.

«Социал-демократ», № 94, 12 июля 1917 г.

И НАШИМ И ВАШИМ

Меньшевики и социалисты революционеры, ставши правящей партией, все больше скатываются к союзу с буржуазией против рабочих. Ярким показателем этого является их отношение к растущей безработице на почве локаутов, предпринимаемых капиталистами. Характерной в этом отношении является редакционная статья в № 100 «Известий Совета рабочих и солдатских депутатов» в Петербурге: «К вопросу о закрытии заводов». Это—газета, являющаяся органом рабочих депутатов, издающаяся на рабочие деньги, но руководимая меньшевиками и эсерами. Как же относится она к надвигающемуся локауту?

Прежде всего, на место слова «локаут» подставляется слово «кризис». Цель понятна: кризис не зависит от воли капиталистов, как локаут. И замена «локаута» «кризисом» сразу же обеляет капиталистов. Но, ведь, кризиса-то еще нет! И газета, издающаяся на рабочие средства, изворачивается: действительно, дескать, кризис еще впереди, а сейчас только—«явления чрезвычайно тревожного характера».

Далее статья обрушивается на буржуазию, обвиняющую рабочих в гибели промышленности; она вспоминает, как когда-то капиталисты якшались с охранкой, чтобы подавить рабочих. Но вся речь против буржуазии направлена лишь для того, чтобы обвинить и рабочих в том самом, в чем повинна буржуазия. Среди рабочих «слишком часто наблюдаются те же чрезвычайно упрощенные настроения, взятые лишь с другого конца».

Пусть правда, что рабочие иногда ошибаются. Но до чего должны были дойти руководители «Известий», меньшеви-

ки и эсеры, чтобы поставить рабочих на одну доску с хозяевами, которые «в выборе рода оружия» против рабочих ограничивались «полицейским участком и жандармским управлением».

Газета зовет к «деловому выяснению действительных причин закрытия предприятий»,но не рабочими, а правительственной, то есть буржуазной, комиссией, в которую для приличия лишь приглашаются представители рабочих и профессиональных союзов. Смилостивившись немного над рабочими, допустив их представительство, меньшевики и эсеры уже окончательно распоясываются и переходят в наступление против рабочих. Лицемерно отвергнув «вопрос о чьей-либо виновности», они обрушиваются тотчас же с обвинениями. Они обвиняют рабочих в «неорганизованных выступлениях», в «понижении производительности» и, наконец, распаляются до того, что рядом с «неорганизованными выступлениями» и «понижением производительности» ставят «отсутствие сырья», созданное «прежде всего, конечно, не предпринимателями, а нашим печальным прошлым и войной». Как видно, автор до того распалился, что и отсутствие сырья хотел было поставить в вину рабочим, но спохватился и нашел достаточным в этом деле не винить рабочих, а только обелить буржуазию.

А в заключение статьи вновь говорится о борьбе с «надвигающимся кризисом» и, наконец, в самой последней фразе, избегая слова «локаут», автор осторожнее упоминает мельком о переходе,— в будущем,— предпринимателей в решительное наступление.

В борьбе пролетариата и буржуазии невозможно стоять посрединке, в роли миротворцев, как пытались раньше стоять меньшевики и эсеры: и они все больше скатываются к позиции: с буржуазией против пролетариата!

«Социал-демократ», № 95, 13 июля 1917 г.

РАДУЙТЕСЬ!.

Сегодня под заголовком «Расправа с большевиком» напечатано следующее сообщение из Вологды:

> 25 июня с. г., в 5 ч. дня, в г. Вологде на вокзале был задержан прилично одетый господин лет 40, так как он, по словам солдат, находясь с утра на вокзале, призывал не признавать Временное Правительство, не подчиняться приказам Керенского, а лишь признавать Сов. Раб. и Солд. Деп. Солдаты, принимая его за шпиона, хотя он отлично и вполне чисто говорил по-русски, отвели его в железнодорожную милицию. Так как милиция, по сведениям, полученным мной от старшего милиционера, несшего дежурство по вокзалу, недавно лишь сформирована и не имеет

почти никаких инструкций, то, по моему предложению, дано было знать в ближайший комиссариат и в бюро по контр-разведке.

Задержанный лично мне заявил, что он — большевик и принадлежит к фракции, о чем у него есть удостоверение. Бумаг его никто не успел спросить. Были осмотрены еще вещи, и в одной корзине было полно всевозможных слесарных инструментов. Задержанный заявил, что по профессии он слесарь. И тотчас же появилась версия, что он ехал с целью устроить крушение по Архангельской ветви Северных ж. д. В это время на перроне собралась толпа солдат, около 200 человек. Бывший при этом подпоручик генерального штаба объяснял, что если, мол, его и посадят в тюрьму, то завтра же выпустят, а было бы гораздо справедливей судить его судом народным. Не успел он окончить говорить, как толпа ринулась в помещение милиции, где в это время был лишь один миллиционер, и, вытащив арестованного на перрон, стала бить кулаками, а затем топтать сапогами. На штатских, пытавшихся увещевать озверевшую толпу, последняя буквально рычала. Через несколько минут задержанный был мертв, с вывернутыми руками и вывалившимися внутренностями. В это время почти одновременно отошли поезда на Петроград и Москву, и перрон опустел.

Мы не знаем, был ли убитый большевиком или нет. Важно, что его убили, именно как большевика. Это—очевидный и яркий результат той травли, которую ведут против нас все партии от черной сотни до меньшевиков и эсеров.

Конечно, никакая травля, никакие убийства не заставят нас сойти с того пути, который мы считаем единственно правильным. Гибли при Николае II и Столыпине, сумеем бестрепетно погибнуть при Керенском и Церетелли. Ведь случай в Вологде ничуть не страшнее, чем случай с Генкиной убитой черносотенцами в 1905 году в Иванове-вознесенске.

Но любопытно отношение к этому убийству со стороны буржуазной печати. Представьте себе только, что это не большевик, а, например, Е. Кускова или Прокопович, или Осоргин, в силу дикости толпы, оказался бы «мертвым с вывернутыми руками и вывалившимися внутренностями». Был ли бы тогда этот случай описан под заголовком «расправа с Кусковой». Какая-то садистская, сладострастная кровожадность чувствуется в этом заголовке.

Радуйтесь, Осоргины и Левицкие, Милюковы и Даны, «Русское слово» и «Рабочая газета»: вологодское позорное дело—это и ваших рук дело!

«Социал-демократ», № 95, 13 июля 1917 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАСТУПЛЕНИЯ

Всем известно, что наступление в Галиции имеет целью не столько разбить австрийскую и германскую армию, сколько—разбить русскую революцию. Не даром все враги революции, вся буржуазия предались самому необузданному ликованию при вести о наступлении. Меньшевики и социалисты-революционеры всецело поддержали политику своего правительства, политику наступления против революции под видом наступления против австрийцев. И результат уже начинает получаться. До сих пор Советы рабочих и солдатских депутатов были неприкосновенны. А теперь телеграф уже принес известие об аресте Совета солдатских депутатов в Пензе , для отсылки их на фронт. За пензенским Советом та же участь готовится и другим Советам (в частности московскому —об организации военно-буржуазного заговора против него уже поступило сведение в нашу редакцию).

Чем объяснить поворот в отношении солдат к своим Советам? Из писем с фронта, поступающих в нашу редакцию, видно, что солдаты в окопах не верили, чтобы Советы были за наступление: на фронте надеялись, что Советы защитят. А когда оказалось, что во многих Советах эсеровское и меньшевистское большинство стоит за наступление, тогда солдаты на фронте и посылаемые на фронт увидели, что они обманулись в своих защитниках.

Чтобы понять душевное состояние солдат на фронте, приведем выдержку из воззвания, изданного «Военным союзом личного примера», а затем — письмо с фронта, при котором прислано это воззвание.

Под воззванием подпись 14 офицеров «военного комитета» и 9 лиц «группы гражданского содействия». Интересен состав этой группы. В ней и М. Родзянко, и Леонид Андреев, продавшийся банковской газете «Русская воля», основанной царским министром Протопоповым, и Гр. Алексинский, и далее: Г. Плеханов, Л. Дейч, В. Засулич, Н. Иорданский, Г. Лопатин и Н. Морозов. Небольшая, но теплая компания господ, идущих на поводу у М. Родзянки!

Воззвание начинается обращением к солдатам. «Что ответите вы детям вашим, когда они спросят вас:—«Отец! Где ты был, когда немцы порабощали Россию?». Затем говорится:

> «Бросим споры!.. Всех, кто не хочет быть рабом, кто не боится умереть за свободную родину, всех солдат и офицеров, целые полки призываем мы возложить на себя суровый подвиг дисциплины, пойти на врага и победить. Граждане! Послушайте голоса

совести своей! Ваши выборные, Советы Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов — вся Россия зовет вас! Спасите родину! Победите врага! Ведь гибнет свободная Россия!»

«Союз личного примера» немножко приврал,—вероятно, для «примера»: не все Советы Депутатов одобряли наступление, а только те, в которых большинство составляют эсеры и меньшевики. Но указание на такие Советы, где в большинстве эсеры и меньшевики, совершенно правильно: эти Советы согласны с Родзянкой, Леонидом Андреевым и Гр. Алексинским и ведут одну с ними политику наступления.

Как же отнеслись к «Союзу личного примера» солдаты в окопах? Ответом является то письмо, при котором прислано нам воззвание. В письме сказано:

«Прочитавши приложенное при сем воззвание «Военного союза личного примера», мы, солдаты 5-й батареи 12-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, обсудив его совместно, хотели бы помириться с ним. Но когда увидели, что это воззвание с Фонтанки 52, то с презрением и скорбью в душе решили протестовать в виду того, что оно писано где-то в тылу, в хорошо обставленной комнате, а не в грязном и душном окопе, где мы в настоящее время находимся».

«Эта группа обращается к нам, солдатам, с вопросом, говоря: «Когда вы придете домой, то вас спросят дети, где вы были в то время, когда немец порабощал Россию?» — Мы ответим, что все время войны мы находились в окопах, отражая натиск врага; а вот интересно, что ответят эти господа, когда мы придем с фронта и спросим их: «что вы делали эти 3 года войны?» Ответ должен получиться такой: «мы распивали коньяк и другие вина и кричали, чтобы вести до победоносного конца, ну, словом, пущали в ход все свое красноречие».

«Да, хорошо писать такие воззвания, когда живется спокойно и уютно, и деньги сыплются в карман! А вот если бы на фронт вас сюда, так мы с великим удовольствием приняли бы, чтобы вся эта группа, подписавших воззвание была с нами и личным примером служила нам в бою. Вот тогда-то мы им поверили бы, что они стараются для блага родины. А посылать воззвания к нам на фронт из тыла стыдно, потому что вы, как видимо, не нюхали еще запаха пороха и не слышали звука орудий».

Если, по мнению окопных солдат, нельзя доверять «Союзу личного примера», члены которого сидят в Петербурге на Фонтанке, то точно также нельзя доверять и членам Советов депутатов, сидящим в тылу и одобряющим наступление. Таким членам Советов должно быть «стыдно» посылать свои воззвания или резолюции на фронт.

Заметьте: солдаты, прислашие нам воззвание, «хотели бы помириться с ним»; они, очевидно, не большевики, не противники вообще наступления. Они возмущены только тем, что их призывают к наступлению тыловые господа, сидящие в тепле и живущие в сытости. Так и против поли-

тики меньшевиков и эсеров, составляющих большинство во многих Советах, без всякого влияния большевиков растет у солдат враждебное чувство. А отсюда уже один шаг до того, чтобы под руководством черносотенных офицеров арестовать Советы и тем дать сигнал к контрреволюционной гражданской войне.

«Социал-демократ», № 99, 18 июля 1917 г.

РАЗОБЛАЧЕНИЯ

В течение двух месяцев мы, большевики, доказывали, что участие капиталистов во Временном правительстве не даст ничего хорошего. Мы говорили, что кадеты и октябристы-министры могут только вредить делу революции. А меньшевики и социалисты-революционеры уверяли, что буржуазия сломлена, что среди министров полное согласие. И они поддерживали правительство полностью, поддерживали его в целом, поддерживали всех министров, кроме Мануйлова.

А теперь начались разоблачения. Вчера газета «Труд» в передовой статье порассказала, как министры-кадеты помогали будто-бы революции. В газете сказано:

> «Кадеты, вступив в коалиционное министерство два месяца тому назад, делали только одно вредное дело — подкладывали палки в колеса, в работу министров-социалистов. Тов. Чернову, несмотря на неимоверные усилия провести в жизнь закон о прекращении купли и продажи земли, так и не удалось добиться согласия 4 кадетских министров; тт. Пешехонову и Скобелеву до сих пор не дали ввести обложение капиталистов налогом на военные прибыли; школьное дело было поставлено кадетом Мануйловым в десятки раз хуже, чем это было при Игнатьеве; Министерство Внутренних Дел под руководством гр. Львова и особенно его товарищей сохранило все старые навыки и не проявило ни малейшего желания итти навстречу демократизации местного управления. В конце же концов, когда на последних днях наступил кризис в Министерстве Народного Просвещения, кадеты во всей широте развернули его и, по решению Петроградского кадетского Центрального комитета, вышли из состава коалиционного министерства».

Итак, кадеты в министерстве только вредили, только подкладывали палки в колеса революции! А мы что говорили все два месяца? И теперь говорим: не только кадеты, но и октябристы-министры могут только вредить, только подкладывать палки в колеса. И мы требуем: вся власть советам!

А меньшевики и социал-революционеры вновь обрушиваются на нас за это требование. Они кричат, что наша

демонстрация с этим лозунгом вредит делу революции. Они непременно хотят оставить у власти октябристов-министров[1].

Разоблачение о кадетах дает нам повод взглянуть и на деятельность Керенского и других министров-социалистов. Что в их деятельности было от себя, по доброй их воле, и что под давлением министров-капиталистов? И самое главное—вопрос о Керенском и о наступлении. Предпринято ли наступление Керенским и другими по их воле или по нужде, по приказу кадетов и октябристов? Ведь один из мотивов ухода кадетов из правительства, как писали в газетах, именно тот, что Керенский не удовлетворил их желаний полностью. Это дает веский повод предполагать, что Керенский все же в известной мере удовлетворял желания кадетов,— удовлетворял поневоле, подчиняясь большинству министров-капиталистов.

Будет ли он и впредь подчиняться буржуазии или же поведет политику, более согласную с общими идеями министров-социалистов,—меньшевиков и социалистов-революционеров? Это мы скоро увидим.

Таким образом, нынешний кризис власти всецело подтверждает правильность нашего лозунга: вся власть — правительству Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

«Социал-демократ», № 100, 19 июля 1917 г.

ИХ БОРЬБА

Марксисты (социал-демократы) всегда признавали, что всякая политическая борьба есть борьба классовая. Не отдельные лица важны в этой борьбе, а классы, то есть, те массы населения, которые имеют свои особые интересы в борьбе.

Социал-демократия есть не партия отдельных лиц, а партия рабочего класса, миллионов рабочих. Так называемые вожди пролетариата являются только выразителями его воли, его слугами, а не его хозяевами. Как только слуга или вождь уклоняется с пути, который считается рабочими правильным, его удаляют. Вожди удаляются, а пролетариат остается и продолжает свою борьбу. Так на наших глазах

---

[1] Партия октябристов всегда была правее кадетской партии.

произошло, например, с Плехановым, от которого теперь отвернулся весь пролетариат России, которого теперь превозносит только буржуазия.

Затянувшаяся всемирная война поставила на очередь во всех странах последний, решительный бой между пролетариатом и буржуазией. Слишком много разорения и страдания. Слишком явно буржуазия показала свое разбойничье лицо. Трудящиеся массы негодуют во всех странах. Всюду клокочет возмущение; еще как подземный огонь, то там, то в другом месте прорывается наружу. Буржуазия чувствует и сознает, что ее положение становится шатким. Она напрягает все силы для своего спасения; она не будет щадить никаких усилий, чтобы задушить нарождающуюся всемирную революцию пролетариата.

Обычно в руках буржуазии тюрьмы, полиция, суды, виселицы. Но одних этих средств недостаточно. В ее руках и средства влияния на умы: духовенство всяких церквей, школы от простого сельского училища до университета, целая армия ученых и учителей, почти все газеты и типографии и почта

И нужно быть готовым. Нужно знать, что все и всякие средства будут пущены буржуазией в ход, чтобы расстроить ряды революционного пролетариата, смутить умы, поселить взаимное недоверие между рабочими, протиснуть к рабочим слуг лукавых и отторгнуть от пролетариата тех его слуг, которые по своим убеждениям могут явиться самыми верными помощниками рабочих. Больше, чем когда-либо прежде, рабочие должны присматриваться к тем, кого они имеют у себя на службе, — к своим секретарям, организаторам, литераторам, лекторам и т. п.

Рабочие не должны при этом ни на одну минуту забывать, что буржуазия является их смертельным, непримиримым врагом. Поэтому естественно, что чем лучше слуга пролетариата исполняет свои обязанности, тем больше будет кричать против него буржуазия, тем больше будет она травить его, сыпать на его голову всяческие обвинения. При этом будут фабриковаться всякие подложные документы, а буржуазные судьи будут послушно выносить приговоры, угодные буржуазии.

Буржуазным судам пролетариат должен доверять так же мало, как мало доверял он царскому суду. Еще меньше может он доверять обвинениям, какие появляются в газетах, в речах, в приказах лиц, враждебных партии пролетариата.

Ведь еще не очень давно, в апреле, военный министр Гучков объявил германскими шпионами всех, кто хочет

скорее окончить войну. Выходило, что вся многострадальная русская армия состоит из одних только шпионов, а честными людьми оказывались только воинственные дезертиры, окопавшиеся в тылу, да всякие господа, наживающиеся на солдатской крови, на крестьянском разоренъи и на пролетарской нужде.

Грубое и глупое обвинение Гучкова сорвалось, как сорвалась раньше попытка буржуазии натравить солдат против рабочих. Но нельзя думать, что такие попытки клеветнических обвинений прекратятся. Нет, обвинения и натравливания будут продолжаться, но они будут хитрее придумываться и более искусно проводиться в жизнь, чтобы лучше обморочить народ. Уже выясняется теперь, в каких направлениях будет проявляться больше хитрости.

Во-первых, огульные лживые обвинения будут заменяться обвинениями не столь общими. Например, Гучков обвинял в шпионстве всех, кто хочет мира. Это обвинение было глупо. Тогда стали обвинять только тех противников войны, которые принадлежат к большевикам. Но среди нас—многие сотни тысяч солдат и крестьян. Опять вышло глупо. Теперь будут осторожнее и постараются опорочить отдельных лиц, надеясь таким путем опорочить и всю партию. В конце концов и такие обвинения не достигнут цели; но временную смуту они могут внести. И к этому нужно быть готовыми.

Больше хитрости стала проявлять буржуазия и в другом отношении. Раньше она сама выступала с обвинениями. А теперь, когда ей уже не верят, она начинает прятаться за спину других: вместо Гучкова или Милюкова выдвигаются вперед Чхеидзе, или бывший социал-демократ Алексинский.

Еще недавно, на минском фронтовом съезде, была попытка обвинить Хинчука и Чхеидзе в получении германских миллионов. Теперь на время это обвинение отложено; а если удастся покончить с большевиками через Чхеидзе или Хинчука [1], то возобновят против них самих обвинение через Керенского или Чернова.

А потом дойдет очередь и до Чернова, и до Керенского: обвинят и их, чтобы вернуть к власти Гучкова и Милюкова. Таков план клеветнического похода, который все больше выясняется. Этот поход может внести не мало смуты, привести к новым жертвам, но он уже не спасет буржуазии.

---

[1] Тов. Хинчук был в то время меньшевиком.

Он только обострил отношения между прогнившей, исподличавшейся, разбойничьей буржуазией и трудовыми массами населения, победа которых принесет всему миру оздоровление и обновление жизни.

«Социал-демократ», № 101, 20 июля 1917 г.

НЕОБХОДИМОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

С самого начала революции буржуазия и ее друзья ведут систематическую политику лжи и клеветы против партии пролетариата (большевиков). Лгали без конца. Вслед за одной разоблаченной ложью возникала другая. И каждый раз с самым правдивым видом. Теперь, в связи с обострением политического момента, к услугам буржуазии явилось новое «разоблачение», идущее разом из двух источников.

В среду в газете «Власть народа» напечатано: «Н. С. Чхеидзе заявил кронштадтским морякам, что из источника, не подлежащего сомнению, они завтра узнают, кто такие большевики и ради кого они работают. Завтра, — сказал Чхеидзе,—всем будет ясно, что вы действовали на немецкие деньги».

Странно, что в других буржуазных газетах не приведено этих слов Чхеидзе. Были ли они в самом деле сказаны? И если были, то почему не говорится вся правда, а даются только обещания сказать что-то? Нам передают, что о словах Чхеидзе был сделан запрос по телефону одним из московских меньшевиков, и от члена исполнительного комитета С. Р. и С. Д. Богданова получен ответ, выражающий сомнение, чтобы Чхеидзе говорил то, что напечатано во «Власти народа».

Второе сообщение напечатано в «Утре России». Это — сообщение Алексинского и Панкратова следующего содержания:

«При письме от 16 мая 1917 года за № 3719 начальник штаба верховного главнокомандующего препроводил военному министру протокол допроса от 28 февраля с. г., прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко. Из показаний, данных им начальнику разведывательного отделения штаба верховного главнокомандующего, устанавливается следующее:

«Ермоленко переброшен 25 апреля с. г. к нам в тыл, на фронт 6-й армии, для агитации, в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию офицеров германской армии Щедицкого и Любес. Ему сообщили, что такого же рода агитацию ведут в России агенты германского генерального штаба, председатель украинской секции союза освобождения Украины Аскоробис-Ялтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подорванию доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на агитацию получаются через некоего Слевенсона, служащего

в Стокгольме при германском посольстве. Деньги и инструкции рассылаются через доверенных лиц. Согласно только что поступивших сведений, такими доверенными лицами являются: в Стокгольме — большевик Яков Фокстенберг, известный под фамилией Ганецкого, и Парвус (доктор Гельфанд), в Петрограде — большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский, и родственница Ганецкого, Суменсон, занимающаяся вместе с Ганецким спекуляцией. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через Гезельшафт, на Стокгольм, а оттуда на Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2 миллионов рублей.

«Военной цензурой установлены непрерывные обмены телеграммами политического и денежного характера, между германскими агентами и большевистскими лидерами (Стокгольм—Петроград).

«В особом примечании к письму Алексинский и Панкратов сообщают, что подлинные документы будут опубликованы дополнительно».

В этом сообщении много странного. Прежде всего то, что факты были уже сообщены Военному министру раньше, чем попали в руки Алексинского и Панкратова. Почему же Керенский ничего не предпринимает? Ведь этот «документ» был известен ему еще 16 мая. Полтора месяца о нем молчали, а вот теперь, когда революционный Петербург выступил с требованием о переходе всей власти в руки С. Р. и С. Д., его пытаются использовать против нас. При этом сообщение почему-то идет не от правительства, а от посторонних лиц.

В высшей степени странен и сам «документ». Если верить ему, придется признать, что в германском генеральном штабе сидят какие-то идиоты, не понимающие, что нельзя первым попавшимся людям сообщать имена своих секретных агентов. Во всяком случае, по поводу вчерашних сообщений газет «Власть народа» и «Утро России» необходимо расследование. До установления фактов авторитетным судом мы не в праве придавать веру этим сообщениям.

Кстати заметим относительно Парвуса (Гельфанда), что это — германский социал-шовинист, в роде того, как Плеханов русский социал-шовинист. И со стороны большевиков поведение Парвуса встречало самое резкое осуждение, как и поведение Плеханова.

«Социал-демократ», № 101, 20 июня 1917 г.

ПРОТИВ ТАМБОВЩИНЫ

Политическое положение трудное, запутанное. Тем более спокойствия и осторожности должны проявлять органы демократии, стоящей у власти. Они должны помнить, что отсекая от себя крайних левых, устраивая для них подобие

июньских дней, правящие партии роют могилу самим себе, как это сделали французские республиканцы в июне 1848 года.

Имеется ли у нас почва для справедливого недовольства народных масс? Вчера «Труд», а сегодня «Земля и Воля», органы московских социалистов-революционеров, признают, что почва имеется. Вчера мы привели из «Труда» сообщение, что кадеты, участвуя в правительстве, только вредили делу. А сегодня в № 87 «Земли и Воли» признается, что:

> «Надвигается кризис власти — и через несколько дней мы, может быть, будем иметь дело с совершившимся фактом. Ближайшими поводами к кризису является полная неудовлетворенность деятельностью Временного правительства. Собирался съезд Советов Крестьянских депутатов и сказал свое веское слово по целому ряду вопросов и в первую очередь по земельному вопросу»...
>
> «Прошел месяц после съезда Советов крестьянских депутатов — и до сих пор ничего не сделано»...
>
> Между тем вся страна ждет осуществления решения Всероссийского Совета Крестьянских депутатов и в этом ожидании проявляются большое нетерпение и нервность. Местами под влиянием создавшегося положения принимается вполне определенное решение о необходимости оказать на Временное Правительство давление. Такое именно решение принял Совет Крестьянских депутатов Петроградского гарнизона, постановивший явиться к Временному Правительству и потребовать немедленного выполнения сознательной воли трудового крестьянства»...
>
> «Много нареканий с мест вызывает и деятельность министерства внутренних дел»...

По признанию сотрудника «Земли и Воли», «ничего не сделано», «вся страна проявляет нетерпение» и даже Совет крестьянских депутатов Петроградского гарнизона пришел в движение. Разве всего этого недостаточно для возникновения стихийного уличного выступления?

Руководящие организации нашей партии в Петербурге приложили все силы, чтобы ввести движение в рамки мирной демонстрации. В том же № 87 «Земли и Воли» сообщается:

> В сегодняшнем номере большевистской «Правды» появилась передовая статья, в которой призываются восставшие массы к спокойствию, так как, по словам газеты, цель «мирной» демонстрации достигнута, и революционные массы в достаточной мере показали свою силу и власть.

В полном противоречии со всем этим находится передовая статья той же газеты. В ней возвещается, будто «по подстрекательству и под руководством большевиков началось кровавое восстание» в Петербурге.

Мы уже раньше отмечали, что в поведении московских эсеровских газет не наблюдается ничего подобного тому, что позволили себе их тамбовские товарищи. Нам кажется, что в интересах самих социалистов-революционеров не допускать тамбовщины на страницах своих газет.

К сожалению, сегодня и «Труд» в статье «Московская печать» не удержался на своей высоте. Вчера он рассказал, как газеты вредили работе правительства, а сегодня, наоборот, говорит, что власть давно уже в руках Совета, и договаривается до солидарности с «Русским словом» и даже с утверждением «Русских ведомостей», винящих во всем «безнаказанность предыдущих выступлений».

Социалисты-революционеры не пользовались «безнаказанностью» во время самодержавия, и не к лицу им эта солидарность с «Русскими ведомостями», ухитрявшимися всегда выходить сухими из воды.

«Социал-демократ», № 101, 20 июля 1917 г.

СПЕШАТ

Вчера, в статье «Их борьба» я упоминал о попытке контрреволюционеров обвинить Чхеидзе и Хинчука в получении германских миллионов. Я сказал, что временно это обвинение отложено в сторону и вся клеветническая кампания направлена пока против большевиков. Но что дойдет очередь и до меньшевиков, и до социалистов-революционеров, я не думал вчера, что уже сегодня мое предсказание начнет оправдываться. Но буржуазия спешит, нервничает и не может удержаться, чтобы не раскрывать своих карт преждевременно.

Сегодня в буржуазной (лже-социалистической) газете «Власть народа» уже находим следующее сообщение:

Обыск в особняке Кшесинской[1]

При обыске в особняке Кшесинской найдены документы, указывающие на сношение обитателей особняка с Германией.

Присутствовавший при обыске представитель министерства юстиции Мирюнов обратил внимание на эти документы находящегося тут же члена исполнительного комитета Богданова, на что последний грубо сказал: «Почем мы знаем, что эти документы не вы подбросили?»

Все найденные документы были отправлены в контр-разведочное бюро.

Клеветнический характер этого сообщения слишком очевиден. Богданов, которого теперь обвиняют,—меньшевик, ни мало неповинный в сочувствии к большевикам. И цель этой клеветы ясна. Дело в том, что Петербургский Совет. раб. и солд. депутатов взял в свои руки расследование по обвинению большевиков в сношениях с Германией. В

[1] Кшесинская — бывшая любовница Николая. С начала революции дом был занят большевиками для своей организации.

комиссию вошли меньшевики и социалисты-революционеры. Буржуазия знает цену своим обвинениям и спешит заранее опорочить решение советской комиссии.

Еще несколько дней и клеветнический поход против нас, предпринятый агентом буржуазии, обрушится на ее собственную голову.

«Социал-демократ», № 102, 21 июля 1917 г.

ИЩУТ ВИНОВАТОГО

До 18 июня говорили, будто австро-германцы перекинули почти все свои силы на французский фронт, а на русском фронте оставалась будто бы только узкая лента, которую совсем легко прорвать. И наступление началось.

Сначала—наши победы, неизвестно какой ценой доставшиеся; наши потери тщательно скрываются. Потом остановка. А теперь уже над русской армией готово разразиться страшное несчастие: немцы прорвали фронт и подвигаются к Тарнополю (в Галиции). Вместо фактического перемирия, которое установилось было в течение почти четырех месяцев, новая война, новые жертвы,—и опасность нового германского нашествия. Ищут виноватого. Кто же виноват?

Если бы победа была наша, то, конечно, говорили бы о самоотверженной храбрости солдат, но еще больше превозносились бы доблесть и искусство полководцев. А теперь, когда произошла заминка, полководцы остаются чистыми, а вся вина сваливается на солдат, которые будто бы не исполняют приказов о движении вперед и отступают без приказов.

Можно бы указать, что плох тот полководец, который, предпринимая военные операции, не сумел учесть дух войска. Но не в эту сторону обращено внимание буржуазных обвинителей. Вот, для примера, статья Оглина в воскресном номере «Русских ведомостей». Автор видит виновного, конечно, не в полководцах, а в солдатах. Но почему плохи стали солдаты? Конечно, прежде всего, по вине большевиков.

Но стоит ли толковать много о большевиках? Ведь часть их уже арестована; другая часть тоже не сегодня, так завтра попадет за решетку, благодаря усердию меньшевиков и социалистов-революционеров. Буржуазия считает, что с большевиками покончено. Пора браться за других.

И потому Оглин пишет, что дисциплина подорвана не одними большевиками, а «всем Петроградским советом ра-

бочих депутатов, издавшим свой пресловутый приказ № 1». Вот в ком вина,—в меньшевиках и эсерах, вина в Советах!

И Оглин распаляется дальше:

«Солдаты не верят своим офицерам. Но разве такие небольшевистские газеты, как «Солдат-гражданин», не стремились систематически дискредитировать офицерство и не рекомендовали замещение командных должностей путем выборов солдатами?»

В «Солдате-гражданине» насколько известно, руководят эсеры. Итак, долой эсеров,—кричит Оглин и рекомендует, чтобы в казарме восстановлен был старый порядок, когда солдаты знали, что «их дело сражаться и повиноваться приказаниям своего начальства, а не рассуждать о целях войны или расценивать целесообразность отдаваемых им распоряжений».

Слышите, товарищи-солдаты, чего хочет буржуазия? Чтоб вы не рассуждали о целях войны, а шли бы молча и умирали бы за барыши русских, французских и английских капиталистов.

Меньшевики и социалисты-революционеры недостаточно внушают вам это, — и буржуазия уже негодует на них. Не сегодня, так в недалеком будущем она поднимет обвинение против Чхеидзе и Хинчука в получении германских миллионов; Алексинские и Панкратовы опубликуют документы, доказывающие, что по части германских миллионов не совсем чисты и Чернов, и Минор.

Теперь меньшевики и социалисты-революционеры обыскивают и арестуют нас, большевиков. Наши дороги разошлись. Но это не надолго. Мы еще встретимся вместе и, может быть, скоро, за одной и той же тюремной решеткой. Впрочем, не все: Керенский, например, уже перестанет к тому времени быть социалистом-революционером.

Во всяком случае, кадеты с черносотенцами найдут виновных не только среди большевиков.

«Социал-демократ», № 104, 24 июля 1917 г.

ЗА КЕМ ОЧЕРЕДЬ?

В Петербурге начались аресты социал-демократов интернационалистов; а в Москве пока еще удовольствуются обысками и отобранием оружия у пролетариата. И в Петербурге и в Москве все это делается по требованию буржуазии и с одобрения мелко-буржуазных партий меньшевиков и социалистов-революционеров.

Но само собою разумеется, что преследованием одних только большевиков и вообще интернационалистов буржу-

азия удовлетвориться не может. Хотя, например, московские газеты «Труд» и «Земля и воля» оповещают о своей полной солидарности в некоторых важных вопросах с буржуазными газетами «Русское слово» и «Утро России»,— между этими газетами остается кое-какое различие во взглядах и целях. Имеется различие и между интересами крупной и мелкой буржуазии.

Поэтому крупная буржуазия не может успокоиться, пока не вернет себе всю власть. Надломивши силы левого фланга революции руками меньшевиков и социалистов-революционеров, буржуазия торопится открыть поход против теперешних исполнителей ее воли.

Мы уже отмечали клеветническое сообщение газеты «Власть народа», обвинившей меньшевика Богданова в укрывательстве большевиков. Это сообщение было напечатано и в других московских газетах. Но теперь предположение о возможности укрывательства исходит уже не от отдельных газет, а от Центрального комитета партии «Народной свободы» (кадетов).

Как известно, по поводу последних петербургских событий ведется следствие, в котором близкое участие решили принять Советы депутатов. Кадеты протестуют против участия Советов, в которых руководство принадлежит социалистам-революционерам и меньшевикам. Кадеты выражают недоверие к этим партиям. Они заявляют:

«Взволнованное и негодующее общественное мнение не допускает мысли, что на этом пути (подавления «бунта») правительство обнаружит колебание и нерешительность».

Если бы кадеты «не допускали мысли», то они и не говорили бы об этом; но в том-то и дело, что они «допускают мысль» и потому говорят дальше, что «подавлением бунта» должен заниматься исключительно государственный суд, который «не может быть ни заменяем, ни останавливаем каким бы то ни было расследованием партийной или иной организации».

Под «партийной или иной организацией» кадеты разумеют именно Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Язык у кадетов тонкий, дипломатический; а если сказать то, что они говорят, языком простым, то их речь означает:

«Долой Советы! Долой меньшевиков и социалистов-революционеров! Пусть все дело будет поручено судьям, назначенным царем Николаем и до сих пор сидящим на своих местах!»

И отдачу революционеров всецело в руки царских став-

ленников кадеты называют отдачей революции «под охрану надежных сил».

Силы, не спорим, довольно таки надежные, особенно благодаря стараниям бывшего министра Щегловитова, дело которого далеко не было исправлено Керенским. Эти щегловитовские «надежные силы» охраняли царя и кадетов до февраля 1917 года: революция потормошила немножко щегловитовскую организацию, но не уничтожила ее. И к ней обращены теперь все кадетские сердца. Советы депутатов становятся на дороге, меньшевики и социалисты-революционеры еще не совсем забыли щегловитовское правосудие, — поэтому буржуазия поднимает крик: «Долой Советы! Долой меньшевиков и социалистов-революционеров!»

«Социал-демократ», № 105, 25 июля 1917 г.

ЗАВЕЩАНИЕ

Товарищи рабочие и солдаты и все читатели, сочувствующие нашей газете! Наша газета приговорена к смертной казни новым самодержавным правительством. Приговор еще не приведен в исполнение, но мы уже считаем последние дни, может быть последние часы своей жизни! Товарищи! В течение четырех месяцев мы по совести и по мере сил своих служили делу революции и свободы. И за это над нами произнесен безжалостный приговор.

За четыре месяца мы получили со всех концов России бесчисленное количество приветствий и слов благодарности. За недостатком места в газете мы не могли печатать их. Примите же от нас сердечное спасибо все, кто ободрял нас говорить слова правды!

Наша газета работала не только над просвещением, но и над организацией пролетариата. И теперь, в последние часы нашей жизни, к нам идут со всех сторон радостные вести, что дело организации ширится и крепнет, что быстро растут ряды наши. И в этот-то момент, когда печатное слово становится особенно необходимым для руководства и освещения деятельности организации со многими десятками тысяч членов, — новое самодержавие решило задушить рабочую газету.

Близятся выборы в Учредительное собрание. На многие годы решается судьба России во время этих выборов. Поднимает голову черная сотня, чтобы агитировать за Романовых. Наглеет буржуазия в надежде, что удастся ей вернуть, если не Николая, то его брата Михаила. И в этот момент новое самодержавие,— самодержавие Керенских и Скобелевых, — лишает пролетариат возможности принять пра-

вильное, сознательное и организованное участие в выборах: пролетарскую печать душат.

Дни нашей газеты сочтены. Может быть даже это завещание наше уже не увидит света. Но если вы прочтете его, если не успеет сегодня же ночью явиться в типографию палач рабочей газеты, то знайте и помните:

что и при старом самодержавии тернист был путь рабочей печати;

но рабочие умели всегда воскрешать свою печать вновь и вновь своими дружными, массовыми действиями

и что пока жив пролетариат, до тех пор никакая вражеская рука, — ни рука Горемыкиных и Романовых, ни рука Данов и Керенских, не в силах будет окончательно подавить волю пролетариата к жизни, к свободе и власти.

Рабочая печать приговорена к смерти.

Да здравствует рабочая печать!

«Социал-демократ», № 111, 1 августа 1917 г.

ПОХОД ПРОТИВ ПРОЛЕТАРИАТА

Поход против пролетариата и солдат, ведущийся под предводительством Данов, Либеров, Керенских и Церетелли [1], продолжается. Раньше мы узнали о закрытии «Правды» и «Окопной правды», а также двух ревельских рабочих газет. Сегодня в «Утре России» находим сообщение о закрытии нашей газеты «Социал-демократ». Слух о закрытии «Социал-демократа» разнесен в Москве еще в субботу. Приказ не приведен пока в исполнение; но ясно, что «Социал-демократ» доживает свои последние дни.

«Социал-демократ», как и «Правда», как и другие большевистские газеты, жил исключительно на средства рабочих. Никаких буржуазных «благотворителей» большевистская печать не имеет. Этим она отличается от печати эсеровской и меньшевистской. Закрытие наших газет является прежде всего ударом по тощему карману пролетариата и солдат; оно разорит хозяйство, уже налаженное; оно потребует больших расходов на ликвидацию дела.

При самодержавии рабочих также разоряли закрытием газет. Всем памятна история «Правды» в 1912 — 1914 годах. Но тогда убыток был меньше: удавалось тотчас же восстанавливать газету под другим названием. А теперь это становится невозможным за отсутствием типографии. Петербургская партийная типография, купленная на средства ра-

[1] Т. е. м. и с.-р. (меньшевиков и эсеров.—*Ред.*).

бочих, занята караулом. В Москве газета печаталась в типографии, реквизированной только под газету «Социал-демократ». Нас всячески выживали из этой типографии. Новая газета уже не смогла бы там печататься, — не дадут.

Все частные типографии захвачены буржуазией и ее газетами. Даже для еженедельного журнала «Спартак» оказалось невозможным найти типографию.

Пролетариат обоих столиц таким образом лишен возможности иметь свою газету на неопределенное время, — может быть на все время господства Керенских и Церетелли, Данов и Либеров. Понимают ли эти господа, что они делают?

Ведь они еще считают нужным сохранить влияние Советов рабочих и солдатских депутатов. И в то же время они отталкивают от себя, арестуют наиболее революционную часть рабочих и солдат и душат рабочую и солдатскую печать. Неужели они думают, что объявленные вне закона рабочие и солдаты смогут подняться для спасения власти тех самых Советов, которые их душат, объявляют вне закона и расстреливают?

Неужели не понимают господа Керенские и Даны, что своей политикой они обостряют отношения внутри страны, в то самое время, когда на словах призывают к единению и к общей жертве? Очевидно, не понимают. Человек, одержимый паническим ужасом, глух ко всем доводам рассудка. А эти господа в панике, если не хуже...

Как бы то ни было, а нашей партии, в лице московского и петербургского пролетариата, предстоит пережить такое же положение, как в начале войны, когда была задушена рабочая печать. Не убило нас самодержавие Романова, не убьет и самодержавие Керенских и Данов.

«Социал-демократ», № 111, 1 августа 1917 г.

ПОЛУЧАТ ЛИ ЗЕМЛЮ КРЕСТЬЯНЕ?

Вчера в статье Л. Троцкого в нашей газете было указано, что борьба буржуазии против социалиста-революционера министра Чернова означает борьбу помещиков против крестьян из-за земли. Когда Чернову пришлось уйти из правительства это означало, — добавим мы, — что эсеры предали и Чернова и крестьянство. Затем Чернова вернули,—очевидно, сами эсеры испугались своего предательства. Но каково же теперь положение Чернова? Многое ли он сможет сделать теперь?

Ответ дал сам Чернов. 2 августа закончилось совещание представителей министерства земледелия при губерн-

ских земельных комитетах. Здесь Чернов сделал ценные признания, которые напечатаны в кадетской газете «Речь». Кстати сказать, в той же «Речи» постоянно печатаются сообщения о положении в деревне; и в последние дни все чаще сообщается об арестах крестьян, о предании их суду, о посылке воинских команд для усмирения крестьян, не желающих ждать с землей до второго пришествия или, как говорится теперь, до Учредительного собрания. Об арестах говорилось и на «совещании». Но тут факты еще интереснее. Оказывается, что теперь арестуют не крестьян отдельной деревни, обидевшей помещиков, а самих членов земельных комитетов; и аресты производятся на основании старых законов, бывших при Николае. То-есть начинается в деревне та же усмирительная политика, какая была после аграрного движения 1905—1906 годов.

Что же сказал по поводу этого министр Чернов? Он прямо заявил, что усмирительная политика будет усиливаться.

— Теперь, с восстановлением деятельности судебно-следственных властей, — сказал он, — деревне грозит еще худшее зло: аресты, а за ними волнения и беспорядки.

Кто будет арестовывать? Конечно, министерство внутренних дел, во главе которого стоит социалист-революционер Авксентьев.

А кто будет подавлять «волнения и беспорядки»? Конечно солдаты, посылаемые социалистами-революционерами — Керенским и Савинковым. Они пойдут громить деревенскую Русь под угрозой смертной казни за неповиновение. О восстановлении смертной казни в тылу уже хлопочут.

А что же делает и будет дальше делать Чернов — товарищ Керенского, Савинкова и Авксентьева по партии и по министерству? Чернов будет хлопотать об издании новых земельных законов. Но об этих законах на том же «совещании», как сообщает газета «Речь», Чернов заявил, что «он давно предсказывал, что деревня старыми дореволюционными законами не проживет, и что опоздание с изданием новых законов грозит выбить деревню из законной колеи». Но «во Временном правительстве его законопроекты откладывались рассмотрением, натыкались на глухое и упорное сопротивление с разных сторон».

С каких сторон? Только ли со стороны «буржуазных» министров? Тогда почему Чернов не говорит этого прямо? Или же и министры меньшевики и эсеры мешали Чернову, желая спасти землю для помещиков? О меньшевиках Чернов молчит, но об эсере Керенском, минстре-председателе, он «выразил уверенность, что министр-председатель примет во внимание истину, что искушать здравый смысл

и инстинктивно-мудрую устойчивость крестьянства становится во всех отношениях небезопасным, а потому назначит в ближайшее же время во Временном правительстве особый земельный день для рассмотрения накопившихся законопроектов министерста земледелия».

Из этого признания Чернова видно, что между Керенским и Черновым не все ладно: Керенский до сих пор не хотел «принять во внимание», что «искушать крестьянство не безопасно». Чернов грозит Керенскому крестьянскими волнениями и просит, чтобы правительство удосужилось выбрать день, — только один денек, — для рассмотрения земельных законопроектов. Но правительство, пока что, находит время для рассмотрения доклада Корнилова о восстановлении смертной казни по всей России, а для земельного вопроса у него будто бы нет времени.

Таким образом, проекты Чернова продолжают «натыкаться на глухое и упорное сопротивление с разных сторон», прежде всего, конечно, со стороны кадетов, но затем, очевидно, и со стороны министров, называющих себя социалистами-революционерами. Вместо новых земельных законов идут аресты и усмирения, под руководством Авксентьева, Зарудного, Савинкова и Керенского.

Путь, по которому пошло новое правительство, во главе с социалистами-революционерами, становится с каждым днем яснее. На этом пути крестьяне получат не землю и волю, а тюрьму, Сибирь, каторгу, виселицы и расстрелы. В своих газетах и в речах социалисты-революционеры еще болтают о земле и воле, но этот лозунг под их руководством грозит осуществиться так, как он осуществлялся в Кронштадте в 1906 году: тогда присужденным к смерти матросам и солдатам офицеры говорили, издеваясь над ними перед казнью:

— Сейчас вы получите и землю, — три аршина, и волю на небесах.

«Социал-демократ», № 129, 22 августа 1917 г.

ПЕТУШКОМ, ПЕТУШКОМ

Вчера в нашей газете тов. Н. Осинский с недоумением отметил, что Московский городской голова Руднев, ставленник социалистов-революционеров, оказался в контрреволюционной компании около ген. Корнилова. Действительно, странно было видеть социалиста-революционера среди лиц, поддерживающих грядущего диктатора, миссия которого — свержение Керенского, Авксентьева, Чернова и других членов Временного правительства. Странно было встретить имя Руднева рядом с именами Пуришкевича, Путилова, Вышне-

градского, Каледина, Милюкова и других главарей контрреволюции. Подозрительно это якшание Руднева с темными силами реакции в момент, когда эти силы готовы были приступить к решительным действиям.

Но вчера же в «Русских ведомостях» мы находим сообщение, не оставляющее более сомнений относительно г. Руднева. В качестве городского головы этот господин явился на церковный собор и заявил:

— Пока будет жить свободный русский народ, живым пламенем будет гореть в нем христова вера.

Нам нет дела до того, как и чему верит лично г. Руднев. Но, как представитель города, в котором живут и инаковерующие, Руднев не имел права выступать сторонником одного вероучения, так как тем самым он выступает, как враг всей той части населения Москвы, которая не придерживается учения данной церкви.

Появление Руднева в числе корниловской свиты, как и речь его на церковном соборе, ясно показывают, что г. Руднев заискивает перед реакцией, примазывается к ней, бежит за нею петушком. «Мартовские эсеры»[1] уже почуяли, куда ветер тянет...

Хватит ли у эсеров честности и мужества дать публично достойную оценку поведения г. Руднева? Если нехватит, то тем хуже для партии социалистов-революционеров.

«Социал-демократ», № 129, 31 августа 1917 г.

КТО КОМУ ВЕРИТ?

Давно уже, приблизительно с начала июля, стало замечаться, что наша буржуазная печать всячески рекламирует неудачи на фронте, — подобно тому, как весной она рекламировала неудачу на Стоходе. События на Стоходе позже были выяснены, и оказалось, что неудача явилась делом рук высших командиров. Буржуазная печать вынуждена была тогда на время прекратить свои пораженческие рекламы.

С июля на помощь буржуазным пораженцам пришли официальные донесения; в этих донесениях поведение солдат стало изображаться в самом неприглядном виде. Таким способом удалось запугать мелкую буржуазию и Временное правительство и начать проведение реакционных мер. Была восстановлена смертная казнь.

В дни московского «совещания» опять выступила на сцену пораженческая реклама! Стали писать небылицы о пове-

[1] То есть записавшиеся в эту партию с марта 1917 года.

дении наших солдат в Румынии[1]. Эта реклама была шита белыми нитками. Она понадобилась для контрреволюционных заговорщиков, чтобы провести в жизнь реакционные меры, предложенные Корниловым и Калединым. Этим господам не терпится, — и уже появилась в газетах вчера, 19 августа, следующая телеграмма:

> Могилев, 17/VIII. В виду произвольного, постыдного оставления некоторыми частями на румынском фронте своих позиций, верховный главнокомандующий срочной телеграммой председателю министров снова категорически настаивает на необходимости проведения в жизнь тех мероприятий, о которых он докладывал на государственном совещании в Москве (ПТА).

Но вчера же напечатана и другая телеграмма. В ней мы находим свидетельство о событиях не со стороны царских генералов, а со стороны центрального исполнительного комитета румынского фронта, черноморского флота и одесского округа. Эти организации (а не царские генералы) говорят о чрезвычайной самоотверженности солдат на румынском фронте и в заключение просят принять меры, чтобы:

> 1) официально, перед всей Россией была установлена доблесть и беззаветная храбрость солдат румынского фронта; 2) чтобы была прекращена травля в печати солдат, которые ежедневно тысячами гибнут в ожесточенных боях, защищая революционную Россию; 3) чтобы было обращено внимание на официальные сообщения из авторитетных источников, которые, подчеркивая доблесть офицерства, как бы замалчивают преданность солдат делу защиты революции и их высокий героизм, проявляемый в боях. Исполнительный комитет указывает на могущие произойти пагубные последствия этого, ибо настроение в частях падает, а постоянные противопоставления офицера солдату не могут способствовать установлению единения между офицерами и солдатами. Не находя действительного отражения боев в официальных сообщениях и в печати, солдаты доискиваются причин тенденциозности изложения, что нередко способствует распространению тревожных слухов о действиях командного состава.

Как видите, в этом документе прямо указывается, что в официальных сообщениях о положении на фронте пишут неправду.

Кому же верить? Царским генералам или центральному исполнительному комитету румынского фронта? Вы скажете, что, конечно, нельзя верить царским генералам. Но Временное правительство думает, как видно, иначе. Появилось сообщение, что военное министерство уже закончило выработку законопроекта в угоду требованиям Корнилова, и что проект этот скоро будет внесен на одобрение Временного правительства. Очевидно, социалисты-революционеры Керенский, Савинков и другие больше верят генералам.

---

[1] Румыния была разбита германцами. На помощь ей были двинуты русские войска.

А московская эсеровская газета «Труд» поступила еще лучше: она скрыла от своих читателей телеграмму, неприятную для Корнилова, изобличающую генералов в неверном сообщении фактов. Очевидно, городской голова Руднев, записавшись рядом с Пуришкевичем и Милюковым в свиту Корнилова, действовал не без согласия редакции газеты «Труд».

«Социал-демократ», № 137, 2 сентября 1917 г.

«УПРАВА» НА РИГУ

Революция показала полное недоверие России к правительству царя. Николая II революция сбросила с пути русской истории. Язва распутинско-романовского двора вскрыта, освещена. Но залечена ли она? Разве распутинство ограничивалось только стенами царского дворца? Разве все высшие чины государственной власти не являются избранниками и ставленниками того самого глупого и предательского двора, который приблизил к себе Распутина, который открывал дорогу к высшим должностям только самым грязным и бездарным личностям?

Излечить язву самодержавия, оздоровить общественный организм в России возможно было только при условии полной ликвидации царско-распутинских ставленников. И революция тотчас принялась за это дело. В первые же дни, путем восстания народного, было ликвидировано наиболее ненавистное министерство — министерство внутренних дел. Полетели в пропасть губернаторы, градоначальники, полицеймейстеры, охранники, жандармские управления.

Все они были убраны с дороги восставшим народом. Но власть была захвачена буржуазией, и началось дело спасения царско-распутинской организации. Министерство щегловитовщины[1] было только для вида подчищено Керенским. В других ведомствах сделано еще меньше.

И меньше всего было сделано для чистки царских конюшен в ведомствах самых важных для данного момента, — в военном и морском министерствах. Все верхи армии и флота, весь генералитет, поставленный на должности, избранный и возвышенный Распутиными и Романовыми, остался в целости. На место царского генерала Алексеева поставлен царский генерал Брусилов, потом такой же царский генерал Корнилов; перемещено может быть еще несколько десятков генералов — этим все и ограничилось. Высший командую-

[1] То есть министерство юстиции, во главе которого стоял Щегловитов.

щий состав армии остался старым, романовско-монархическим. Могла ли питать доверие к этому составу страна, только что свергнувшая царя? Могла ли доверять армия? Конечно, нет.

Способна ли воевать армия, не питающая никакого доверия к своим командирам? Очевидно, нет. И бросать такую армию, под такой командой в наступление значило — сознательно обрекать ее на тяжкие и бесплодные жертвы. Однако, развитие боевых действий уже само по себе могло бы помочь устранению недоверия хотя бы к отдельным лицам из командных верхов. А затем могли бы выдвинуться новые, талантливые командиры из низов, из числа лиц, преданных революции и заслуживших доверие армии. На это, повидимому, и рассчитывали наши империалисты, устроившие наступление 18 июня.

Оправдались ли их надежды? Нет. Вслед за коротким периодом успеха началось отступление в Галиции, начались поражения. Что же сделало правительство, чтобы спасти в этот критический момент престиж командного состава?

История великой Французской революции показала пример того, как возможно действовать в подобных случаях. Там тоже во главе армии стояли генералы, поставленные до революции. И они также проигрывали сражение за сражением,—как потом выяснилось, проигрывали сознательно. Что же сделали тогда французы? Они отрубали голову каждому генералу, проигравшему сражение,—и рубили до тех пор, пока генералы не научились побеждать.

У нас поступили наоборот: всю вину взвалили на солдат, восстановили смертную казнь для солдат, приняли меры к усилению власти генералов, поставленных царским правительством.

Но прошло немногим более месяца, как уже начались разоблачения относительно отступления в Галиции. Все чаще появляются сведения в печати о том, что отступление было продиктовано из штабов. Но солдаты не послушались и задержали немцев на русско-австрийской границе. Теперь—новое поражение русских войск. Не в Галиции, а под Ригой, в ближайшем расстоянии от революционного Петрограда.

Давно уже, еще в июне, дан лозунг «найти управу и на Петроград». Этот лозунг формулирован меньшевиком А. Потресовым; но он, конечно, с самого начала революции являлся затаенным желанием буржуазии. И вот наступил момент, когда, согласно этому лозунгу, нашли уже управу на революционную Ригу. И может быть близка очередь Петрограда.

Во время революции 1905 года царское правительство не постеснялось угрожать революционной России призывом германских войск для усмирения. Теперь царь удален, но та шайка, которая стояла в 1905 году за спиной царя, которая грозила тогда призывом германских войск,— эта шайка продолжает фактически править Россией, несмотря на кажущийся переход власти к новым людям. И каждый из нас, после отдачи Риги германцам, должен поставить себе вопрос: какие еще сюрпризы против революции готовят эти избранники и ставленники Николая Романова, продолжающие держать в своих руках жизнь и судьбу миллионов русских граждан?

«Социал-демократ», № 139, 5 сентября 1917 г.

ОДНО ИЗ НАШИХ ТРЕБОВАНИЙ

Наши товарищи, входящие в состав Московских советов рабочих и солдатских депутатов, в борьбе против кадетско-корниловского заговора, решили вчера принять участие в так называемой «девятке», в органе власти, который должен вести эту борьбу.

Вчера же в нашей газете напечатана резолюция 1230 солдат, из которой видно, что тов. прапорщик Аросев продолжает сидеть в тюрьме только за то, что он был деятельным членом нашей партии.

В № 2 газеты «Рабочий» напечатано письмо тов. прапорщика А. Крыленко. Из письма видно, что этот товарищ арестован по приказу корниловцев, а продолжают держать его в тюрьме уже [1]... не предъявляя обвинения только за то, что он большевик.

И таких арестованных, как тов. Аросев и Крыленко, сейчас тысячи сидят по тюрьмам в разных городах.

Создается такое положение: представители нашей партии вошли в состав органа той самой власти, которая держит наших товарищей в тюрьмах только за принадлежность к этой партии.

Положение невозможное.

Пусть социалисты-революционеры и меньшевики способны мириться с таким положением, что их собственное правительство держит в тюрьме их же товарищей левого крыла.

Такой позор не к лицу большевикам.

Поэтому наши товарищи из Советов, если они войдут в состав Московского органа управления, раньше всяких других действий должны предъявить требования:

[1] Здесь выпала газетная строка. Установить ее по рукописи не удалось, так как последняя не сохранилась.—Р е д.

1. Немедленный приказ об освобождении товарищей, заключенных в пределах области, подведомственной этому органу и

2. Немедленное обращение к Временному правительству с представлением о необходимости сделать то же самое по всей России и отменить всякие исключительные законы и приказы против нас.

«Социал-демократ», № 147, 13 сентября 1917 г.

РЕСПУБЛИКА

До сих пор Временное правительство всех составов упорно отказывалось от признания республиканского строя. Не был он провозглашен и на московском совещании. Понадобилась корниловщина, понадобилось изгнание кадетов из правительства под давлением Советов, чтобы Временное правительство признало, наконец, незаконность претензий на «престол предков» со стороны романовских выродков и всяческих проходимцев. Все это проливает достаточный свет на республиканизм кадетов, так быстро перекрасившихся в марте в республиканский цвет.

Но слово «республика» обязывает. Нельзя провозглашать республику и в то же время оставлять в силе классовую и сословную основу монархии.

В республике все граждане равноправны, и не может сохраняться никаких сословных привилегий,— не может оставаться особых сословий,— дворянского, купеческого, мещанского, крестьянского, казацкого и т. д. Все чисто сословные учреждения и организации подлежат немедленной ликвидации, а имущества их должны поступать в ведение бессословных (городских, волостных, сельских, земских, государственных) учреждений.

В особенности же необходима немедленная ликвидация чисто монархического дворянского сословия. Но дворянство было «опорой престола» не только как сословие, но и как класс. Ведь именно экономическому господству крупного землевладения соответствует в истории монархический строй. Оставлять помещикам их экономическую силу, оставлять им землю—это значит оставлять в силе основу монархии.

Поэтому необходимо немедленно объявить, что:

1) дворянское сословие уничтожается;

2) все имущества, капиталы и учреждения дворянских обществ переходят в собственность государства и

3) помещичье дворянское землевладение ликвидируется, и

земля немедленно переходит в заведывание крестьянских земельных комитетов.

«Социал-демократ», № 151, 18 сентября 1917 г.

СДВИГ

Заговор Корнилова и соучастие в нем кадетских буржуазных элементов произвели сдвиг влево как среди социалистов-революционеров, так и среди меньшевиков. Это заметно и по московской газете «Вперед»: в ней вы можете теперь встретить заявления, о которых трудно было и мечтать месяц назад. Так, например, вчера высказано определенное недоверие к политике Керенского.

> «Во имя призрачного, широкого базиса, — сказано в газете, — тянущийся за кадетами Керенский лишился из-за своей нерешительности, единственно реальной опоры — революционной демократии. Кормчий, не имеющий твердой решимости, он решился на создание на эти дни, до 12 сентября, директории из 5 лиц. Эта власть будет бессильна, ибо у нее нет опоры: временность лишает ее воли к творчеству».

Но еще более интересно, что газета чувствует необходимость отмежевываться от либерданов[1], утопистов русской революции, в лице крайних оборонцев Плеханова-Потресова и революционных оборонцев Церетелли-Дана. Можно только приветствовать подобный сдвиг. Но достаточен ли он и прочен ли?

Пока еще вопрос о достаточности и прочности приходится оставлять под сомнением. Очень серьезный повод к сомнению дает отношение советских меньшевиков к вопросу о вооружении пролетариата. Это отношение—какое-то опасливое, недоброжелательное. Люди, провозглашающие демократию опорой революции, в вопросе о вооружении этой самой демократии не только не идут впереди массы, но и стараются придумывать бюрократические препятствия или сводить вооружение к минимуму.

Отношение партии к вопросу о вооружении демократии— это пробный камень, по которому безошибочно можно судить о действительности и искренности демократизма политической партии. И остается пожелать, чтобы меньшевики и эсеры поскорее расстались со своею боязнью вооружения пролетариата, чтобы они отделались от буржуазных предрассудков и стали на путь демократизма без всяких оговорок и недомолвок.

«Социал-демократ», № 152, 19 сентября 1917 г.

---

[1] Либердан — слово, образовавшееся из двух фамилий (Либер и Дан) наиболее свирепых меньшевиков того времени.

ПЕРЕГРУППИРОВКА

Открытое выступление контрреволюции и недостаточно энергичная борьба против нее дали толчек к перегруппировке общественных сил.

Выступление Корнилова обнаружило общую контрреволюционность буржуазии и показало, что она быстро приближается к состоянию «сплошной реакционной массы». Здесь в этих слоях населения, безнадежное дело искать поворота влево; здесь могут люди только дальше объединяться по всему фронту, от кадетов до бывшего «союза русского народа».

Вполне определенный процесс наблюдается и в пролетариате: здесь идет быстрое сплочение в одну, классовую пролетарскую партию вокруг нашей партии или, как говорят враги пролетариата, «стихийный рост большевизма».

Наиболее пеструю картину, естественно, приходится наблюдать в промежуточном слое мелкой буржуазии и в мелкобуржуазных партиях, то есть среди меньшевиков и эсеров. О расколе среди меньшевиков, о разделении их фактически на два почти враждебные лагеря (меньшевиков-интернационалистов и либерданов) нам уже приходилось говорить. А о внутренней борьбе среди эсеров пока были лишь неясные сведения; теперь и среди них внутренняя борьба вышла наружу.

Эсер Чернов выступил против эсера Керенскгоо. Керенский не заставил себя ждать и ответил обвинением Чернова чуть ли не в недобросовестности. Это — на первый взгляд только личное,— столкновение является лишь отражением того, что линии политического поведения Керенского и Чернова разошлись под влиянием расхождения в самой эсеровской массе.

Интересен общий характер их спора: Чернов обвинил Керенского в действиях, изобличающих отступление от задач революции, а Керенский снимает с себя вину и валит ее на Чернова. Оба таким образом стараются показать себя более левыми,—результат того, что в самой мелкой буржуазии начался сдвиг влево

Об этом свидетельствует и конфликт обоих мелкобуржуазных партий (в лице Центр. исп. комитета) с Временным правительством. Центр. исп. ком. потребовал от Керенского не включать кадетов в министерство. Керенский согласился на это лишь после того, как дело между ним и ЦИК чуть не дошло до вооруженного столкновения (причем Керенский, по слухам, пытался действовать через «дикую дивизию»).

Вчера появилось новое известие, свидетельствующее о продолжении конфликта. Временное правительство стремится сузить борьбу против корниловщины, объявляет корниловщину уже ликвидированной и приглашает комитеты по охране революции прекратить свое существование. А Центр. исп. комитет считает дело неоконченным и призывает эти комитеты продолжать энергично работать, в тесной связи с «комитетом народной борьбы против контрреволюции», образовавшимся в корниловские дни при ЦИК. Таким образом меньшевики и эсеры из ЦИК пока пошли в этом вопросе не за одно с соглашателями из Временного правительства, а против них. На долго ли?

Среди мелкой буржуазии все явственнее обнаруживается расхождение, свидетельствующее о перегруппировке общественных сил. При этом неизбежны зигзаги и колебания вновь и вновь в сторону соглашательства с буржуазией. Но расхождение, раз начавшееся, пойдет и дальше.

«Социал-демократ», № 153, 20 сентября 1917 г.

ПРАВИЛЬНО

В Рыбинске городская управа обратилась ко всем владельцам жилых помещений с требованием сообщить в течение 3 дней о свободных квартирах и комнатах. После 3 сентября все свободные помещения будут реквизированы.

Правильно! То, что решили сделать в Рыбинске, еще более необходимо произвести в Москве. Квартирная нужда здесь страшная. А рядом—особняки в 20, 30, 40 комнат, занятые одной семьей!

В Москве — дровяной голод; а особняки в 40 комнат будут поглощать гору топлива для удовлетворения одной семьи.

Буржуазия кричит: «все для войны!»,—а действуют по правилу: «от нас—ничего для войны!»

Война прекратила домостроительство. Она создала и квартирный и дровяной голод, и прямая обязанность буржуазии потесниться. Добровольно она этого не сделает.

Социалисты-революционеры, гласные Городской думы! Городское хозяйство в ваших руках. Что же вы предприняли, чтобы заставить буржуазию потесниться?

«Социал-демократ», № 155, 23 сентября 1917 г.

ТОЖЕ «СОЦИАЛИСТЫ», ТОЖЕ «РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ»

После короткого перерыва в Москве вновь стала выходить эсеровская газета «Земля и воля», — на позор самим же социалистам-революционерам. «Земля и воля» все еще,

даже теперь, считает невозможным обойтись без коалиции с буржуазией, т.-е. без фактического подчинения рабочих и крестьян воле буржуазии.

Но еще любопытнее—выступление «бабушки» К. Брешко-Брешковской в № 131. Похвалив крестьян за то, что они умеют «жить и работать самостоятельно», «бабушка» всей силой своего гнева обрушивается на рабочих:

> «Привычка небрежного отношения к работе до того сильно привилась рабочему человеку у нас, в России, что он и своего и чужого труда не жалеет, но не жалеет также и того, над чем работает. Эта привычка сказывается особенно теперь, когда ложно понятая свобода вызывает легкомысленное, пренебрежительное отношение к общественному имуществу, к общественному интересу во всех его видах.
>
> «Работоспособность понизилась во всех отраслях промышленности не из-за восьмичасового дня, а из-за нежелания сделать за 8 часов то, что можно бы сделать. Понизилась она по показаниям самих служащих и рабочих настолько, что скоро России грозит полный крах, за отсутствием всего необходимого в жизни современного государства.
>
> «Железные дороги и весь подвижной состав рушатся, что уже является первостепенной опасностью. А затем, недостаток в пище, одежде и во всем, что составляет предметы ежедневного и повсеместного потребления, как, напр.: хозяйственные орудия, инструменты, не говоря уже о машинах всякого рода — ощущается все сильнее. У всех на глазах Россия беднеет с каждым днем, народ терпит все больше и больше лишений, просвещение в полном застое, и все ахают, стонут, вопиют, видя у себя под ногами пропасть».

Вспомнив, вероятно, свою молодость,—времена крепостного права,—«бабушка» требует:

> «Теперь, когда мы видим, что в большинстве своем население относится пренебрежительно к свободе, так дорого стоившей предшественникам нашим, что оно ровно ничего не делает, чтобы воспользоваться новым строем и проводить работы, могущие улучшить условия жизни внутри, поднять благосостояние и умственное развитие народа — мы требуем, чтобы правительство, которое народ облек своим доверием, само упорядочило трудовое начало в России и о б я з а л о всех граждан б е з и с к л ю ч е н и я теми работами и занятиями, какими оно найдет нужным. И мужчины и женщины, и старые и молодые — в с е о б я з а н ы с т а т ь н а р а б о т ы и с л у ж б ы, и м у к а з а н н ы е, не споря ни о вознаграждении, ни о длине рабочего дня».

Рабочие, которые еще идут за социалистами-революционерами, должны в особенности запомнить это требование своей «бабушки»: обязанность работать, «не споря ни о вознаграждении, ни о длине рабочего дня», как работали их деды при крепостном праве.

«Социал-демократ», № 156, 25 сентября 1917 г.

ПОМНИТЕ О «ПРАВДЕ»

В июле, в период роста и расцвета корниловщины, когда тюрьмы переполнялись арестованными революционерами, когда юнкера громили рабочую типографию и квартиры профессиональных рабочих союзов, была разгромлена, а потом закрыта и рабочая газета — «Правда».

С именем «Правды», у пролетариата связано дорогое воспоминание о героических годах борьбы против самодержавия. В 1912—1914 годах «Правда», созданная самим рабочим движением, подготовившим революцию 1917 года, была идейным центром этого движения. И в первые же дни революции «Правда» воскресла, как старое, освященное кровью, знамя петроградского пролетариата.

«Правда»—с этим именем связано что-то родное, интимное, как воспоминание о лучших днях боевой молодости. На место «Правды», растоптанной полицейским сапогом контрреволюции, возникали и закрывались другие газеты: «Солдат и рабочий», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь».

Может быть эти газеты велись и ведутся даже лучше, чем «Правда». И все же чувствуется, что чего-то нехватает. Недостает любимого имени, своего собственного имени!

При самодержавии нам часто приходилось жить нелегально, под чужим паспортом, с чужим именем. Как бы хорош ни был чужой паспорт, но все время чувствовалось, что ты гонимый, бесправный, лишенный собственного лица. Так теперь и с газетой. Разгромленная «Правда» живет нелегально! В этом—всечасное воспоминание, что корниловщина не изжита.

Вновь разрешены, закрытые на время, чисто корниловские, котрреволюционные газеты: «Новое время» и «Живое слово». А «Правда» скитается с чужим паспортом, как в «худшие времена самодержавия»!

Ясно, что «Новое время» и корниловцы для Временного правительства свои люди, с которыми повздорили, а затем не прочь и помириться. А «Правда» и пролетариат—это враги, для которых у Керенских имеется только путь «плетей, нагаек и пулеметов», путь «крови и железа».

Помните о «Правде», товарищи!

«Социал-демократ», № 157, 26 сентября 1917 г.

ХОРОШИ

Кто, как ни либерданские министры-«социалисты» или их товарищи по партии, пустили в оборот сообщение о том, что буржуазные министры мешали работе правительства,

устраивали саботаж? Это говорилось тогда, когда нужно было оправдать себя.

Теперь, на совещании, у них другая задача: доказать возможность коалиции с буржуазными министрами. И в один голос господа «социалисты» начинают уверять, что кадеты в правительстве ничему не мешали, не саботировали. Из этого следует, что если господа «социалисты» ничего хорошего не сделали, так только потому, что сами не хотели ничего сделать.

Хороши!

А бывший министр Зарудный сделал еще одно ценное разоблачение. Этот Зарудный прославился только тем, что покрыл своим авторитетом гнусное и лживое выступление прокурора Каринского против большевиков. Такому господину, как Зарудный, нельзя верить на слово. Но он, конечно, скорее соврет в защиту правительства, чем в обвинение его. И он заявил:

«За полтора месяца, когда я был министром, я не знаю, что сделало Временное правительство для достижения мира, приемлемого для всех борющихся сторон. Я ничего не видел».

После Зарудного говорили бывшие министры Пешехонов и Церетелли и не опровергли его слов. Значит, министры-социалисты лгали, когда говорили, что они—сторонники скорейшего окончания войны. Значит, на словах они за мир, а на деле вели политику Милюкова, политику «войны без конца».

Хороши!

«Социал-демократ», № 161, 2 октября 1917 г.

ЧЕГО ХОТЯТ?

В России сейчас идет ожесточенная борьба по всей линии двух главных классов: буржуазии (включая помещиков) и пролетариата (включая беднейшее крестьянство). Поэтому и в политике главное значение имеет борьба между большевиками и корниловцами (кадетами) Между этими двумя борющимися сторонами путается мелкая буржуазия (меньшевики и эсеры), не зная, куда пристать: до корниловского восстания она шла с корниловцами, а после него совсем растерялась. Ею созвано теперь питерское совещание и любопытно послушать, как оценивает ее позицию главный орган корниловцев, газета «Речь».

«Речь», как говорится, рвет и мечет. Но она понимает, что главный враг — не разношерстная эсеровская и меньшевистская публика, а большевики. Из номера в номер она печа-

тает огромные передовицы против большевиков. И в последнем номере она дает следующую оценку положения дел на «совещании».

> «Такого разброда мнений, такой неустойчивости положительно нельзя было себе представить.
>
> Со дня на день и с часу на час приходится откладывать заседания, чтобы попытаться еще раз сговориться по фракциям, еще раз переубедить друг друга, добиться назначения такого-то докладчика вместо такого. А большевики стоят в стороне в позе Мефистофеля и, скрестив руки, ехидно улыбаются над бесплодными потугами. В конце концов после двух-трех бессонных ночей, когда голова у всех затуманится и горло охрипнет, какой-нибудь компромисс будет найден. Но какой же авторитет, какое значение будет иметь такой вымученный компромисс?
>
> Увы, демократическое совещание оказалось торжеством большевиков. Они одни знают, чего хотят».

Корниловцы тоже знают, чего хотят. А мелко-буржуазные партии действительно заблудились меж двух сосен.

«Социал-демократ», № 162, 3 октября 1917 г.

ПРОТИВ САМОДЕРЖАВИЯ.

Политика мелкобуржуазных соглашателей, меньшевиков и эсеров, привела к тому, что на место самодержавия Романова у нас создалось самодержавие Керенского. И даже наиболее упорные соглашатели начинают сознавать, что они проворонили свободу, что они стали на путь бонапартизма. Это ясно видно из речей бывших министров Зарудного и Церетелли на питерском совещании.

Зарудный стоит за участие Керенского в правительстве, но не желает «ему одному доверить управление Россией»; он опасается, что Керенский пойдет по наклонной плоскости к полновластному распоряжению и диктатуре. Из слов Зарудного оказывается, что в корниловские дни министры не сами ушли, оставив всю власть Керенскому, а Керенский «намекнул» им, то есть, в сущности, приказал уйти.

Признания Зарудного вынудили меньшевика Церетелли заговорить на ту же тему. Он признал, что получилось «непомерное усиление личного момента в управлении», что «этот личный момент политики, эти необъяснимые действия оторванной от широких общественных слоев власти — величайший вред для страны». То есть Церетелли начинает понимать забытую им истину, что самодержавие вредно. И на том спасибо! Жаль только, что «понимание» у Церетелли, как и у Зарудного, исходит не из защиты революции, а из желания протащить кадетов в правительство.

— Пусть сама демократия пеняет на себя, если на высо-

те у ее представителя закружится голова, — продолжал Церетелли.

У Николая Романова голова не кружилась: он был от роду безмерно глуп. У Керенского ум средний. Но человек он истеричный. Голова у него закружилась и результаты те же, что от Николая: полный произвол, крайнее непостоянство. Но Керенский есть Керенский; от него другого нельзя было ждать. Да и вообще давно указывалось психиатрами, что положение безответственного главы правительства быстро приводит людей к потере рассудка. Керенский разделяет лишь общую судьбу самодержцев. И приходится судить не столько Керенского, сколько тех, кто довел его до самодержавной власти и погубил его рассудок.

Это понимает Церетелли и спешит оправдать себя и своих товарищей. Из его объяснений видно, что виною тут является все то же несчастное стремление соглашателей к коалиции во что бы то ни стало. Кадеты в июле не соглашались войти в правительство, зависимое от Советов; и вот, чтобы кадеты согласились войти, меньшевики и эсеры вручили Керенскому временно самодержавную власть; а Керенский превратил временное в постоянное.

Можно думать, что даже многие партийные товарищи Керенского (социалисты-революционеры) начинают понимать, что от самодержавия Керенского не больше добра, чем от самодержавия Романова. По крайней мере в их центральном органе напечатана статья, в которой поведение Керенского подверглось очень почтительной, осторожной, но все же уничтожающей критике.

Эсеры ставят Керенскому в вину:

1) укрывательство некоторых вдохновителей корниловского заговора;

2) непринятие своевременных мер против заговора;

3) что сам Керенский создал на московском совещании атмосферу доверия к Корнилову, уже зная о его заговоре;

4) что борьбу против Корнилова Керенский поручил «явным союзникам Корнилова — Савинкову и Филоненко»;

5) что для защиты от Корнилова правительство попросило специальный воинский отряд у самого Корнилова;

6) что Керенский вытребовал от Корнилова войска взамен посылаемых из Петрограда частей революционного гарнизона; и, наконец,

7) что этот подмен революционных войск корниловскими произведен лично Керенским, без обсуждения в правительстве.

Из всех этих обвинений ясно, что центральный орган самих эсеров обвиняет Керенского в соучастии в корниловском заговоре.

«Социал-демократ», № 162, 3 октября 1917 г.

БЕЗДОМНЫЕ

Холодно, сыро. Как тени бродят по Москве с утра до ночи бездомные люди в поисках комнаты или квартиры. Многие ночуют на вокзалах; другие — кто где.

Студенты, приехавшие к началу учебного года, после бесплодных поисков комнаты или угла, возвращаются домой. Но у пролетария нет «дома», где он мог бы жить на родительских хлебах. Куда же ему деваться? Где приютиться?

А в Москве тысячи буржуазных особняков. Одна семья занимает 20 — 40 комнат. Многие дома и вовсе пустуют, а хозяева их прохлаждаются на теплых водах, как собаки на сене: сами не едят и другим не дают. Необходимо распределение комнат по карточкам. Нужно заставить владельцев больших квартир и особняков потесниться.

Во многих городах городские думы подняли уже вопрос о реквизиции комнат в больших квартирах. А что сделала московская дума? Ничего! Положено под сукно, сдано в комиссию предложение нашей фракции о реквизиции комнат. А люди мрут от холода и тесноты. Уже на кладбищах, говорят, образовались «хвосты» из покойников. Покойники не чувствуют холода, им хорошо. Но неужели партия социалистов-революционеров, партия «Земли и воли» на деле способна давать только землю на кладбище и волю на небесах?

Крестьяне! Ждите с землей! Рабочие ждите с хлебом, ждите с квартирой! Ждите и ждите—такова политика социалистов-революционеров. И в результате на кладбищах хвосты, тоже «ждущие» очереди.

Социалисты-революционеры пошли еще дальше. Из Питера вынуждены бежать от безхлебья и безработицы; из-под Риги бегут от нашествия германцев. Как встречает этих несчастных «родина-мать»? Эсеровские муниципалы додумались только до одного: гнать! Их городской голова Руднев просит правительство запретить въезд беженцев в Москву.

Что если и в других городах городскими головами избраны Рудневы? Оттуда тоже будут гнать. Беженцам и безработным Рудневы дают не помощь и приют, а волчий паспорт: не смей нигде жить, поезжай дальше! Вот на деле ка-

кова политика социалистов-революционеров, добравшихся до власти. И все из-за того, чтобы не огорчить буржуазию, не нарушить соглашения с нею.

Социалисты-революционеры, заседающие в Московской городской думе, ставят все московское население перед опасностью самовольного захвата пустующих и полупустующих особняков. Кто будет виноват, если это случится? А какой гвалт об анархии поднимут все буржуазные газеты! Но бездомные люди, стоящие на краю гибели от холода, вряд ли испугаются газетного гвалта продажных писак.

Нужно разрешать кризис не беспорядочно, а организованно. Где в районных думах окажется не кадетско-эсеровское, а революционное большинство, там жилищный вопрос должен быть выдвинут в первую очередь.

«Социал-демократ», № 163, 4 октября 1917 г.

ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

В меньшевистской одесской газете «Южный рабочий», в статье «Поход против земельных комитетов» подведены итоги того, что делали за последние 2 — 3 месяца правящие эсеры и меньшевики для борьбы за помещиков против крестьян,—что делала вся эта компания Керенских, Черновых, Авксентьевых, Скобелевых и Пешехоновых.

Поход против крестьян открыт был через министерство торговли и промышленности. Оно запретило земельным комитетам вмешиваться в какие бы то ни было лесные сделки. И вслед за этим в Витебской, Могилевской, Псковской и других губерниях начались аресты и привлечения к суду за исполнение постановлений земельных комитетов.

Затем Пешехонов запретил земельным комитетам заниматься распределением посевной площади. Вслед за Пешехоновым выступил Некрасов, почти лишивший комитеты денежных средств. А рядом с этими господами и за одно с ними действовал Корнилов, напуская на крестьян казаков. Таким образом, «коалиция» на деле превращалась в контрреволюцию, усердными слугами которой были министры-«социалисты». Это стало настолько очевидным, что даже каменные сердца социалистов-революционеров дрогнули. В пензенской газете своей они обращаются к Керенскому с вопросом:

> — Где тот предел, тот рубеж, до которого вы решили отступать? Вот уже шесть с половиной месяцев вы ведете беспрерывное отступление по всем революционным фронтам, сдавая позицию за позицией... Кто вам дороже: трудовой народ или буржуазия? с нами ли вы, или против нас?»

Пензенские эсеры не замечают, что Керенский не отступал перед контрреволюцией, а наступал против революции; он не сдавал позиций, а брал их, состоя в стане корниловцев. Не даром говорят, что мы переживали столько же корниловщину, сколько и керенщину.

Пережили, но к сожалению не изжили. И не изжили по вине тех же пензенских, одесских и всяких других меньшевиков и эсеров, которые продолжают поддерживать керенщину: они лишь слегка поругивают ее, — больше для того, чтобы не потерять окончательно доверия рабочих, солдат и крестьян.

Всякие протесты против керенщины со стороны эсеров и меньшевиков не имеют цены, пока протестующие не разорвали своей партийной связи с героями керенщины. Сознание этого приводит к новым и новым разрывам так называемых «объединенных» с.-д. организаций. В Уфе из такой организации ушли, наконец, меньшевики-«оборонцы», и в Оренбурге — большевики. В резолюции по поводу своего освобождения из плена противоестественного объединенчества наши оренбургские товарищи говорят:

«Общее собрание с чувством глубокого удовлетворения отмечает, что с сегодняшнего дня она (организация) перестает быть оторванной, предоставленной самой себе единицей, и вступает в общую, пролетарскую международную семью».

«Социал-демократ» № 166, 7 октября 1917 г.

МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ О КРАСНОЙ ГВАРДИИ [1]

В июне, при выборах в Московскую городскую думу, многие рабочие голосовали за список № 3, за социалистов-революционеров. От них надеялись получить «землю и волю».

С тех пор социалисты-революционеры, в руках которых находится дума, успели показать себя. Они не хотели протестовать против введения Корниловым смертной казни для солдат. А городской голова — социалист-революционер ездил, заодно с контрреволюционерами, на поклон к Корнилову во время московского совещания.

Теперь заговор Корнилова поставил на очередь вопрос о рабочей красной гвардии для защиты пролетариата от

[1] Ни этой статьи, ни статей «Против пьянства» и «Берегите казну» в «Социал-демократе» (как указано в сборнике «1917», где помещен этот материал), нет. Повидимому они были напечатаны в других газетах, номера которых за 1917 г. не сохранились. Редакции не удалось установить, в каких именно газетах были напечатаны эти статьи. — Ред.

контрреволюционных покушений буржуазии. Казалось бы всякому искреннему демократу, а тем более социалисту и революционеру, можно только радоваться тому, что создается новая сила для охраны завоеваний революции. Но не так думает эсеровский «излюбленный человек» Руднев.

Сегодня в «Русском слове» сообщено, что Руднев считает учреждение рабочей красной гвардии опасным. Для кого опасным? Этого Руднев не говорит. Но вой, поднятый буржуазными газетами против вооружения рабочих, хорошо показывает, для кого именно опасно это вооружение. И Руднев оказывается солидарным именно с буржуазией, а не с демократией.

Сверх того, Руднев заявляет, что учреждение рабочей гвардии оскорбительно для армии. Для какой армии? Для революционной или для корниловской? Революционные солдаты и крестьяне могут только порадоваться, что их сила укрепляется с вооружением рабочих. А вот генералам и другим корниловским подручным это действительно не по сердцу. Как же понять, что г. Руднев, за партию которого голосовали и рабочие, оказывается не с рабочими, а против рабочих?

10 октября 1917 г.

РЕВОЛЮЦИЯ УЧИТ

Самодержавие держало в темноте рабочих, крестьян и солдат. За социал-демократическую пропаганду нас ждала многолетняя ссылка, а нередко и каторга. Только десятую часть правды могли высказывать рабочие газеты, да и те закрывались. Зато шумела во-всю буржуазия: и в миллионах своих газетных листов, и в Государственной думе она одурманивала народ в течение многих лет. Неудивительно, что в первые дни революции население доверчиво отнеслось к буржуазии, захватившей власть.

Но революция принесла возможность организоваться и говорить правду в защиту интересов крестьян, солдат и рабочих. С каждым днем, с каждым месяцем прояснялось политическое сознание населения. Гучкову и Милюкову пришлось убраться из правительства. Массы населения доверились меньшевикам и социалистам-революционерам, которые обещали повести дело так, чтобы и волки (капиталисты) были сыты, и овцы (народ) были целы.

Задача явно неосуществимая. Тем не менее соглашателям поверили, как это показали выборы в городские думы, — особенно в Питере и в Москве. В Москве социалисты-революционеры собрали в июне больше половины голосов. В думе у них 110 гласных из 200. В Москве тогда за больше-

виков было подано один голос из десяти, а в Питере один из пяти.

Но время шло, политическое сознание народа прояснялось. И в августе на выборах в Питере наша партия получила уже третью часть голосов. А еще через месяц, 24 сентября, в Москве мы получили еще больше.

Несмотря на все гонения против нас, несмотря на то, что меньшевики и социалисты-революционеры заполнили нашими товарищами все тюрьмы, закрывали наши газеты, запрещали демонстрации, не пускали в казармы, — сознательность солдат и рабочих все увеличивалась.

И результаты выборов 24 сентября в Москве показали, что эсеровские гласные в думе уже не представители московской демократии, а самозванцы на две трети. Политическая добросовестность должна бы уже подсказать им обязанность сложить свои полномочия.

Московские выборы показали полный крах политики соглашательства и обмана,— политики мелко-буржуазных партий. Эти партии сходят со сцены. Усилилась партия пролетариата, но усилилась и партия буржуазных корниловцев-кадетов.

Не только у пролетариата, но и у буржуазии классовое самосознание сделало шаг вперед. Исчезают партии соглашателей, а растут партии непримиримых врагов, — пролетариата и буржуазии. Близится бой между этими двумя классами. Будет буря, — мы поспорим и поборемся мы с ней!

«Социал-демократ», № 168, 10 октября 1917 г.

С КЕМ ОНИ ОБЪЕДИНИЛИСЬ

Рабочие, солдаты, беднейшее крестьянство об'единяются в одну революционную партию, под знаменем интернационалистов (большевиков). А с кем объединились меньшевики и социалисты-революционеры?

Они все время ратуют за соглашение с буржуазией; среди буржуазии ищут они «живых сил», которые спасут дело революции в России. И, наконец, нашли. Наконец, объединились с московскими капиталистами, ввели в свое правительство несколько крупно-буржуазных министров: Смирнова, Третьякова, Кишкина, Коновалова.

В № 171 «Известий Моск. совета рабочих депутатов» сообщается о том, что представляет из себя одна из этих «живых сил», новый член правительства Смирнов. Это — один из двух совладельцев Ликинской мануфактуры. Они остановили свою фабрику, потому что будто бы нет топлива. Они выбросили рабочих на голод и безработицу. Правитель-

ственная комиссия обнаружила, что Смирнов сказал неправду: у него имеется для топлива торф на 6 месяцев, да дров запасено громадное количество. Хлопка и другого материала хватит на несколько месяцев. Машины в полной исправности. Фабрика работает на три четверти на оборону, а одну четверть — для вольной продажи. И на складе у фабрики оказалось один миллион пятьсот тысяч аршин материи.

Что же? Или непомерно высокая плата рабочим заставила Смирнова остановить работу? Нет. Слушайте: у Смирнова рабочие получали только по 78 коп. в день; Смирнов их держал по нескольку семейств в одной конуре. И еще обнаружено вот что: чтобы показать, что топливо подвозить не на чем, Смирнов заморил своих лошадей голодом, хотя кормов у него в волю. Заморил лошадей; захотел заморить и людей, чтобы рабочие смирились. Смирнов показал, как фабриканты следуют лозунгу своего вождя Рябушинского: смирить рабочих путем голода.

И вот теперь этот изверг, моривший лошадей и людей, скрывший полтора миллиона аршин материи в то время когда солдаты и их семьи ходят в рваных рубахах, — этот зверь в человеческом образе попал в «живые силы страны». Его пригласили в правительство, с ним объединились меньшевики и социалисты-революционеры будто бы для спасения революции, а на самом деле затем, чтобы задушить революцию, придушить рабочих, солдат и крестьян. Объединились уже после того, как знали, что за птица этот Смирнов. А другие капиталисты,— Третьяков, Кишкин, Коновалов,— чем они лучше Смирнова, если идут за одно с ним?

Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Запомните хорошенько про Смирнова и расказывайте всем про то, с кем теперь объединились меньшевики и социалисты-революционеры, кого они призвали в свои товарищи, чтобы вести одну общую политику. Подумайте, к чему может привести Россию правительство Смирнова и Керенского!

Скажите: для того ли мы делали революцию, чтобы попасть под власть Смирнова, Третьякова, Керенского и других подобных?

Что же теперь делать?

«Социал-демократ», № 169, 11 октября 1917 г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Наши противники много шумели и возились вокруг объединения всех социал-демократических фракций; они не мало пролили слез по поводу политической раздробленности пролетариата.

Эта политическая раздробленность, действительно, представляла собою большое зло. Но как устранить его? Просто ли механическим об'единением разнородной и разношерстной публики, об'единением революционного пролетариата с соглашательскими, оппортунистическими элементами так называемой интеллигенции? Этот путь предлагали наши противники — меньшевики и так называемые «об'единенцы». Но из их попыток ничего не вышло. В августе они устроили свой съезд, создали «объединенную» организацию. Но с первых же дней у них начались раздоры, расколы, расхождения.

Мы шли другим путем, мы отказывались объединяться с оборонцами и соглашателями, но зато старались объяснить пролетарским массам истинные пути и цели пролетарской борьбы.

И пролетариат в огромном большинстве своем пошел по этому пути. Рабочие с каждым днем все больше и больше отходили от соглашательской политики и объединялись в одну пролетарскую собственную партию; они отбросили от себя соглашательские, полубуржуазные элементы. Это показали перевыборы в Советы рабочих депутатов в Питере и в Москве; это подтвердили питерские городские выборы в августе. И еще сильнее это обнаружилось на московских выборах 24 сентября.

На этих выборах меньшевики и «объединенцы» получили ничтожное количество голосов: пролетариат почти весь отвернулся от них.

Число голосов, поданных за социалистов-революционеров, уменьшилось против июньских выборов чуть ли ни в десять раз. Это показывает, что и от эсеров рабочие уходят в свою единую, пролетарскую партию интернационалистов. Все-таки эсеры собрали порядочное количество голосов, тысяч около сорока; в этом числе немало и голосов пролетарских. Приходится пожалеть о том, что многие еще рабочие идут не в свою партию, а в чужую, не пролетарскую.

В самом деле, что представляют собой эсеры? В их партии объединились люди с прямо противоположными целями и интересами. Правые эсеры почти ничем не отличаются от кадетов и тянут руку буржуазии и помещиков, а левые эсеры стоят на стороне рабочих и крестьян. Объединение правых и левых эсеров—это нелепое объединение тьмы и света, огня и воды. Это должны были почувствовать и правые и левые: раскол был неизбежен и он начался уже, как ни старались эсеры замять его.

Этот раскол означает отхождение пролетарских элементов партии от элементов буржуазных. Через партию социалистов-революционеров буржуазия оказывала влияние на пролетариат, подчиняла политику рабочих интересам буржуазии и помещиков. Откол левых эсеров означает освобождение эсеровских рабочих из-под идейного влияния буржуазии. И когда этот раскол окончательно завершится, тогда исчезнут постепенно и все основания к тому, чтобы рабочим из числа бывших эсеров итти врозь с своими же братьями,—остальными рабочими: их место будет в рядах единой пролетарской партии.

К этому ведет сама жизнь, ведет неудержимо.

Но московские выборы обнаружили и еще один факт, в высшей степени важный: за партию пролетариата голосовало 80 процентов солдат. В этой солдатской массе большинство принадлежит к беднейшим крестьянам. Крестьяне начинают терять веру в политику соглашений с буржуазией и объединяются с рабочими в одну партию.

К этому также ведет неудержимо сама жизнь.

В лице единой партии пролетариата, соединившегося с деревенской беднотой, создается та сила, перед которой не устоит буржуазия.

«Социал-демократ», № 169, 11 октября 1917 г.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Царское правительство, властвуя над народом против воли народа, развело бесчисленное количество жандармов, охранников и прочей подобной сволочи. Революция одним махом смела эту нечисть.

Некоторое время Россия прожила свободно и не тужила. Но по мере того, как Временное правительство теряло доверие страны, оно стало чувствовать потребность в восстановлении тайной политической полиции. Некоторое время роль царской охранки выполняла контрразведка. А теперь опубликовано об учреждении «управления по делам общественной полиции министерства внутренних дел».

Рядом с «милицией» опять «полиция».

Расход на новые полицейские учреждения производится «по смете на содержание департамента полиции». Начальнику полиции назначено жалованье 15.000 р., его помощнику—12.000 р. и т. д., специально на «сотрудников»—20.000 р., а всего пока 408.000 р. в год.

Но ясное дело, что это только начало. На что другое, а на шпиков и провокаторов у Временного правительства деньги всегда найдутся. Новое шпиковое учреждение сразу

стало любимым детищем Керенских; не успели учредить его, как уже ассигновали дополнительно «на устройство библиотеки и столовой» для шпиков 15.000 р.

Во главе этого учреждения не мешало бы поставить Бурцева, а в подручные дать ему Алексинского: разве можно допустить, чтобы правительство не оценило их заслуг и обидело бы их, не увенчав достойным концом их политическую карьеру?

«Социал-демократ», № 170, 12 октября 1917 г.

ЭТО ЕСТЕСТВЕННО

Временное правительство восстановило старый департамент полиции, снесенный революцией. На полицейских чиновников, на шпиков и провокаторов оно, пока что, назначило 400.000 р. в год, а еще на устройство для них столовой и «библиотеки» 15.000 р. Сытно будут жить шпики и провокаторы в голодной России.

Либерданы (меньшевики и эсеры) из ЦИК разработали проект восстановления охранных отделений по всей России. Кадетская газета «Русские ведомости» негодует на это, но сама же спешит с проектом ввести опричнину, которая рыскала бы во всей России с метлами и песьими головами, или в голубых мундирах, и вела бы войну против внутренних врагов.

Предлогом для введения опричнины наши либералы выставляют рост беспорядков погромного характера. Войскам либералы не доверяют. «Необходимо,— говорят они,— сформирование особых отрядов для борьбы с беспорядками,— отрядов, аналогичных ударным баталионам на фронте».

Спасибо за признание: до сих пор нас уверяли, будто ударные батальоны формировались для военных действий; теперь либералы признаются сами, что это попытка восстановить старых жандармов под новым названием.

Итак, восстановление старого порядка и царской полиции идет с двух концов: внизу—ударные баталионы уже созданы для армии и проектируются подобные же баталионы для тыла. А сверху—восстановлен шпиковский и провокаторский аппарат в лице нового департамента полиции, и проектируется восстановление охранных отделений по всей России. Этому нечего удивляться. Ведь в течение 7 мес. Временное правительство стремилось все время только к одному,—к спасению старого порядка во всем, в чем возможно.

Революция принесла свободу солдату, а Временное правительство постаралось урезать ее декларацией прав военнослужащих, смертными казнями и корниловщиной

Революция очистила тюрьмы от политических заключенных, а правительство вновь заполнило их. Революция поставила на очередь передачу помещичьих земель крестьянам, а правительство изо всех сил старается помешать этому. Революция фактически прекратила войну, а правительство восстановило эту проклятую бойню и ничего не сделало, чтобы приблизить заключение мира.

Революция принесла рабочим свободу организаций, а правительство пытается наложить на них свою буржуазную лапу,—в первую очередь на фабрично-заводские комитеты. Революция принесла свободу печати, а правительство закрывает рабочие и солдатские газеты, издает законы против печати.

Революция дала фактическую силу Советам рабочих и солдатских депутатов. А правительство при содействии предателей из меньшевиков и эсеров, захвативших в свои руки Центральный комитет советов, старается уничтожить всякую власть Советов заменить их буржуазными и полубуржуазными совещаниями.

Революция требует обложения налогами буржуазии, а правительство печатает бумажки, обесценивает рубль и этим понижает заработную плату рабочих.

И так во всем. Правительство, созданное революцией, оказалось правительством контрреволюции. Немудрено, что рабочие, солдаты и крестьяне перестают ему верить, не поддерживают его. И правительству контрреволюционной буржуазии, вместе с предателями из лагеря меньшевиков и эсеров, только и остается, что итти по пути царского правительства: заводить жандармов, шпиков и провокаторов, готовить тюрьмы и виселицы для народа.

«Социал-демократ», № 174, 17 октября 1917 г.

КАК ЖИВУТ НАШИ СОЛДАТЫ ВО ФРАНЦИИ

Во имя грабительской бойни бросили наших солдат не только защищать границы России, их бросили во Францию защищать интересы французских капиталистов. Огромные средства затрачены на перевозку, чтобы видом наших солдат возбудить еще более воинственный пыл французских солдат. Наши солдаты терпели, мечтали там, в чужой стране, когда же кончится бойня. Когда у нас произошла революция, солдаты начали волноваться: они стали проситься домой. И все то угнетение, какое они видели от офицеров, вызвало в них теперь особую ненависть. Их заперли в лагере Ла-Куртин. Там солдаты почувствовали себя, как плен-

ные. Их окружили там стражей, потребовали, чтобы они положили оружие и вышли в местечко Клеро. А когда 500 человек вышло, то генерал Зданкевич арестовал из них 22 человека. Потом сложили оружие и сдались в плен генералу Зданкевичу еще 6.000 наших солдат. 2.000 человек не пожелали сдавать оружие. Тогда их стали морить голодом, перестали платить жалованье, их окружили французскими солдатами, которые обращались с ними, как с пленными, и запретили им посещение соседнего города Оккуртин.

Наконец, 27 августа генерал Зданкевич объявил «мятежникам» распоряжение Временного правительства об отозвании наших войск из Франции. Но солдаты, видно, хорошо знали, как с ними разделается царский генерал Зданкевич,— отказались сдать оружие. Напрасно их уговаривали разные депутации. Тогда по приказу генерала Зданкевича открыт был редкий артиллерийский огонь по лагерю наших солдат, и было выпущено 18 снарядов; а когда пообещали усилить огонь, вышло 160 человек; 4 сентября снова открыли огонь, и выпустили опять 30 снарядов. Окруженные артиллерией несчастные солдаты стали выходить. Их вышло 8.515 человек. Министерство иностранных дел сообщает, что всего убито солдат 8 и ранено 44. Но мы привыкли к официальной лжи. Потом еще арестовали 81 человека. Потом выделили «особенно беспокойных» и разослали их в Бурглаотье и в Ильдек. Остальные оставлены в лагере Ля-Куртин и ждут, когда царский слуга Зданкевич выяснит «степень важности и ответственности» несчастных пленников.

Так живут наши товарищи солдаты во Франции. Во имя бойни, затеянной царями и капиталистами, десятки тысяч наших братьев брошены в чужую страну; они потеряли убитыми и ранеными там своих близких, им захотелось, наконец, увидеть свою родину, без рабских цепей, без кнута, без виселиц. Но они ошиблись. Власть еще в руках у людей, которые восстановили смертную казнь, оставили на местах царских генералов и в их руки отдали солдат. Рванулись наши солдаты к светлому солнцу свободы и обрели смерть, заплатили страданиями убитых, раненых, пленных. И нам понятен, близок вопль этих солдат, который прозвучал в воззвании Ф. Полегаева: возьмите нас туда, где вы!

«Деревенская правда», № 1, 17 октября 1917 г. [1]

---

[1] «Деревенская правда»—ежедневная популярная, посвященная нуждам солдат и беднейшего крестьянства, газета; орган Московской военной организации большевиков, большевистских фракций Моссовета и областного съезда Советов. Выходила в Москве с 17 октября 1917 г. М. Ольминский был одним из активных авторов газеты.—Ред.

КОНТРАТАКА ПРОТИВ КАПИТАЛИСТОВ

Со времени революции Временное правительство всех составов без конца увеличивает количество бумажных денег.

Что же получилось из этого? Кредитный рубль с каждым днем обесценивается, а цены на все товары скачут вверх.

Кто от этого теряет и кто выигрывает?

Выигрывают все владельцы действительного имущества: товара, заводов, мастерских, домов и т. п.

А теряют все те, кому приходится жить на определенный денежный доход или кто имеет сбережения в форме денег.

Например, если у вас было 100 руб. в деньгах или в сберегательной кассе, то вы на них можете теперь купить лишь столько, сколько раньше купили бы на 10 р. Вы уже потеряли 90 рублей из ста.

То же со всеми служащими и рабочими: если вы теперь получаете 10 руб. в день, то ваше положение не лучше, чем до войны при заработке 1 р. в день. Но если вы вместо 1 руб. стали получать 5 руб., то значит ваше положение вдвое ухудшилось.

Капиталисты лживо кричат, будто они разоряются от повышения заработной платы: на самом же деле, заработок рабочих нигде не поспевает за падением рубля. Положение рабочих везде ухудшается.

Теряют от падения рубля и те крестьяне, у которых вместо хлеба и инвентаря оказались в руках деньги. Вот почему крестьяне неохотно продают продукты.

И все владельцы товаров стараются продавать поменьше: зачем продавать за 1 рубль, когда завтра будет стоить 1 руб. 50 к., а послезавтра—2 р. и больше?

Всякий, у кого есть деньги, старается обращать их в вещи, делает запасы. От этого еще увеличивается недостаток припасов и товаров.

Прекратить все это можно тогда, когда правительство перестанет выпускать новые бумажки.

Но где же взять денег правительству на расходы?

Во-первых, конечно, обложить имущие классы. Но этого не хочет сделать правительство буржуазии и ее лакеев «социалистов».

А во-вторых, необходимы самые решительные меры к сокращению расходов. Сделать здесь можно не мало.

Сейчас создалось нелепое положение, когда государство расходует средства на два правительственных аппарата: и на царский, и на республиканский.

Яркий пример этого: рядом с «республиканским» Советом остаются и Госуд. дума, и Госуд. совет. Необходимо полное и немедленное прекращение расходов на учреждения не республиканские: таких расходов очень много. Например, до сих пор уплачивается жалование земским начальникам. Необходимо затем сокращение расходов на армию, путем дальнейшей демобилизации, т. е. роспуска излишних тыловых частей и путем уменьшения непомерного расхода на генералов. Нужно кончить войну немедленно.

Ни одного рубля новых бумажных денег,—таков должен быть лозунг (требование) пролетариата и беднейшего крестьянства.

Буржуазные газеты кричат, будто рабочие ведут «атаки на казначейства». На самом деле, выпуском бумажных денег производятся атаки на рабочих и крестьян. Необходима скорейшая контратака на капиталистов.

«Деревенская правда», № 1, 17 октября 1917 г.

УЧИТЕСЬ У БАКИНЦЕВ!

Город Баку—центр нефтяной промышленности для всей России. Бакинский пролетариат издавна славится своей революционной энергией. Перед революцией 1905 года он часто выступал застрельщиком забастовочной борьбы. После 1905 года, когда уже по всей России царила реакция, в Баку, как говорится, была республика в течение двух-трех лет.

В начале нынешней революции о бакинских рабочих почти не было слышно. Значит ли это, что бакинский пролетариат молчал? Совсем нет! И сейчас, когда в Баку разразилась всеобщая забастовка, становится ясным, что бакинский пролетариат вновь, как в 1905 году, становится в первом ряду пролетариата.

Передо мной № 146 «Известий Совета рабочих и военных депутатов бакинского района». Я приведу некоторые сведения и документы из этой газеты. Слушайте, товарищи-рабочие всей России, и учитесь у бакинских рабочих!

Второй день забастовки, Центральный стачечный комитет извещает:

Товарищи! Первый день забастовки во всех районах проведен нами дружно, организованно и стройно. Везде и всеми соблюдался полный порядок и сохранялось полное спокойствие. Распоряжения нашего Центрального стачеч-

ного комитета исполнялись всеми беспрекословно в полном сознании необходимости крепкой стачечной дисциплины. Ваши враги поражены вашей стойкостью и организованностью. Симпатии общества и его сочувствие все больше склоняются в вашу пользу. Так сохраним и укрепим наш боевой порядок и впредь. В этом залог нашей победы. Да здравствует победа!

Центральный стачечный комитет.

Обязательное постановление

Исполнительного Комитета Совета раб. и воен. деп. и Центрального стачечного комитета.

Подлежат немедленному аресту все, замеченные в появлении в нетрезвом виде на улице, а также и те, кто будет изобличен в продаже спиртных напитков.

Районным стачечным комитетам

Центральный стачечный комитет постановил привлечь инженеров и техников к охране промыслов и заводов. Управляющие и заведывающие и их семейства должны пользоваться как телефонами, так и светом совершенно беспрепятственно, и на этой почве не должно быть никаких трений.

В стачечном комитете

Президиум комитета сконструировался. Председателем (26 голосами) избран т. Джапаридзе. Товарищами председателя — Васин и Чураев, казначеем — Рабинович, секретарями — Маневич, Давит и Беккер. В состав стачечного комитета, кроме Исполнит. комит. совета и избранных по районам представителей, войдут по 1 представителю политических партий, по три представителя от солдат, матросов, казаков и совета профсоюзов; по 2 чел. от союзов моряков, нефтепромышленных рабочих, конторских служащих, заводских и промысловых служащих, металлистов и согласительной комиссии. Затем было постановлено обратиться с воззванием-листовкой ко всем рабочим по поводу самочинных выступлений.

От центрального стачечного комитета

Во время забастовки театры и кинематографы должны быть открыты в обычном порядке. Кафе-шантаны на время забастовки должны быть закрыты. Рестораны 1 разряда и

клубы могут быть открыты только до 11 часов вечера, причем всякие игры и пьянство строго воспрещаются. В случае каких-либо беспорядков или торговли вином, заведения будут закрыты.

К о в с е м п р о м ы с л о в ы м, з а в о д с к и м и р а й о н н ы м к о м и с с и я м с о в е т а р а б о ч и х д е п у т а т о в б а л а х а н с к о г о р а й о н а

В дни забастовки продолжать сбор железа и переработку его. Центральный стачечный комитет, печатая настоящее объявление, предлагает всем стачечным органам оказать необходимое содействие отделу по сбору железа.

Центральный стачечный комитет бакинского нефтепромышленного района объявляет, что работы в военном порту, согласно постановлению конференции, должны производиться беспрепятственно.

Комиссия по учету нефти при Центральном стачечном комитете просит тт. рабочих и служащих промыслов всемерно содействовать немедленной откачке нефти на нефтепроводы, а также тт. служащих и рабочих нефтепроводов не задерживать приемку указанной нефти и откачку ее в Черный город.

О с р е д с т в а х п е р е д в и ж е н и я в о в р е м я з а б а с т о в о к

1) Для обслуживания стачки и необходимых продовольственных нужд все автомобили переходят в распоряжение Центрального стачечного комитета.

2) Центральный стачечный комитет через правление союза шоферов распределяет имеющиеся автомобили и дает разрешение для пользования ими.

3) Правление союза шоферов устанавливает суточные дежурства автомобилей в распоряжение Центрального стачечного комитета.

4) Выезды (фаэтоны) разрешаются только стачечными комитетами, причем должны обслуживать общественные нужды.

«Социал-демократ», № 175, 18 октября 1917 г.

ПОСРАМИЛИ БОЛЬШЕВИКОВ

В Киеве подходит к концу судебный процесс о большевиках-гренадерах (солдатах и офицерах). В начале процесса буржуазные газеты широко рекламировали его, чтобы по-

срамить большевиков, а затем вдруг прикусили язык. В киевской газете «Гол. С.-Д.» находим любопытные сведения о ходе процесса.

На суде выяснилось, что «все обвинения в отказе от наступления и в самовольном уходе с позиции вздорны и ни на чем не основаны; и если кое-кому следует сесть на скамью подсудимых, то во всяком случае не тем, кто на ней сидит».

Главный обвиняемый, штабс-капитан В. шел всегда впереди солдат в бою и делил с ними все лишения. Все обвинения против В. и других обвиняемых рассыпаются в прах. «Бодро настроены все подсудимые. Не видно понурых или растерянных лиц».

Обвиняют на суде эсеры и меньшевики. «Чего только не было в их показаниях! И лжебольшевики, и шкурники, и городовые, и жандармы», — но все это оказалось плодом фантазии. Часть подсудимых арестована только за то, что они были членами полкового совета, а часть — по доносам офицеров. Один солдат арестован только за то, что высказывался против ротного командира-немца, переговаривавшегося с неприятелем из окопов по-немецки.

Для ареста вызывали по списку: Иванов! Александров! Но Ивановых было 2, а Александровых — 3. Кого же арестовать из них? Меньшевик комиссар Киренко отвечал: «Да, которого-нибудь!» И теперь судят случайно вышедших вперед одного Иванова и одного из Александровых.

Вчера телеграф принес известие, что т. В. и другие оправданы, на улице им была сделана сочувственная манифестация. Вот как описываются события в день приговора в газете «Русские ведомости»:

> «В течение целого месяца в Киеве рассматривалось дело 78-ми солдат гвардии гренадерского полка во главе с капитаном В., обвиняемых в неисполнении боевого приказа об отходе на позиции, чем обвиняемые способствовали нашей катастрофе под Тарнополем. Вчера процесс закончился. На разрешение военных присяжных поставлено 303 вопроса, на которые ответили: «Не доказано» или «Нет, не виновен». Все подсудимые оправданы.
>
> Заключительный момент процесса происходил в исключительных условиях. Здание суда было переполнено массой публики, громко выражавшей свое одобрение подсудимым. Просьбы председателя суда разгрузить зал и прекратить шум не были исполнены. На площадь перед зданием суда прибыли некоторые воинские части с оркестрами и плакатами с большевистскими лозунгами. Пока происходило совещание присяжных оркестры играли Интернационал и Марсельезу. Неслось громкое «ура».
>
> Чтение оправдательного вердикта встречено оглушительными аплодисментами и криками «ура» и пением революционных

гимнов. Большевики смешиваются с подсудимыми, поздравляют их и целуются.

«Социал-демократ», № 176, 19 октября 1917 г.

С ЭТИМ НЕ ШУТЯТ

Буржуазная печать использует успех германцев на Эзеле, как использовала раньше прежние подозрительные «успехи», — для борьбы против революции.

Между тем в кронштадтской газете «Пролет. дело» (№ 66) находим следующее сообщение:

> «Немцы угрожают Петрограду, а в это время, как нам достоверно известно, Временное правительство стремится обезоружить ряд укрепленных пунктов, стоящих на пути к Петрограду, требует снятия с укрепленных мест пушек (которые можно установить в другом месте только через полгода), открывая теперь путь немцам к Питеру. Все это делается для того, чтобы выполнить свои контрреволюционные планы, чтобы разоружить революцию и ее центры. Мы не указываем мест и обстоятельств, чтобы не подвергнуться обвинениям в разглашении военной тайны, так как Временное правительство сделало из этого тайну, хотя об этом, по всей вероятности, знает тот, от кого будто бы это скрывают».

Может быть, обезоруживает подступы к Питеру не Временное правительство, а царские генералы. А может быть все это — лишь слухи. Во всяком случае факт требует расследования.

С этим не шутят.

«Социал-демократ», № 176, 19 октября 1917 г.

НА ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ

Во главе правительства у нас стоят социалисты-революционеры, кормящие крестьян завтраками насчет земли. Впрочем, кормят крестьян не только завтраками, но и пулями. Мы все время указывали, что вожди эсеров дадут крестьянам землю только на кладбище, а волю на небесах. Теперь послушайте, что написано в кронштадтских «Известиях» (№ 159):

> Кронштадтский С. Р. и С. Д., заслушав 29 сентября доклад делегатов из Казани об избиении крестьян солдатами, при чем было ранено около 150 человек и убито 15 человек, заявляет, что в этой ужасной расправе всецело виновато Временное правительство, которое всей своей политикой помогает помещикам и капиталистам грабить народные массы, что вызывает массовое недовольство на почве голода и недостатка продуктов, вызывает аграрные волнения, которые подавляются вооруженной силой власти, натравливает на беззащитных крестьян обманутые солдат-

ские массы. Кронштадтский Совет протестует против политики Временного правительства, которая является политикой гражданской войны, политикой насилия, ничем не отличающейся от расправ царских холопов.

Кронштадтский Совет предлагает послать специальную делегацию, которая на месте выяснит причины этого ужасного избиения и объяснит участвовавшим в этом избиении войскам всю контрреволюционность их расправы, полезной врагам трудового народа, помещикам и капиталистам.

Кронштадтский Совет предлагает своей делегации обратиться за помощью и содействием в Петроградский Совет Р. и С. Д. и других городов по пути, и в Казанский С. Р. и С. Деп.

В делегацию избраны товарищи Колюшкин, Халапсин и Титов.

Буржуазные газеты размазывают кучу слов о всякой обиде, нанесенной капиталисту или помещику. А о том, как было убито 15 и ранено 150 крестьян, мы в этих газетах что-то ничего не видим!

Интересно, что разгромленные казанские крестьяне обратились за помощью не к Черновым, Керенским и Либерданам, а в революционный Кронштадт. Это показывает, кому начинают верить крестьяне и в ком они уже изверились.

Крестьяне становятся на правильный путь.

«Социал-демократ», № 176, 19 октября 1917 г.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Война прекратила домостроительство в городах. А население растет. Скачут вверх цены на квартиры и комнаты. Но еще хуже то, что многие остаются вовсе без приюта: ни за какие деньги не найдешь квартиры. Необходимо принимать меры; надо заставить потесниться буржуазию. Для этой цели создаются разные проекты. Познакомимся с одним из них.

В № 8 эсеровского журнала «Самоуправление» напечатан проект Н. Брянского о налоге на роскошь в пользовании жилищем. Налогу подлежат домовладельцы, квартиранты и комнатные жильцы, у которых на каждого члена семьи приходится более 15 квадратных аршин пола. Налог прогрессивно увеличивается для лиц, занимающих большие квартиры.

По проекту Н. Брянского для Петрограда размер налога растет следующим образом:

Если на человека приходится 20 аршин, то, примерно, платится в год 10 к. с аршина, то есть 2 р. с человека. Если же приходится 40 аршин, то с аршина платится в пять раз больше, то есть 50 коп. или 20 р. с человека. Если приходится 80 аршин, то налог с аршина в 13 раз больше, т. е. 104 р. с человека. Если на человека приходится 180 аршин, то с аршина платится в 50 раз больше, т. е. с человека 900 р. в год. Если же на человека приходится 500 аршин, то с ар-

шина платится в 200 раз больше, то есть, с человека 10.000 руб. в год.

Как видит читатель, этот налог прямой (не может перелагаться на другое лицо) и вполне справедливый. Если буржуй, занимающий хоромы в 500 аршин на члена семьи, вздумает жаловаться, что 10.000 р. в год с человека платить тяжело, то ему можно будет всегда ответить:

Потеснитесь, и налог будет меньше.

Перед городскими думами остро стоит вопрос о введении новых налогов: городские кассы пусты. Налог, предложенный Н. Брянским, дал бы возможность не вводить новые налоги на бедноту.

Проект налога на роскошь в жилище исходит, как я сказал, от эсера и напечатан в эсеровском журнале. Но редакция журнала сама же спешит возразить, что «и теоретическое обоснование предлагаемого т. Брянским налога, и практическое его применение могут быть приняты только с большими оговорками». А с какими именно «оговорками»— не сказано.

Таким образом, в вопросе об этом налоге мы видим новое повторение того, что постоянно наблюдается у эсеров: в низах у них хорошие планы, хорошие желания, а верхи сейчас же осаживают партию: не смей!

Это мы видим и в вопросе о земле (ждите второго пришествия!) и в вопросе о замене постоянного войска всенародной милицией (долой красную гвардию!) и во всем прочем. Хороши на словах, а на деле пуще всего вожаки эсеров боятся огорчить помещиков и буржуазию.

Та же участь, очевидно, суждена и проекту налога, предложенного эсером Н. Брянским. Но мысль налога хороша, и ее нужно использовать. Необходимо всесторонне рассмотреть вопрос и начать агитацию в массах за скорейшее введение налога на роскошь в жилище. В Москве этот вопрос должен быть немедленно обсужден не только на рабочих собраниях, но и в районных думах.

Введение этого налога встретит, конечно, противодействие и оттяжки, как со стороны нашей эсеровской думы, так и со стороны правительства эсера Керенского. Перед этим нельзя останавливаться. Без борьбы не обойдешься, и нельзя ее откладывать.

«Социал-демократ», № 177, 20 октября 1917 г.

БУРЖУАЗИЯ ГОТОВИТСЯ К НАСТУПЛЕНИЮ

За последнее время крупная промышленная буржуазия лихорадочно перестраивает фронт своих профессиональных

организаций, приводя его в боевую готовность. Буржуазия силится наверстать то, что не было сделано в первые месяцы революции.

Недавно в Москве, под председательством министра Третьякова, состоялось собрание фабрикантов и заводчиков, на котором было положено основание новой организации буржуазии: «Всероссийский союз союзов». Главным руководителем этого союза приглашен бывший царский министр Кривошеин. В организационное бюро входят крупнейшие промышленники: министр С. А. Смирнов, Г. А. Крестовников, С. А. Морозов, С. И. Четвериков, Л. Л. Рабенек и др., а также прислужники капитала в лице Ю. И. Поплавского, А. С. Зернова и др.

Союз включает в себя все главнейшие промышленные организации, как-то: об-во фабрикантов и заводчиков промышленного района, всероссийское общество кожевенных заводчиков, всероссийское об-во суконных фабрикантов, общество хлопчато-бумажных фабрикантов, всероссийское общество льнопромышленников, общество красильно-аппретурных фабрикантов, общество меховой промышленности и др.

Цель этого «союза союзов»— борьба с рабочим классом путем широко проводимых локаутов. Для начала «союз» располагает капиталом в 50 миллионов рублей, который составился из взносов промышленников, причем, по уставу каждое предприятие, входящее в «союз», вносит двадцатикратную сумму убытка от одного дня забастовки. Так, например, если один день забастовки данного предприятия дает убыток в 2 тысячи рублей, то предприниматель обязан внести в фонд «союза» 40 тысяч рублей.

Все участники союза под угрозой крупной материальной ответственности обязаны подчиняться всем постановлениям правления союза и не входить ни в какие отдельные соглашения с рабочими помимо и без ведома «союза». Если в каком-либо из предприятий рабочими будет объявлена забастовка, то по постановлению «союза союзов» могут быть закрыты и другие предприятия. Итак, буржуазия развертывает фронт и готовится к наступлению на рабочих, а вместе с тем, конечно, и на революцию.

В виду этого приобретает особый смысл то обстоятельство, что буржуазия, благодаря предательству социалистов-соглашателей — меньшевиков и соц.-рев., уже захватила ныне один из главнейших форпостов борьбы — центральную государственную власть, которую она,— это не подлежит ни малейшему сомнению,— в ближайшее время самым решительным образом использует в своих классовых интересах.

Буржуазия готовится дать бой рабочему классу. Товарищи-рабочие! Близится час,— это будет последний и решительный бой.

«Социал-демократ», № 180, 24 октября 1917 г.

СРЕДИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Самодержавие давило не только пролетариат, но и мелких хозяев, а отчасти и среднюю буржуазию. Для борьбы за буржуазную свободу наиболее энергичные буржуазные деятели искали себе опоры в рабочих и крестьянах; ради своих классовых, буржуазных целей они объявили себя социалистами, чтобы успешнее вовлекать в свою борьбу рабочих и крестьян. Такие буржуазные деятели иногда в молодости и сами верили будто они социалисты; и такими «социалистами» кишмя кишела так называемая социалистическая интеллигенция.

Пришла революция. И немедленно же должна была обнаружиться буржуазная природа значительной части социалистической интеллигенции. Но буржуазная часть ее по старой привычке оставалась еще в рядах социалистов; а рабочие и крестьяне продолжали без разбора верить «заслуженным, старым борцам революции».

Быстрее всего очищение от буржуазных элементов произошло среди нас, большевиков; наша «нетерпимость» повела к скорому выделению тех, кто стал на буржуазную точку зрения. Наша партия стала определенно пролетарской; и она втягивает в себя почти весь революционный пролетариат.

Это оказалось тем легче сделать, что еще до революции наша партия отгородилась начисто от оппортунистов-ликвидаторов, проводивших буржуазное влияние на пролетариат. В партии меньшевиков, наоборот, после революции произошло слияние буржуазных и пролетарско-революционных элементов. Это слияние дало им кратковременный успех, достигнутый ценой подчинения революционно-пролетарских элементов элементам буржуазным (либерданским). Но после краткого успеха среди меньшевиков началось неизбежное разложение и падение.

Такое же неизбежное разложение началось и среди социалистов-революционеров. О нем давно уже поговаривали. Но в самые последние дни произошло и открытое проявление раскола. Буржуазные элементы партии, выступили с протестом против Центрального комитета партии, обвинили его в близости к большевизму, и образовали «организационный совет». Они не объявили еще о выходе своем из партии, но начало расколу уже положено.

Интересно сопоставить, сравнить правых социалистов-революционеров с левыми.

Правые считают вредным «двоевластие», влияние Советов раб. и солд. депутатов на правительство; они обвиняют левых в «германофильствующем» интернационализме; они обвиняют свой центральный комитет в стремлении к миру ценой национального позора; они против права на самоопределение наций, входящих в состав России и т. д. Кадеты в своей газете «Речь» говорят по поводу этого воззвания (ультиматума) правых эсеров.

«Разве основные требования партии народной свободы не совпадают целиком с тем ультиматумом, который заслуженная группа эсеров предъявила своему Центральному комитету, в котором колдует все тот же Чернов?»

Кадеты на этот раз говорят правду: требования правых эсеров совпадают с требованиями буржуазной кадетской партии. Правые эсеры — это те же кадеты; они тянут в сторону буржуазии, они хотят вести буржуазную политику. Они — враги рабочих, враги крестьянской бедноты. Они за помещиков и за буржуазию против рабочих и против крестьян. И партия социалистов-революционеров терпела и терпит в своей среде таких людей!

В числе этих господ, этих врагов пролетариата и крестьянства на первом месте стоит «бабушка» К. Брешко-Брешковская, которая на-днях в московской газете «Земля и воля» требовала, чтобы рабочие не смели спорить с хозяевами о длине рабочего дня и о величине заработной платы. А рядом с разными «бабушками», желающими для рабочих восстановить крепостное право (ведь только при крепостном праве рабочим не приходится «спорить» с хозяевами) в той же партии еще остаются и рабочие! И, например, недавняя — петроградская конференция вынесла резолюцию с требованиями, очень близкими к требованиям нашей партии.

Конференция высказалась за «однородную» (то-есть без коалиции с буржуазией) власть, ответственную «перед центральными органами революционной демократии».

Эта власть прежде всего должна издать закон «о переходе всей земли со всем инвентарем в ведение земельных комитетов», то есть не ждать с землей до Учредительного собрания, как проповедывали раньше эсеры, играя в руку помещикам. Далее власть, по мнению конференции, должна немедленно ввести рабочий контроль над производством, объявить закон о 8-ми часовом рабочем дне, обложить максимальным налогом имущие классы, ввести твердые цены на товары, нужные для деревни, обновить в армии командный состав, издать закон об армейских организациях, не-

медленно предложить всеобщее перемирие; прекратить преследование «левых социалистических партий и их печати», и признать право на самоопределение народов, входящих в состав России.

Как видите, требования петроградской эсеровской конференции очень близки к нашим, большевистским требованиям. Но какая же цена этим требованиям, если требующие продолжают оставаться в составе партии Керенского, Авксентьева, «бабушки», Минора, Руднева и других ведущих прямо противоположную политику, политику кадетов, политику врагов пролетариата и крестьянства?

Оставаясь в одной партии с «бабушкой», эсеры, принявшие почти большевистскую резолюцию, делают нехорошее дело. Они завлекают рабочих и крестьян в партию, в которой политику ведут Керенские и Авксентьевы, враги рабочих и крестьян.

Например, левые эсеры требуют не ждать с землей до Учредительного собрания; и рабочие, согласные с этим, подают голос за эсеров, укрепляют власть Керенских и Авксентьевых. А Керенские и Авксентьевы стараются спасти землю для помещиков. И выходит, что левые эсеры агитируют на словах в пользу крестьян, а на деле работают в пользу помещиков.

Как называется такая политика?

Но,— возразят может быть левые эсеры,— мы не хотим уходить из партии, потому что предпочитаем, чтобы ушли «бабушки», а партия осталась бы в наших руках. Это тем более удобно, что Центральный комитет нашей партии не в руках «бабушек», а в руках тех, против кого с ненавистью выступают эти «бабушки».

«Речь» уверяет, будто в Центральном комитете эсеров «колдует Чернов». Но Чернов, во-первых, вряд ли поддержит резолюцию питерской конференции. А во-вторых, очевидно, не он «колдует», если Керенский смог высадить его из министерства в угоду помещикам. И по поводу выступления «бабушек» отвечает в центральном органе эсеров не Чернов, а В. Зензинов,— очевидно, от лица Центрального комитета. Он говорит:

«В рядах нашей партии не может быть места никому, кто работает над разрушением ее организационного единства,— все равно, придут ли эти разрушители справа или слева».

Как видите, представитель Центрального комитета эсеров озабочен не политическим, не идейным, а только организационным единством партии: пусть будут в партии какие угодно буржуазные элементы, пусть они ведут какую угод-

но политику, враждебную рабочим и крестьянам — лишь бы только они не разрушали организационного единства партии.

Такова, очевидно, позиция Центрального комитета эсеров. Эта позиция отдает всю партию на произвол случайных элементов, пожелавших использовать партию в каких угодно политических целях. Эта позиция дает опору политике всяческих буржуазных и даже авантюристских «бабушек».

Нет, если левые эсеры, если, например, большинство последней их питерской конференции не желает только обманывать рабочих резолюцией, близкой к нашим требованиям, если они не хотят играть в руку врагам рабочих и крестьян; если они хотят, чтобы им верили,—то они должны прежде всего,— извиняюсь за выражение,— послать к чертовой бабушке все буржуазные элементы партии или же должны сами отколоться от партии, в которой эти элементы играют на деле руководящую роль.

Мы думаем, что сама жизнь неизбежно приведет левых эсеров к признанию необходимости разрыва с буржуазной половиной своей партии. И чем скорее придут они к этому признанию, тем меньше успеют повредить рабочим и крестьянской бедноте.

«Спартак», № 9, 25 октября 1917 г.

НАРОД ЛИШАЮТ ПРАВ

На-днях опубликован проект нового закона о присяжных заседателях. Ясное дело: кто пользуется гражданскими и политическими правами, кто имеет право выбирать и быть выбираемым в Учредительное собрание, тот должен бы получить право быть присяжным заседателем.

Но буржуазия всегда пользовалась судом для своих целей, суд всегда был на стороне богатого, и народ недаром говорит: с сильным не борись, с богатым не тянись.

Проходили безнаказанными самые возмутительные преступления буржуазии, а тюрьма была полна бедняками.

Теперь буржуазия собирается лишить прав три четверти всех женщин, рабочих и солдат.

Прежде всего: женщин новый закон, если он пройдет,— лишает совершенно права. От мужчин же требует: 25-летний возраст и двухгодичную оседлость.

Подумайте, какой солдат теперь живет по два года на одном месте? Перегоняют его с места на место, и стало-быть не может он быть присяжным заседателем.

А рабочие? Разве им не приходится все время переходить

с места на место. И выходит, что десятки, миллионы взрослых граждан и притом, самых беднейших, будут лишены права участвовать в суде.

Таковы их законы, которыми нас собираются облагодетельствовать в нашей республике.

«Деревенская правда», № 4, 25 октября 1917 г.

«ПАРТИЯ ПОРЯДКА»

В Москве сейчас происходит так называемый «с'езд общественных деятелей». Председательствует на нем герой болванок, камергер и помещик Родзянко, бывший председатель недавно закрытой наконец Государственной думы. Уже это одно показывает, что за вороны слетались.

Любопытно описание этой публики, данное в бывшей корниловской газете «Русское слово». Кстати сказать, эта газета всегда держит нос по ветру, а сейчас стала на распутье и принюхивается. Поэтому и в описании съезда черных воронов видна нерешительность: и хвалить боятся, и ругать не смеют.

Кто же такие эти господа «общественные деятели»? Даже «Русское слово» вынуждено признать, что на съезде под видом «демократов» сидят «знакомые лица правых земцев, промышленников, крупных помещиков». А по партиям с'езд об'единил господ, начиная с кадетов (и даже чуточку левее) и кончая «крепкостойкими» помещиками. Автор статьи не смеет назвать крепостников крепостниками,— и говорит поэтому «крепкостойкие».

Итак, на съезде объединились кадеты и черносотенцы. И один из ораторов вызвал бурные аплодисменты, когда сказал:

— Теперь в России есть две партии: партия развала и партия порядка. У партии развала вождь Керенский.

На этом с'езде «партии порядка», по свидетельству даже сотрудника «Русского слова», «недовольство, мрачность, злость и ненависть» ко всему, творящемуся сейчас в России, «все еще велики»: «попрежнему почти рычание проходит сдержанной дрожью по собранию, когда упоминается революционная демократия».

Зато не рычание, а горячие аплодисменты вызывают здесь перебежчики и ренегаты, в роде известного «матроса» Баткина или сотрудника «Русских ведомостей» бывшего «старого революционера» А. С. Белевского. Еще бы не хлопать этим господам! Ведь способность пролетариата к самоорганизации этот Белевский приписывает «проклятому колдовству» революционеров, и он же призывает крепост-

ников и кадетов «направить острие своего оружия против анархической диктатуры пролетариата».

В конце своей речи этот же старый ренегат сделал ценное признание: «Нас называют корниловцами, — сказал он,— мы не шли за Корниловым... но поскольку Корнилов искренне желал спасти Россию,— этому желанию мы сочувствовали» (зал долго восторженно аплодирует). Известны цели Корнилова, известны и средства, какими он хотел действовать: его программа, таким образом, является приблизительно и программой «партии порядка».

Каково же сейчас настроение этой партии черных воронов? По свидетельству «Русского слова» — настроение бодрое, оптимистичное. Они находят, что часть демократии «умнее», то есть, скажем мы, склонна объединяться с черными воронами «партии порядка», для борьбы против рабочих, солдат и крестьян.

Черные вороны радуются, далее, что эсеры и либерданы высадили из правительства социалиста-революционера Чернова и ввели в него Кишкина, Смирнова, Третьякова,— подручных Рябушинского. Черные вороны надеются, что еще немного,— и им удастся повернуть правительство еще больше направо,— очевидно, при содействии «поумневших господ из демократии».

Черные вороны «партии порядка» смотрят вперед с надеждой потому, что «соглашатели» уступают черным воронам позицию за позицией.

«Социал-демократ», № 183, 27 октября 1917 г.

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ СОЮЗА

У нас сообщалось на-днях о возникновении нового боевого органа буржуазии — «Всероссийский союз союзов». Основная и единственная цель «союза»— борьба с рабочим классом.

«Союз» располагает крупными средствами. Он стремится мобилизовать силы буржуазии и вобрать в себя все ее профессиональные организации.

В настоящее время «союз» решил вмешаться в конфликт кожевников. Это первое практическое выступление «союза». Предпринимателям кожевникам гарантирована широкая материальная поддержка. Более того, «союз» обещал им самую деятельную поддержку и во Временном правительстве. Там, ведь, теперь у промышленников свои люди сидят: Смирнов, например, состоит и в «союзе» и во Временном правительстве, также и Третьяков.

«Союз» требует от предпринимателей, чтобы они не вхо-

дили в частные соглашения с рабочими. Буржуазия строится в боевой порядок и готовится к бою.

Не подлежит сомнению, что товарищи-рабочие под натиском врага еще теснее сомкнут свои ряды, ибо право найма и увольнения, за которое сейчас, так мужественно и так дружно (ни одного штрейкбрехера в рядах рабочих) борются кожевники, есть основное требование всего рабочего класса.

«Социал-демократ», № 183, 27 октября 1917 г.

СРЕДСТВА РАЙОННЫХ ДУМ

Для того, чтобы районные думы в Москве могли проявить широкую и плодотворную творческую работу, необходимы два условия: во-первых, энергичная работа самого населения,— особенно в тех случаях, когда требуется единовременный труд многих лиц на самое короткое время (например, для выяснения малонаселенных домов и квартир и т. п.); а во-вторых — значительные денежные средства.

В ближайшее время средства районных дум будут очень незначительны. Центральная городская дума отпустила по 10 000 р. в месяц на район,— этого едва хватит на оплату труда Управы, наем квартиры и приглашение самых необходимых сотрудников. Не развернешь широкой деятельности и на те 5 000 р., которые могут быть выданы дополнительно.

Никаких обязательных налогов или сборов не дано права взимать районным думам. Да и в центральных думах русских городов до сих пор главным источником доходов были не налоги и сборы, а доход с предприятий: с трамвая, водопровода и т. д.

На всякое предприятие необходимо предварительно затратить средства, которых нет. Таким образом и этот источник средств закрыт для районных дум, не говоря уже о том, что извлечение такого дохода и принципиально далеко не всегда допустимо.

Центральная дума может, если пожелает, передать в заведывание районных дум отдельные свои учреждения, а вместе с ними — передаст, может-быть, в руки районных дум те суммы, которые на эти учреждения расходуются, но этими средствами районные думы не могут располагать свободно.

Что же остается делать районным думам для развития своей деятельности?

В некоторых районах имеются налицо городские земли, до сих пор бывшие бездоходными, или дававшие ничтож-

ный доход. Для примера можно бы указать на обширные пустыри в Калужском районе (у Крымского моста и т. п.). Но и здесь потребуются и затраты, и согласие Центральной думы.

Некоторыми гласными поднимался вопрос: не предъявить ли требование, чтобы налоги и сборы расходовались в том районе, где они взимаются. Это предложение нужно отвергнуть: ведь, самые доходные кварталы — это центр (например, сбор с недвижимых имуществ, с торговых помещений и т. п.), а расходы главные — не в центре (школы, больницы и т. п.).

Остается еще «добровольная складка». Что разумели под добровольной складкой составители правил для районных дум? Если филантропические пожертвования, то об этом говорить не стоит. Но возможна добровольная складка в некоторых, исключительных случаях, в интересах самих вносящих средства, причем районная дума выступит в роли объединяющего и руководящего центра.

Принимая во внимание умение пролетарского населения окраин действовать солидарно, придется сказать, что этот источник доходов нужно подвергнуть внимательному обсуждению,— тем более, что при солидарности масс и самая «добровольность» может оказаться понятием весьма относительным: при единодушии населения добровольную складку возможно превратить в обязательный сбор, единовременный или периодический. Не следует лишь допускать при этом разрозненных, непродуманных действий; необходимо единство действий всех 11 пролетарских дум.

Во всяком случае организация «добровольных складок» это — одна из тех областей, где потребуется активность самого населения района.

За всем тем, остается неизбежной централизация главной массы городских доходов, и, следовательно, получение главной массы средств для районных дум из центральной городской кассы.

Придется, следовательно, постоянно принимать меры воздействия на Центральную думу,—придется постоянно требовать от нее денег и следить за тем, чтобы она не давала лишних денег буржуазным районам и не обделяла окраины. Но сейчас и в ближайшем будущем у Центральной думы будет постоянно один, к сожалению, резонный, ответ: денег нет, городская касса пуста.

Придется, следовательно, районным думам оказывать поддержку центральной думе в изыскании новых источников дохода и в принятии мер к сокращению расходов. Иногда придется оказывать здесь и давление.

В частности, в области сокращения расходов, нужно помнить, что старые, чисто буржуазные думы много расходовали на благоустройство центра, в ущерб окраинам,— например, в области уличного освещения и т. п. Районным думам придется, таким образом, добиться в некоторых областях городского хозяйства не только сокращения, но и перемещения расходов из центра на окраины.

«Социал-демократ», № 185, 30 октября 1917 г.

ЖИЛЬЕ ДЛЯ ВСЕХ

Московский городской голова Руднев в газете «Труд» разъясняет, что для чиновников, эвакуированных из Петербурга, будут реквизироваться жилые помещения по расчету не более 3 квадратных сажен на человека и 9 кв. сажен на семью. Три квадратных сажени — это 1 комната, не очень большая; а 9 кв. сажен — три такие комнаты. Это при нормальных условиях, не много.

Но в Москве сейчас отчаянное положение с квартирами и комнатами; многие москвичи подолгу остаются без жилья, кочуя по знакомым, где день, где ночь. Другие набиты в квартиру, как сельди в боченок. Иной раз целая семья почла бы за счастье иметь для себя одну комнату в 3 кв. сажени.

Почему же такая привилегия только для петербургских чиновников? Почему такое пренебрежение к москвичам?

Реквизировать нужно, но реквизировать для всех одинаково, а не ставить петербургских чиновников в дворянское положение по сравнению с москвичами.

«Социал-демократ», № 186, 31 октября 1917 г.

ГОРОДСКИЕ ФИНАНСЫ

Отовсюду идут одни и те же вести: городские кассы пусты. Нет средств на самые необходимые расходы. Расходы сильно возросли благодаря дороговизне, а доходы не увеличились; нельзя ввести ни одного нового налога, нельзя увеличить ни одного старого городского налога: всюду думы встречают рогатку в лице старого, царского закона («Городового положения»), ограждающего интересы буржуазии. Революция снесла царский трон, но никак не может снести царских законов, выгодных для имущих слоев населения.

Одним из налогов, дававших значительный доход в городскую кассу (около 10 процентов всего дохода), был до революции сбор с недвижимых имуществ, иначе называвшийся оценочным сбором. Думы имели право взимать не

свыше одного процента со стоимости имущества или 10 процентов с его чистой доходности. Уже давно этот сбор взимался в максимальном размере. Но думы были домовладельческие и домовладельцы ограждали себя с другого конца: они оценивали дома много ниже их действительной стоимости.

За время войны прекратилось городское домостроительство; стоимость денег упала почти в 10 раз; а стоимость и доходность домовладений во много раз увеличились, несмотря на законы (очень плохие), ограждавшие будто бы квартирантов от взвинчивания цен на квартиры. О том, какая идет спекуляция с перепродажей домов по все более высоким ценам, не раз писалось даже и в буржуазных газетах [1].

Сам по себе оценочный сбор не может считаться, в нормальное время, демократическим налогом, так как он является налогом косвенным: домовладельцы перекладывают уплату налога на квартирантов. Но если цены на квартиры закреплены по закону, если домовладелец лишен права повышать их по своему произволу, то временно, в таких исключительных условиях, как теперь, можно и должно повысить оценочный сбор, взимать не 10, а 20, 30 или более процентов с доходности.

Между тем сбор взимается в старом размере, по старой оценке. И если доходность успела повыситься в 10 раз, то этот старый размер составляет уже не 10, а только один процент с дохода.

Все демократические слои населения платят увеличенные налоги. Только домовладельцы — такие счастливчики, что обязаны платить все меньший процент. Да и этот, ничтожный для них, налог они, как показывают отчеты, почти перестали вносить, так сказать, «революционным путем».

Все безобразие такого положения сознают и признают не только социал-демократы-большевики, но даже и правящая партия социалистов-революционеров. Городские думы, например, московская, где эсеры в большинстве продолжают, однако, питать почтение к царскому «Городовому положению» и не решаются ни на какую иную меру, как только обращаться с просьбами к Временному правительству: нельзя ли, дескать, хоть чуточку подправить гнусный царский закон?

В эсеровском журнале «Самоуправление» (№ 10) сообщается по этому поводу следующее:

---

[1] В газете «Труд» 17 октября сообщается, что при перепродаже домов в Москве теперь платят в 6—7 раз больше, чем в 1915 г.

Налоговые ставки в городах на 1917 год остались старые, так как «все еще не издан закон, расширяющий финансовые права городов. Закон этот, постоянно изменяемый то в одну, то в другую сторону, уже несколько раз был накануне своего распубликования и в настоящее время все еще пресбразовывается».

Казалось бы, вовсе нет надобности столько потеть над простой отменой устаревшего и явно вредного царского закона,— тем более, что во главе правительства стоят «социалисты» и «революционеры». Но эта партия (социалистов-революционеров) имеет удивительное свойство: у нее всегда два лица, две программы, две тактики: она и за передачу земли крестьянам, и за аресты крестьян, берущих помещичью землю; она и за отмену, и за введение смертной казни; она и за повышение, и против повышения налогов на буржуазию.

Эсеры-министры ограждают по-царски буржуазию от повышения налогов, а те же эсеры из «Самоуправления» плачутся:

> «Такая медлительность в издании этого закона стоила нашим городам не один десяток миллионов, так как теперь, когда этот закон, наконец, появится, он, вероятно, предоставит право вводить новые налоги и повышать старые только с 1918 года».

А от платежа за 1917 год буржуазия спасена: не спасена только городская беднота, для которой успели вчетверо повысить трамвайную плату.

Но если эсеровско-либерданское правительство сумело спасти домовладельческую буржуазию от платежа налогов за 1917 год, то в чем порука, что не спасут и в 1918 году: ведь они крепко стоят на том, что наша революция буржуазная, и очевидно, понимают это так, что все нужно делать для кармана буржуазии.

Итак, нет никакого ручательства в том, что Временное правительство даст возможность повысить оценочный сбор на 1918 год. У городских дум есть, в таком случае, другой, даже по царскому закону, законный путь: произвести переоценку городских недвижимых имуществ. Правда, переоценка— дело очень длинное и дорогое. Но можно бы ее произвести упрощенным порядком.

Ведь причина повышения стоимости и доходности недвижимых имуществ одна, общая для всех владений: прекращение домостроительства и падение курса бумажных денег. Следовательно, допустима общая, огульная переоценка, то есть повышение оценки одновременно для всех владений.

При повышении нужно только иметь в виду, что старая

купеческая дума не мирволила мелким домовладельцам городских окраин, и для владений более мелких процент повышения оценки должен быть меньше.

Итак, московская, например, городская дума даже на вполне законном основании могла бы увеличить доход от оценочного сбора, но... но мы знаем, что большинство в нашей думе эсеровское и что эсеры умеют хорошо говорить. И потому лучше отложить в сторону маниловские бесплодные мечтания о том, что наша дума что-то сделает.

Впрочем, может быть и сделает: сделает то, что рекомендует их журнал «Самоуправление» в том же № 10 на странице 26. Там сказано:

«Остается пойти также и по пути сокращения расходов, а это достижимо... лишь путем сокращения штатов и окладов, получаемых городскими рабочими и служащими».

«Социал-демократ», № 188, 2 ноября 1917 г.

НА ОЧЕРЕДИ

Буржуазные газеты сеют панику среди населения. Борьбу за права фабрично-заводских комитетов и за переход всей власти в руки Советов буржуазия старается изобразить, как подготовку погрома.

Обыватель мечется в страхе, обсуждает пути спасения от разгрома, осматривает дверные запоры, требует закрытия ворот чуть не с заходом солнца.

В связи с этим поведением буржуазии и ее газет, повидимому, действительно подымают голову монархисты, поклонники Николая Кровавого, эти специалисты погромов. Ведя свою подлую и предательскую агитацию, они стараются спрятаться за спину большевиков; они уверяют, будто это большевики готовят погром, и призывают на этом основании к действию.

Сторонники Николая хорошо знают, что если им удастся превратить борьбу за свободу в погром евреев, или лавочников, или «шляпников», то делу революции будет нанесен предательский удар в сердце.

Сознательные рабочие и солдаты должны во что бы то ни стало не допустить погрома.

Красная гвардия должна быть все время наготове; она должна всякую минуту быть готовой выступить стройными и сплоченными рядами против буйствующей толпы, подстрекаемой черносотенцами и провокаторами. Она должна вооружиться чем только возможно, — хотя бы и не огнестрельным оружием.

В ротах солдат также необходимо сейчас же подобраться сознательным товарищам друг к другу, образовать десятки или взводы на случай необходимости охраны порядка.

Рабочие и солдаты, чем больше они подходят к тому, чтобы стать действительными политическими хозяевами, тем более должны помнить, что в борьбе против буржуазии необходима выдержка, стойкость и планомерность. Всякое же погромное выступление черносотенных и уголовных мародеров расстраивает план наступления, смешивает наши ряды, отдаляет день победы, а может привести и к поражению.

Вопрос об организации отпора всякой черносотенно-погромной попытке стоит на очереди дня.

«Социал-демократ», № 190, 4 ноября 1917 г.

ЗЕМЛЯ И ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ

Весной этого года мы, большевики, говорили крестьянам:

— Организуйтесь! Берите организованно, без погромов, помещичью землю в свое общее распоряжение. Не нужно ничего портить и уничтожать, ведь, все это добро — наше добро. А окончательно закон о распределении земли будет решен Учредительным собранием.

Социалисты-революционеры, напротив, говорили крестьянам:

— Не трогайте помещичьей земли, ждите до Учредительного собрания. В иных губерниях крестьяне сделали по-нашему, и уже прошлым летом, пользовались землей без всякой арендной платы. В других местах они до сих пор слушают социалистов-революционеров, прозевали лето, заплатили аренду, или позволили помещикам собрать урожай.

Но к осени во многих губерниях крестьянам уже надоело ждать; они поднялись против помещиков, разгромили усадьбы, многое пожгли, кое-что разнесли по домам без всякого порядка. Помещики кричат:

— В тюрьму, под суд нужно таких крестьян!

Но социалисты-революционеры теперь поняли, что крестьян уже не удержишь, а все крестьянство в тюрьму не посадишь. Поэтому они предлагают теперь не ждать Учредительного собрания, а сейчас же передать кое-что в распоряжение земельных комитетов: передать не все, а только частичку земли.

Кто из нас был прав—судите сами. Но помните одно: теперь, когда крестьяне уже поднялись, когда многих помещиков уже повыкурили из деревень,—теперь и сами помещики согласны расстаться с землей, но только за выкуп.

За выкуп или без выкупа,—этот вопрос будет решаться в

Учредительном собрании. И получится там вот что: ведь, денег на выкуп в казне нет.

Если земля в то время еще будет оставаться в руках помещиков, то будут говорить:

— На выкуп нет денег, поэтому и нельзя передать землю крестьянам.

А если крестьяне заранее возьмут землю, то будет говориться:

— На выкуп денег нет, а помещики уже потеряли землю; значит никаких выкупных платежей быть не может.

Крестьяне, которые ждут, да ждут, могут дождаться на свою шею выкупных платежей, как было после 1861 года. А в которых губерниях землю уже успели взять раньше, там выкупа помещики не дождутся.

Кто же прав, кто лучше советовал крестьянам: большевики или социалисты-революционеры?

«Деревенская правда», № 8, 4 ноября 1917 г.

САМОДЕРЖАВИЕ КАПИТАЛИСТОВ

Часто забывают, что кроме царского, политического самодержавия имелась и имеется на свете самодержавная экономическая власть хозяина капиталистического предприятия. Хозяин у себя на фабрике — самодержец вроде царя: захочет—помилует, а не захочет — выбросит рабочего и его семью с фабрики, обречет на все ужасы безработицы, вплоть до голодной смерти.

Внутренний распорядок на фабрике устанавливается также самодержавной волей хозяина. И в многолетней борьбе между капиталом и трудом хозяева шаг за шагом отстаивают свое самодержавие. Они обычно являются сторонниками «невмешательства» рабочих и государства в отношения между хозяином и рабочим. Они с яростью протестуют против законодательного сокращения рабочего дня и тому подобное.

Наша революция, свергнув политическое самодержавие Николая, быстро перекинулась и в область экономических отношений. Фабрично-заводским комитетам удалось во многом ограничить экономическое самодержавие хозяина.

Но вот подняла голову контрреволюция, поддержанная правящими партиями меньшевиков и эсеров, и последовал предательский циркуляр Скобелева о восстановлении хозяйского самодержавия. Против такого контрреволюционного «вмешательства» политической власти в классовую борьбу ни меньшевики, ни эсеры не протестовали.

Теперь, по предложению большевиков, Московский Совет

рабочих депутатов становится на путь такого же вмешательства, но только не в пользу фабрикантов (как сделал министр Скобелев), а в пользу рабочих. И тотчас раздался вой меньшевиков и эсеров. Меньшевики кричат о пагубности вмешательства и умывают руки; а эсеры прямо объявляют в Совете войну,— войну за капиталистов против рабочих.

Нам могут сказать, будто эсеры и меньшевики выступают против «декретов» Совета только потому, что эти декреты идут вразрез с политикой правительства и являются поэтому декретами революционными, первым (для Москвы) шагом борьбы за захват всей власти Советами. Пусть так.

Но меньшевики и эсеры забыли, как видно, что в первые месяцы революции у нас было «двоевластие», что рядом с властью правительства стояла власть Советов. И, например, циркуляр Скобелева был тоже «революционным» (вернее контрреволюционным) актом по отношению к Советам, так как был издан без их согласия и подрывал их авторитет. Таким образов, меньшевики и эсеры не протестуют против подрыва власти Советов, но готовы вопить благим матом, когда Советы наносят удар буржуазии и ее правительству.

Против борьбы с имущими классами—в общем это постоянная позиция эсеров и меньшевиков. Вспомним, как старались эсеры спасти помещичье землевладение, оттягивая отобрание земли у помещиков «до Учредительного собрания». Вспомним, как в начале революции меньшевики боролись против лозунга о восьмичасовом рабочем дне.

Крестьянство перешагивает через эсеров в вопросе о земле, а пролетариат пренебрег меньшевистскими криками в вопросе о восьмичасовом рабочем дне. И теперь, в вопросе о регулировании экономической борьбы путем декретов Совета, пролетариат перешагнет через головы меньшевистских и эсеровских прислужников капитала.

А если правительство Керенского вступит в конфликт с Советами, если оно резко выступит за хозяев против рабочих, то тем хуже будет для этого правительства.

«Социал-демократ», № 192, 7 ноября 1917 г.

ПРОТИВ ПЬЯНСТВА

Враги революции, заговорщики и погромщики всегда стараются заглушать алкоголем ум и совесть народа. Трезвая Россия завоевала свободу. И только пьяную Россию возможно станет вновь заковать в кандалы царской, буржуазной, помещичьей и чиновничьей власти.

Сейчас, когда происходит переход власти от буржуазии

к народу, особенно важно помешать черносотенным заговорщикам отравлять народ спиртом и всякими подобными напитками.

Дело борьбы против пьянства повсюду должны взять в свои руки сами рабочие организации. Борьба должна быть беспощадная.

Нужно обыскать всех, кто торгует тайно алкогольной отравой, арестовать их, а посуду, орудия и материалы конфисковать. Готовый напиток уничтожить.

Рабочим известны также все чайные, трактиры и другие заведения, где идет тайная торговля алкоголем. Все такие заведения должны быть временно закрыты, а владельцы, производящие такую торговлю, арестованы и помещение реквизировано.

Необходимо усилить охрану всяких казенных и других складов спирта. В аптеках служащие должны отказывать в отпуске препаратов со спиртом, если есть подозрение, что они покупаются с целью опьянения.

И, наконец, всякого нетрезвого рабочего товарищи-рабочие должны всячески убеждать, стыдить, а неисправимым пьяницам грозить бойкотом.

Не допускайте пьянства и погромов! Не позволяйте темным силам делать их темное дело!

8 ноября 1917 г

БЕРЕГИТЕ КАЗНУ [1]

Вся власть в России переходит в руки рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Они становятся распорядителями всего государственного хозяйства. Для спасения революции необходимо, чтобы новая власть имела деньги на государственные расходы.

И прежде всего необходимо прекратить это печатание без конца бумажек: оно ускоряет рост дороговизны, заставляет скрывать товары, толкает людей делать ненужные запасы, порождает бестоварье.

Чтобы казна не иссякла, нужно увеличить государственные доходы и сократить расходы.

Увеличить доходы—это не так скоро возможно сделать. Но сильно сократить расходы может всякий Совет рабочих и солдатских депутатов, взявший в свои руки власть в городе. Можно сократить многие расходы, не ожидая распоряжения правительства.

Для этого необходимо сейчас же занять казначейство и

[1] См. примечание на стр. 268.—Ред.

контору государственного банка, а также дворянского и крестьянского земельных банков.

Затем вынести решение: ни один расход не может производиться без разрешения Совета.

А затем в первую очередь запретить следующие расходы:

1) Оплату купонов по всем государственным, городским и земским займам, а также по закладным листам дворянского и крестьянского земельных банков.

2) Запретить выдачу жалованья чиновникам, не нужным для народа,—особенно тем, должности которых уже уничтожены или подлежат уничтожению (земским начальникам, директорам и инспекторам народных училищ и т. п.), а также чиновникам учреждений, эвакуированных из мест, занятых неприятелем.

3) Всем высшим чиновникам, получающим более 750 р. в месяц, запретить выдавать больше 750 р., а если у них казенные квартиры, то делать вычет за квартиру. То же и военным чинам.

4) Прекратить выдачу пенсий тем, кто получает более 200 р. в месяц впредь до рассмотрения заслуг, за которые назначена пенсия.

5) Отчислить в запас всех солдат, которые в это время окажутся в своей губернии.

6) Прекратить выдачу из казны денег монастырям, архиерейским домам и вообще духовенству всех вероисповеданий.

7) Отсрочить на год уплату денег за все квартиры, нанимаемые казенными или городскими и земскими учреждениями у частных лиц (если дом заложен, то домовладелец получает соответственную отсрочку своих платежей).

8) Уничтожить ненужные должности и учреждения (например, комитеты по делам печати, кадетские корпуса, военные суды).

9) Обратить внимание, чтоб не было лишних расходов по бывшему удельному ведомству, по Красному кресту (бывшему ведомству учреждений им. Марии и проч.). Черносотенных заправил удалить.

10) Пересмотреть все статейные списки арестованных, за что арестован. Кого возможно освободить и сократить расход на высших тюремных чинов. Тюремных инспекторов, если они сохранились, удалить.

11) Обратить особенное внимание на сокращение военных расходов и расходов по военным заказам. Где возможно, обязать предприятия немедленно перейти к выработке предметов, полезных для деревни.

12) Обратить внимание на всякое казенное имущество и

запасы. Что не нужно—продать, чтобы не гнило бесполезно, как гниют у Земского союза миллионы аршин мануфактуры.

В настоящей статье мы наскоро и в общих чертах наметили только главнейшие предметы, по которым возможно сокращение или прекращение расходов. В каждом городе Советы сами должны обсудить подробности. А в случае ошибки, дело будет исправлено правительством.

Лучше недорасходовать, чем перерасходовать.

8 ноября 1917 г.

СОЛДАТЫ И БУРЖУАЗИЯ

С двух концов идет пальба по несчастному, измученному, полуголодному и оборванному русскому солдату: с фронта палят немцы, а с тыла стреляют буржуазные газеты. Эти газеты палят удушливыми газами лжи и клеветы на солдата.

Возьмите любой номер газеты за последние дни,—и вы всегда найдете сообщение о том, как нарушают порядок на железных дорогах товарищи-солдаты, едущие с фронта на побывку домой.

Подлым газетам и писакам нет заботы о том, как истерзалось сердце солдата от тоски по дому, по семье; не думают эти господа о том, что должен чувствовать солдат, вырвавшийся, наконец, из проклятых окопов на волю, после двух или трех лет невыносимых страданий.

Забывает буржуазия и о том, чья грудь была подставлена под натиск неприятеля, кто охранял буржуазное благополучие ценой своей жизни. Все это забыто. А помнят только одно: от солдата идет беспокойство хорошим господам, и потому эти господа костят солдата на все лады.

Мы не спорим: бывают, может быть, случаи, когда демобилизуемые солдаты напрасно обижают железнодорожного служащего или рабочего. Но разве для защиты железнодорожников поднимают такой гвалт буржуазные газеты?

Совсем нет. Эти гнусные газеты так же точно кричали против товарищей-железнодорожников, когда эти товарищи добивались улучшения своей жизни, не желая умирать с голоду. Тогда буржуазия натравливала солдат на железнодорожников, как теперь натравливает железнодорожников на солдат.

У буржуазии и у буржуазных газет одна забота вот уже восемь месяцев, с самого начала революции. Эта забота заключается в том, чтобы натравить солдат, крестьян и рабочих друг на друга, поссорить их между собою, заставить

их итти друг против друга и потом выгребать жар чужими руками.

До сих пор эти подвохи плохо удавались буржуазии. Но она не теряет надежды. Снова и снова дудит она в свою дуду: «такие-сякие солдаты», «такие-сякие рабочие», «такие-сякие крестьяне».

Отольются кошке мышкины слезки: долго терпит и рабочий, и солдат, и крестьянин, слыша, как его чернят и поливают буржуазные газеты. Но придет конец этому терпению. Ведь царскую власть тоже терпели долго, да не вытерпели под конец.

Товарищи солдаты, рабочие и крестьяне! Помните, что ваша сила в единении. Не поддавайтесь буржуазной провокации, не верьте клеветам,—и тогда крепка будет ваша сила.

«Деревенская правда», № 10, 8 ноября 1917 г.

О КРЕСТЬЯНСКИХ ГАЗЕТАХ — «ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРАВДА» И «ДЕРЕВЕНСКАЯ БЕДНОТА»[1]

Хорошо памятны мне радостные дни в апреле 1912 года, когда я жил в Питере. Среди рабочих еще с осени заговорили, что нужно иметь свою собственную рабочую газету. Начали на это понемногу собирать деньги. Чтобы начать газету, нужно собрать много тысяч рублей.

Собирали понемногу, а в апреле вдруг начали собирать по всем фабрикам и заводам. Давали в шапку, кто пятак, кто гривенник, а кто и рублевку. Рабочих в Питере много, и денег набралось по пятакам тысяч десять рублей. Можно было уже начать. И 27 апреля появилась рабочая газета, под названием «Правда».

Радость рабочих была очень велика. Все помогали кто чем мог: приносили известия с фабрик и заводов, разносили всюду газету для продажи, продолжали помогать сбором денег.

Нужно знать, что у буржуазных газет главный доход не от подписчиков и не от покупателей, а от объявлений. Но в рабочую газету купцы объявлений не дают и потому ей

[1] «Деревенская беднота» — ежедневная крестьянская газета, издававшаяся Военной организацией при ЦК партии. Первый номер вышел 25 октября 1917 г. В марте 1918 г. вместо двух большевистских деревенских газет «Деревенской правды» и «Деревенской бедноты» в Москве стала выходить одна газета «Беднота» (№ 1 вышел 27 марта 1918 г.). К сожалению, установить статьи Ольминского в «Деревенской бедноте» за 1917 г. не удалось. В немногих сохранившихся газетах этого времени все статьи шли без подписи.—Ред.

очень трудно окупать себя. Нужна постоянная помощь. А тут еще правительство стало преследовать. Часто всю «Правду» заарестовывали, и от этого каждый раз был убыток рублей на 400; часто штрафовали на 500 рублей сразу. Часто и вовсе закрывали. Но когда закрыли «Правду», сейчас же рабочие стали издавать «Рабочую правду»; когда и ее запретили, то сделали «Северную правду», и так далее.

Часто сажали в тюрьму тех, кто писал в «Правде» или служил в ее конторе. Но убить газету правительству удалось только в 1914 году, перед самой войной. Многих из нас тогда разослали в ссылку, другие разъехались кто куда.

Но о «Правде» уже не могли забыть ни мы, работавшие в ней, ни питерские рабочие. Как только произошла революция, в Питере сейчас же воскресла «Правда».

И вот теперь в Москве, когда товарищи задумали крестьянскую газету, они назвали ее «Деревенская правда» в память питерской «Правды».

Но в деревне есть и бедные, и богатые. Для кого же издается «Деревенская правда»? Уж, конечно, не для попов, или лавочников, или кулаков. А только для тех крестьян, у которых одна доля с рабочими, которые весь свой век работали, как и рабочие, а не сидели на шее рабочего человека, как сидели попы, купцы, мироеды-кровопийцы. Не для богачей, а для деревенской бедноты печатается «Деревенская правда».

Совсем недавно в Питере задумали газету для деревни наши товарищи-солдаты. Как мы в Москве «Деревенскую правду» печатаем не для богатых, а для бедных, так же решили сделать и питерские солдаты (военная организация большевиков). И чтобы сразу всякому видно было, для кого издается газета, они дали ей название «Деревенская беднота».

Откуда солдатам взять денег на газету? Тут опять взялись за дело питерские рабочие и стали собирать между собою. Например, рабочие одного завода по гривеннику, да по рублику собрали 4.000 рублей, а на другом заводе 7.500 рублей.

Теперь все вздорожало в России, и газета требует расходов раз в десять больше, чем в 1912 году. Но, когда возьмутся за дело многие тысячи народа, тогда и трудное станет легким.

Газета «Деревенская беднота» — это родная сестра «Деревенской правды»: обе бьют в одну точку, служат одному делу. Обе созданы на средства рабочих.

Рабочие и солдаты живут кучей и привыкли действовать все заодно. А по деревням беднота разбросана по разным

местам и не привыкла, чтобы многие деревни и волости вели одно общее дело. Теперь с газетой пришли рабочие и солдаты на помощь деревенской бедноте. Но помощь идет на пользу только тому, кто и сам не бездействует, кто сам себе помогает.

Поэтому, товарищи-крестьяне, помните, что «Деревенская правда» и «Деревенская беднота» — это не такие газеты, что купил ее, прочитал, да бросил. Нет. Это ваши родные газеты. Они помрут, если не будет вашей заботы о них.

Что же вы должны делать, чтобы ваши газеты жили и стояли крепко? Прежде всего, читайте их не только сами, но и другим давайте читать, и советуйте покупать или подписываться на них.

Вторая ваша забота должна быть в том, чтобы посылать в газету письма. Высказывайте свои мысли и желания. Если в газете, что не так сделано, напишите в нее, чтобы делали, как надо. А если что понравится, так тоже напишите, что вот это хорошо.

На сельских и волостных собраниях требуйте, чтоб эти газеты выписывались в деревню, на общественный счет, чтобы всякий мог прочесть.

И, наконец, нужно, чтобы вы иногда делали между собою сбор и посылали его в газету. Деньги эти пойдут на улучшение и укрепление газеты.

Товарищи-крестьяне! Вся Россия сейчас перестраивается, все идет по-новому, и деревенской бедноте нужно сговариваться — быть всем заодно, не только в деревне или в своей волости, но и в целом уезде, и в целой губернии, и во всей России. А сговариваться по всей губернии или по многим губерниям никак нельзя, иначе, чем через свою крестьянскую газету.

Газета теперь—умственный хлеб. И нельзя терпеть, чтобы вместо правды читать только всякую ложь, какую пишут в буржуазных газетах. Без своей правдивой газеты жить дальше нельзя.

Адрес газеты: «Деревенская беднота», Петроград, Литейный, 2. Цена в месяц 2 руб. 50 коп.

«Деревенская правда», № 11, 9 ноября 1917 г.

ЗАНЯТИЯ В ВОЙСКАХ

До сих пор делалось так, что командные должности занимались только офицерами. Теперь на должность командующего войсками Московского военного округа назначен солдат Н. Муралов. На-днях, в московском гарнизоне и в

частях, прибывших в Москву на помощь революции, будут произведены выборы нового командного состава. Наверное, многие солдаты пройдут на должности, которые раньше занимались офицерами.

Таким образом, старое деление на офицеров и солдат постепенно теряет свой смысл. Вместе с тем получают новое значение и занятия в войсках.

До сих пор солдат проходил всю солдатскую науку в несколько месяцев, а на службе состоял несколько лет. И занятия для старых солдат состояли в довольно-таки бессмысленном повторении все одного и того же. Целью занятий было не расширение военных познаний солдата, а муштровка, чтобы воинская часть не расползалась и не теряла дисциплины.

Теперь занятия получают совсем другое значение. Всякий солдат может ожидать, что его выберут в командиры. Всякий солдат должен поэтому стремиться знать как можно больше в военном деле. Старых солдат уже не нужно держать на повторении одного и того же, а нужно дать им знание всей военной науки. Занятия, конечно, будут происходить по группам: одни знают уже больше, а другие меньше, и попадут они в разные группы.

Но как бы ни был способен солдат, сколько бы он ни изучил военных наук,—он должен оставаться в составе своей части. Не должно быть выделения в особые школы или училища.

В школы прапорщиков людей выделяли для того, чтобы оторвать их от солдат, поставить на барскую ногу и подготовить к положению бар-офицеров, верных капиталу и враждебных народу. Всякие школы прапорщиков, юнкерские училища, а тем более кадетские корпуса должны быть закрыты. А для подготовки людей, знающих военное дело, должны быть введены занятия во всех частях и для всех солдат.

Должны быть учреждены курсы и лекции для всех. Товарищи-солдаты каждого полка и даже роты должны сами взяться за организацию этого дела. Не ждите указки сверху и помните, что палки над солдатами теперь нет: что сами солдаты решат на своем собрании, то и будет.

А если армия придет в расстройство, если не будет в ней занятий и порядка, то враги народа, только что побежденные в Москве и в Питере, опять поднимут голову, возьмут верх и вернут старый порядок, старые унижения, старую нищету для солдат, крестьян и рабочих.

«Социал-демократ», № 202, 20 ноября 1917 г.

СРАЖЕНИЕ В МОСКВЕ

С 28 октября до 2 ноября, в течение 6 дней в Москве происходили события, которые останутся в памяти всего народа на очень многие годы. Москва была местом упорного и кровопролитного шестидневного сражения.

Как известно 25 октября в Петрограде вся власть перешла от Временного правительства к Съезду Советов рабочих и солдатских депутатов. Вместо того, чтобы подчиниться Всероссийскому Съезду и новому правительству, московская буржуазия, офицеры и юнкера взбунтовались и напали на Советы рабочих и солдатских депутатов.

Но за Советы и за новую рабочую власть поднялись все рабочие и солдаты, бывшие в Москве. Солдаты и рабочая красная гвардия окружили кольцом офицеров и юнкеров.

Офицеры и юнкера засели в Кремле, в центре города. Они поставили пулеметы на церквах и в домах, и осыпали народ пулями.

Пришлось выбивать их из церквей и домов, пришлось солдатам пустить в ход артиллерию. Загрохотали пушки, полетели снаряды.

Пришлось солдатам попортить несколько домов, чтобы спасти свободу русского народа и многие тысячи рабочих и солдатских жизней.

Шаг за шагом, день за днем суживали солдаты и рабочие свое кольцо, которым они окружали юнкеров и офицеров; выбивали их из одного дома за другим.

Наконец, утром 2 числа получил солдатский и рабочий военно-революционный комитет письмо от городского головы социалиста-революционера Руднева, который, как и другие правые социалисты-революционеры, был с юнкерами и офицерами против рабочих и солдат. Руднев в письме спрашивал, на каких условиях военно-революционный комитет согласен прекратить сражение.

Комитет сказал свои условия, и вечером в тот же день был заключен договор о прекращении сражения.

Солдаты и рабочие одержали полную победу. Вся власть в Москве перешла к военно-революционному комитету Советов рабочих и солдатских депутатов.

О подробностях борьбы и ее последствиях мы еще будем говорить особо.

«Деревенская правда», № 15, 21 ноября 1917 г.

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ЗАДАЧ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ

Все воюющие страны, а Россия в особенности, разорены войной вконец. Разорены потому, что одна часть рабочей силы взята в армию, а другая часть почти целиком работает на армию. А для нужд населения производилось совсем ничтожное количество товаров.

Все железо идет на военные надобности. Почти то же—с кожей, мануфактурой и прочим. Производство для целей войны было расширено до последнего предела. Между тем уже почти год,—с конца 1916 года,—крупные военные действия на русском фронте прекратились. Расходование снарядов и других предметов сократилось. А заводы все работали и работали.

По общему признанию, запасов военных предметов заготовлено огромное количество. Их хватит еще чуть ли не на такую же войну, как нынешняя. Производить их нет больше надобности. Но раз заведенная машина продолжает работать по-старому, давая огромные барыши капиталистам, разоряя и обездоливая всю страну, обрекая население на голод и холод.

От капиталистов почти безнадежно ждать, чтобы они приступили к демобилизации промышленности. Не менее трудно ожидать также, чтобы за это дело взялась новая народная власть. Комиссары народного правительства готовы бы сделать все, что в их силах. Но вы знаете, что чиновники бастуют и саботируют, что вся буржуазная интеллигенция бросает палки в колеса народному правительству. Людей в правительстве мало, а хлопот без конца. Таким образом, фабрично-заводским комитетам необходимо принять самим на себя заботу о демобилизации промышленности.

Помните, товарищи-рабочие, что каждый из вас сейчас работая над предметами, годными только для военной надобности, с каждым днем более способствует обнищанию и разорению России и, следовательно, копает яму самому себе.

Необходимо немедленно переходить к производству предметов мирного времени. Никто не сможет лучше самих рабочих определить, какие именно предметы мирного времени может производить ваш завод, вашими машинами, из имеющихся на заводе или поступающих на завод материалов.

И нужно немедленно добиваться, по соглашению с хозяевами или без их согласия, чтобы предприятие сократило выполнение военных заказов и перешло к производству

предметов, необходимых мирному населению города и деревни.

Нет спора,— дело это нелегкое. Но перед трудностями здесь нельзя опускать руки. Иначе — смерть. Смерть не от вражеского снаряда, а от голода и холода. Одно не лучше другого.

Ведь уже прошлым летом крестьянам негде было купить ни топора, ни сошника, ни косы, ни замка. Нечем было пахать, нечем косить. Что же будет, если и к будущей весне заводы не перейдут к производству товаров, нужных в хозяйстве? Ведь нечем будет обрабатывать землю! Не на чем будет подвозить продукты к станции, если не будут производиться шины, шкворни, подковы, гвозди и прочее. Не будет вьюшки, чтобы закрыть трубу. Не будет кожи ни для хомута, ни для вожжей. Не будет веревки. Ни сапог, ни рубахи, ни шапки.

Как же возможно станет жить? Волкам и другому зверю будет вольготно, а людям — смерть.

В ваших руках, товарищи-рабочие, теперь спасение России и вас самих. Вы вместе с солдатами смирили буржуазию. С ними вместе вы теперь — хозяева России. А если сами хозяева не позаботятся о ней, то кому же позаботиться?

«Социал-демократ», № 205, 23 ноября 1917 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК

Буржуазные газеты сообщили, что при Совете народных комиссаров разработан проект нового закона об организации армии. Вообще говоря, буржуазные газеты являются очень плохими источниками осведомления. Но в данном случае, сообщение похоже на правду, так как в нем указаны именно те преобразования, необходимость которых давно признана нашей партией.

В числе намеченных преобразований, во-первых, стоит уравнение в правах всех военно-служащих. При самодержавии права были только у командиров; а у солдат, можно сказать, ничего не было, кроме обязанностей. Первая революция принесла солдатам много облегчений (приказ № 1). Но затем подняла голову контрреволюция, и последовала знаменательная декларация прав солдата, изданная Керенским. По этой декларации, между прочим командирам-офицерам предоставлялось в некоторых случаях право убивать солдата без суда и следствия.

Вслед за тем была восстановлена для солдат смертная казнь по суду на фронте, а потом Керенский, Корнилов и

Савинков совсем было уже сговорились ввести смертную казнь для солдат и в тылу.

Но солдат неизбежно оставался в принужденном положении, пока над ним стояли люди, облеченные совсем другими, высшими правами. Армия продолжала делиться на бар-офицеров и на полу-крепостных солдат. Новая народная революция должна была уничтожить это разделение, и Совет народных комиссаров совершенно правильно признал необходимым уничтожить в армии все чины, внешние отличия и титулы. Не должно быть различия в звании, а должно остаться только различие в должности. Не будет офицеров, а будут только солдаты, избирающие сами людей на разные командные должности.

Известно, что прежнее бесправие солдата поддерживалось свирепыми и несправедливыми приговорами; военные суды давно признаны демократией за большое зло. И Совет народных комиссаров совершенно правильно признал, что военные суды должны быть заменены обыкновенным, гражданским судом.

Далее, идет вопрос о специальных военных училищах: кадетских корпусах, юнкерских училищах и т. п. В нашей газете уже не раз указывалось, что такие училища заводились исключительно для того, чтобы дрессировать барских сынков, воспитывать их в презрении и вражде к народу. Специально-военное образование необходимо; но оно должно быть доступно всем солдатам, солдатской массе. Очевидно такой правильный взгляд на дело имеет и Совет народных комиссаров.

Далее, в газетах сообщается, что в проекте затронуты вопросы о войсковых солдатских организациях, о материальном положении солдат, о жалованье и т. д. Об этих вопросах мы поговорим, когда проект будет полностью опубликован.

«Деревенская правда», № 19, 27 ноября 1917 г.

ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ МЕЛОДИИ И ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЕ РЫЧАНИЕ

Так называемая «интеллигенция» встретила враждебно, со скрежетом зубовным, победу рабочих и крестьян над буржуазией. Многие рабочие до глубины души потрясены этим.—Как, спрашивают они,—превратились в наших врагов те самые интеллигенты, которые раньше несли нам проповедь борьбы за освобождение, которые расплачивались за это многими годами тюрьмы, ссылки, изгнания, каторги?

Попытаемся уяснить себе этот вопрос.

Прежде всего нужно помнить, что далеко не вся масса служащих и «интеллигентов» была на стороне народа даже и во время самого лютого самодержавия. Был только один короткий период времени осенью 1905 года, когда протест против самодержавия охватил широкие круги интеллигенции. Но достаточно было самодержавию сделать самую ничтожную уступочку буржуазии, дать Государственную думу, как масса интеллигенции изменила делу свободы, повернулась спиной к народу.

Когда-то студенчество поставляло из себя массу революционеров, а в 1905 г. студенты чуть не поголовно считали себя социал-демократами. После же 1905 г. вплоть до революции в феврале 1917 г. партийные работники вынуждены были признать студенчество безнадежной средой для пропаганды. Если и появлялись среди студентов небольшие кружки партийных социал-демократов, то они поневоле спешили порвать общение со всей студенческой средой и итти к рабочим.

Уже этот массовый уход интеллигенции от революции показывал, что для интеллигенции, за редкими исключениями, буржуазия является классом близким, родным, если не совсем своим.

Всякий рабочий, всякий низший служащий легко мог убедиться в этом по самому, казалось бы, мелкому факту. Загляните в любое учреждение, в любую контору. Вы сразу убедитесь, что служащие (средние и высшие) ближе к буржуазии, чем к простому человеку.

Вот в прихожей учреждения случайно столпились и служащие, и рядом—швейцары, прислуга, рабочие. Входит новый служащий,— хоть простой писец. Посмотрите: он обходит всех служащих и здоровается с ними за руку; а швейцара, рабочего или прислугу он как будто не замечает, точно это не люди, а мебель.

На этом мелком примере вы сразу убедитесь, что имеется какое-то деление, унаследованное от крепостного права, когда были господа и рабы, и когда рабов меняли на собак, не считая их за людей. Так оно и осталось до наших дней. Ведь когда пало крепостное право, множество мелких помещиков разорилось,—пошло на службу и составило главный кадр служащих. Позже их потомки пополнялись бывшими крестьянами и мещанами, но старая, крепостническая закваска осталась и овладела служащими, вышедшими из народа.

На-днях я прочел в газете «День», газете, которая называет себя социалистической, в которой пишут многие ин-

теллигенты социал-демократы (оборонцы) о победе рабочих и солдат следующее:

> «В крови и грязи затоптана свобода. Владычествует хам, вооруженный винтовками, пулеметами и пушками». (Передовица 12 ноября).

Хам! Даже и слово-то то самое, которое употребляли в старину помещики по отношению к крепостным крестьянам. Тогда хамами были все крестьяне, а теперь — и крестьяне, и рабочие, и солдаты.

От других интеллигентов (тоже из числа бывших социал-демократов) приходится слышать, будто на Руси сейчас идет пугачевщина, будто поднявшие голову крестьяне, рабочие и солдаты — это не люди, а орангутанги (порода обезьян).

Опять старое-престарое, чисто крепостническое отношение к народу. Кстати сказать, ведь и среди помещиков во времена крепостного права было не мало людей образованных, осуждавших крепостное право и, по выражению Щедрина, распевавших «дворянские мелодии» о свободе. Помещик поэт А. С. Пушкин писал:

> Увижу ль я, друзья, народ освобожденный
> И рабство, павшее по манию царя?
> И над отечеством свободы просвещенной,
> Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

Но когда «заря взошла», когда действительно подошло дело к отмене крепостного права, тогда, по выражению Щедрина, дворянские мелодии о свободе тотчас превратились в «дворянские рычания».

В этом роде и теперь. Интеллигенция, как никак оставшаяся «барином» и «барыней», от интеллигентских мелодий о свободе перешла к интеллигентскому рычанию о «хамах», как только увидала, что ее положению «барина» и «барыни» грозит опасность.

Сейчас злоба дня—саботаж чиновников и служащих по отношению к новому, народному правительству. До некоторой степени мы здесь имеем дело с борьбой буржуазных и мелко-буржуазных партий против пролетариата.

Но одной партийной борьбой нельзя объяснить того, что саботаж принимает такой широкий и упорный, можно сказать, стихийный характер: ведь среди чиновников и служащих огромный процент беспартийных. Не могла бы так быстро вырасти и профессиональная солидарность, если бы суть дела не лежала глубже,— в классовом положении, в том, что высшие и средние служащие по своему положению и по всему своему душевному складу ближе к буржуазии

и к крепостнику-помещику, чем к пролетарию и к крестьянину: с хозяином и помещиком они «здравствуйте за ручку», а крестьяне и рабочие для них «хамы». Как же им потерпеть, чтобы в стране «владычествовали хамы»?

Вот в этой-то крепостнически-буржуазной психологии и лежит разгадка того, что против народа так дружно поднялась интеллигентская масса, что так быстро объединилась она, начиная от правого социалиста-революционера и кончая монархистом-черносотенцем.

Очевидно, эту психологию нельзя разбить убеждением. Ее можно только сломить упорным и неуклонным укреплением народной власти.

«Социал-демократ», № 214, 4 декабря 1917 г.

О ПЛАНЕ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ

На очереди стоит вопрос о демобилизации армии. План демобилизации уже разрабатывается в Петербурге, как сообщали газеты. Я человек не военный, но именно поэтому и считаю не лишним высказать несколько соображений по вопросу о демобилизации: ведь это вопрос не только военно-технический, но и экономический, финансовый, а в наши дни и продовольственный. Решение вопроса о порядке демобилизации исключительно с военно-технической точки зрения может принести неисчислимые беды.

И прежде всего нужно отметить, что с военно-технической точки зрения демобилизация—вопрос совсем не спешный. В самом деле, почему бы с военно-технической точки зрения, России не держать и в мирное время армию в 15 миллионов человек? Весь вопрос в том, на какие средства содержать эту армию.

Страна разорена до последней степени, государственные финансы совершенно истощены. А миллионы людей сидят без дела в казармах и живут за счет государства. Если так продолжится, то гибель всего населения от голода и холода неизбежна.

Демобилизация—вопрос крайне спешный, хотя мир еще не заключен. И порядок демобилизации диктуется в значительной степени положением экономическим.

Демобилизация была начата еще правительством Керенского. Были уволены солдаты старых годов службы (1895-1898 годов). Этот порядок демобилизации—самый неудачный и неправильный, хотя может быть, он и по душе часто солдатам.

Сейчас две грозы надвинулись на нас вплотную: безработица и голод.

Безработица—это беда губерний, преимущественно промышленных, и также беда населения городского.

Голод — это беда также губерний промышленных, а также северных, и сверх того—губерний, постигнутых в 1917 году неурожаем (Поволжье и т. п.).

Прибавьте к этому расстройство железных дорог, затруднительность подвозки продовольствия,— и вам станет сам собой ясен тот план демобилизации, который необходим и неизбежен.

В первую очередь должны быть демобилизованы вовсе не старшие возрасты, а крестьяне тех местностей, откуда хлеба вывозятся. Не говорите, что сейчас зима—все равно крестьянину в деревне нечего делать. Нет! В южных губерниях зима так коротка, полевые работы начинаются так рано, а хозяйство так запущено, что только бы, только управиться с делом к началу полевых работ.

Итак, в первую очередь должны быть уволены призванные из запаса сельские хозяева южных губерний (от Кавказа вплоть до черноземных губерний, как Тамбовская, Орловская и т. п.).

Может быть одновременно с этим можно будет уволить часть крестьян лесных губерний,—Олонецкой, Новгородской, Вологодской, Костромской и т. п., — т. к. лесные заготовки производятся зимой. Правда, в этих лесных губерниях мало или нет хлеба, но, ведь, и без дров, и без материала для построек нельзя остаться. Что же касается продовольствия, то дело отчасти можно поправить переводом воинских частей далее на юг. В самом деле: какой смысл держать десятки тысяч солдат в таких губерниях, как Ярославская, Костромская и другие? Какой неприятель туда заберется? С какой стороны подойдет?

Не нужно также забывать про Сибирь: там и раньше население было редкое, а теперь она вовсе обезлюжена. Вряд ли в Сибири может грозить безработица. Потому сибиряков можно и должно увольнять безразлично — пролетарий он или сельский хозяин.

Но затем еще стоит вопрос о перевозке на родину уволенных в запас солдат. Вопрос также трудный, потому что железные дороги расстроены. Всем памятно, что творилось на железных дорогах при демобилизации солдат срока 1895-1896 гг. И это нужно принимать во внимание при установлении порядков демобилизации.

Нужно поставить в первую очередь по демобилизации тех солдат, которые почему-либо находятся уже близ дома и семьи, в своем городе, или в своем уезде или в своей губернии. Таких совершенно бессмысленно держать в казар-

ме: будучи на учете, все они могут быть возвращены в части в два-три дня в случае возобновления военных действий.

В этом случае не страшна и опасность безработицы, так как все равно такие солдаты во многих случаях, находят время работать на стороне, вне казармы.

Но демобилизация солдат,— это — только половина дела, особенно с точки зрения государственных расходов.

Крайне важно ускорить демобилизацию офицерского состава. Офицеров и в тылу, и на фронте, видимо-невидимо, сидят без всякого дела. Теперь, когда многие командные должности будут по выборам замещены солдатами, число лишних офицеров увеличится в громадной степени. А между тем каждый офицер обходится казне не дешево,— много дороже, чем солдат.

Далее, необходимо обратить внимание на скорейшую демобилизацию части лошадей. Не говоря о крайней дороговизне фуража, нужно помнить еще и о расстройстве железных дорог. По санному пути, на не очень большие расстояния, конский транспорт мог бы послужить подспорьем железнодорожному, если бы были лошади у населения. А сейчас сплошь и рядом невозможно бывает вывезти хлеб из деревни даже к ближайшей станции за недостатком лошадей.

Я хотел бы обратить внимание на еще одну подготовительную меру, облегчающую демобилизацию. Множество солдат получает отпуска. Прежние кратковременные отпуска (например, на 2 недели) становятся совершенной бессмыслицей. Нужно удлиннить их. Но затем все же останется еще одна бессмыслица. Например, из Тверской губ. едут в отпуск в Тамбовскую, а из Тамбовской в Тверскую. По окончании отпуска тамбовец вновь тащится в Тверь, а тверич в Тамбов.

Зачем это? Какой смысл?

При самодержавии и при буржуазном правительстве в этом был смысл: солдат загоняли подальше от родных на случай усмирения крестьян и рабочих. Но для народного правительства не может существовать такой цели. И потому, хотя бы временно необходимо установить в пехоте (а может быть, и в частях другого рода оружия) следующий порядок: солдат, отпущенный в отпуск не возвращается в свою часть, а является по окончании отпуска к воинскому начальнику для зачисления в ближайшую войсковую часть того же рода оружия.

Это даст и еще один полезный результат: в полках будут постепенно подбираться земляки, люди одной губернии,

знающие друг друга. И в случае отправления на фронт для пополнения они будут дружнее стоять друг за друга, меньше будет дезертирства с дороги.

Вот те соображения о плане демобилизации, которые я хотел бы представить на рассмотрение, как товарищей солдат, так и товарищей, призванных теперь на руководящие должности. Товарищей-солдат я просил бы обсудить эти вопросы.

Теперь, когда правление народное, мы не должны во всем ждать указки сверху, а наоборот—обдумывать дело сами; что возможно,— делать самим, а чего нельзя,— чтобы не вносить дезорганизации,—о том советовать или просить.

Например, прося разрешения на отпуски, рота или полк могут просить: нельзя ли дать бумажку, чтобы отпущенным не возвращаться в старую часть, а получить на месте, через воинского начальника, зачисление в часть, расквартированную на родине?

«Известия» Моссовета, № 212, 6 декабря 1917 г.

ДЕЛА ДЕНЕЖНЫЕ

Буржуазная политическая власть свергнута. Рабочие, солдаты и крестьяне победили в открытом бою. Но этим борьба не кончена. Буржуазия сильна своим капиталом, которым она и продолжает бороться.

Но сверх того победа над буржуазией создала новые, чрезвычайные трудности для новой власти,—не в силу злой воли капиталистов, а вследствие денежной паники, вследствие того, что публика бросилась брать деньги из банков и сберегательных касс.

Капиталисты держали свои деньги не в шкатулках, а в банках. Банки выдавали по их требованию, сколько нужно, для расплаты с рабочими, для уплаты за сырье, топливо и т. п. Но и в банках наличных денег всегда было немного, приблизительно на один день расхода: банк расплачивался тем, что получал за день. Значит, если два-три дня никто не несет денег в банк, а все требуют, то банк уже не может платить .

Именно такое положение и создалось в Москве в ноябре: никто не несет в банки денег, а все берут их. Все банки бросились за деньгами в московскую контору государственного банка. Но и этот банк раньше выдавал частями банкам то, что получал от них. А теперь ничего не получает и касса его истощается.

В самое короткое время московская контора государственного банка выдала около двухсот миллионов рублей,—

главным образом на расплату с рабочими. Но ясно, что дело так продолжаться не может,—и если публика не понесет денег обратно в банки, то вся промышленная жизнь остановится.

Трудно сказать наверное, имеется ли тут со стороны капиталистов злонамеренная цель разорить государственный банк или этой цели нет. Фабрично-заводские комитеты во всяком случае должны контролировать, куда деваются деньги, поступающие в кассу предприятия за товары,—должны требовать, чтобы эти деньги не прятались, а употреблялись на предпрятие.

Однако, денежные трудности есть еще и другие. Ведь правительству нужны огромные деньги на содержание армии и на другие расходы. При самодержавии и при буржуазном правительстве эти средства добывались частью займами, частью печатаньем без конца бумажек.

Печатание бумажек без конца—это для народа, для рабочих и крестьян хуже всякого, самого скверного, самого несправедливого налога, прямого или косвенного. Потому что от лишних бумажек быстро растет дороговизна всего.

Новое народное правительство должно как можно скорее прекратить вовсе печатание новых бумажек. Но где же взять ему тогда денег на расходы? Деньги на расходы могут быть получены только путем увеличения доходов от налогов, сборов, пошлин, предприятий и т. п. Народ должен итти на огромные жертвы, и это обойдется ему дешевле, чем дороговизна.

Снились ли вам, читатель, два года назад те цены, которые стоят теперь? Но цены будут итти вверх все быстрее, если не прекратить печатания бумажек. Сапоги стоили 10 руб., теперь их не купить и за 100 руб.; а скоро нельзя будет купить и за десять тысяч рублей, если не перестать печатать бумажки.

Необходимо увеличить как можно скорее налоги и сборы, а также сократить расходы. Экономию крупную можно сделать только кончив войну и распустив армию. Но во многом можно съэкономить и раньше. Наш комиссар при московском казначействе натолкнулся на многие ненужные расходы. Например, до сих пор выплачивалось жалование губернаторам и чиновникам польских губерний, занятых немцами в 1915 году. Нужно, чтобы везде, где власть перешла к Советам, немедленно назначались комиссары в казначейство, чтобы не тратились зря деньги. Но главное, опять-таки, не в сокращении расходов казны, а в новых доходах.

Мы, социал-демократы, стоим за прогрессивно-подоходный налог. Он отчасти введен еще при самодержавии. Теперь

крайне необходимо повысить этот налог до последней возможности и как можно скорее. И все-таки этим не заткнешь всех дыр. Нужно всячески думать о новых источниках дохода, а также о том, чтобы казенные предприятия не приносили убытка.

«Социал-демократ», № 216, 7 декабря 1917 г.

О ДЕМОБИЛИЗАЦИИ, ДИСЦИПЛИНЕ И КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Товарищей солдат очень волнует вопрос о демобилизации. Спрашивают друг друга:

— Когда же отпустят людей срока службы 1900 года?

Насколько мне удалось выяснить, дело это обстоит следующим образом.

В тылу имеются войска, которые, на первый взгляд, кажутся лишними и без нужды обременяют казну.

Но так кажется только на первый взгляд. На самом же деле, во-первых, мир еще не заключен. И чтобы заключить справедливый мир, необходимо иметь наготове боевую силу. Но боевая сила нужна еще и против контрреволюционеров, которые собираются с Урала и с Дона, из казачьих областей, двинуться против крестьян и против рабочих.

И, наконец, третья причина, почему демобилизация поневоле идет медленно, заключается в необходимости поддерживать внутренний порядок в стране. Необходимо охранять народ и свободу от контрреволюционеров, которые всюду кишмя кишат, и также от воров, грабителей, хулиганов и других уголовных элементов.

Охрана населения и казенного имущества от воров и грабителей требует много народа для занятия караульных постов. И вот в этом-то деле, в деле охраны порядка, сами солдаты, а также рабочие и крестьяне могут многое создать, чтобы ускорить демобилизацию.

Прежде всего о самих солдатах. Несомненно, во многих местах их имеется больше, чем нужно для занятия караулов.

Но, к сожалению, всюду имеются не только такие солдаты, которые честно несут службу, но и такие, которые уклоняются от дела. И вот сами солдаты прежде всего должны принять меры, чтобы уклоняющихся вернуть к делу. Сами солдаты должны заставить всех своих товарищей, угрозой наказания и принуждения, действительно нести службу.

Товарищи-солдаты должны знать и помнить, что всякий солдат, который не несет службы, а только считается солдатом, замедляет демобилизацию, препятствует тому, чтобы добросовестные солдаты вернулись скорее в родной

дом, к родной семье. Но кроме солдат, должны помочь демобилизации и товарищи-рабочие, усиливая свою красную гвардию.

Все сознательные рабочие, старые и молодые, должны помнить, что если буржуазия вернет себе власть, то рабочим от нее пощады не будет: не только отнимут у рабочих все права, удлинят рабочий день, сократят плату, но и прямо будут расстреливать тысячами и арестовывать десятками тысяч.

Рабочие должны быть всегда готовы к защите себя. Они должны все обучаться военному делу, записываясь в красную гвардию. И вот, когда красная гвардия будет сильнее, когда она будет в состоянии сама и защищать свободу и охранять порядок от грабителей,—только тогда возможно будет приступить к более широкой демобилизации армии.

Иные думают, будто красная гвардия нужна только в больших городах. Это грубая ошибка. Красная гвардия должна быть организована не только в каждом городе, на каждом заводе, но и в каждой волости, в каждой деревне.

Уже приходят вести, что в деревнях усилились разбои и грабежи. Кто же защитит деревенских жителей? Конечно, на чужую помощь нечего рассчитывать; жители деревни должны сами организовать красную гвардию из числа трудовых, беднейших крестьян (но не из числа кулаков и богачей).

Сейчас многие солдаты, увольняемые в запас, желают унести с собою в деревню свои винтовки и патроны. Но это опять-таки возможно будет сделать с пользой только тогда, когда в деревнях организуется красная гвардия. Винтовки и патроны должны выдаваться не в руки любого солдата, уволенного в запас, а только в руки деревенской красной гвардии. Ведь и среди солдат немало людей из буржуазии. Выдавать винтовки запасным без разбора значит часто давать оружие в руки буржуазии против рабочих и против солдат.

Далее, если выдавать винтовки солдатам, то многие поспешат продать их. У буржуазии денег много, и она скупит оружие, чтобы направить его потом против рабочих и крестьян.

Наконец,—нечего греха таить,—ведь и среди солдат имеются люди, склонные к грабежу и разбою. Человека не угадаешь. И многие винтовки, если их выдавать без разбора, попадут в руки разбойничьих шаек.

Вот почему товарищи-солдаты не должны требовать себе винтовок при увольнении в запас. А должны писать в

деревню и говорить своим землякам при всяком случае, чтобы те скорее организовали в деревнях красную гвардию И этим организациям красной гвардии оружие будет отпущено.

Итак, товарищи, чтобы наладить скорее демобилизацию и вооружить народ для защиты свободы, необходимо всем солдатам дружнее нести службу, а рабочим и крестьянам поскорее организовать всюду красную гвардию.

«Социал-демократ», № 220, 12 декабря 1917 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КРЕСТЬЯНСКО-РАБОЧАЯ КАССА

Государственной казны, казны царской и барской, нет больше в России. Нет той казны, в пользу которой обирались городская и деревенская беднота, из которой царь, баре, чиновники и буржуазия пригоршнями черпали себе деньги на привольное житье.

Пока что остались еще старые здания и старые названия, как «Казначейство», «Государственный банк» и прочее. Но в этих зданиях, под этими названиями, помещаются теперь совсем другие учреждения: в бывших казначействах находятся теперь центральные крестьянско-рабочие кассы, а в бывшем Государственном банке — Центральный крестьянско-рабочий банк[1].

В центральной кассе и в центральном крестьянско-рабочем банке имелись столы, кучи исписанной бумаги да горы неоплаченных счетов и списков на жалование, когда Октябрьская революция привела к власти рабочих и крестьян.

Новое, народное правительство, Совет народных комиссаров, оказалось совсем без денег. А нужно было сейчас уже производить огромные расходы на армию в тылу и на фронте; на железные дороги, дающие ежемесячно сотни миллионов рублей убытка; на всяких служащих, на пайки солдатским семьям; на закупку продовольствия и на тысячу всяких других надобностей.

Правда, в руки нового правительства попала и фабрика (экспедиция), в которой печатаются бумажные деньги. Но чем больше печатать, тем бумажки ценятся дешевле, а все цены — выше.

Сейчас мы по старой памяти называем бумажный рубль рублем, а на самом деле он только гривенник. Рабочий, по-

[1] Совет народных комиссаров должен поскорее переменить старые названия.

лучающий в день десять рублей, на самом деле получает десять гривенников. Вот почему жизнь рабочих стала хуже, хоть денег он получает больше.

Царское и потом буржуазное правительство избегало увеличивать налоги: им выгоднее было печатать бумажки. Этим они обманывали рабочих, понижая их заработок.

Однако и новое народное правительство продолжает печатать бумажки. Оно знает, конечно, что обездоливает этим рабочих и крестьянскую бедноту. Но виноваты теперь в этом уже сами рабочие и крестьяне.

В самом деле укажите нам те Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые позаботились бы, поспешили бы обложить имущие классы на содержание армии и на прочие общенародные расходы.

Вместо того, чтобы обложить имущие классы и все вообще население новыми сборами, чуть ли не все Советы, городские думы и земства сами же обращаются в Петроград с просьбой или с требованием денег.

До Октября мы говорили, что необходимо беспощадное обложение буржуазии на общенародные нужды. А после Октябрьской революции буржуазия почти перестала платить и те налоги, которые платила раньше. Вместо налогов идет печатание бумажных денег. Через это все становится дороже; рабочий теряет на дороговизне при покупке каждой мелочи. Таким образом, все расходы на армию и на другие общие нужды несут рабочие и крестьянская беднота.

Вместо беспощадного обложения буржуазии получается беспощадное обложение рабочих и крестьян в пользу буржуазии.

А почему? Потому, что рабочие и крестьянские советы не понимают вреда от выпуска новых бумажек, не понимают, что у общенародной кассы нет почти никаких источников дохода.

Высчитано, приблизительно, что если мы сейчас же заключим мир и демобилизуем всю армию, то на 1918 г. все же потребуется на общие расходы 26 миллиардов рублей. А если все нынешние налоги и сборы будут поступать исправно, то доходов в общенародную кассу может поступить только 5 миллиардов. Пять миллиардов дохода против 26 миллиардов расхода — ведь это все равно, как если бы рабочему на пропитание был нужен рубль, а ему дают двугривенный.

Такой доход против такого расхода—это все равно, что ничего.

И если Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не примутся сейчас же в самом спешном порядке за

введение новых сборов, за увеличение старых налогов и за всяческое сокращение расходов, то через месяц цены на все поднимутся еще вдвое или больше, и скоро дойдет дело до того, что самая пустяшная вещь будет стоить тысячу рублей.

Тогда рабочие будут получать не пятьсот рублей, а пятьсот тысяч рублей в месяц и все-таки будут ходить голодные и оборванные. Спешите, товарищи, спасти себя! Не ждите указки из центра! Беритесь сами за дело! Скорее организуйте новые налоги и сборы в пользу Советов!

«Известия» ЦИК, 13 января 1918 г.

ДЕЛА ДЕНЕЖНЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ

С переходом власти в руки Советов Россия становится на путь к социализму, к тому великому и светлому будущему, когда не будет ни бедных, ни богатых, ни изнуренных тяжким трудом, ни жирных тунеядцев,— ни эксплоатируемых, ни эксплоататоров.

Путь, на который мы становимся, путь верный, неизбежный; но подробности этого пути еще неизведаны ни в одной стране. Приходится итти ощупью и с оглядкой. Вроде того, как в дремучем лесу, когда знаешь, что нужно итти, например, по направлению на восток, но нет под ногами ни дорог, ни тропинок. И нужно большое внимание, чтобы не заплутаться и не вернуться нечаянно к тому месту, из которого вышел.

Мало разрушить старое: нужно налаживать новое, совсем новое, нигде небывалое. Кроме опасности заблудиться и попасть невзначай на старое место тут есть еще опасность в том, что ошибешься в определении пройденного расстояния: подумаешь, что прошел вперед сто верст, на самом деле только десять...

Поясню это примерами.

В социалистическом обществе вовсе не будет денег [1]. Деньги не нужны людям. И вот, встречаются товарищи, которые думают, что уже сейчас мы можем обойтись без денег, прожить одним только «натуральным обменом». Такой обмен кое-где, кое в чем уже сейчас можно и нужно применять. Но ясное дело, что не везде и не во всем. Раньше нужно многое построить заново.

Эта ошибка в определении роли денег является результатом того, что люди смотрят слишком далеко вперед. Но гораздо чаще ошибки происходят оттого, что люди не могут

[1] Очевидно, что автор статьи здесь имеет в виду развернутое коммунистическое общество. — Ред.

отделаться от старого. Таким образом, стала уже для нас во многом программа-минумум[1]. Эта программа приноровлена к буржуазному демократическому строю, а мы уже выходим из этого строя, ломаем его, переходим к новому, не буржуазному, а социалистическому, не к демократии, к диктатуре пролетариата. Мы уже прошли, например, через всеобщее избирательное право к избирательному праву только рабочих и крестьян (при выборах в Советы). Прошли и через Учредительное собрание.

Точно так же мы должны признать, что наш старый лозунг в области финансовой в значительной мере устарел. По программе-минимум мы стояли за единый прогрессивно-подоходный налог. Этот налог должна нести буржуазия вместо косвенных налогов, которыми она облагала рабочих. Этот налог в качестве единого источника государственных доходов имел для пролетариата смысл до тех пор, пока земельный, промышленный, торговый и всякий иной капитал оставался к руках буржуазии.

А когда капитал предназначен к экспроприации в пользу рабочих и крестьян, когда помещичьи земли уже взяты, промышленные предприятия уходят из рук буржуазии, частные банки прикончены, частная торговля сменяется распределением продуктов через общественные и государственные органы, капиталистическое, крупное городское домовладение подлежит ликвидации,— тогда и прогрессивно-подоходный налог теряет свое прежнее значение лозунга классовой борьбы: платить его должны будут все те же рабочие и крестьяне, ибо буржуазии не будет на свете: она уже идет на слом.

В социалистическом обществе, окончательно устроенном, никаких налогов не будет. А будет лишь новое исчисление стоимости производства.

Ведь уже и при капитализме, при исчислении «издержек производства», принимается во внимание не только расход на рабочих, но и расход на администрацию предприятия, на школу, больницу и т. п. В социалистическом обществе будут исчисляться не «издержки производства», а стоимость производства, т. е. количество труда, потраченного на данный товар. Но какого труда? Ясное дело, что труда не только рабочих, занятых на данном заводе, но и всего вообще труда, без которого заводы не могли бы работать: труда лиц, занятых общим управлением страны, ее охраной, труда воспитательниц будущего поколения рабочих, труда учителей, врачей и т. п.

---

[1] Принятая в 1903 г.—**М. О.** 1927 г.

В наше время; когда еще только начинается переход от капитализма к социализму, источник общественных и государственных доходов будет смешанный: останутся и налоги, будет и новое исчисление общественно-необходимых расходов на производство продуктов. Значение налогов, прямых и косвенных будет уменьшаться, а значение нового исчисления стоимости будет увеличиваться. Это не исключает возможности временного появления новых налогов или замены одного налога другим, или повышения старого налога: все-таки, в общем доходе, роль налогов будет уменьшаться, а роль нового исчисления стоимости производства будет увеличиваться.

Иные возразят, что указанное мною новое исчисление стоимости производства на деле будет означать воскрешение и расширение косвенных налогов. И они будут не правы, потому что нельзя забывать о классовом значении косвенных налогов; а это классовое значение исчезнет с устранением классов. (Эту ошибку сделал, между прочим, тов. Ю. Ларин.)

II

Я счел нужным изложить свой общий взгляд на источники государственных и общественных налогов, чтобы в будущем перейти к изложению нынешнего финансового положения и к указанию тех путей, которым возможно было бы преодолеть теперешние чрезвычайные затруднения и в этом деле.

Война вконец разорила и страну и государственную казну. Рабочему и крестьянскому правительству пало теперь на долю расхлебывать трехлетнюю кровавую кашу, которую в 1914 году заварили царское правительство и буржуазия.

На расходы войны царское, а потом и буржуазное временное правительство добывали деньги путем займов и путем печатания бумажных денег. Народ беднел, буржуазия богатела.

Но в чем состояло это новое богатство буржуазии? Конечно, не в том, что буржуазия увеличила в десять или в сто раз свои запасы провизии, белья, ложек, часов и всяких других вещей, которые являются предметами потребления; в том состояло, прежде всего, это богатство, что буржуазия скопила несметное количество бумаг государственных займов, по которым надеялось получать проценты лет сто или около того; и еще богатство буржуазии увеличивалось в виде постройки новых и расширения старых заводов (или увеличения основных капиталов), которые давали возможность эксплоатировать большое количество рабочих.

Понятно, что с переходом власти к рабочим, в распоряжении рабочих не могло сразу оказаться ни одного лишнего фунта хлеба или аршина ситцу. Точно так же от перехода помещичьей земли к крестьянам в деревне не прибавилось ни лишнего теленка, ни лишнего фунта муки. Плоды победы рабочих и крестьян все находятся в будущем, когда крестьянин начнет собирать себе урожай с бывших помещичьих земель, или когда рабочие произведут на заводах и фабриках новые продукты для мирного времени.

Всенародная (бывшая государственная) казна теперь в таком же приблизительно положении, как рабочие и крестьяне.

Взять, например, частные банки; в них — громадные капиталы. Но эти капиталы состоят не из провизии и обуви, даже не из денег, а из акций, дающих право на доход от фабрик и заводов и на распоряжение фабриками и заводами. Наличных денег банки держали у себя всегда немного,—только столько, сколько требуется на два или три дня расхода. Банки выдавали публике те деньги, которые сегодня же и получили. А что получалось лишнего, то они не держали ни в золоте, ни в бумажках, а пускали в оборот (финансовые предприятия и т. п.).

Наивные люди рассчитывали еще найти большие деньги в банковских несгораемых ящиках (сейфах), которые сдаются в аренду по дешевой цене всякому желающему. Таких ящиков в питерских банках тысяч 35 или 40. Осмотр (ревизия) сейфов уже начался.

И, конечно, никаких больших денег там не оказалось, и не могло оказаться. Находят лишь в одном из десяти ящиков «детское» серебро или золото, серебра рублей на 25--30, а золота еще меньше. Эта монета конфискуется.

Кредитных билетов тоже пустяки находят,— тысяч 100 в день на банк. Эти деньги не конфискуются, а переводятся на текущий счет владельца.

Все это понятно: ведь сущность буржуазии в том и заключалась, что она пускала деньги в оборот ради наживы, а вовсе не прятала в ящики.

Кроме того, высчитано, что, если бы собрать всю до последней, русскую золотую монету, которая была выпущена до войны, и еще не собрана в государственный банк, то получилось бы всего 400 миллионов рублей. При расплате рубль за рубль этого хватило бы казне дня на три.

А серебра, кажется, и на день не хватило было.

Иные спрашивают: почему же не отбирают из сейфов золотые, серебряные и бриллиантовые вещи? Причин много. Но для нас интересно сейчас лишь указать, что от этих ве-

щей тоже толку большого не будет. Во многих сейфах их вовсе нет, а хранятся там только документы (в виде метрик, аттестатов и прочего), семейные письма, литераторские рукописи и прочее подобное; а драгоценных вещей вряд ли наберется больше, чем на одну двухнедельную получку петербургских рабочих. Во многих случаях, ложки или часы куплены на трудовые деньги,— хлопот с разбором больше, чем будет пользы. А главная, огромная драгоценность, хранящаяся в сейфах, состояла из процентных бумаг и акций. Эти бумаги ничего не будут стоить с прекращением государственных долгов и с отобранием банков и заводов от акционерных компаний.

Тогда доходы от фабрик, заводов, шахт и рудников не будут попадать в руки акционеров-тунеядцев, а пойдут на удовлетворение общих крестьянских и рабочих нужд. Но это все будет, когда наладится на фабриках и заводах работа для нужд мирного времени.

III

Налоги еще при Временном правительстве почти перестали поступать в казну. А после Октябрьской революции поступление еще больше сократилось.

Раньше немало говорили о беспощадном налоговом обложении буржуазии. А когда свалили власть буржуазии, она стала платить еще меньше.

Например, дошло до того, что в Москве и, кажется, в Петербурге крупные домовладельцы не только не платят налога на дома (оценочного сбора), но даже не расплачиваются за воду, за газ, за очистку (канализацию) и прочее. Советы рабочих депутатов заняты острыми политическими вопросами и не находят времени, чтобы понудить буржуазию платить. Могли бы помочь делу сами рабочие-квартиронаниматели. Но они продолжают нести деньги за квартиру в карман домовладельцев, не спрашивая у домовладельца квитанции об уплате налогов и сборов.

Благодаря этому, сами рабочие вместо беспощадного обложения буржуазии, на деле беспощадно опустошают свои тощие карманы в пользу буржуазии и лишают дохода свои городские учреждения, лишают средств содержать в порядке больницы, школы, трамваи и все прочее. Конечно рабочая масса скоро поймет все это и придет на помощь своим учреждениям. Но сейчас, пока рабочие не поняли, дело обстоит очень скверно. Изо всех городов и от земств едут люди, летят телеграммы в Петербург: «давай денег».

Не пришли еще многие крестьяне и рабочие и к сознанию того, что нужно всячески беречь государственную казну от

лишних расходов потому, что это теперь казна крестьянская и рабочая, а не казна царская и барская.

Например, на пайки солдатам расходуется почти миллиард рублей в месяц. Идет демобилизация. Очень многие солдаты вернулись домой, имеют уже хороший заработок. А их семьи не стыдятся брать попрежнему паек. И многие соседи и товарищи не видят в этом ничего зазорного,— не понимают, что пока не отнимут пайка у вернувшихся, до тех пор неоткуда взять денег, чтобы увеличить паек семьям оставшихся на службе. Они еще продолжают смотреть так, что казна,— это дело царское, а не народное.

Конечно, и относительно расходов казны, все крестьяне и рабочие скоро поймут дело правильно и возьмутся за сокращение лишних расходов. Но пока что и тут дело скверно.

И страдать от такого скверного положения дел приходится больше всего рабочим и крестьянам.

В самом деле: откуда может взять денег Совет народных комиссаров, если от него все требуют и никто ему денег не дает на государственные расходы?

Откуда взять? Только и остается, что печатать, печатать и печатать новые бумажки. Но чем больше печатается бумажных денег, тем меньше ценятся эти деньги, тем больше растет всеобщая дороговизна. Сейчас жизнь вздорожала раз в десять. Если так пойдет и дальше, то дороговизна возрастет не в десять, а в тридцать, пятьдесят, в сто раз. Самая пустая вещь будет цениться в тысячу рублей и больше.

Ясно, что весь народ, все рабочие и крестьяне должны притти на помощь своему народному правительству в этом деле. Конечно, не пожертвованиями, а совсем иначе: бережливостью и помощью.

Каким способом можно проявить бережливость и притти на помощь, об этом придется еще много говорить в особых статьях. Пока же укажу следующее:

Буржуазные газеты высказывают уверенность, что народное правительство не справится с финансами и обанкротится. Нечем будет ему платить рабочим, не на что содержать революционную армию. Тогда рабочие и красногвардейцы придут к буржуазии, поклонятся ей в ножки и скажут:

— Простите нас за то, что по глупости своей и по наущению поганых большевиков мы отняли у вас власть и капиталы. Придите опять княжить и владеть нами. Не сладка была наша жизнь раньше, а теперь еще хуже стала. Спасите нас! Простите!

Будет ли так? Доживем ли мы до этого? Рассмотрим этот вопрос. Сначала для примера возьмем деревню, где дело стоит проще и яснее.

В деревне теперь нет или почти не осталось помещиков. Легче ли стало от этого бедноте крестьянской сейчас, в январе 1918 года? Я думаю, что для многих стало не легче, а тяжелее. Иные про себя вспоминают теперь:

— Раньше, при помещиках бывало зимой, когда нет хлеба, выпросишь у помещика пуд-другой муки и жив. А теперь хоть ложись да помирай.

Но найдется ли такой крестьянин, который после этого скажет:

— Нужно вернуть помещиков и отдать им землю назад.

Нет, такого дурака-крестьянина в деревне не найдется. Всякий понимает, что по снегу урожая не собирают, что нужно перетерпеть до сбора хлеба, что в землю придется вложить много труда. Всякий понимает, что суть дела не в земле, а в доходе с земли. Теперь этот доход будет оставаться у труженика-крестьянина, а не у тунеядца-помещика, и, пройдет несколько лет раньше, чем крестьянин оправится от старой нищеты и от разорения, принесенного войной.

Крестьянин все это понимает. А понимает ли рабочий, что от победы над капиталистами точно так же не станешь сразу богатым? Понимают ли они, что станка не съешь, в фабричную трубу не оденешься? Понимают ли они, что и им подобно крестьянам придется еще много поработать и немало претерпеть, пока придет время собирать урожай от своей работы и от рабочей революции?

Конечно, понимают. Если и находятся среди рабочих непонимающие или недобросовестные люди, которые думают, что теперь можно блаженствовать без всякого труда, то таких людей сама же рабочая масса презирает и приведет к настоящей точке.

А если так, если крестьяне и рабочие понимают, что нельзя рассчитывать собирать урожай по снегу или через месяц после посева, то ясно, что буржуазия не так-то скоро дождется, чтобы рабочие поклонились ей в ножки. Вернее сказать — никогда не дождется.

Настоящая творческая работа, работа по засеву фабричной и заводской нивы, еще только начинается. Еще только разрыхляются революционным плугом окаменевшие глыбы буржуазного строя; еще только очищается эта нива от векового буржуазно-помещичьего мусора и от царско-чиновничьей нечисти.

Широкие пути открываются: и великая творческая работа,— тяжелая, но и радостная,— предстоит всему трудовому люду нашей страны. И в этой работе весь народ, все крестьяне и рабочие пойдут рука об руку со своими организа-

циями, с Советами, и с самой высшей своей организацией, с Советом народных комиссаров.

Нет, не дождутся бывшие помещики и капиталисты, чтобы народ пришел к ним с поклоном!

«Правда», № 6, 22 января 1918 г.

ЧТО ЗНАЧИТ «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ?»

Октябрьская рабочая и крестьянская революция прошла под лозунгом «вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Революция победила в открытом бою. Но ее завоевания, прямо нужно признаться, до сих пор очень незначительны.

Вооруженная сила в руках Советов,—это верно. Но вооруженная сила только тогда крепка, когда она основана на экономической и финансовой силе. Пока финансовая сила не в руках Советов, до тех пор власть Советов висит в воздухе.

Правда, центральный финансовый аппарат (Государственный банк, экспедиция, казначейства) перешли в руки Центрального исполнительного комитета. Но, ведь, это только аппарат, а не сами финансы. Не может держаться власть, если все или почти все источники ее денежных средств ограничиваются печатанием кредитных бумажек. Такая власть висит в воздухе и неизбежно должна пасть.

Необходимо, чтобы и у ЦИК и у всех местных Советов были могучие источники финансовых средств. А таким источником может быть только податное обложение всех классов и слоев населения.

До Октябрьской революции главным и чуть ли не единственным серьезным источником денежных средств было у Советов добровольное отчисление однодневного или полуоднодневного заработка рабочих.

Это было естественно и понятно пока Советы были только органами борьбы за власть. Но это становится совершенно неправильным, когда Советы стали верховной властью.

Задачи Советов чрезвычайно расширились. Они являются теперь организациями, которые обслуживают все слои и классы населения. И они обладают правом принудительного обложения всех классов.

До революции мы проповедывали «беспощадное обложение» буржуазии. А на деле пока получается беспощадное обложение рабочих и крестьян в пользу буржуазии.

Укажите мне хоть один Совет рабочих или крестьянских депутатов, который бы взял в действительности хоть грош налога с буржуазии.

Повидимому, Советы ждут указки из центра. Но ведь ожидание такой указки — это самое зловредное наследие самодержавия, которое душило всякую самодеятельность населения.

Россия идет сейчас по пути превращения в организацию советских республик-коммун. Царское деление на губернии отжило свой век. Образуются не губернии, а коммуны: Петроградская, Московская, Нижегородская и др. Намечается и ломка границ бывших губерний. Например, от Самарской республики Новоузенский округ (бывший уезд) собирается перейти в состав Саратовской республики. Из текстильных районов Костромской и Владимирской республик образуется новая Иваново-Вознесенская Советская Республика и так далее.

В своих внутренних делах каждая такая республика-коммуна до известной степени самостоятельна (автономна); и верховной властью у каждой республики являются свои Советы крестьянских и рабочих депутатов. Советы — это местные правительства. Земства и городские думы подчинены Советам. Но чтобы быть главой и руководителем всей местной жизни, Советы должны быть и главной финансовой силой на всем пространстве своей республики. Они должны немедленно ввести подоходно-прогрессивное обложение всех слоев населения для пополнения советской кассы; а также имеют право вводить и всякие другие налоги и сборы, не нарушающие прав всероссийского советского центра.

Правда, в наследство от старых правительств достался нам и подоходно-прогрессивный налог. Но даже правительство Керенского признало уже за городскими думами право делать добавки к этому налогу. Тем более, не может быть лишена этого права советская власть каждой республики-коммуны.

Но старый подоходно-прогрессивный налог имеет много недостатков, которые могут и должны быть немедленно исправлены. Отмечу только два из них. Первый, с точки зрения советской власти, существенный недостаток старого налога заключается в том, что сбор его находится все еще в руках царско-чиновничьей организации, а не в руках организации советской.

Чиновничья организация далека от жизни населения, не может всего учесть, обходится дорого.

Вместо чиновничьей организации должна быть немедленно создана советская организация на основе самодеятельности самого пролетарского и крестьянского населения.

Например, в Петрограде руководство всем делом поручается финансовому отделу Совета рабочих депутатов. При

нем — совещание из представителей от районов. В районе руководит свой финансовый отдел. Весь район разбивается на податные участки. Рабочими каждого участка избирается податная комиссия, которая ведет список всего постоянного населения участка и исследует доход каждого жителя, а затем и производит самый сбор.

Постоянным жителем считается всякий, кто прожил в городе более двух недель.

Второй недостаток старого налога, подлежащий немедленному устранению, заключается в том, что это был налог с годового дохода и взимался раз в год. В наше время это совсем не годится. Положение каждого чуть не ежедневно меняется: одни теряют заработок и доход, другие получают сегодня много больше, чем вчера. Можете ли вы, читатель, по совести высчитать, сколько вы заработали или получили за весь 1917 год?

Кроме того, Советы не могут ждать целый год: деньги нужны сейчас.

Необходим не годовой, а ежемесячный сбор. Если податные участки будут небольшие, то участковая податная комиссия легко уследит за всяким изменением дохода.

Не нужно дожидаться, пока определится доход всех до одного городских жителей за последний месяц. А как только человека внесли в список плательщиков и определили его доход, так сейчас же требовать от него взноса налога с дохода за прошлый месяц. В случае уклонения от платежа — брать вещи и тут же, на улице, с понятыми продавать их с аукциона, составивши протокол.

При таких условиях даже в Петрограде и в Москве можно уже через две недели, в конце января получить крупные суммы с дохода за декабрь. Чтобы не затягивать дела, можно брать процент с дохода, указанный в старом законе.

Товарищи! Знайте и помните ежеминутно, что финансовое положение центрального советского правительства отчаянное. Со всех концов России, с фронта, с железных дорог, от городских дум, волостных, уездных и губернских земств, от продовольственных управ, от Советов депутатов пишут, телеграфируют, приезжают к комиссару по финансам с требованием:

Дай денег!

Требуют по 10, по 20, по 100, даже по 500 миллионов рублей сразу, иначе, дескать, пропадем.

А доходов почти никаких не поступает. Железные дороги не окупают своих расходов на многие сотни миллионов рублей. Очень многие налоги перестали поступать (например,

земельный, крепостной при продаже недвижимостей, судебные пошлины и проч.).

Если по всем советским республикам России все Советы, думы и земства в самом скором времени не сумеют стать на свои ноги в финансовом отношении, то рубль скоро дойдет до копейки, а цены еще в 10 раз поднимутся.

Медлительность в этом деле приведет нас к гибели.

«Правда», № 9, 26 января 1918 г.

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ И РАБОЧЕЙ КАССЫ

В крестьянской и рабочей российской кассе, которую продолжают еще неправильно называть государственной казной, дело обстоит очень и очень скверно.

Война разорила, опустошила страну и старую казну.

Царское и потом Временное правительство жили займами и печатанием бумажек. Теперь никакого займа не сделаешь, а бумажек навалили столько, что рубль понизился в цене почти в десять раз, и все вздорожало больше чем в десять раз. Теперь за 500 руб. не купишь того, что раньше стоило 50 руб. Мы называем рубль попрежнему рублем, а на самом деле ему цена гривенник.

И если говорится, например, что я имею 1000 рублей, то это только слова: на самом же деле у меня только 1 000 гривенников. Это всегда нужно твердо помнить, при рассуждении об общенародном хозяйстве. Но об этом часто забывают, и сейчас я покажу, что из этого получается.

По приблизительному подсчету, если сейчас же окончить войну и демобилизовать армию, то на общенародные расходы потребуется нам в 1918 г. 26 миллиардов рублей; а доходу в общенародную центральную кассу от всех и всяких налогов и сборов, от железных дорог и почты, от акцизов и имуществ и всего прочего поступит около 5 миллиардов рублей.

Значит в центральной общенародной кассе будет нехватка (дефицит) в 21 миллиард рублей. Если разложить эту нехватку по душам, считая и женщин, и калек, и грудных ребят, то придется на душу около 200 рублей в год, а если разложить только на работников, то придется на человека около 1000 рублей.

Где же взять их рабочему или крестьянину? Ясное дело, что негде, и нужно придумать что-то другое, а не раскладку по душам.

Прежде всего всякий рабочий и каждый крестьянин должен беречь общенародную копейку, как свою собственную, а

не смотреть на общенародную кассу, как на царскую казну, с которой чем больше содрать, тем лучше.

Рабочие умеют бережно и экономно относиться к своим кассам,— например к кассам профессиональных союзов; крестьяне бережно расходуют свои общественные, мирские деньги. И к общенародной кассе они должны относиться столь же бережно и экономно.

Но на одной экономии не выедешь. Очень уж велика нехватка (дефицит). Например, весь доход в месяц у общенародной кассы будет около 420 миллионов рублей. А расход на выдачу пайков солдатским семьям сейчас чуть не 1000 миллионов рублей в месяц.

Значит, если прекратить все и всякие другие расходы, не перевозить солдат с фронта и не кормить их (предать голодной смерти), прекратить движение по железным дорогам, закрыть все школы и больницы и так далее, то все-таки не хватит еще много миллионов, чтобы только выдать пайки.

Вот до чего скверно положение. Иным оно и не могло быть после такой войны.

Чтобы пополнить общенародную кассу, необходимо не только экономить, но и вести правильно общенародное хозяйство. А оно еще ведется попрежнему очень и очень неправильно. Возьмем для примера железные дороги.

До войны казенные железные дороги приносили некоторый доход. А теперь они приносят страшный убыток, потому что все перепортилось, износилось, расходы возросли, а доходы уменьшились.

Сделать скоро так, чтобы от железных дорог был не убыток, а доход—невозможно. Но и без железных дорог нельзя обойтись ни одного дня. Нужно постараться хоть о том, чтобы убыток стал меньше. Не нужно быть железнодорожником, чтобы понять, до чего неправильно ведется сейчас железнодорожное хозяйство (вовсе не по вине железнодорожников).

Дело в том, что железные дороги взимают сейчас за провоз и пассажиров и грузов много меньше, чем обходится сама перевозка. Возьмем (только для примера) плату за проезд между Петроградом и Москвой.

До войны проезд стоил (не считая копеек) в третьем классе 8 руб., во втором — 12 р. и первом — 20 руб.

Известно, что уже и тогда плата за проезд в первом и во втором классе было убыточна для железных дорог (подарок барам и буржуазии от царского правительства), а от каждого пассажира 3-го класса было несколько копеек прибыли; и еще больше прибыли от пассажира 4-го класса.

Теперь плата повышена вдвое. Но ведь мы же знаем, что

рубль стал гривенником и что все расходы железных дорог увеличились не меньше, чем в десять раз. Значит, пассажир 3-го класса обходится в 80 руб., а платит 16 руб. и, таким образом, получает подарок из общенародной кассы в 64 руб. Это рабочие и крестьяне.

Средний буржуа едет во втором классе. Обходится он больше 120 рубл., а платит 24 руб. Подарок ему больше 96 руб. Крупный буржуа едет в первом классе. Обходится он больше 200 руб., а платит 40 руб. Подарок ему больше 160 рублей.

Чем богаче пассажир, тем больше ему подарок из общенародной кассы. Вот оно каково у нас «беспощадное обложение буржуазии». И откуда же взять денег на другие нужды, если требуется столько подарков? Но кроме убытка от такой низкой платы, получается и еще огромный вред для всего народа.

Теперь можно сказать, что все ездят бесплатно, не задумываясь, нужно или не нужно ехать. Сравните, в самом деле, расход на поездку в Москву из Питера до войны и теперь, с вещами.

До войны стоили: извозчик на вокзал — 1 руб., билет — 8 руб., носильщик — 60 коп., извозчик с вокзала в Москве — 2 руб.; а всего — 11 руб. 60 коп. А теперь стоят — извозчик на вокзал 10 руб., билет — 16 руб., носильщик — 6 руб., извозчикам с вокзала 20 р.; всего — 52 руб.

Как будто проезд стал дороже в пять раз. Но это с вещами. А без вещей теперь только 16 руб. или на самом деле 16 гривенников, т. е. 1 р. 60 коп. И теперь человек больше задумывается, взять ли извозчика с вокзала, чем купить билет до Москвы. Едут поэтому все, кому не лень, все равно, нужно или не нужно.

Но еще больше ездят совсем бесплатно, стоит только надеть солдатскую шинель. Под видом солдат бесплатно ездят десятки и сотни тысяч жуликов, карманников и спекулянтов. Вагоны переполнены, так что контроль билетов невозможен. Плата за проезд почти не поступает, а расход дороги увеличивается. И многим непонятно до сих пор, что от этого страдает подвоз продовольствия, рабочие получают четверть фунта хлеба, вместо полфунта, а картофель поднялся в цене до рубля за фунт.

Необходимо сейчас же, как можно скорее, увеличить плату за проезд против довоенного времени; в четвертом классе в пять раз, а третьем классе — в 10 раз, во втором — в пятнадцать раз, и в первом — в двадцать раз. Только тогда прекратятся эти подарки пассажирам, из которых больше половины сейчас — буржуи, спекулянты и карманники (не

считая солдат). Только тогда прекратится это «беспощадное обложение» городской и деревенской бедноты в пользу жуликов и буржуазии.

Точно так же необходимо повысить в десять раз и больше плату за спальные места — плацкарты, за провоз багажа, а также и за провоз почти всех товаров.

Не бойтесь, что от этого товары еще больше вздорожают. Дело в том, что плата за провоз так низка, что и сейчас почти не играет роли в цене товаров. Плата за провоз раньше исчислялась в одну двадцатую, в одну сотую, даже в одну шестисотую копейки с пудо-версты, смотря по товару. Это значит, что взималась одна копейка с пуда за провоз на двадцать, на сто, даже на шестьсот верст.

Теперь плата за провоз немного повышена; но все-таки она так низка, что провоз за несколько тысяч верст стоит дешевле, чем перевоз на ломовом извозчике с вокзала в город на склад. Пора прекратить это безобразие.

Как ни плохи сейчас наши железные дороги, как ни мало товаров в стране, все же можно сказать, что дефицит общенародной российской кассы сократится очень значительно, если железнодорожные платы (тарифы) будут приведены в соответствие с себестоимостью провоза, т. е. с расходами железных дорог.

И тогда придется меньше печатать бумажек, не будет так бешено расти дороговизна, и будет меньше опасности, что народное правительство скоро окажется банкротом.

То, что я сказал о железных дорогах, относится и к другим общенародным учреждениям, как почта, телеграф и тому подобное.

Не может почта работать исправно, когда закрытое письмо стоит 15 коп., т. е. на самом деле полторы копейки вместо семи копеек, а открытка полкопейки, вместо трех копеек. И телеграфы тоже работают в убыток: раньше брали 5 коп. за слово, а теперь кажется 10 коп., т. е. на самом деле одну копейку за слово. Крестьяне и рабочие не пользуются телеграфом, и расход на письма у них не так велик, как у буржуазии. Таким образом и в почтово-телеграфном деле мы видим беспощадное обложение рабочих и крестьян в пользу буржуазии.

И то же везде, во всех случаях, когда дело идет об общенародных учреждениях, могущих давать доход в общенародную кассу. Необходимо все это привести в порядок. Нужно уничтожить это проклятое наследие Романовых и Керенских. Нужно прекратить это беспощадное обложение рабочей и крестьянской кассы в пользу буржуазии.

Но и в этом деле, как и во всяком другом, рабочим и

крестьянам прежде всего нужно отрешиться от старой привычки во всем ждать указания сверху. Необходимо во всяком месте и во всякий час спешить организоваться и брать на себя инициативу защиты своих общенародных интересов.

Возьмем хоть борьбу против подарков пассажирам, против безбилетного проезда их. Нельзя ждать контроля или кондуктора. Как только поезд двинулся со станции, нужно тотчас организоваться, выбрать вагонного старосту и двух помощников. А если в вагоне несколько отделений, то по помощнику на каждое отделение.

У старосты и помощников нужно проверить проездной билет и документ о личности. Кому-нибудь записать их имя, фамилию—звание. Затем староста проверяет билеты у всех пассажиров; а у лиц, одетых солдатами и не имеющих билетов, спрашивать документы.

На первой же остановке старосты высаживают всех, не имеющих права проезда, и передают их в распоряжение начальника станции. Затем во время пути также проверяется всякий новый пассажир. Кроме того, старосты требуют соблюдения чистоты и порядка, охраняют вагон от порчи.

При таких условиях не только общенародная касса будет ограждена от ненужных убытков, но и самим пассажирам будет просторнее и спокойнее ехать. А то ведь теперь случается, что в поезде ровно половину пассажиров составляют безбилетные жулики, спекулянты и карманники. И кражам нет счета, и грязь, и теснота.

Из этого примера с железными дорогами ясно видно, как интересы общенародной кассы прямо и непосредственно связаны с интересами рабочих и крестьян.

Вообще же, если рабочие и крестьяне не проникнутся сознанием, что от них сейчас больше, чем когда бы то ни было, требуются общественная инициатива, самодеятельность и бережливость, то мы не сможем выйти из того страшно трудного положения, в котором находимся, в результате трехлетнего разорения безумной войной.

Каждый чувствует сейчас, что жить трудно. Но не каждый понимает, что дальше, по крайней мере до осени, до нового урожая, будет с каждой неделей жить еще труднее. Дороговизна будет расти. Продовольствия будет все меньше. Общенародной кассе будет все труднее справляться с бесчисленными общенародными нуждами и расплачиваться с рабочими. Все это неизбежно.

Из этого все ухудшается положение. У рабочих теперь только один выход, одно спасение: максимум работы в мастерской и максимум самодеятельности в нерабочее вре-

мя. Иначе—близкий голод, разорение и смерть. Смерть без погребения, потому что у городских дум не найдется средств даже на могильщиков, если рабочие общими усилиями не заставят буржуазию вносить все те налоги и платежи, которые она должна вносить на основании старых законов и новых декретов.

«Правда», № 10, 27 января 1918 г.

НАЛОГ ПО РАЗРЯДАМ

В «Правде» от 13 января, в статье «Что значит вся власть советам?» я говорил о необходимости немедленно приступить к введению ежемесячного прогрессивно-подоходного налога.

Я указывал, что теперь нет уже в России царской и барской казны, которая обдирала крестьян и рабочих. Я говорил, что теперь все расходы на армию и на другие общероссийские нужды идут из центральной крестьянско-рабочей кассы, которая пуста, а расходы очень велики.

Города и деревни должны теперь обходиться своими средствами, своими сборами на все общественные нужды и помогать всероссийской, центральной кассе своими взносами.

В городах и фабричных местностях нужно поспешить обложить ежемесячным сбором всех, и рабочих, и буржуазию, с каждого по его доходу. И чем больше доход, тем выше должен быть процент налога.

В земледельческих, сельских местностях ежемесячный прогрессивно-подоходный налог неудобен, потому что доходы жителей из месяца в месяц очень различные. Пришлось бы менять сумму сбора каждый месяц и следить за каждым жителем, учитывая всякий грош, полученный им.

Поэтому в земледельческих местах Советы крестьянских депутатов должны ввести не подоходный, а поразрядный ежемесячный налог.

Каждый житель записывается в какой-нибудь разряд. Всего разрядов можно установить десять или двадцать, или как решит Совет.

Кого запишут в первый разряд, тот должен платить в месяц 50 копеек. В первый разряд должны быть записаны самые бедные жители. В него можно не включать только совсем уже беспомощных людей: неимущих стариков, вдов с сиротами, увечных и тому подобное.

Крестьянская беднота должна аккуратно вносить этот полтинник.

Те, кого Совет запишет во второй разряд, должны платить по 1 р. в месяц. По третьему разряду налог должен

быть два руб., по четвертому разряду — 3 руб., по пятому — 4 руб., по шестому—5 руб., по седьмому 7 р. 50 коп., по восьмому—10 руб., по девятому, примерно — 15 руб. и по десятому—20 руб. в месяц.

А самых богатых оставлять вне разрядов и назначить налог по богатству каждого.

В деревне доходы на виду, и крестьяне всегда смогут по справедливости рассчитать, с кого сколько взять.

Облагать этим налогом нужно не только крестьян, но и духовенство, учителей, фельдшеров, врачей, лавочников, кузнецов, дачевладельцев и вообще всех без исключения постоянных жителей.

Постоянным жителем считается всякий, кто прожил в волости не меньше двух недель. Поэтому съемщиков дач тоже облагать, но не очень нажимать, чтобы не распугать их.

Вообще получать доход в пользу Советов нахрапом или срывом не годится. В некоторых городах пробовали сделать так: собрать несколько самых богатых буржуев и потребовать столько-то миллионов. А если не дадите, то арестуем. Конечно, из этого ничего не вышло: буржуазия не носит миллионов в кармане и не хранит их в виде денег. Ее миллионы—это фабрики, заводы, дома, товары. И грозить миллионеру: давай миллион, а не то в тюрьму—это все равно, что грозить дойной корове: давай десять ведер молока, а то зарежу.

Налогами и сборами можно доить буржуазию, а не резать ее. Для того же, чтобы резать, употребляется совсем другой способ: конфискация фабрик, заводов и прочего имущества, дающего доход.

Конечно, буржуазия добровольно не пойдет и на то, чтобы ее доили.

Но пободаются и привыкнут.

Помните, товарищи крестьяне и рабочие, если вы хотите, чтобы ваши Советы депутатов действительно имели всю власть, надо чтобы в распоряжении Советов были большие денежные средства. Без денег нет власти.

Не ждите помощи от Центрального исполнительного комитета. Напротив, вы сами должны помогать ему отчислениями из своих касс в центральную крестьянско-рабочую кассу. Иначе не на что ему будет содержать управление страной и охранять вас от замыслов контрреволюционеров,—от бывших помещиков и от буржуазии; не на что будет содержать и железные дороги, без которых всем нам смерть: не на что будет распространять свет знания и науку по всему лицу России, которая еще очень темна.

Нужно спешить, и очень спешить с введением поразряд-

ного налога в деревнях и прогрессивно-подоходного налога в городах. В некоторых уездах Тверской и Владимирской губернии Советы уже обложили налогом все население,—и в этих уездах касса Советов полна, а власть их крепка.

Если же вы проворониte и не сумеете скоро ввести налоги на всех жителей, если вы неспособны на это, то уж лучше не тяните время, а прямо поклонитесь в ноги помещикам, прежним чиновникам, офицерам и буржуазии, и просите их: вернитесь, добрые люди, княжить и владеть нами.

«Правда», № 14, 1 февраля 1918 г.

НУЖНО ЛИ ЖДАТЬ УКАЗКИ?

Россия представляет теперь собою Союз советских республик. Из этого ясно, что Советы отдельных республик должны развивать свою деятельность за счет местных средств и имеют право облагать налогами и сборами все классы населения.

В развитии своей деятельности вообще Советы самостоятельны; не должны они ждать указки из центра и при изыскании средств для пополнения своей кассы.

Тем более не должны ждать, что время не терпит.

Россия слишком велика, и жизнь в ней слишком разнообразна, чтобы можно было все предусмотреть из Петрограда. И нужно спешить отвыкать от подчинения той опеке, к которой нас приучило самодержавие.

При обширности страны и разнообразии условий жизни старое правительство тратило нередко по десять лет и больше, чтобы все расследовать и взвесить для составления нового закона.

При издании новых законов старое правительство имело к тому же готовый образец в законодательстве передовых буржуазных стран.

А у нас теперь и не может быть такого образца, потому что мы идем по новому пути, никем еще неизведанному.

Необходим всюду на местах творческий почин (инициатива). И во многих случаях, несомненно, при удачном почине не только соседние местные республики, но и центр будет учиться у местных Советов, а не местные Советы у центра.

В вопросе о новых налогах и сборах нужно руководствоваться лишь самыми общими указаниями относительно согласования действий союзного центра и местных республик.

Есть финансовые меры, которые могут быть осуществлены только в общем, в союзном масштабе.

Таковы, например, организация союзного (бывшего государственного) банка, монетная система, таможенные пошлины, почтовые и железнодорожные тарифы и т. п.

Но и здесь, без ущерба для дела, могли бы временно вводиться дополнения местного характера. Например, сейчас пассажирский железнодорожный тариф безобразно низок. Да и тот не соблюдается. Поезда переполнены едущими бесплатно.

Местные республики при помощи Красной гвардии и солдат должны немедленно приняться за очистку вагонов от пассажиров, едущих незаконно без билета.

Далее, вместе с национализацией отдельных отраслей промышленности цены на монопольные продукты будет устанавливать союзный центр. Но я думаю, что местные Советы не лишены права делать надбавку к этим ценам на местные расходы.

Что касается прямых налогов (ежемесячного прогрессивно-подоходного, ежемесячного поразрядного, поимущественного и т. п.), то здесь безусловно предоставляется полная свобода и самый широкий простор для местных Советов, независимо от того, останется ли в силе союзный (бывший государственный) прогрессивно-подоходный налог.

Сверх того, для местных Советов остается широкое поле для сбора разных пошлин, штрафов и плат за услуги: пошлины судебные, штрафы вместо тюремной отсидки, сбор за всякого рода документы, удостоверения и справки, выдаваемые советскими учреждениями и т. п.—эти источники дохода нельзя предвидеть, их укажет сама местная жизнь.

Если энергично взяться за дело, то оно пойдет верно. Ржевский уезд Тверской республики — не богатый уезд. А между тем, как мне передавали, местный Совет рабочих и крестьянских депутатов, в самое короткое время собрал полтора миллиона рублей.

А вот, например, Московский Совет, у которого вся полнота власти после усмирения юнкерского восстания, до сих пор не сумел собрать с богатейшей московской буржуазии, кажется, и полторы копейки.

Ржевцы не поедут теперь в Питер клянчить и просить о подачке, как делают сотни городских дум, земств и советов: они смогут, если понадобится, и сами помочь центральной союзной кассе.

Учитесь у ржевцев!

«Правда», № 16, 3 февраля 1918 г.

ЕЩЕ РАЗ: ЖДАТЬ ЛИ УКАЗКИ?

От многих товарищей приходится слышать:

— Мы понимаем, конечно, что Советы должны производить у себя на местах сборы и устанавливать налоги для получения средств на общественные нужды. Но необходимо, чтобы Совет народных комиссаров издал декрет о праве Советов делать это.

В статье «Правды» от 21 января я доказывал, что указки ждать не следует. После напечатания моей статьи мне объяснили товарищи, что указки ждать не следует еще и потому, что указка уже есть: она сделана больше двух месяцев назад, как только Совет народных комиссаров взял власть в свои руки. Тотчас же был тогда издан следующий декрет:

О субсидировании местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов

«Совет народных комиссаров обращает внимание всех местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на то, что они в качестве власти на местах, обладают также и налоговыми правами, вследствие чего все обращения к центральной государственной власти за субсидиями, не подкрепленные достаточными доказательствами невозможности получения необходимых денежных средств путем введения местных налогов, будут оставаться без удовлетворения. Всякие обращения за финансовой поддержкой должны быть мотивированы и сопровождаться точными финансовыми и экономическими документальными справками».

Декрет этот настолько ясен, что уже не приходится доказывать Советам их права вводить новые налоги или повышать старые.

Пользуюсь случаем, чтобы исправить одну неправильность в моей статье, напечатанной в «Правде» 21 января. В статье этой говорится о борьбе против безбилетных пассажиров, но выброшено самое главное. Именно, я высказал там свое мнение, что временно, впредь до общего повышения платы за проезд по железным дорогам Советы могли бы для покрытия расходов по борьбе с безбилетными жуликами и спекулянтами облагать особым сбором отъезжающих пассажиров, тем более, что этим пассажирам удобнее будет ехать в вагонах, очищенных от спекулянтов и карманников.

«Правда», № 18, 6 февраля 1918 г.

КАК ДЕНЬГИ «ЛЕЖАЛИ» В БАНКАХ

Самые эти простые на свете слова «лежать» и «ходить». Кажется все их хорошо понимают. И никому не могло бы притти в голову, что «лежать» может означать на самом деле «ходить», а «ходить» означает—«лежать».

А между тем, в вопросе о банках слова нужно понимать наоборот.

Например, говорится: «Я положил деньги в банк», «у меня в банке лежит тысяча рублей», «в таком-то банке лежит миллион рублей вкладов».

Правда ли, что эти деньги лежат? Ведь, если бы они лежали, то не могли бы давать никакого дохода, и банк должен был бы взимать плату за их хранение. Между тем, банк, принявший деньги, сам платит вам проценты. Значит, деньги не просто «лежат».

В действительности, деньги «ходили». Если бы они лежали, то банк не мог бы просуществовать ни одной недели, он разорился бы.

Все деньги, которые приносила публика, банк старался в тот же день заставить ходить: он выдавал их в ссуду под товары или по векселям, покупал акции промышленных предприятий и т. п. И денег в банке налицо не оказывалось.

Тут мы встречаем еще случай обратного понимания слов. Говорится: «банк имеет вкладов на миллион рублей», а на деле это означает, что банк не имеет, должен, что он оказывается в долгу у вкладчиков на миллион рублей.

От такого обратного употребления слов, получалось во многих головах большая путаница, когда наше новое, народное правительство взяло в свои руки частные банки. Было известно, что банки «имеют» вкладов на столько-то миллиардов рублей, что в них «лежит» столько-то миллиардов.

И люди думали, что эти миллиарды попали теперь в руки народа.

На самом же деле, банки должны были вкладчикам эти миллиарды, и с захватом банков на народное правительство легли новые миллиарды банковского долга вкладчикам.

Все наличные деньги были разобраны вкладчиками еще перед Октябрьской революцией. Как только революция победила сейчас же пришлось государственному банку помогать частным банкам на многие миллионы рублей в в день, чтобы частные банки смогли удовлетворять своих вкладчиков по текущим счетам.

Такими вкладчиками были, главным образом, промыш-

ленные фирмы. Если бы государственный банк не помогал, то фирмы не имели бы денег для расплаты с рабочими и все предприятия остановились бы. В день занятия частных банков в их кассах могли оказаться и оказались налицо почти только те гроши, которые остались от вчерашней получки из государственного банка.

Деньги, «положенные» в банки, не лежали, а ходили где-то далеко от банков.

Вернуться деньги могли от наступления срока по векселям или от возврата ссуд под товары и т. п. Но для этого нужно было, чтобы все отделения банков продолжали работать. А между тем, на помощь буржуазии поспешили их прислужники, банковские служащие, руководимые меньшевиками, кадетами и правыми соц.-революционерами. Они забастовали. И этим на время освободили буржуазию от обязанности платить по векселям и возвращать ссуды. Конечно, части буржуазии это выгодно, и она не жалеет денег на подкуп банковских служащих, чтобы те продолжали забастовку. А рабочим через это задерживается выдача заработной платы.

Семьи рабочих голодают, а буржуазия не нарадуется, видя, что вожаки банковской забастовки работают для нее не хуже, чем работали провокаторы—охранники для самодержавия.

Только не спасли охранники царского трона,—не спасут буржуазного господства и вожаки банковских служащих. Обманутая масса этих служащих уже начинает понимать провокаторскую игру своих вожаков и готова отойти от них. Тем более, что она вполне резонно опасается остаться без заработка.

Ведь с объединением работы многих банков в одном народном банке потребуется в несколько раз меньше служащих. Некоторые отделы, служившие для биржевой игры, будут вовсе закрыты.

С возобновлением банковской работы во всех тех отделах, которые будут сохранены, жизнь начнет налаживаться. В банки начнут возвращаться деньги. Рабочим легче станет получать заработную плату, не придется подолгу ждать получки.

Самое трудное время в деле объединения банков подходит к концу. Не легко было пережить этот первый месяц. Но зато и победа велика: сломлена мощь финансового капитала, который держал в своих цепких лапах всю торговлю и промышленность, располагал судьбой рабочих и кинул Россию в эту ужасную трехлетнюю войну.

Ради такой победы стоило перенести все те трудности и пе-

режить те невзгоды, которые пришлось пролетариату пережить в этот месяц в связи с закрытием частных банков.

«Правда», 13 февраля 1918 г.

«СФАТУЛ-ЦЕРИЙ»

Сфатул-церий — это вроде только что низвергнутой на Украине буржуазной Украинской рады. Только действует Сфатул-церий не на Украине, а в Бессарабии. Это — орган власти буржуазии молдаванской, как рада была органом власти украинской буржуазии, как правительство Керенского—Коновалова было органом власти всей буржуазной России. В Бессарабии крупное землевладение было очень развито. Русская революция особенно Октябрьский переворот нанес решительный удар этому землевладению. Вот почему молдаванские помещики обрадовались, когда Румыния пошла против советской власти, против русских рабочих и крестьян. Они услышали, как все громче раздается клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и кликнули свой клич: помещики, капиталисты, попы, эксплуататоры всех стран, соединяйтесь! И как бы ни назывались их органы власти: войсковое правительство Каледина—Корнилова—Савинкова, Польская регенцийная рада, Украинская рада, Сфатул-церий, и как бы ни назывались их вожди, чем бы они ни прикрывались—сущность их одна и та же. И рабоче-крестьянские трудовые массы, поднявшись против них, всюду должны говорить им:

«Обычай мой таков.—
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».

«Деревенская правда», № 26, 17 февраля 1918 г.

О КУРСЕ РУБЛЯ

Рост дороговизны в России начинает привлекать внимание рабочих к вопросу о курсе рубля; ведь если курс рубля быстро падает, то идет насмарку всякое увеличение денежной заработной платы. А если бы курс рубля дошел до нуля, то никакая заработная плата, выраженная в рублях, не дала бы рабочему возможности хоть один раз пообедать.

Курс рубля стал сильно падать еще при самодержавии: падение усилилось при Временном правительстве.

И царское и буржуазное правительство безмерно увеличивали количество бумажных денег, чтобы избежать обложения буржуазии и понижать заработок рабочих, обесценивая бумажки.

К сожалению, и Совет народных комиссаров не может приостановить печатания бумажек. Но тут виновата уже не злая воля, а отсутствие энергии у Советов рабочих и солдатских депутатов, которые не захотели или не сумели обложить богатейшую буржуазию больших городов хоть одной лишней копейкой новых налогов.

Рабочие сами роют себе яму, медля с обложением буржуазии: они думают только о повышении своей денежной заработной платы и остаются у разбитого корыта после каждого такого повышения.

А теперь, когда масса предприятий конфискуется, нужда в деньгах на расплату с рабочими у Совета народных комиссаров растет с каждым днем. Советы депутатов не облагают буржуазию, и у Совета народных комиссаров остается только одно средство удовлетворить рабочих: печатать новые бумажки.

Повторяю, что внимание рабочих уже привлечено к вопросу о курсе рубля. И это хорошо. Это уже половина дела или большой шаг по дороге к делу.

Нужно однако же трезво разобраться в причинах дороговизны и не валить всего только на курс рубля.

Например, цена на пищу в Петрограде поднялась много выше, чем упала стоимость рубля. Здесь происходит то же, что всегда происходило в неурожайных местностях: цена на хлеб быстро поднималась, хотя курс рубля и не думал падать.

В Петрограде сейчас не только падение курса рубля, но и прямой голод. При голоде цена пищи может дойти до чрезвычайной высоты, хотя бы курс денег не изменился.

Петроградский голод — частица всемирного голода, вызванного войной. Пищи не хватает даже в Англии, даже в богатейшей Америке, и до нового урожая нельзя рассчитывать на улучшение питания, а напротив — нужно ждать ухудшения.

Значит, в России сейчас две основных причины дороговизны: и падение курса рубля и прямой недостаток припасов.

Интересно отметить, что за последний месяц курс русского рубля за границей не падает, а повышается. После Октябрьской революции курс упал было чуть не до пятака. Затем он начал повышаться по мере укрепления крестьянско-рабочей власти.

Судя по некоторым известиям, аннулирование государственных долгов повело к новому повышению курса рубля: заграничная буржуазия, повидимому, увидала, что Рос-

сия теперь уже не такой неоплатный должник, каким была до аннулирования.

Были сообщения, что курс поднялся в Америке до 7 рублей за доллар, то есть приблизительно до 29 копеек. А на днях получена телеграмма, что курс поднялся до 6 руб. за доллар, т. е. до 33 к.

Из этого видно, что до «катастрофы», т. е. до того момента, когда курс падет до нуля, не так уж близко, но все-таки для рабочих остается заботой первейшей важности не давать курсу быстро падать. И для этого необходимо, во-первых, спешить с обложением буржуазии новыми налогами, а во-вторых, торопиться перевести промышленность на мирное положение и увеличить производительность труда.

Чем больше будет продуктов, тем меньше дороговизна.

«Известия», № 28, 19 февраля 1918 г.

БЕРИТЕ С НАНИМАТЕЛЕЙ!

Тов. Ленин в своей речи к агитаторам, посылаемым в провинцию («Правда», № 18) [1] немало места уделил вопросу о необходимости обложения буржуазии сборами на общие нужды — на нужды центральной народной кассы.

— Вы должны провести это на местах, — говорил он.

И, конечно, он прав. Но меня удивляет, что Советы рабочих и солдатских депутатов, которые, конечно, прекрасно знают о положении общенародной кассы, так мало делают для обложения самой богатой буржуазии, которая сосредоточена в Петрограде и в Москве.

До сих пор столичные Советы не обложили буржуазию своих городов ни одной копеечкой лишнего налога. Разве это нормально?

Особенно непонятно в этом отношении поведение Петроградского Совета, который до сих пор служил образцом для Советов всей России.

В «Правде» я уже указывал на необходимость организовать в городах сбор ежемесячного прогрессивно-подоходного налога, а в деревнях — налога поразрядного. Сегодня же я хочу указать на возможность получения средств от сбора, который должен лечь только на буржуазию.

Этот сбор далек от совершенства, но его легче организовать, чем прогрессивно-подоходный и поразрядный ежемесячные налоги. И он может служить единовременным дополнением к этому налогу.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 248—251.

К тому же как бы ни медлили Советы в столицах и в больших городах—все-таки рано или поздно им придется организовать свои аппараты для сбора советских налогов. И для организации еще неопытной более простой, единовременный налог явится недурной школой.

Поэтому я предлагаю на обсуждение всех Советов следующий проект налога:

Обложение нанимателей

Совет постановляет:

§ 1. Обложить единовременным сбором тех, кто пользуется наемным трудом, в размере 50 р. за каждого нанимаемого человека.

§ 2. За покушение переложить этот сбор на нанимаемых виновный подвергается штрафу, в 10 раз превышающему сумму сбора.

§ 3. Действию настоящего постановления подлежат: а) содержатели промышленных, ремесленных, торговых и иных предприятий, владельцы подвижных имуществ, подрядчики и вообще лица, предприятия и учреждения, пользующиеся наемным трудом, как для извлечения дохода, так и для личных услуг (наем домашней и домовой прислуги, личных секретарей и т. д.).

§ 4. Не подвергаются уплате настоящего сбора: а) учреждения и предприятия правительственные, советские, думские, земские, железнодорожные, конфискованные или трестированные по договору с высшим советом народного хозяйства; б) предприятия, по самому своему характеру предназначенные исключительно для выполнения заказов на учреждения и предприятия, указанные в предыдущем пункте; в) частные учебные заведения по отношению к лицам педагогического персонала; г) церкви и молитвенные дома всех исповеданий по отношению к церковнослужителям и священнослужителям или лицам, равным им по положению; д) благотворительные учреждения; е) частные лица, пользующиеся услугами приходящих учителей; ж) наниматели одной прислуги, если все взрослые члены семьи заняты работой вне дома или посещением учебного заведения; з) наниматели сиделки к больному члену семьи; и) наниматели одной прислуги, если прислуга временно приглашена по случаю болезни члена семьи, или если семья состоит только из лиц, нетрудоспособных по своему возрасту (свыше 70 лет) или по болезненному состоянию.

§ 5. Сбор уплачивается в равной мере за нанятых лиц обоего пола в возрасте до 60 лет.

§ 6. Сбор не уплачивается: а) если нанимаемый был освобожден или уволен от военной службы по освидетельствовании, вследствие ран, увечья и вообще неспособности к военной службе; б) если нанимаемый был признан по освидетельствованию, до издания настоящего постановления, потерявшим часть трудоспособности; в) если на продовольствии нанимателя находится, кроме нанимаемого, еще и нетрудоспособный член его семьи (прислуга с ребенком и т. п.); г) если нанимаемому больше 60 лет.

§ 7. Сбор взимается по числу лиц, которые работали по найму в день принятия Советом настоящего постановления.

§ 8. Для взимания сбора устраивается при Совете специальная организация: а) для учета числа нанимаемых привлекаются в помощь фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы и другие рабочие организации.

§ 9. Из общей суммы сбора 40% будут удержаны в кассу Совета, а 60%—переданы центральному народному правительству.

Я хотел бы добавить несколько слов в пояснение.

По моему проекту за несовершеннолетних нет скидки: это—чтобы не поощрять эксплоатации детского труда; а за стариков и полуинвалидов скидка дается, чтобы не отпугивать от найма таких, не вполне трудоспособных лиц.

За учителей я предлагаю не платить, потому что учитель обыкновенно занимается во многих местах: а за гувернеров, бонн и т. п. платить должно.

За церковнослужителей и священнослужителей нельзя взимать, потому что они не нанимающиеся, а скорее хозяева, а за сторожей, звонарей и т. п. они должны платить.

Рабочие организации (профессиональные, страховые и другие, но не советские) должны платить, чтобы не ставить себя в привилегированное положение. Неприлично было бы и партийным организациям уклоняться от платежа этого сбора, идущего на общие нужды.

Для взимания сбора не нужно ждать пока по всему городу будут выяснены плательщики, а взимать с выясненных немедленно.

Всех отдельных сложных случаев невозможно предусмотреть. Поэтому при Совете должна быть организована особая комиссия для разбора претензий и жалоб по взиманию налога. Комиссии должны быть даны широкие полномочия.

Нужно надеяться, что столичные и другие Советы больших городов примут к руководству слова т. Ленина:

— Доходы правительства Советов равняются 8 миллиардам, а расходы 28 миллиардам. Конечно, при таком положении вещей мы с вами провалимся, если не сумеем выта-

щить эту телегу государственную, которую царская власть погрузила в болото[1].

«Известия» ЦИК, № 32, 23 февраля 1918 г.

ИЗЛИШКИ ТОВАРОВ

У нас, в России, бестоварье, товарный голод. В течение более трех лет все делалось только для войны. Получались огромные запасы в складах.

Конечно, эти запасы и теперь нужны для военных целей. Армия должна быть восстановлена. Иначе нашу свободу задушат иноземцы, а землю у крестьян отберут.

Но запасов в складах хватит на новую армию в избытке. Имеются излишки. Нужно пустить лишнее в продажу. Имеется лишняя мануфактура, кожевенный и железный товар.

Как мы слышали, вопрос о разгрузке военных складов поставлен на очередь.

Товары будут вскоре пущены в продажу через продовольственные организации, кооперативы, местные советы и т. п. Цены будут, конечно, не спекулятивные.

И тогда настанет смерть для многих спекулянтов. Не покупайте, товарищи, у спекулянтов! Обождите, когда начнут распродаваться излишки военных запасов!

«Деревенская правда», № 45, 14 марта 1918 г.

ЗА ОБЩЕЕ ДЕЛО

Самодержавие душило всякую свободу и самодеятельность. Для этого оно веками создавало свою огромную полицейскую бюрократическую и военную организацию.

Эта организация состояла на службе у буржуазии и помещиков для угнетения рабочих и крестьян.

Февральская революция 1917 г. прежде всего начисто смела полицейскую организацию.

Но буржуазное временное правительство желало спасти землю для помещиков и капиталы для буржуазии. Поэтому оно старалось спасти обломки самодержавия: старую бюрократию и старую армию с ее офицерством.

Октябрьская революция рабочих и крестьян добила самодержавие. От старых правительственных организаций теперь осталось только то, что технически необходимо для новой, народной России.

Нужно, однако, признать, что в деле разрушения старого порядка стихийное движение несознательных крестьян и солдат пошло дальше, чем следует.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 251.

Нужно было разрушить старую армию с ее дворянским офицерством. Но военное имущество и оружие нужны и для новой народной армии.

Между тем солдаты, а иногда и матросы, стали делить это имущество между собой и увозить винтовки.

Этим они обессиливали революцию на радость германским империалистам и внутренним контрреволюционерам.

Нужно во что бы то ни стало спасти то, что осталось для вооружения новой армии. Нужно начать энергичную борьбу против мародеров, расхищающих военное общественное имущество.

Разрушение старого пошло и в деревнях дальше, чем нужно. Население перестало платить сборы и налоги. Во многих местах позакрылись из-за этого больницы и школы. Надвигаются эпидемии, и деревне придется жестоко поплатиться за то, что она забросила у себя врачебное дело.

Среди рабочих борьба против капитала стала выливаться кое-где также в неправильную форму, в форму разрухи, разъединения пролетариата.

Сила пролетариата в его единении и организованности.

Пролетариат должен составлять одну семью, одно целое.

В работе он делится на разные профессии: металлистов, судорабочих, железнодорожников и др. Но в борьбе за лучшую долю и за социализм рабочие всех профессий должны быть все как один.

Между тем несознательная часть рабочих тянет иногда не к общему делу всего пролетариата, а к делу только своей профессии; а иногда и еще того хуже—к делу только своей фабрики.

Это поведет к тому, что рабочие пойдут против своего же брата рабочего.

Тогда прощай, революция, прощай, свобода, прощай, социализм!

На знамени рабочих написано:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И разъединение по профессиям или по фабрикам будет изменой рабочему знамени.

«Деревенская правда», № 51, 21 марта 1918 г.

НЕВЕРНЫЙ ШАГ

Небывалые, невероятно сложные и трудные задачи стоят перед пролетариатом России.

Нужно совсем по-новому наладить организацию хозяйственной жизни страны. Ошибки, неверные шаги при этом неизбежны.

Партийные и советские газеты стояли бы не на высоте своей задачи, если бы изображали дело так, будто везде и все обстоит благополучно. Для роста сознательности масс населения необходимо, напротив, отмечать и критиковать неверные шаги своих же организаций.

Как на примере я хочу остановиться на проекте «положения об управлении железными дорогами Российской республики советов». Проект этот утвержден чрезвычайным Всероссийским съездом 23 января 1918 г. и подлежит утверждению Совета народных комиссаров.

На съезде преобладали товарищи большевики,—и тем более наша обязанность отнестись критически к проекту «Положения».

Согласно § 23 проекта, управление всеми дорогами в административно-техническом отношении принадлежит коллегии, избираемой самими железнодорожниками.

Центральная крестьянско-рабочая организация (Цетр. исп. ком. советов) не имеет представителя в коллегии. Но железнодорожники представительство в ЦИК имеют.

Правда, ЦИК имеет право отвода членов коллегий. Но все же остается очевидным, что железнодорожная коллегия стоит выше ЦИК и в целом от него независима.

Тот же принцип, что железнодорожники выше общепролетарской советской организации, проводится и на местах. По § 12 в состав жел.-дор. окружных советов входят лишь по одному представителю от общих Советов. А в общих Советах железнодорожники откалываются в особую секцию (§ 32); в секцию входят железнодорожники, а затем от общего совета представители «порядком, устанавливаемым самими секциями», т.-е. самими железнодорожниками: хочу—пущу, не хочу — не пущу.

Этим секциям, помимо общего Совета, а при случае, значит, и вопреки ему, принадлежит разрешение всех железнодорожных вопросов, связанных с интересами местного населения.

То есть, все рабочее и крестьянское население, вместе со своими Советами, отдается на волю железнодорожников.

Читатель уже видит, что весь проект «положения» проникнут духом борьбы против остального крестьянско-рабочего населения, пропитан желанием подчинить общекрестьянские и рабочие советы воле и интересам железнодорожников.

Но дальше — еще лучше.

Все содержание железнодорожных советов ложится на средства республики (сверх $^1/_2\%$ отчисления от заработка),—ложится в таком размере, в каком пожелают товарищи же-

лезнодорожники. Они получают средства из общенародной кассы, но, повидимому, не хотят допускать никакого контроля над расходованием этих средств.

По крайней мере, в § 30 говорится:

«Для надзора за правильным ведением жел.-дор. хозяйства и для контроля денежных отчетов» одни только железнодорожники избирают ревизионную комиссию, которая дает отчет только железнодорожникам.

Ясное дело, что этим чуть ли не все финансы советской республики отдаются на волю железнодорожников.

Из всего числа (47) параграфов проекта целых два посвящены такому, казалось бы, сравнительно маловажному вопросу, как бесплатный проезд по железным дорогам.

И эти два параграфа очень любопытны (§ 46 и 47).

По § 46 каждый дорожный комитет получает три бесплатных годовых билета, но непременно 1-го класса и непременно по всей сети, от Петербурга до Владивостока, от Архангельска до Баку,— хотя ведению дорожных комитетов подлежат только отдельные дороги. А по своей дороге дорожные комитеты дают бесплатные билеты, тоже 1-го класса, членам советских и профессиональных организаций без ограничения.

По § 47 бесплатные годовые билеты по всей России, опять непременно 1-го класса, выдаются «членам Всероссийского исполнительного комитета жел. дор. депутатов и правлений классовых профессиональных жел. дор. секций, объединенных во всероссийском масштабе».

Тут беда не только в наводнении бесплатными пассажирами, но и в обязательном сохранении вагонов 1-го класса, которые по своей дороговизне будут совсем неуместны в новой, крестьянско-рабочей России.

Эта мелочь с бесплатными, непременно годовыми, непременно по всей сети, непременно 1-го класса билетами, показывает, в каком направлении уклонилась мысль товарищей, составлявших проект «положения».

Очевидно, они стояли на точке зрения хозяев капиталистического предприятия в буржуазном обществе.

А так как в буржуазном обществе идет непрерывная борьба всех против всех, то и тов. железнодорожники стали в позицию войны против всех и всяких не железнодорожных организаций крестьян и рабочих, в позицию капиталистического треста.

Представьте себе, что на такую же позицию стали бы рабочие организации всяких других профессий,— что получилось бы?

Получилась бы война одних профессий против других. А

от общих советов осталось бы только пустое место, не имеющее никаких прав над секциями и никакого контроля над расходованием денег общенародной кассы.

Но мы убеждены, что пролетариат не пойдет по пути, указанному в проекте товарищей железнодорожников, и что сами они поймут, что проведение таких проектов несовместимо с пролетарской организацией хозяйства.

«Правда», № 54, 24 марта 1918 г.

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

Еще года два назад, когда война затянулась, буржуазия стала говорить о том, что будет после войны.

Ведь почти вся промышленность работала на оборону. Прекращение войны должно было прекратить эту работу. А с фронта должны были явиться миллионы безработных демобилизованных солдат.

И тогда, два года назад, указывалось, что самое трудное время настанет после окончания.

Теперь это время настало.

Больше трех лет трудовой люд, по воле самодержавия и буржуазии, поневоле разорял страну, железо шло на снаряды, ткани — на солдатское обмундирование, продовольствие на армию.

В России образовался недостаток во всех припасах, во всех товарах.

Теперь солдаты вернулись домой. Военная промышленность почти прекращена.

Пора браться за работу мирного времени. Рабочих сил довольно.

Но что работать когда нет сырья? Не заготовлено ни леса, ни дров, ни железа, ни хлопка. Железные дороги в полном разрушении. Машины износились.

Из ничего, да с голыми руками, сразу не наделаешь товаров и припасов.

А на дворе зима, до урожая еще далеко. Настало трудное, самое трудное время. В голоде, холоде, в тесноте, а нужно его пережить.

Сразу не может все наладиться: на это нужны многие месяцы.

Счастье еще, что в России рабочие и крестьяне вырвали власть из рук буржуазии.

Буржуазия раньше наживалась на всяком бедствии народном: на голоде, на войне.

От этого народ еще больше страдал.

Теперь пришла пора расплачиваться буржуазии за свои грехи.

И она злобно кряхтит.

Ей подпевают буржуазные приспешники: меньшевики и правые социалисты-революционеры.

Говорят рабочим и крестьянам: поворачивай революцию назад, восстанавливай силу и власть помещиков и капиталистов.

Нет, господа хорошие! Бедствует крестьянин над покрытой снегом землей, но не вернет он землю помещику.

Бедствует и рабочий от безработицы, безденежья, бестоварья.

Но не полезет назад в капиталистическую петлю.

Лучше переждать только до нового урожая, чем отдавать себя на старые вековечные мучения.

«Беднота», № 1, 27 марта 1918 г.

СПЛАЧИВАЙТЕСЬ ДЛЯ РАБОТЫ

Настало самое трудное время. Россия разорена. Всюду бесхлебье, безработица, безденежье.

Придется еще много претерпеть, пока жизнь наладится.

Но от нашего терпения ничего не наладится, если будем сидеть, сложа руки.

Все спасение теперь в одном: произвести как можно скорей и как можно больше всяких товаров мирного времени.

Только тогда жизнь наладится, когда всего будет много.

Тогда и финансы центральной рабоче-крестьянской кассы придут в порядок.

Настало время упорной работы.

Не на помещика, не на буржуя, не на империалистическую войну, а на себя мы теперь будем работать.

На себя и на оборону нашей свободы.

У крестьянской и рабочей свободы еще очень много врагов.

Враги не только германские и иные империалисты. Не только буржуй и бывшие помещики. Не только саботажники.

Врагов свободы много и среди нас и в каждом из нас.

Мы устали от всего пережитого. И в душе нашей поднимается иногда враг свободы, который шепчет предательские слова:

— Отдохни! Уйди от дела, пусть будет, что будет.

А вокруг нас, в нашей же среде, тоже много врагов свободы. Это все те, кто думает:

— Никто мне теперь не указ: что хочу, то и делаю.

Хочу — оберегу общее достояние, не хочу — возьму его и продам.

Верно, что над нами нет теперь палки наших врагов и эксплоататоров. Они не дерут с нас шкуры, не понуждают к работе на их пользу.

Теперь к работе на свою и на общую пользу побуждает нас больше всего наша сознательность, наша совесть.

Но не всякий достаточно сознателен, но не всякий совестлив. Таких нужно понуждать.

На всяком деле, где работа ведется не на капиталиста, должны сплачиваться, организовать крепкое ядро те, кто понимает дело. Они должны усовещивать, а то и понуждать лентяев и людей недобросовестных.

Но бывает, что сознательных где-нибудь меньшинство. А большинство подберется такое, что только и думают отлынивать от работы, да растащить имущество.

В таких местах сознательное меньшинство иногда бессильно.

Но не нужно падать духом. Нужно разъяснять, усовещевать.

Полезно иногда и распубликовать в своей газете о тех, кто работает недобросовестно.

Лентяи и недобросовестные люди — это враги нашей победы.

Их нужно изобличать в своей газете, как раньше изобличали мастеров-притеснителей, штрейкбрехеров и всяких хозяйских прихвостней.

Трудное время у нас. И трудное дело — строить новый порядок свободной жизни.

Часто дело идет не так, как нужно. Не только о недобросовестном ведении дела, но и о неправильном, неумелом нужно сообщать в свою газету.

Чтобы все видели, как делать не нужно.

Тогда скорей научимся как и что нужно делать.

Не будем скрывать трудностей и темных сторон нашей жизни. Не будем бояться, что скажут враги.

Правда — прежде всего. Отведите ей первое место и тогда правое дело победит.

Все сознательные товарищи, которые понимают, что сейчас не время праздновать, а время упорно работать на самих себя — сплачивайтесь, организуйтесь, оказывайте давление на несознательных!

«Беднота», № 2, 28 марта 1918 г.

ЧТО ЗНАЧИТ ВОСЬМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

За восьмичасовой рабочий день издавна ведет борьбу рабочий класс всего мира.

Наша партия до революции выставила три боевых задачи: за республику, за землю и за восьмичасовой рабочий день.

Значит, мы всегда придавали восьмичасовому рабочему дню чрезвычайно важное значение и ставили его наравне с самыми важными требованиями.

Почему это? Неужели только для того, чтобы иметь лишний отдых?

Совсем нет!

Мы говорили: каких бы прав ни добился пролетариат в революции, все эти права будут очень скоро потеряны, если рабочий не будет иметь времени на их защиту.

А защищать свои права рабочие могут, только работая над укреплением своих организаций и развиваясь умственно.

Значит не для отдыха, не для празднования, не для безделья рабочие боролись за сокращение рабочего дня, а для работы.

Работы не на капиталиста, а на себя, для себя, для своих братьев.

Теперь мы добились в России восьмичасового рабочего дня.

И мы должны использовать свободные часы, как действительные борцы за рабочее дело, а не как лошади, которых стали раньше распрягать и ставить в стойло.

Мы должны спрашивать каждого товарища, должны знать какую работу он делает для общего дела в свободные часы.

Иной учится грамоте, другой читает книжки, третий ходит на курсы и лекции,— это все работа на общую пользу, потому что общая польза требует от рабочих знания и образования.

Иной работает в свободные часы в партийных или советских организациях, — это тоже на общую пользу.

Иные записались в Красную гвардию, другие обучаются военному делу. Эти тоже правильно осуществляют лозунг восьмичасового рабочего дня.

А тем, кто все свободные часы празднует без всякого дела, сами рабочие скажут:

— Плохой ты, братец, товарищ! И даже не товарищ, а так что-то вроде травы на дороге. Пока ездили на тебе колеса капитала ты гнулся к земле и терпел. Теперь ты распрямился, но что толку от тебя? Разве ты укрепляешь наше положение? Ни капельки!

И если капиталистической телеге удастся вновь попасть

нам поперек дороги, то ты не задержишь ее, а опять склонишь покорную голову.

— Стыдно, братец!

«Беднота», № 3, 29 марта 1918 г.

ПЛОХИЕ СЛУХИ

С Волги идут плохие слухи.

Как известно речной флот национализирован. Капиталистам пришлось распрощаться со своими пароходами и баржами. Хозяйской палки нет больше над судорабочими.

Тут то бы и развернуться рабочей силе! Тут то бы и расцвести организованности! Тут то бы и приняться за работу вплотную!

Ведь это уже не на капиталиста работа, а на свое общее рабочее дело!

А работа спешная: вскоре вскроются реки, начинается навигация. Нужно приготовиться, поспеть с ремонтом судов.

Думали: закипит теперь работа по ремонту.

А вышло по слухам наоборот: судорабочие проявили мало сознательности, мало старания. Есть немало и старательных и сознательных, да их не слушают.

И все идет тяп да ляп. Даже не скалывают льда вокруг судов.

А при ледоходе судам грозит опасность.

Благодаря несознательности рабочей массы, говорят, волжскому транспорту грозит развал.

Неужели и впрямь наши волжские товарищи судорабочие не могут жить без хозяйской палки?

Буржуазия уже, говорят, радуется и ждет: вот скоро позовут нас назад, вернут нам все пароходы.

Не так-то скоро, господа!

Ведь если волжские судорабочие заскучали по палке, то палка найдется не только в руках буржуазии, а и в руках крестьян и рабочих.

Крестьяне и рабочие через свои советские организации будут действовать, чтобы рабочие не скучали.

И пожалуй, их действия будут посильнее, чем действия буржуазии. Ведь все сознательные судорабочие прибудут в этом деле на помощь Советам.

Вот сознательные железнодорожники уже пришли на помощь Советам. Они признали правильным постановление Совета народных комиссаров, чтобы не все управления дорогами были выборные.

Если верно, что в волжском флоте развал, то, конечно, будут приняты Советом народных комиссаров энергичные меры.

Нельзя же Волгу оставить без пароходов.

Но может быть все эти слухи о развале в волжском флоте неверны или преувеличены?

Просим судорабочих и пароходных служащих писать в газету «Беднота», что у вас делается: все ли идет хорошо? А если что нехорошо, то по какой причине?

«Беднота», № 4, 30 марта 1918 г.

О ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ

Составлена на 1918 г. смета расхода и дохода Северных железных дорог.

На этих дорогах не было военных действий. Они в лучшем положении, чем другие дороги.

По смете доход ожидается за год 168 млн. рублей, а расхода 417 миллионов. Значит на лучших дорогах убытка будет почти 250 миллионов рублей в год или больше 20 миллионов рублей в месяц.

А по всем вообще дорогам убытка будет на многие сотни миллионов рублей в месяц.

Эти сотни миллионов можно добыть путем налогов, частью на буржуазию, а больше на крестьян и рабочих.

Ведь помещиков уже нет, а буржуазия дышит на ладан.

Выходит, что рабочие всех профессий и крестьяне попадают в кабалу железным дорогам. Должны будут платить огромные суммы налога на поддержание дорог.

Конечно, не все эти расходы пойдут на уплату жалования рабочим и служащим. Большая доля пойдет на топливо, железо и всякие материалы.

А все-таки товарищам-железнодорожникам тяжело будет на душе: как будто они не окупают своего жалованья и сидят на чужой шее.

Обвинять железнодорожников будет несправедливо. Конечно, им придется подтянуть себя, придется работать более внимательно и старательно.

Но как бы они ни старались, они ничего одни сделать не смогут. Нужны общие меры. Нужно содействие всего населения.

Прежде всего мы все должны смотреть на железную дорогу, как на свое общественное дело, а не как на дело капиталистов, наживающихся на счет населения.

Мы должны всячески беречь дороги. Думать о том, чтобы дороги выручали побольше.

А мы привыкли смотреть по-иному: разве каждый из нас не норовил раньше, например, проехать без билета?

Раньше от безбилетных пассажиров был убыток капиталу и барской казне. А теперь убыток рабочим и крестьянам.

Раньше мы мирволили безбилетным пассажирам. А теперь должны смотреть на них как на людей, обкрадывающих рабоче-крестьянскую кассу.

Кто норовит проехать теперь без билета, тот поступает не лучше, чем железнодорожные жулики, ворующие кошельки из карманов и вещи пассажиров.

Нужны будут и многие другие меры, чтобы железные дороги не лежали бременем на шее рабочих и крестьян.

Об этих мерах скажу в другой раз.

«Беднота», № 5, 31 марта 1918 г.

О ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ

Северные железные дороги дадут в 1918 г. 20 миллионов рублей в месяц убытка. А все дороги по всей России дадут убытка около 400 миллионов рублей в месяц.

Если придется пополнить этот убыток из налогов и податей, то можно сказать, что железные дороги сожрут Россию, проглотят чуть не все плоды наших трудов и этим погубят свободу.

Нужно искать спасения. Нужно, чтобы железнодорожники и публика относились к железным дорогам более заботливо и бережно. Этим хоть немного сократятся расходы.

Но одним этим мы не спасемся.

Нужно устранить главную основную причину железнодорожных убытков.

Эта причина ясна и всем известна.

Дело в том, что плата за провоз пассажиров и грузов безобразно низкая, разорительная для дорог.

Против довоенного времени цена на топливо и материалы, а также заработная плата возросли раз в десять.

А тарифы подняты всего в два раза.

Это значит, что в сущности тарифы стали в пять раз ниже, чем было до войны.

Тарифы не окупают расходы по перевозке.

От каждого лишнего пассажира, от каждого нового пуда груза убыток железных дорог увеличивается.

А зная это, железнодорожники не могут проявить большего стремления к исправлению дорог и упорядочению движения.

Чем исправнее будет дорога, чем упорядоченнее будет движение, тем больше будет убыток.

При теперешних тарифах выгоднее всего было бы совсем

прекратить движение всех товарных и пассажирских поездов. Убыток был бы меньше.

Как ни кричите против повышения грузовых и пассажирских тарифов за перевозку по железным дорогам, как ни плачьтесь на дороговизну, а повышение тарифов неизбежно.

Иначе — гибель.

Теперь каждый месяц со всех железных дорог едут в столицу депутации с требованием денег на расходы. Одна дорога требует 20, другая 40 миллионов рублей в месяц, а иные и больше.

Льются из центральной крестьянско-рабочей кассы сотни миллионов каждый месяц на покрытие железнодорожных убытков. И все-таки положение дорог становится с каждым днем хуже.

Нужно или вовсе разрушить железные дороги, или повысить плату за проезд и провоз. Иного исхода нет.

И медлить с повышением тарифов нельзя.

«Беднота», № 6, 1 апреля 1918 г.

РАБОЧИЕ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Главное дело у нас сейчас — повышение производительности труда. Без этого нет спасения для обнищавшей, разоренной России. Этим вопросом сейчас озабочены все, кому дороги интересы свободы и революции.

Политическая власть вырвана из рук буржуазии. Буржуазию уже возможно бы стереть с лица русской земли, как стерли помещиков.

Почему же большинство предприятий остается еще в руках буржуазии?

Единственно потому, что неизвестно, справятся ли с делом рабочие, если буржуазию прогнать.

Чтобы справиться с делом самим, от рабочих требуются два качества: уменье работать и желание работать.

В деле умения, конечно, рабочим не обойтись без ученых специалистов, без инженеров и техников, работающих под надзором рабочих.

Это можно бы наладить.

Хуже стоит во многих случаях вопрос о желании работать.

Тут среди рабочих наблюдается два течения.

Сознательные рабочие понимают, что необходима на фабрике дисциплина и самая энергичная работа.

А несознательные рассуждают так: поскорей бы урвать побольше и куда-нибудь уйти. Это как в анекдоте об одном дурне, которого спросили:

— Что ты сделал бы, если бы стал хозяином фабрики?

А он ответил:

— Я бы украл сто рублей и убежал.

Между сознательными и несознательными рабочими идет борьба. Иногда она принимает интересную форму.

В одной большой железнодорожной мастерской выбранный самими рабочими комитет установил очень строгие правила внутреннего распорядка. Рабочие сместили комитет и выбрали новый.

Второй комитет первым делом подтвердил правила, установленные первым комитетом. Рабочие опять заволновались, сместили второй комитет и выбрали третий.

И третий комитет подтвердил правила, установленные первым комитетом.

Тогда и несознательная масса поняла, что без строгих правил внутренней дисциплины не обойдется. И подчинилась правилам.

Сразу производительность труда в мастерских повысилась.

К сожалению, не везде, как видно, дело обходится так благополучно.

Металлисты считаются среди рабочих самыми сознательными. Но и среди них, как видно, немало людей похожих на того дурня, что, ставши хозяином фабрики, собирался украсть сто рублей и убежать.

Против таких слабоумных товарищей идет борьба среди самих же металлистов.

Вопрос о поднятии производительности труда обсуждался и в Центральном комитете всероссийского союза металлистов. Значит, сами металлисты берутся за дело. Что же они предлагают?

Первое. Они предлагают допустить сдельную оплату труда.

При капитализме рабочие всегда борются против сдельной оплаты. А капиталисты предпочитают ее поденной или помесячной оплате.

Но когда производство вырвано из самовластных рук капитала, тогда положение изменяется.

Рабочим приходится вести борьбу против тех, кто желает получить плату и работать меньше товарищей. От таких рабочих теперь убыток не капиталисту, а самим же рабочим.

Второе. Установление нормы выпуска, чтобы высота заработка зависела от успешности выполнения норм.

Не хочешь выполнять норму — получай меньше, а не празднуй за счет своих же товарищей.

Третье. Подбор рабочих по признаку технической приспособленности и дисциплинированности.

Значит, если не хочешь подчиняться товарищеской дисциплине, то уходи вон с завода.

Это сейчас очень важное требование. Ведь интерес капиталистов сейчас состоит в том, чтобы доказать будто рабочие без буржуазии не смогут обойтись.

Капиталисты будут подкупать для этого провокаторов, которые должны подбивать рабочих к нарушению дисциплины, к разговорам и митингам в рабочие часы и прочее подобное. Рабочие должны теперь очень подозрительно относиться к нарушителям дисциплины, а неисправимых изгонять из товарищеской среды, как раньше изгоняли штрейкбрехеров.

Четвертое. Специализация и увеличение числа техников-инструкторов.

Пятое. Введение системы регистрации работ.

Из этих предложений Центрального комитета всероссийского союза рабочих металлистов ясно, что товарищи металлисты не собираются шутки шутить, а взялись за дело.

Буржуазии сейчас выгодно расстраивать производство на заводах и фабриках. Буржуазия и меньшевики стремятся показать, что без буржуазной палки рабочему не прожить.

А рабочие все больше начинают понимать, что сейчас первая их забота — помешать коварному замыслу меньшевиков и капиталистов разрушить производство, чтобы потом восстановить политическую власть и экономическую силу буржуазии.

Но меньшевики и капиталисты, как говорится, считали без хозяина. Теперь хозяин — весь пролетариат. И своей хозяйской рукой он сумеет наладить дело.

«Известия» ВЦИК, № 64, 3 апреля 1918 г.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КОНТРИБУЦИЯ

Начинают выясняться ожидаемые в 1918 году результаты нашего железнодорожного хозяйства.

По частным железным дорогам ожидается дефицит около 1600 миллионов, а по казенным (их больше) около 3000 миллионов. Всего убытков будет около 4600 миллионов рублей в год или около 400 миллионов рублей в месяц или около 13 миллионов рублей в день.

Откуда взять эти деньги, чтобы покрыть этот колоссальный убыток? Сможет ли все население России вынести на своих плечах такую контрибуцию в пользу железных дорог?

Не будет ли выгоднее продать дороги на слом и вернуться к гужевой перевозке по-старинному?

Конечно, без железных дорог в наше время обойтись невозможно.

Но и платить контрибуцию в четыреста миллионов рублей ежемесячно тоже невозможно.

Как же быть?

Буржуазия, конечно, прежде всего в таких случаях заговорила бы о сокращении жалования рабочим и служащим.

Но жалование железнодорожников и теперь, после всех прибавок, только-только что достаточно, чтобы сводить концы с концами. Конечно, самодержавие и правительство Керенского не остановилось и перед тем, чтобы держать железнодорожников на совсем голодных окладах и вымотывать из них все жилы.

Такой порядок вернулся бы, если бы власть от Советов перешла к Учредительному собранию или к иному какому-либо буржуазному правительству.

Тогда железнодорожников принудили бы работать за голодную плату юнкерскими штыками.

Советская власть, конечно, не пойдет по этому пути (не даром ее так ненавидят меньшевики, зовущие к возврату власти капиталистам).

Не значит ли это, что никакое сокращение расходов по железным дорогам невозможно?

Я думаю, что нет. Если товарищи-железнодорожники поймут, что они должны всячески экономить и беречь железнодорожное добро, то они кое-что сделают.

Может кое-что делать и публика, если тоже поймет, что она заинтересована в уменьшении железнодорожных дефицитов.

Но всем этим не покроешь, конечно, ежемесячного недобора в 400 миллионов рублей.

Многие думают, что недобор получается только от расстройства самих дорог. И это не верно.

Северные железные дороги подверглись наименьшему расстройству. Между тем, и по ним также ожидается дефицит: дохода 168 миллионов, расхода 417 миллионов, недобор около 250 миллионов рублей.

Расход по северным железным дорогам больше, чем вдвое, выше чем доход. Это — такой громадный дефицит, которого не объяснишь никаким расстройством. И такие дефициты (может быть немного меньше) будут получаться ежегодно, а не только в 1918 году.

Дефициты по 4 миллиарда в год—ведь это равносильно платежу процентов по долгу в 80 миллиардов! Это — контрибуция, которая не снилась, кажется, даже и германским авторам брестского договора!

Коренной источник железнодорожного дефицита заключается в том, что железные дороги, можно сказать, работают даром, бесплатно.

В самом деле. Вследствие падения курса рубля и других причин расходы железных дорог на топливо, материалы и рабочую силу возросли раз в десять. А тарифы повышены раза в два. Значит, тарифы стали в сущности в пять раз ниже, чем были до войны.

Если бы до войны кто-нибудь предложил понизить тарифы в пять раз, то ему возразили бы, что он предлагает возить даром.

Вот такая даровая перевозка и существует в настоящее время.

От увеличения пассажирского и грузового движения положение дорог не улучшится, а ухудшится: если перевозят даром, то чем больше будут перевозить, тем больше будет убыток.

Выгоднее всего для железных дорог вовсе прекратить перевозку всяких грузов и особенно перевозку пассажиров.

Разговор о повышении тарифа идет давно. Необходимость повышения очевидна и бесспорна.

Но есть, к несчастью, и противники повышения. Они не могут привести в защиту своего мнения никаких серьезных доводов. Им просто страшно повысить.

И они не видят, что в своем страхе перед чучелом зверя они бросаются прямо в пасть живому, зубастому зверю.

Этот живой зверь — дефицит в 4600 миллионов.

Этот зверь сожрет всю рабочую и крестьянскую Россию, если его не уничтожить.

А повышение тарифа — это только чучело зверя, потому что при повышении нынешних тарифов еще вдвое или втрое тарифы реальные будут все-таки ниже, чем были до войны.

Это, повидимому, понимают в душе противники повышения тарифов и потому прячутся в последний свой окоп. Они говорят:

— Раньше нужно хоть сколько-нибудь наладить действительное взимание хоть старого тарифа, а потом уже повышать его.

Смешной довод! Назначьте за проезд от Москвы до Петрограда плату в одну копейку — и тогда можете быть уверены, что ни один железнодорожный служащий не станет возиться с взиманием этой копейки: не стоит хлопотать, не из-за чего рук марать.

Напротив, повысьте тарифы немедленно—и тогда всякий

железнодорожник поймет, что взимание платы за проезд и провоз — дело серьезное, а не детская игра.

Тогда много быстрее пойдет упорядочение движения и взимание платы.

Во всяком случае, повышение тарифов — дело неотложное. Каждый день промедления обходится общенародной кассе во много миллионов рублей.

А разве у нас так много валяется этих миллионов, что не стоит обращать на них внимания? Разве рабочие не сидят месяцами без получки?

«Известия» ВЦИК, № 69, 9 апреля 1918 г.

ЖЕРТВЫ ГОЛОДА

Они везде вокруг нас,— жертвы голода. Нет особой голодной болезни. Но всякая болезнь спешит проявить себя резче и уносит больше жертв.

По столовкам щи из гнилой капусты да тухлая рыба. После обеда голоден иной раз больше, чем до обеда. И набиваешь себя огурцами, ягодами.

Сошло с рук десять, двадцать раз, а на двадцать первый попал в больницу с кровавым поносом (дизентерией).

Хотел бы поделиться больничными впечатлениями. Как сказалась на больничном деле в Москве новая, большевистская, крестьянско-рабочая власть?

Опрос в конторе. Имя, фамилия, возраст.

— Ваше сословие?—Какие же теперь могут быть сословия? Они отменены.—Но у нас старые карточки и вопрос этот имеется. Запишу «крестьянин». Ваше вероисповедание?

Тут, я окончательно возмутился. Имея несчастие родиться от православных и при самодержавии, всю жизнь не мог вырваться из поповских лап. Протестую против всякой записи о вероисповедании. Ставят черту. Но затем все-таки пишут «православный». Значит, в случае смерти здесь меня за шиворот потянут в поповское царствие небесное. А еще попы жалуются, будто большевики их обижают.

В палатах для больных почти в каждом углу полки с десятком православных икон. Рядом со мной лежит лютеранин, дальше — мусульманин, еврей, старообрядец,— для них ничего нет. Все это называется «отделением церкви от государства»...

Перехожу к другим условиям жизни в больнице. Дизентерия — ужасно тяжелая и неприятная болезнь. Непрерывно из тебя тянет с мучительными болями. В клозете места всегда заняты. Кто послабее — делает около кровати в горшок, а многие и прямо в постель.

«Няни» несут работу каторжную: того посади, другого сними, за третьим подотри, вынеси, перемени простыню. Они же кормят, разносят пищу. Иногда в одной руке тарелка с пищей, а в другой грязный горшок.

Няни моют и горшки, и тарелки, миски и стаканы. Жалуются:

— Все руки у нас опаршивели, а мыла не дают.

После дежурства няни так и домой идут с немытыми руками, только сполоснув их под краном.

Доктора жалуются:— Не только няням, но и нам, врачам, не дают мыла, даже в родильном отделении. Можете себе представить, как это отзывается на роженицах!

Неужели в Москве нет мыла?

К первому обеду я опоздал. А на ужин подали кашу из гороха. Я знал, что больным дизентерией в острый период ничего нельзя есть, кроме рисового отвара и киселя из черники. Не ел ничего уже три дня, и от гороха, конечно, отказался. Думаю, что этим спасся. А другие ели, не зная. Указываю доктору. Он отвечает: вы же знаете, что голод. Не то что дизентериков кашей, а приходится иной раз кормить тифозных щами.

— Но ведь это значит прямо отправлять больных на тот свет!

— Без питания тоже нельзя. Думаю, что доктор не прав. Лучше поголодать лишнее, чем отравляться.

Во всяком случае нужно предупреждать каждый раз каждого больного, что лучше ему этого не есть. Да и питание кое-какое имеется кроме вредной гороховой, гречневой и пшенной каши.

Дают по кружке молока. Молоко чудесное, жирное, густое, как сливки.

Вижу, как мучится сосед после гороха, вдвое больше, чем раньше. Говорю доктору (он не большевик):

— Доктор! Не можете ли написать ему рецепт на покупку риса в кооперации: там по рецептам продают. Доктор рассердился:

— Ну, подумайте, говорит,— что же это за безобразие. Для больниц у продовольственного комитета нет риса, а для кооперации есть.

В самом деле, скажите, господа продовольственники: почему у вас нет риса для пролетариев, мучающихся в больницах, и есть рис для пайщиков буржуазной кооперации? (Это факт. Мне грешному человеку, самому доставили из «кооперации» по рецепту 2 фунта риса).

Среди нянь и больных много разговора вот о чем. Такой-то больной почти совсем оправился, но жена принесла жа-

реной картошки. Он поел, к вечеру рвота, боли, а утром попал в покойницкую. С другим то же от селедки и т. п.

Между тем у посетителей не осматривают, что они приносят. Необходим организованный осмотр и предупреждение посетителей, что можно, чего нельзя.

А то ведь иные приносят даже огурцы,— верную смерть для больного дизентерией. А один при мне ел колбасу.

Эпидемия, кажется, идет на убыль. Число больных понемногу уменьшается. Одни выздоравливают, другие—умирают. Умирают крепкие на вид, молодые, вчера еще полные сил. Доктора говорят:

— Это все на почве голода: всякая болезнь принимает более серьезную форму. Организм настолько ослаблен, что не способен оказывать сопротивление болезни.

Сколько их теперь,—незаметных жертв проклятого голода. Того голода, который искусственно поддерживают «союзники» и белогвардейцы, отрезавшие нас от Сибири.

«Вечерние известия»[1], № 43, 7 сентября 1918 г.

О НАШИХ ГАЗЕТАХ

По поводу статьи т. Ленина

В № 202 «Правды» появилась статья т. Ленина,— первая после того, как врачи позволили ему работать[2].

Статья очень сжата, конспективна; видно, что у автора куча мыслей, которые он торопится высказать. И видно также, что «характер наших газет» задел его за живое.

Мне хотелось бы в ней кое-что подчеркнуть и иллюстрировать.

И прежде всего — подчеркнуть ее революционный характер. Без критики нет революции.

И наши газеты, если они не допускают простора самокритике, не являются революционными газетами.

А много ли у нас простора самокритике?

В редакции «Известий» заявляют: мы — официальный орган ЦИК и должны проводить только линию, принятую ЦИК. А в «Правде» говорят: мы — официальный орган партии и должны проводить только решения партии.

---

[1] «Вечерние известия» — официальный орган Московского Совета, рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, выходил (с 18 июля) в 1918—1919 гг. М. С. Ольминский был одним из активных авторов газеты. — Ред.

[2] Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 212—214,—статья «О характере наших газет».— Ред.

Отчасти (хотя в меньшей мере) тот же взгляд на задачи печатного органа проводится и другими редакциями.

Отсюда — сплошная официальщина, сухость, скука, повторение задов.

Революционный дух стал чужд нашим газетам. Они больше всего напоминают теперь печальной памяти «Губернские ведомости», «Епархиальные ведомости» и «Правительственный вестник».

Верно подмечена т. Лениным и другая сторона наших газет: «побасенки, хвастовство» и «шарлатанские фразы, на которые «мы» такие мастера».

Вражеская печать придушена. Нет соперничества между газетами. Нет противника, который сейчас же уличил бы вас, осмеял. Это — опасное положение для нашей печати. Оно требует сугубой осторожности и тщательной критики при печатании всякого рода сообщений.

Этой осторожности, этой критики так мало, что сплошь и рядом печатаются сообщения, прямо противоречивые. А временами встречаешь такое, что хочется бросить газету и не читать дальше.

Тов. Ленин верно отметил наличность «хвастовства» в наших газетах. Остается лишь добавить, что доверие к нашим газетам уже сильно подорвано...

В заключение отмечу еще одну черту наших газет, на которую указывает т. Ленин. Он говорит:

«У нас мало внимания к той б у д н и ч н о й стороне внутрифабричной, внутридеревенской, внутриполковой жизни, где всего больше строиться новое, где нужно всего больше внимания, огласки, общественной критики, травли негодного, призыва учиться у хорошего».

Не знаю, вспоминал ли тов. Ленин, когда писал эти строки, старую питерскую «Правду» (1912—1914 гг.) с богатейшей животрепещущей рабочей хроникой. Во всяком случае, чтобы получить то, чего справедливо требует т. Ленин, нужно итти по тому пути, по которому шла тогдашняя редакция «Правды»: нужно посадить на рабочую хронику достаточное количество хороших партийных работников для преима рабочих и для разбора и обработки писем рабочих.

В старой «Правде» жизнь кипела по вечерам, когда рабочие кончали работу; толпилась куча народа; у нескольких столов «принимали» хронику, разъясняли, записывали устные сообщения, переписывали неразборчивые рукописи.

Делается ли теперь что-либо подобное в наших газетах? У меня такое впечатление, что не делается.

«Вечерние известия» Московского Совета, № 59, 28 сентября 1918 г.

Остатся пожелать, чтобы указания т. Ленина были серьезно приняты во внимание.

ОКТЯБРЬСКИЕ ГОДОВЩИНЫ

Мы собираемся праздновать первую годовщину пролетарской революции 1917 г.

Октябрьские события минувшего года, несомненно, принадлежат к числу крупнейших этапов всемирной истории.

Но блеск этих событий не должен заслонять от нас, не должен уничтожать в наших глазах значения того, что предшествовало им, что подготовило их, что прямым путем привело к ним российский пролетариат.

Слишком короткая историческая память — признак дикости и некультурности.

И сейчас, раньше чем праздновать годовщину Октябрьской революции 1917 г., было бы уместно и необходимо прежде всего освежить в памяти октябрь «красного» 1905 года, а кстати и весь этот «красный год».

Без 1905 года был бы невозможен 1917 год.

Вспомним начало «красного года», когда глухо клокотавшая лава пролетарского негодования вылилась на улицы Петербурга, когда и улицы были усеяны трупами рабочих и залиты пролетарской кровью 9 января.

Вспомним грандиозное эхо от петербургских залпов 9 января, донесшееся до пролетариата самых отдаленных углов России и отозвавшееся повсюду небывалыми забастовками и демонстрациями.

Вспомним броненосец «Потемкин»,—первый царский военный корабль, поднявший красное знамя и указавший в будущем путь для моряков балтийского флота.

Вспомним, наконец, и ту московскую «копеечную свечку»— небольшую забастовку в типографии Сытина, от которой вспыхнула вся пролетарская Россия и, опалив крылья самодержавного двуглавого орла, обратила его в жалкую курицу, легко дорезанную в феврале 1917 г.

Но кроме октября «красного года» следует вспомнить и октябрь 1911 г., когда возродилась петербургская партийная газета «Звезда», чтобы стать путеводной звездой пролетариата.

Подъем движения 1911 г., освещаемый «Звездой» и ее преемницей «Правдой», привел пролетариат прямым путем к нашей эпохе, когда гербом России стала пролетарская Красная звезда, навеки похоронившая самодержавно буржуазного орла в пучине презрения.

«Коммунар», № 5, 13 октября 1918 г.

ОДНО ИЗ САМЫХ ВОЗМУТИТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Трудно строится новая Советская Россия. К трудностям внешним присоединяется и наше собственное непонимание, неумение, незнание.

Но хуже всего, когда мы даже не хотим знать, не хотим понимать. В этом случае наша гибель, гибель всей пролетарской революции, неизбежна.

С фактом такого нежелания понимать приходится нередко встречаться, когда слышишь разговор о так называемых «кулаках».

Что же такое, наконец, «кулак»?

Кулаков мы не пускаем в Советы; с кулаками ведем беспощадную войну, как с кровопийцами, с эксплоататорами крестьянства.

Но мы не ведем и не вели войны с крестьянами-тружениками. Вести с ними войну — значило бы не знать и не понимать азбуки марксизма, значило бы рыть самим себе могилу.

Но так рассуждают только сознательные марксисты, действительные коммунисты. Совсем иное наблюдается среди людей, незнакомых с азбукой марксизма.

Помню, летом в одной партийной газете было напечатано, будто в таких-то волостях, — кажется, Орловской губернии,— девяносто процентов крестьян — кулаки.

Это — явная нелепость. Ведь, это значило бы, что там 90% эксплоататоров и только 10% эксплоатируемых, то есть девять капиталистов богатеют от эксплоатации одного труженика.

Ясное дело, что имеются советские деятели, не понимающие, что такое кулак и какую политику ведет советская власть по отношению к крестьянству.

Вскоре после появления этой корреспонденции, в «Правде» появилось специальное разъяснение по этому вопросу. Но одного разъяснения мало. Нужно долбить и долбить.

Например, в «Известиях» одного южного города мне попалось на глаза следующее сообщение. Вследствие дороговизны молока в городе местная власть сделала самое глупое, что можно было придумать: послала на базар милицию и заставила продать молоко за полцены.

Помню, что в следующий базарный день на рынке не появилось ни одной кружки молока. А «Известия» по этому поводу писали, что вот, дескать, как бессовестны деревенские кулаки,— не привезли молока.

Всякую деревенскую женщину, приносившую на базар крынку молока, зачислили в кулаки. Не подумали, что мо-

жет быть, она отбирает у голодных детишек последний стакан, чтобы скопить на покупку им рубашечки.

А вот еще факт того же порядка наиболее возмутительный. В № 89 «Известий Льговского уездного совета раб. и кр. деп.» от 26 ноября, под заголовком «Революционный налог» напечатано следующее сообщение:

«В заседании 20 ноября с докладом о единовременном революционном налоге выступил т. Казацкий. В основу разверстки налога были положены статистические данные Курской казенной палаты. Лица, живущие в деревне и подлежащие налоговому обложению, были распределены на две категории: на богатеев-кулаков и средних крестьян. К первой категории (кулаков) были причислены все лица, имеющие земли свыше 3 десятин на мужскую душу... Кулаки-богатеи уплачивают в среднем с каждого двора по 5.000 р., средние крестьяне — 1.000 р. Докладчик указывает, что большая сумма налога упадет на средние слои крестьян... Конечно, необходимо будет применять при взыскании революционные меры. Товарищ А. Рындин предлагает собранию проект обложения принять, окончательную же разработку деталей проекта поручить президиуму Губисполкома. Предложение т. А. Рындина собранием принимается».

Поистине, никакой белогвардеец не выдумал бы худшей клеветы на советскую власть, чем этот отчет, напечатанный в советских «Известиях».

Итак, в Льговском уезде объявлен кулаком, кровопийцей, эксплоататором каждый крестьянин, имеющий надел более 3 десятин на мужскую душу. В семье такого крестьянина может быть на одного мужчину пять женщин, семья может биться против нужды, как рыба об лед, — все равно: это «кулаки» и подавай 5.000 р. налога.

Неужели Октябрьская революция с лозунгом отобрания земли от помещиков произведена лишь для того, чтобы, наделив разоренных крестьян землею, объявить их кулаками-кровопийцами и начать новую войну против них?

Тов. Ленин на-днях на партийном собрании в Москве подробно разъяснил, как относятся марксисты к вопросу о мелких хозяевах-крестьянах [1]. Все провинциальные газеты должны напечатать этот доклад: необходимо обязать советских работников держаться марксистской, а не льговской тактики по этому вопросу первостепенной важности.

Недавно прокатилась волна крестьянских волнений в Тамбовской, Рязанской, Тульской и других советских губер-

[1] Речь идет о докладе Ленина на собрании партийных работников Москвы, 27 ноября 1918 г. См. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 307—323, «Доклад о мелкобуржуазных партиях». — Ред.

ниях. В корреспонденциях и отчетах об этих волнениях указывается нередко, что неправильные действия местных советских деятелей создали благоприятную почву для кулацко-белогвардейской агитации. Несомненно, что льговское понимание слова «кулак» широко распространено в провинции, и что такому пониманию соответствует политика местных советских деятелей. Таких деятелей следовало бы сажать на скамью подсудимых рядом с белогвардейскими организаторами деревенских восстаний за явное неподчинение политическим указаниям советского центра.

«Правда», № 262, 3 декабря 1918 г.

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ

Октябрьская революция призвала к творчеству новой жизни широкие массы населения, не умудренные опытом управления. Отсюда наши ошибки: не купаясь, не научишься плавать. Но в том и заключается один из секретов революции, что масса научается быстро исправлять собственные ошибки и, в конце концов, находит правильный путь.

Не могут не быть ошибочны и первые шаги в борьбе против уголовных и политических преступников. Одна из таких ошибок заключается в мысли, что суровостью наказания можно надолго заменить неизбежность наказания.

Эти условия оказались сильнее нас.

К прежним обесценивающим жизнь мотивам прибавился к тому же новый: беспощадная жестокость контрреволюционеров на Украине, на Дону и Кубани, в Заволжье и вообще всюду, где они брали верх.

Наконец, неустойчивость, слабость власти пролетариата в первые месяцы после победы и отсутствие аппарата для борьбы с грабежами вынудили применять беспощадную суровость по отношению к разбойникам, к героям всяких налетов.

Конец лета принес новый толчок: убийство Урицкого, покушение на Ленина, полоса белогвардейских восстаний,— все это подлило масла в огонь.

В результате пролетариат, творец жизни, больше всякого другого класса ценящий жизнь человека, поставленный лицом к лицу перед выбором: ты или я должен погибнуть, — во имя самой реальной, самой непосредственной самозащиты сказал: «ты».

Иного ответа быть тогда не могло.

Прошло три месяца. Несмотря на угрозу нашествия «союзников» всякому видно, что за это время советская власть

стала крепче, и для нее явилось больше возможности перейти от мер чрезвычайных к мерам защиты более нормального времени. Естественно поэтому подумать о наилучших методах борьбы с преступностью.

Эти методы имеют свою длинную историю. Все страны мира прошли через период самых жестоких наказаний, самого широкого применения смертной казни. Казнили когда-то везде, за всякую мелочь.

Но в конце концов везде убедились, что чрезмерная суровость наказаний не уменьшает преступности, а, напротив, сама плодит преступников. И идея беспощадной суровости наказаний постепенно уступила место идеям неизбежности их и пропорциональности.

Пропорциональность заключается в том, чтобы за более тяжкое преступление полагалось более строгое наказание. Например, неразумно применять одну и ту же меру к лицу, виновному в белогвардейском восстании, и к лицу, виновному только в агитации против советской власти. Одинаковость наказания толкает на большее людей, которые иначе ограничились бы меньшим.

Необходимость того, чтобы за более легкие проступки назначалось и меньшее наказание, всякому ясна, понятна и очевидна.

К сожалению, у нас теперь и эта очевидность не для всех служит достаточной сдержкой. Приходится слышать о расстрелах за такие, например, проступки, как мелкая кража, пьянство, «шулерское обыгрывание в карты» и т. п.

Для многих менее очевидной является большая важность неизбежности наказания по сравнению с его суровостью.

Как бы строго ни было наказание,— оно никого не удержит от преступления, если нет сознания его неизбежности. Если из многих преступников попадается только один, то на наказание смотрят как на несчастную случайность, от которой никто не гарантирован.

Поясню это любопытным примером. Когда в Петербурге на место конки ввели трамвай, публика по старой привычке продолжала вскакивать на ходу. Ежедневно несколько человек увечило на-смерть, но это никого не останавливало: авось да небось, а кто погиб, так по несчастной случайности.

Тогда был издан приказ: за вход и выход во время движения вагона штрафовать по 10 руб. В каждом вагоне поставили по городовому, и всякий стал рассуждать: не выгоднее ли дойти или доехать до остановки, чем платить за короткое расстояние лишних 10 руб.? Сразу прекратились вход и выход на ходу, прекратились увечья.

Теперь спросим себя: способствует ли чрезмерная строгость наказания тому, чтобы оно стало невозможно?

Как раз наоборот.

При смертной казни за пустяки почти каждый человек становится невольным укрывателем преступников.

Положим, вы видите кражу продовольственных карточек. Вы негодуете, готовы обличить преступника, пожаловаться на него, позвать милиционера. Но вас сейчас же остановит мысль: «ведь этим я вызову расстрел, загублю человеческую жизнь, стоит ли это делать из-за такой мелочи?»

И получится в результате, что угроза расстрелом ни одного продовольственного воришки не запугает, а напротив— больше обезопасит всех воришек и толкнет на воровство их более робких сослуживцев.

Мы, марксисты, лучше кого-либо другого знаем, что жизнь развивается путем противоречия. Например, капитализм, усиливая свое могущество, пролетаризуя все более широкие массы тружеников, сам себе роет могилу. Путем аналогичного развития жизни, путем противоречий получается и то, что чрезмерность наказаний облегчает преступление и порождает преступность.

К сожалению, специалистам по части борьбы с преступностью это далеко не всегда ясно. В этом, может быть, одна из причин того, что суд по более тяжким преступлениям передается не специалистам, а присяжным заседателям, совесть которых всегда оказывается более чуткой.

И для нас теперь, по мере того, как неизбежен переход от чрезвычайных мер управления к мерам нормальным, становится неотложным отделение розыскных и следственных органов от органов, выносящих приговоры и определяющих размер наказания. Чем скорее мы это сделаем, тем больше укрепим советскую власть.

«Вечерние известия», № 134, 27 декабря 1918 г.

1 МАЯ В РОССИИ

Далеко за городом, в лесу, среди болот, собралась группа петербургских рабочих, чтобы впервые отпраздновать день пролетарского праздника 1 мая.

Поставлены сторожевые пикеты. Ежеминутно может нагрянуть полиция, — и всех ждут годы тюрьмы и ссылки.

Ораторы-рабочие рассказывают, как празднуют свой праздник пролетарии в более свободных странах: они там не прячутся, а стройными рядами участвуют в демонстрации.

— Если не мы сами, то внуки наши добьются того же и в России,— думают слушатели.

Это было менее 30 лет назад.

Росло рабочее движение, и празднование 1 мая стало из лесных трущоб переливаться в рабочие кварталы. Воплощалось в жизнь то, что за десять лет раньше мерцало лишь в мысли, как манящая, лучезарная звезда в недосягаемой дали.

В 1905 году пролетариат уже увидел себя победителем.

Самодержавие разрушалось. Но буржуазия русская и французская спасла ненавистный престол.

Началась беспощадная расправа перетрусившей буржуазии и чиновников над пролетариатом, смертельно напугавшим всех эксплоататоров своими победами 1905 года.

В 1912 году русский рабочий вновь разгибает согнутую спину, встряхивает могучим плечом,— и опять трепещет буржуазия, в испуге мечется самодержавие в день 1 мая.

И пошло с тех пор, что к 1 мая, вместе с расцветом весны, расцветали и пролетарские силы, и таяла льдина эксплоататорской мощи.

Четверть века прошло со дня первого собрания рабочих в лесу под Петербургом,— и уже гордым победителем праздновал пролетариат свой день в 1918 году.

Самодержавие рушилось. Буржуазия раздавлена.

Русский пролетарий, так недавно завидовавший своему западному товарищу, звавший итти по его следам, теперь сам указывал дорогу.

Последние стали первыми.

Затрепетала не только российская буржуазия и не только российские тираны заскрежетали зубами в бессильной ярости, ужас и злоба заполонили душу буржуазии всего мира.

Объявлен всемирный крестовый поход против русского рабочего.

Льется кровь по всем окраинам, грохочут пушки, переливается золото в карманы авантюристов всех наций из сундуков буржуазии, ошалевшей от страха, ослепшей от ненависти.

А русский пролетариат все выше поднимает в день 1 мая свое алое, победное знамя.

В других странах пролетарское красное знамя — только символ солидарности пролетариев всех стран, символ надежды на победу общими силами. А у нас оно — знамя победоносного авангарда революции.

В других странах 1 мая — день проявления пролетарской силы против буржуазии преимущественно своей страны. А у нас этот день — день вызова на бой буржуазии всего мира. Не над своим уголком, а

Над миром знамя наше веет.

«Правда», № 192, 1 мая 1919 г.

В ДЕРЕВНЕ

Только что вернулся из поездки по восточным губерниям с председателем ЦИК тов. Калининым.

Не ожидая общей сводки материалов, собранных тов. Калининым о жизни в деревне, я хотел бы в настоящей статье обратить внимание на один из самых острых, самых больных вопросов деревенской жизни.

Это вопрос о пользовании лесом. Мы успели на этот счет издать достаточное количество правил, которые на бумаге могут быть очень хороши. Но во что они выливаются в жизни?

Вот далеко за Волгой Тлинская волость, в 18 верстах от станции Мелекес, Самарской губ. В волости превосходный чернозем, но нет лугов. Отступя от села верст на 8-12, на горизонте по всем направлениям чернеют леса. По дороге

от станции пришлось шесть верст ехать сплошным лесом. А в деревне — ни бревна, ни полена!

В течение всей зимы крестьянам не позволяли срубить ни одной жерди. Не из чего заменить сломавшуюся оглоблю.

Почему так?

Председатель уездного исполкома объясняет:

— При отступлении чехо-словаков главный лесничий ушел с ними и захватил с собою планы лесных угодий. Земельный отдел и лесной подотдел не могли разобраться, не имея планов, и рубка не разрешалась. Наконец, мы отдали приказ во что бы то ни стало отвести немедленно места для вырубки. Но тут случилась эвакуация, и земельный отдел в полном составе поспешил убраться. Так и осталось дело висеть в воздухе.

А крестьяне добавляют:

— За отсутствием покосов мы кормим скотину исключительно соломой, посыпая ее отрубями. А эту зиму пришлось солому извести на топку, и скот дохнет от бескормицы.

Это ли не рекорд, это ли не последний предел чудовищного бюрократизма? Ведь и без чехо-словаков и без саботажников планы могут всегда пропасть, сгореть, быть украденными. Но необходимо довести бюрократизм до последних пределов безумия, чтобы из-за пропажи планов обрекать на разорение сельское хозяйство целого уезда.

Переезжаем в Казанскую г., в Свияжский уезд. В деревнях крыши покрыты деревом, — ясный признак, что мы в лесной стороне. Но почему же все это крыши старые, потемневшие? Почему все новые крыши и все заплаты на старых — не деревянные, а соломенные? Какой гунн или чехо-словак ухитрился уничтожить все лесные запасы на пространстве целого уезда?

Увы! Это не гунны и не чехо-словаки виноваты, а советские бюрократы.

Крестьяне говорят:

— Просим на дрова или на починку ворот сарая—ничего не дают. Хоть землей топи! Инспектор лесов Ялухин на все просьбы отвечает: «Ни в каком случае не можем дать разрешения отдельным лицам». Поскорее бы раскрепостили!

А председатель уездного исполкома (коммунист) подтверждает:

Пора, как можно скорее, раскрепостить крестьян в лесном деле, а то — ось сломается, новую сделать — год волокиты. Были у нас мелкие кирпичные заводы; теперь нет их, потому что не дают топлива. Печь испортится, труба повалится,— нельзя достать ни одного кирпича, чтобы подправить. Нужно скорее разорвать этот узел.

В одной волости жалуются, что нет мази для колес. Объясняю, что нефтяные промыслы у нас отняты, и следует приналечь на производство дегтя.

— Да мы искони веков гнали деготь,—отвечают крестьяне, — а теперь нельзя, не позволяют собирать бересту.

Мы в Москве волнуемся, что нет нефти для трамвая и электрического освещения. А деревню советские бюрократы ведут к тому, чтобы крестьянин на немазанной телеге, со сломанными осями и оглоблями, на некормленой лошади пахал и возил хлеб на ссыпной пункт, а затем мерз бы в нетопленой избе, не имея возможности в разрушенной печке ни хлеба испечь, ни щей сварить.

В Берестинской вол., Тамбовской губ. (близ станции Сасово) бюрократы менее неуклонны: там отвели лес за двадцать верст от села (хотя имеется лес в трех верстах); выдали по $^1/_4$ кубической сажени на 3 двора на всю зиму, — все-таки хоть по губам помазали. И к погорельцу милостивы: «Сейчас не дадим, приходи в августе».

Сейчас крестьянин кончает пахоту и у него до покоса время свободное: отдохни, дружок! А в августе разгар страды — уже пострадай заодно и привези тогда лес для постройки!

—А как же у вас в случае экстренной надобности? Например, если ось сломается или нужно новое топорище?

— У нас тогда одно средство: украсть! Только и за кражу не хвалят, — —единодушно отвечает собрание граждан целой волости.

Не менее остро, чем вопрос о лесе, стоят в деревне сейчас вопросы о семенах для ярового посева, о спасении скота, о продовольствии и о красноармейском пайке. Общее направление существующих пут и необходимых мер тут приблизительно то же, что и в вопросе о лесе.

«Известия», № 103, 21 мая 1919 г.

ПЕРВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ КОММУНИСТА [1]

Дворянские и буржуазные правительства всячески стараются держать рабочих и крестьян на положении рабочей скотины. Работай свою работу и дальше не смей ни о чем

[1] «Первые обязанности коммуниста»—одна из серии статей, напечатанных в журнале «Красноармеец» в 1919 г. по вопросам программы и устава партии. Все эти статьи для нашего времени сильно устарели. Тем не менее одну из них мы включили в собрание сочинений М. С. Ольминского как образец популярного изложения серьезных вопросов, доступного, понятного широкой массе красноармейцев.—Р е д.

думать. А в свободное время тебе две дороги: или в кабак заливать вином черные думы, или в церковь слушать проповедь о покорности и надеяться только на райское житье после смерти.

Советское рабоче-крестьянское правительство заботится, как раз напротив, о том, чтобы весь народ управлял государственными делами.

При старом, рабском порядке появились и поговорки рабские: не в свое дело не суйся, уши выше лба не растут, всяк сверчок знай свой шесток, яйца курицу не учат и всякая дрянь в этом же роде.

При рабоче-крестьянском, коммунистическом правительстве все такие гнусные поговорки должны пойти насмарку. Напротив, мы говорим: во всяком деле участвуй, поднимайся выше, не сиди за печкой, живи своим умом.

Об этом говорится во многих местах программы коммунистической партии, и каждый коммунист и некоммунист обязан знать, чего требует партия от коммунистов.

При старых правительствах основу государственной власти составляли дворяне и буржуи. А теперь в России, как указано в программе партии, советская власть «превратила массовые организации именно угнетенных капитализмом классов, пролетариев и беднейших крестьян-полупролетариев, то есть громадное большинство населения в постоянную и единственную основу всего государственного аппарата, местного и центрального, снизу доверху».

Программа партии считает необходимым «постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством». Значит, не чиновники и не богачи, а все рабочие и крестьяне должны и сами принимать участие в управлении, и других привлекать к этому делу, а не то, что как прежде чиновник говорил: я — власть, и не смей мне указывать; наоборот, теперь каждый должен указывать властям, ежели что неправильно.

То же и в судебном деле: раньше в суде заседали чиновники, а теперь коммунистическая партия стремится, чтобы «все трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судейских обязанностей».

В области народного просвещения программа коммунистов ставит целью «привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения» и считает необходимой «всестороннюю государственную помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян».

Прежде школой ведали чиновники-инспектора, а родите-

лей старались не допускать к вмешательству в школьное дело. Теперь же, напротив, каждый взрослый человек обязан или участвовать в совете народного образования, или в работе библиотек, курсов, лекций, народных домов и тому подобное.

Привлечь поголовно всех трудящихся к управлению государством, к участию в суде и просвещении, конечно, очень трудно сразу, когда многие крестьяне и рабочие еще думают, как рабы, что «всяк сверчок знай свой шесток». Обязанность каждого коммуниста отвыкнуть от этой старой, поганой привычки ничего не знать, кроме своей службы или своего хозяйства. Чтобы отучить весь народ от старых, вредных привычек, программа партии признает необходимым «постоянное повышение уровня культурности, организованности и самодеятельности масс».

Чем больше будет повышаться культурность, организованность и самодеятельность рабочих и крестьян, чем больше станут они принимать участие в государственном деле, тем скорее пойдет, как сказано в программе, «дальнейшее сближение органов власти с массами трудящихся на почве все более строгого и все более полного осуществления этими массами демократизма на практике, в особенности же путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц».

Буржуазная власть всячески старалась поставить себя выше, отгородиться от народа, а коммунистическая партия стремится сблизить власть с рабочими и крестьянами. Старая власть старалась делать чиновников ответственными и подотчетными только перед начальством, а советская власть стремится к тому, чтобы все должностные лица сверху донизу были ответственны и подотчетны перед рабочими и крестьянами.

Всем известно, что в больших городах и на крупных заводах рабочие больше знают, больше понимают в политике, чем рабочие в мелких мастерских, в захолустных городах и деревнях, чем сельскохозяйственные батраки и средние крестьяне. Что же должны делать более развитые рабочие? Имеют ли они право, как дворяне, задирать голову перед своими более серыми товарищами из мелких мастерских и из деревенского захолустья? Нет, если ты задираешь нос или смеешься над серостью, то ты не коммунист, ты враг коммунистической партии, потому что программа партии требует «соединять теснее с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства».

Деревня во многом отстала от города, земледельцы отстали от промышленных рабочих. Получилась большая разница, даже противоположность между городом и деревней. Что же мы должны делать? Не отгородить ли промышленных рабочих от сельчан, чтобы деревенские не испортили городских? Нет, как раз напротив: не отгородить, а сблизить. Как сказано в программе, коммунистическая партия видит в уничтожении противоположности между городом и деревней «одну из коренных задач коммунистического строительства», и поэтому считает, между прочим, необходимым «широкое и планомерное привлечение промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии». Значит рабочий должен знать не только фабрику или завод, но работать и в сельском хозяйстве.

Вот значит каковы первейшие и главные обязанности каждого коммуниста. Прежде всего самому не сидеть, как сверчок под печкой, а в свободное от работы время во все вникать, участвовать во всяком общественном деле, готовить себя к занятию все более ответственных, самых высоких должностей в государстве.

А затем, вторая, такая же важная обязанность: не задирать нос, не заноситься над более отсталым или серым рабочим и крестьянином, не отгораживаться от него, а всячески сближаться с ним, прояснять его сознание, привлекать его к участию в управлении государственными и общественными делами.

Если ты не исполняешь этих своих первейших обязанностей, то ты не коммунист.

Журнал «Красноармеец» № 5, июль 1919 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ [1]

По вступлении в должность председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета товарищ Михаил Иванович Калинин предпринял поездки к фронтам: восточному, западному и южному.

Целью этих поездок было сблизить центральную советскую власть с местным населением и с органами власти на местах.

В этих видах устраивались, с участием т. Калинина и особых инструкторов от всех народных комиссариатов, объе-

[1] Настоящее предисловие дано к книге «Речи и беседы М. И. Калинина». Москва. 1919. ГИЗ.— Ред.

диненные заседания ответственных работников — советских, профессиональных, партийных и от фабрично-заводских комитетов. Сверх того, инструктора имели совещания, каждый с работниками своего ведомства.

Далее в городах, селах, на крупных железнодорожных станциях, на отдельных заводах, в казармах и в волостях устраивались митинги или собеседования с участием т. Калинина.

Всех поездок было три. Каждая продолжалась около трех недель.

Первая поездка была в мае, в момент наступления Колчака. Тов. Калинин посетил Симбирск, Казань, а также многие более мелкие пункты и волости губерний Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской, отчасти Тамбовской и Нижегородской и Рязань.

Вторая поездка состоялась в июне. Она охватила район западных губерний: Минской, Гомельской, Витебской, Смоленской, Калужской и отчасти Орловской.

В третью поездку (в июле) обслужены местности по линии Москва—Козлов—Саратов и в сторону от нее: вверх по Волге—Балакова, Баронск, Вольск, Хвалынск; к югу от линии—район Балашова, а также Сердобск, Баланда и многие другие пункты.

Все поездки произведены на литературно-инструкторском поезде «Октябрьской революции».

Стенографические записи речей и бесед т. Калинина в несколько сокращенном виде предлагаются читателю с той же целью, с которой совершались и самые поездки, то есть с целью сближения центральной советской власти с ее местными органами и с массой населения, разбросанной по бесчисленным городам и селам страны.

Само собой разумеется, что речи и беседы тов. Калинина не были посвящены каждый раз какому-нибудь одному специальному вопросу. Говорилось об общем положении и об общем направлении советской политики. Отсюда—неизбежность повторений и трудность охватить тему речи кратким заголовком. Для экономии места желательно было бы избежать повторений при составлении сборника речей и бесед тов. Калинина. Это отчасти и было сделано путем сокращения стенографических записей. Но вполне избежать повторений было невозможно: это сплошь и рядом значило бы обескровить речь или беседу и вместо связного изложения дать обрывки мыслей.

Сборник «Речи и беседы М. И. Калинина». 1919 г.

О КНИГЕ т. БУХАРИНА [1]

I

Книга т. Бухарина и т. Преображенского «Азбука коммунизма» приобрела у нас общеобязательный характер, стала как бы рядом с программой партии. В последнее время замечается стремление придать такой же общеобязательный характер и книге т. Бухарина «Экономика переходного периода». По поводу этой последней книги я и хотел бы высказать несколько замечаний, именно для выяснения того, насколько мнения, высказанные в ней, могут считаться обязательным для всех членов партии.

Все мы, поскольку являемся сознательными членами партии, являемся в то же время и марксистами. В предисловии к своей книге т. Бухарин на двух страницах три раза говорит о Марксе и марксизме; предисловие начинается заявлением, что цель книги — ниспровержение некоторых *якобы* марксистских представлений. А кончается предисловие словами: «Излишне распространяться о том, что путеводной нитью для автора был метод Маркса, метод, познавательная ценность которого только теперь стала во весь свой гигантский рост».

А как другие коммунисты оценивают марксизм?

Беру для примера статью «Программа меньшевизма. Маркс, Мартов и Гильфердинг» в № 73 «Правды» от 5 апреля 1921 г. Автор ее (Ил. Вардин) [2] приводит следующие слова из письма Мартова:

«Состояние мира сейчас настолько исключительно, настолько не укладывается в наши привычные схемы марксистского анализа, что вывести основную линию развития требует новой научной работы, которая во многом допол-

---

[1] Эта статья и последующий материал были вызваны рядом неправильных положений в известной книге т. Бухарина — «Экономика переходного периода». Книга заставила Ольминского забить тревогу. На первоначальном тексте статьи, сохранившемся в архиве М. Ольминского, имеется пометка: «послать тт. Сталину, Молотову, Ярославскому, Калинину, Бонч-Бруевичу, Батурину, Быстрянскому, в редакцию». Статья встретила со стороны автора «Экономики» резкую полемику. На одном из конвертов, где хранится рукопись статьи Ольминского, им сделана следующая пометка: «Моя статья эта была напечатана в журнале «Красная новь», с ругательными возражениями Бухарина и Пятакова — М. О.».

[2] И. Вардин (Ил. В. Мгеладзе), бывший член ВКП(б). Как активный троцкист исключался из партии. В январе 1935 года, в связи с убийством тов. Кирова, постановлением Особого Совещания при НКВД приговорен к заключению в концентрационный лагерь сроком на 4—5 лет, как участник контрреволюционной зиновьевской группы.—Ред.

нила бы и может быть изменила бы экономическую концепцию Маркса».

По поводу этой части письма Мартова т. Вардин иронически спрашивает:

«Так дополнить» и «изменить» марксизм?[1] Произвести «новую научную ревизию». Это очень интересно, мы всячески приветствовали бы такую «работу» меньшевизма, ибо здесь они окончательно разоблачили бы себя».

А в конце статьи т. Ил. Вардин с негодованием обрушивается на меньшевиков («социалистическую интеллигенцию») за то, что у нее на устах революционная фраза, а в частных беседах «полный отказ от марксизма, полный отказ от революции».

Нужно ли еще приводить доказательство того, что мы являемся резкими и беспощадными противниками всякого ревизионизма по отношению к учению Маркса.

Теперь обратимся к книге Бухарина. Вот что пишет он по поводу экономики наших дней, по поводу «хозяйства переходного периода»:

«При первой же серьезной попытке действительно научно овладеть той весьма беспокойной конкретностью, которую мы называем хозяйством переходного периода, мы натыкаемся на то, что старые понятия теоретической экономии моментально отказываются служить» (стр. 124).

Ни о какой теоретической экономии, кроме марксизма, между нами, марксистами, не может итти речь. Чтобы в этом не было сомнения, Бухарин на следующей же странице (125) ставит точку над i. Он поясняет:

«... Старые испытанные орудия марксистской мысли, отчеканенные Марксом на основе весьма реального существования соответствующих производственных отношений, начинают давать осечку. А в обиходе практической жизни они продолжают некритически рассматриваться, как средства действительного понимания явлений хозяйственной жизни».

Итак, по Бухарину, старые понятия марксизма теперь «моментально отказываются служить», старые орудия марксистской мысли «дают осечку», и необходимо относиться к ним «критически». А по Мартову, «состояние мира не укладывается в схемы марксистского анализа», и поэтому необходимо «изменить экономическую концепцию Маркса» из сопоставления цитат мы наталкиваемся на факт, казавшийся невероятным, — на тот факт, что и Бухарин, и Мартов оказываются в одном лагере, в лагере ревизионистов (критиков) по отношению к Марксу. Как это могло случиться?

---

[1] В газете здесь вместо знаков вопроса поставлены точки.—Ред.

В чем дело? В чем разница, или даже противоположность между Бухариным и Мартовым?

Уже одна только возможность постановки таких вопросов показывает, что дело тут серьезное, и что в нем следует разобраться раньше, чем рекомендовать книгу Бухарина в качестве общеобязательного руководства для молодых коммунистов и для партийных школ. Попробуем же разобраться.

Марксизму не впервой приходится подвергаться нападению со стороны людей, пытающихся доказать, что новые явления жизни не укладываются в марксистские «схемы», что марксистские понятия, орудия мысли «дают осечку». Так было, например, лет 20—25 назад, когда объединения капиталистов (от акционерных компаний до трестов) толкнули многих к «критике Маркса», к «ревизии марксизма». Ревизионисты продолжали прикрываться именем Маркса, называть себя марксистами, и в то же время не оставляли от марксизма камня на камне, оспаривая самые основы его. Дело, однако, кончилось тем, что марксизм оказался не поколеблен, а «критики» его оказались вне марксистского лагеря (а в России — вне пролетарской партии). Оказалось, в конце концов, что «дал осечку» не марксизм, а его критики. Были тогда и критики справа и критики слева.

Сейчас мы, очевидно, присутствуем при начале нового ревизионистского похода. К сожалению, разбирать ревизионизм Мартова здесь не приходится, так как мы знаем о нем только из отрывков письма, опубликованного т. Вардиным. Остается ограничиться рассмотрением книги Бухарина. И прежде всего естественно поставить вопрос: не раздуваем ли мы отдельно выхваченные, случайные фразы Бухарина?

К сожалению, приходится ответить: нет, приведенные из книги Бухарина фразы не случайны. Они не висят в воздухе. Они находятся в полном соответствии с общим содержанием книги. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с тремя последними главами ее. В главе 9-й автор перечисляет «основы методологии» марксизма и затем ставит вопрос ясно и определенно: насколько сохраняют свое значение эти основы по отношению «к периоду развала *капитализма и к периоду господства пролетариата*» (стр. 130, курсив автора). По отношению к каждой из основ он начинает с признания ее, но тотчас переходит к оговоркам, сводящим это признание к чему-то другому. Например, «общественно-объективный подход остается обязательным», но... «приобретает иной логический тон»; «материально-производственная точка зрения *в общем* (курсив мой.— *М. О.)* тоже остается обязательной», но... «она претерпевает суще-

ственные изменения и ограничения». «Диалектическо-исторический подход» (метод? — *М. О.)* «выпячивается на первый план», «диалектико-историческая точка зрения, которая выдвигает принцип постоянной изменчивости форм, принцип познания процесса, неизбежно должна быть подчеркнута при анализе эпохи, где происходят с небывалой быстротой прямо геологического типа сдвиги социальных пластов» (стр. 132). На самом деле диалектический метод вовсе не сводится к исторической точке зрения, к признанию только изменчивости, только процесса. Он не может ни «выпячиваться», ни ослабевать: он всегда и неизменно присущ марксистскому исследованию. Этого не может не знать Бухарин, сводящий диалектику к признанию изменчивости там, где все быстро изменяется. И, наконец, последняя из перечисленных Бухариным основ марксистской методологии («постулат равновесия») объявляется для нашей эпохи «недействительным».

Читатель уже знает из предисловия к книге, что «путеводной звездой» для автора был будто бы «метод Маркса». Теперь он может видеть, как расправляется Бухарин со своей путеводной звездой.

Не менее энергично расправляется он и с «некоторыми основными понятиями политической экономии», то есть с экономическим учением Маркса.

Понятие *товара*, по Бухарину, исчезает, поскольку на место стихии выступает «сознательный общественный регулятор»; в этой мере товар теряет свой товарный характер и превращается в продукт. В такой общей, абстрактной форме мысль Бухарина страдает только одним недостатком: в ней нет ничего нового. Весь вопрос именно в том, насколько овладел производством в настоящий период пролетариат, имеющий в руках политическую власть, насколько «сознательный общественный регулятор» действительно регулирует производство.

В свое время старые ревизионисты сорвались, между прочим, на том, что вообразили, будто бы «сознательный общественный регулятор», в лице буржуазных трестов, способен овладеть хозяйственной жизнью настолько, чтобы уничтожить некоторые марксистские «хозяйственные категории». Нашим ревизионистам слева грозит такая же опасность, но только не абсолютно, а относительно, для данного периода времени. Марксист шаг за шагом анализировал бы «текущий момент», и в зависимости от определения его решал бы вопрос, в какой мере отжило свое время понятие товара. Бухарин же для данного времени, без всякого анализа момента, решает, что марксизм «дает осечку»,

что марксистские экономические понятия отказываются служить «моментально».

«Моментально» отказалось служить ему понятие товара. Естественно, что так же моментально уже для наших дней, отказывается наш автор и от понятия меновой ценности, цены, денег, заработной платы. От марксизма остается одно воспоминание.

При моментальном решении о моментальной смерти марксистских понятий Бухарину нет надобности даже ставить вопрос о степени овладения производством со стороны пролетарского «сознательного регулятора»: для него полное торжество регулятора начинается, очевидно, с момента нарождения бюрократических учреждений, предназначенных к овладению производством. Пусть в этих учреждениях сидят спецы, — вчерашние владельцы предприятий или акционеры и их прислужники, высший административный и технический персонал буржуазных предприятий; пусть эти учреждения «овладели» не столько производством, сколько разрушением производительных сил; пусть, подавляющая масса населения в стране состоит из мелких производителей, производивших до сих пор преобладающую массу продуктов,—Бухарину это не важно: для него понятия товара, ценности, заработной платы, понятия денег, как всеобщего эквивалента ценности, моментально перестают служить.

Упраздняя марксистские экономические понятия, Бухарин для пущей убедительности путает ценность с меновой ценностью, меновую ценность с ценой (стр. 134 и 135) и на основании этого предлагает теперь же отказаться от применения понятия ценности, как выражения общественно-необходимого количества труда, кристаллизованного в продукте. Перед ним возникает необходимость представлять себе общественный процесс труда не в виде единиц кристаллизованного в продукте труда, а в виде натуральных продуктов: «перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т. е. рассматриванию и общества и его частей, как систем элементов в их натуральной форме», — говорит он.

Трудно итти дальше в проповеди освобождения от всяких руководящих начал в области хозяйственной политики! Ведь это значит проповедывать отсутствие всеобщей (одной для всех продуктов) счетной единицы. Вы можете сравнивать, например, результаты двух соседних хозяйственных периодов не по какому-либо всеобщему мерилу производительности труда, а только по изменению в производстве отдельных продуктов. Как при этих условиях определить

общий успех или неудачу, правильность или неправильность хозяйственной политики за данный период времени?

II

Освободившись от руководящих марксистских понятий в области марксистской методологии, как и в области экономики, т. Бухарин вынужден искать себе руководящей нити поведения в другой сфере, — в сфере своеобразной теории «внеэкономического принуждения» (глава X). Эта теория формулирована на стр. 146 Бухариным в следующих выражениях:

«С более широкой точки зрения, т. е. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Несмотря на все оговорки, мысль Бухарина кристально ясна. На вопрос, каков метод «выработки коммунистического человечества», он дает единственный ответ: внеэкономическое принуждение.

Вся «теория» — яснее ясного.

Для обоснования этой теории Бухарин выхватывает из Маркса отдельные фразы, говорящие о насилии, порабощении и разбое при образовании буржуазного общества, о методах перехода от феодализма к капитализму, покоящихся на самом зверском насилии, и т. д. — о том, что «насилие есть повивальная бабка всякого старого общества, которое беременно новым», что само насилие «является экономической силой». Все эти утверждения Маркса неоспоримы. Но нужно уже видеть и понимать, что не всякий разбой, не всякое насилие является одним из методов строения нового общества, а только то насилие, которое сопровождается новыми, усовершенствованными способами производства. Только в этом случае насилие может считаться «идущим по линии объективно развивающихся экономических отношений». Критерием здесь является рост или упадок производительных сил. И наша партийная программа, в соответствии с этим, в «области экономической» требует, «как главное и основное, определяющее собой всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил страны».

Для повышения же производительных сил, как и для «выработки коммунистического человечества», марксисты во-

все не склонны ограничиваться бухаринским методом каторги и расстрела.

В этом глубокий марксистский смысл того, что т. Ленин постоянно твердит о тракторах и электрификации.

Тракторы и электрификация важны и сами по себе, в своем конкретном виде, являются в то же время в устах Ленина символом, указующим марксисту путь «выработки коммунистического человечества из человеческого материала» предыдущей эпохи. Они вообще — символ усовершенствованных орудий производства; облегчая работу, поднимая производительность труда, они по самой своей сущности объединяют трудящихся. Вытесняя старые, индивидуально применяемые, орудия труда не угрозой расстрела, а вследствие своей большей продуктивности, новые орудия будут вместе с тем разрушать и вытеснять старую, индивидуалистическую психологию мелкого хозяйчика.

Именно в этом принципе вытеснения менее продуктивного, индивидуального труда более продуктивной коллективной работой построена и экономическая часть нашей партийной программы (справьтесь в ней в отделе «В области экономической» с § 4 об отношении к мелкой и кустарной промышленности, а также с отделом «В области сельского хозяйства»).

Конечно, было бы глупо и гибельно для дела революции отрицать насилие и принуждение в период острой (явной или скрытой) гражданской войны. Было бы противно коммунистической совести кормить трудоспособных паразитов. Здесь,—особенно по отношению к активным врагам,—нам приходится руководиться правилом: «расстреливай врага, если не хочешь, чтобы он повесил тебя». В такие моменты возможны,—иногда и необходимы,—случаи принудительной мобилизации трудящихся на работы, неотложные с общественной точки зрения. Но по мере ослабления борьбы, по мере укрепления пролетарского строя, неизбежно будет сокращаться область принуждения, будет уменьшаться острота его форм, так как принуждение является вовсе не методом выработки коммунистического человечества, а актом самозащиты. И очень не надежны были бы те коммунисты, которых загнали в коммунизм угрозой расстрела.

Между тем, ставши на точку зрения своего метода выработки коммунистического человечества и отказавшись от марксистского метода той же выработки, Бухарин неизбежно должен был докатиться до того, до чего докатился,— до поголовного принуждения, руководимого относительно небольшой частью коммунистической партии.

III

После всего сказанного, можно уже дать ответ и на вопрос, каким образом Бухарин, заодно с Мартовым, попал в лагерь ревизионистов, и какое все-таки остается между ними различие.

Мартов — ревизионист справа. Ревизионисты этого типа держатся за фалды буржуазии. Им жалко расстаться с буржуазным миром. Это заставляет их недооценивать революционные возможности. Когда же революция разражается, они не верят в нее, тянут назад и попадают в лагерь контрреволюционеров. Марксизм для них слишком революционен.

Бухарин — ревизионист слева. В своей законной ненависти к буржуазии и буржуазному миру он переоценивает революционные возможности. Он не считается с объективными условиями; он живет, поэтому, не настоящим, а только будущим. Характерна в этом отношении последняя глава его книги. В ней он говорит о том, чего должно или можно ожидать в будущем, но говорит о будущем в настоящем времени, как будто все ожидаемые завоевания уже достигнуты. Марксизм для него недостаточно революционен. Все, чего хочет душа, должно быть осуществлено сейчас, сию минуту. Он не хочет знать медлительных переходов строительства от этапа к этапу. И он «моментально» ликвидирует марксистские категории, воображая, что они уже ликвидированы жизнью.

Субъективно Мартовы и Бухарины — антиподы, полная противоположность. А объективно — они попадают в один лагерь ревизионистов. И их тактика ведет к одинаковым результатам: Мартовы задерживают революцию, а Бухарины, ставя невыполнимые для данного момента задачи, готовят фатальные неудачи, разочарование и внутреннее банкротство революции.

Марксизм же не сходит с реальной почвы, анализирует момент, учитывает объективные условия.

Здесь приходится поставить еще один вопрос: составляет ли книжка Бухарина результат его единоличных увлечений, или же тут вина коллективная, — может быть даже общая? Я склонен думать, что вина во всяком случае не индивидуальная.

Дело в том, что после Октябрьской революции часть нашей партии переживала период увлечения властью. Партийный съезд 1919 г. вернул увлекающихся в мир действительности, обусловливаемой прозой экономического развития. Казалось, что теперь для нас нет ничего невозможного: что захотим, то моментально и сделаем. Принятая на съезде

партии программа проникнута строго марксистским духом. К сожалению, она не всегда соблюдалась.

На последнем съезде т. Ленин указал, что декрет о кооперации противоречит программе, и предложил восстановить действие программы [1]. А сравните соответственные части программы с тем, что делалось в жизни.

Поэтому можно сказать, что не вина, а бессознательная заслуга Бухарина в том, что он попытался дать недавним увлечением части партии теоретическое обоснование и показал, к чему приводит нас, марксистов, наше настроение, идущее в разрез с марксистской программой.

После X съезда, с марта текущего года, партия вернулась к своей программе, и на этот раз, повидимому, возвращение к ней будет более прочным. А изучение своих прошлых ошибок всегда полезно и поучительно. Только с этой точки зрения и можно рекомендовать книгу Бухарина. В целом она — не столько научное произведение, сколько беллетристика, отражающая настроение части партии средины 1920 г.

«Красная новь», № 1, 1921 г.

---

[1] На X съезде партии в докладе по вопросу о продналоге Ленин говорил: «Связывать себе руки такой резолюцией (т. е. резолюцией, принятой IX съездом партии о подчинении кооперации Компроду.— Р е д.)— политическая ошибка. Отменяя резолюцию, мы говорим, что надо руководствоваться программой, которая подчеркивает значение кооперативного аппарата». Съездом принята следующая резолюция:

«В виду того, что резолюция IX съезда РКП об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется натуральным налогом, X съезд РКП постановляет:

Указанную резолюцию отменить.

Съезд поручает ЦК выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшали и развивали строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом». (Протоколы X съезда РКП. Стр. 566).— Р е д.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редакции 3

СТАТЬИ 1915 ГОДА

От автора 6
Передовица 10
Об ответственности 11
Из-за чего шум 11
В тот самый момент 12
Ответственный момент 13
В среде московской буржуазии 13
Роспуск Государственной думы 15
Рабочие и военно-промышленные комитеты 16
Новые взгляды 17
Бездомные 19
Прошлое и настоящее 20
Обход левого фланга 22
Новый министр о рабочем вопросе 24
Самозванные прокуроры 25

СТАТЬИ 1916 ГОДА

Недосев и сельские хозяева 27
Первые итоги 35
Облетели цветы 46
Дороговизна 51

СТАТЬИ 1917 ГОДА

Планы русских либералов 53
Что будет? 87
Вопрос о заключении мира 90
Дороговизна 91
Выборы в петроградское страховое присутствие 93
Либеральный блок и рабочий вопрос 94
Интересное разоблачение 96
Борьба за крепостное право 97
Еще о закреплении 99
Государственный совет о рабочих 100
В Государственной думе 101
Хорошая компания 104
Кто лучше? 104

Стр.
Письмо в редакцию 105
Возвращение крепостного права 106
От автора 108
Что в Германии? 110
Настороже 112
Против деспотизма 114
Хищники 116
Где взять денег? 117
Расстрелять? 117
Преступное покушение 118
Единение 119
Красное знамя 121
Второе нападение 122
Отрезвление 123
В Москве или в Петербурге? 125
О смысле русской революции 125
О земле 129
Где взять денег? 130
Смешная претензия 131
Сила событий 132
О провокаторе Черномазове 133
Два лагеря 136
Сорвалось! 137
Задача учредительного собрания 139
Что значит „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ 140
Из петербургских впечатлений 145
Дорого обойдутся 150
Потеряли равновесие 150
Где должен служить солдат? 152
Что натворили провокаторы 152
Чего они хотят? 153
Своя газета 154
Друзья Николая Кровавого 156
Первые предостережения 157
Кто лучше? 159
Наглядное обучение 160
Где царские капиталы? 160
Состав юридической комиссии 161
Разоблаченные агенты 163
Обструкция 164
Как обманывают крестьян 165
Положение в Петрограде 166
Рожковцы 168
За землю 169
Кусочек тайных договоров 170
Революция, мундиры и прочее 172
Люди белой кости 173
Смысл событий 175
По поводу „дня рабочей печати“ 178
Против выборности 179
О товарище Ленине 181
Разбой в Москве 183
В деревне 184
Кто сеет раздор? 187
Правда ли? 188
Имеют ли силу постановления Московского СРД? 189

Стр.

Товарищи рабочие и солдаты! 190
Опора самодержавия 191
От редакции 192
Кому права? 192
Откуда эти слухи? 194
Накануне чего? 194
Полная ответственность 196
Конечная цель 197
Об интеллигенции 200
Расследование необходимо 207
Мелкие неточности 208
Против правящей партии 209
Кто же охранник? 211
Солдатские письма о дезертирах 212
По поводу событий в Петербурге 215
В Петербурге и Москве 216
К читателям 218
По злобе 218
Предвыборная ложь 219
Кирсанов и Царицын 220
Виноваты большевики 222
К товарищам рабочим и солдатам (меньшевикам и социал-революционерам) 222
Политика медлительности 225
Наступление и биржа 226
Как восстанавливают самодержавие 226
Выборы в Москве 228
Старые средства 230
И нашим и вашим 231
Радуйтесь! 232
Результаты наступления 234
Разоблачения 236
Их борьба 237
Необходимое расследование 240
Против тамбовщины 241
Спешат 243
Ищут виноватого 244
За кем очередь? 245
Завещание 247
Поход против пролетариата 248
Получат ли землю крестьяне? 249
Петушком, петушком 251
Кто кому верит? 252
„Управа“ на Ригу 254
Одно из наших требований 256
Республика 257
Сдвиг 258
Перегруппировка 259
Правило 260
Тоже „социалисты“, тоже „революционеры“ 260
Помните о „Правде“ 262
Хороши 262
Чего хотят? 263
Против самодержавия 264
Бездомные 266
Из провинциальной жизни 267

Стр.
Мелкая буржуазия о Красной гвардии 268
Революция учит 269
С кем они объединились 270
Политическое объединение пролетариата 271
Восстановление департамента полиции 273
Это естественно 274
Как живут наши солдаты во Франции 275
Контратака против капиталистов 277
Учитесь у бакинцев 278
Посрамили большевиков 280
С этим не шутят 282
На правильный путь 282
Квартирный вопрос 283
Буржуазия готовится к наступлению 284
Среди социалистов революционеров 286
Народ лишают прав 289
„Партия порядка" 290
Первое выступление союза 291
Средства районных дум 292
Жилье для всех 294
Городские финансы 294
На очереди 297
Земля и земельные комитеты 298
Самодержавие капиталистов 299
Против пьянства 300
Берегите казну 301
Солдаты и буржуазия 303
О крестьянских газетах 304
Занятия в войсках 306
Сражение в Москве 308
Одна из первых задач фабрично-заводских комитетов 309
Организация войск 310
Интеллигентские мелодии и интеллигентское рычание 311
О плане демобилизации 314
Дела денежные 317
О демобилизации, дисциплине и Красной гвардии 319

СТАТЬИ 1918 ГОДА

Центральная крестьянско-рабочая касса 322
Дела денежные и финансовые 324
Что значит „вся власть советам"? 331
Положение центральной, крестьянской и рабочей кассы 334
Налог по разрядам 339
Нужно ли ждать указки? 341
Еще раз: ждать ли указки? 343
Как деньги „лежали" в банках 344
„Сфатул-церий" 346
О курсе рубля 346
Берите с нанимателей 348
Излишки товаров 351
За общее дело 351
Неверный шаг 352
Трудное время 355
Сплачивайтесь для работы 356

Стр.
Что значит восьмичасовой рабочий день 358
Плохие слухи 359
О железных дорогах 360
О железных дорогах 361
Рабочие и производительность труда 362
Железнодорожная контрибуция 364
Жертвы голода 367
О наших газетах 369
Октябрьские годовщины 371
Одно из самых возмутительных явлений 372
О преступлениях и наказаниях 374

СТАТЬИ 1919 и 1925 гг.

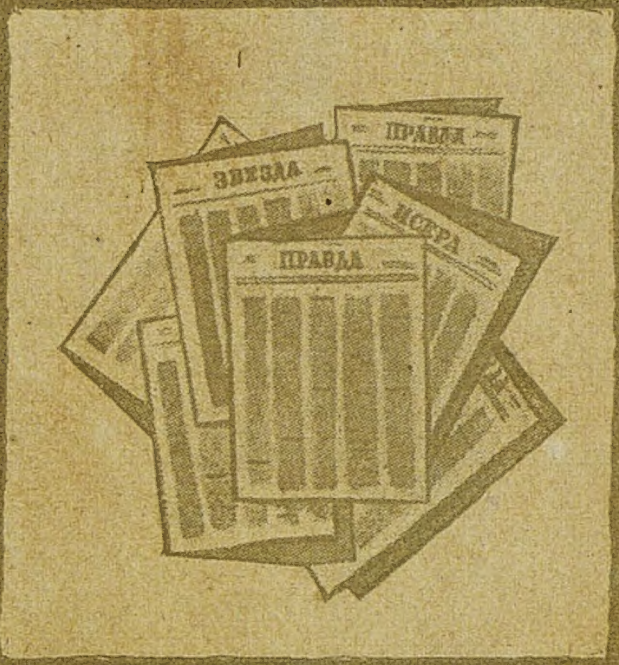
1 мая в России 377
В деревне 378
Первые обязанности коммуниста 380
Предисловие 383
О книге т. Бухарина 385

Ответств. ред. *П. Н. Лепешинский.* Техническ. ред. *И. И. Ионов.*

Сдано в производство 1/VIII—1934 г. Подписано к печати 28/I—1935 г. Формат бумаги 62×94 см. Печатн. листов 25. В печатн. листе 40.000 зн. Бумажн. лист. 12½. Тираж 5.000 экз. Заказ издательства № 114. Заказ типографии № 721. Уполномоч. Главлита Б—39920.

39-я тип. Мособлполиграфа, проезд им. Скворцова-Степанова, 3.

ЗВЕЗДА
ПРАВДА
ИСКРА
ПРАВДА


ЗВЕЗДА
ПРАВДА
ИСКРА
ПРАВДА